

КРИСТИНА ЮРАШ

РОЗА ДЛЯ
БЕССМЕРТНОГО
ПРИНЦА

Annotation

ДАРК ФЭНТЕЗИ. Мир разделен между тремя Великими Домами, но крестьянской девочке плевать. Она жила своей жизнью, пока не стала Великим Артефактом. Она застыла между жизнью и смертью, дни ее сочтены, а за нее развернулась нешуточная борьба. Бессмертные Лорд Дома Тьмы и Лорд Дома Тени желают заполучить ее, сделать пешкой в своей игре, подчинить и привязать к себе. Они играют в очень жестокие игры, давая ей надежду, что она хоть кому-то нужна, при этом сражаются за нее, как за игрушку, не считаясь с ее чувствами. Сломанная игрушка — это единственное оружие против бессмертных. Время идет, мир вокруг меняется, а маленький засохший бутон прекрасной розы, которому не суждено расцвести, искренне любит своих "покровителей", которые не могут спасти ее. Даже если бы захотели этого. Очень сильно.

В тексте есть: любовный треугольник и разница в возрасте, темный властелин, первые чувства

-
- [Кристина Юраш](#)
 -
 - [История и хронология мира](#)
-

Кристина Юраш

Роза для бессмертного принца

СИНОПСИС

Мир условно разделен на три фракции. Дом Тьмы, Дом Тени — вечный арбитр, Люди Анвеора (остатки Дома Света). Между домом Тьмы и Домом Света — холодная война. Дом Света регулярно провоцировал Дом Тьмы на открытое нападение, выставляя их исчадьями ада, и однажды Дом Тьмы принял бой. Дом Света был уничтожен. Теперь роль праведников взяли на себя Люди Анвеора, которые мечтают продолжить дело Дома Света. Дом Тени не вмешивается в войну, наблюдая за всем этим со стороны.

Некогда каждому дому достался осколок камня, при помощи которого можно создать бессмертного человека. Дом Тьмы воспользовался возможностью и наделил бессмертием маленького принца. На момент событий Домом Тьмы правит бессмертный принц-чародей Лорд Дивайн, который всячески избегает конфликтов. Его больше интересуют философия и книги. Король Дома Тени тоже бессмертный, но у него есть мечта — разгадать секрет бессмертия, сразить последнего Бога и занять его место. У Дома Тьмы тоже есть затаенная обида на Бога, который откровенно подыгрывал Дому Света в последней битве.

Самый молодой из бессмертных — Король Дома Тени, втайне заручившись поддержкой Дома Тьмы и ее правителя, нашел возможность сразить Бога. Для этого ему нужно человеческое тело без души, которое наделят силой отражать любую магию.

Алетиш всего 12 лет. Она живет в маленькой деревеньке в страшной нищете вместе с больной матерью, которая занимается знахарством. Из-за неудачного стечения обстоятельств мать Алетиш убивают, обвинив в темном колдовстве, а ее дочь забивают до полусмерти, оставляя умирать.

Именно ее тело по чистой случайности и послужило сосудом для оружия. Правда, ей удалось сохранить остатки своей души и некоторые обрывки воспоминаний.

Теперь она — игрушка для бессмертных. С ней играют, как со

щенком, ее одевают, как куклу до того момента, когда должен пробить ее час. Ее тело медленно гибнет, связь между душой и телом ослабевает, а до битвы еще далеко. Нужен повод для начала войны, которая спровоцирует Последнего Бога сойти с небес на землю.

В итоге девочка искренне привязывается к тем, кто медленно ведет ее к гибели. Она понимает и принимает неизбежность смерти, но она готова отдать жизнь за тех, кто стал ей очень дорог. Изменят ли они свои планы? Попытаются ли ее спасти? Или же ее жизнь ничего стоит в глазах бессмертных? Дадут ли они ей умереть? Или смерть — это всего лишь предлог, чтобы изменить мир?

Пролог. Встреча на пыльном тракте

— Спой мне, менестрель, — рыцарь в темном плаще остановился на лесной дороге. На нем был резной шлем с нашлемником, напоминавшем корону, темная кираса с замысловатым гербом и черный длинный меч в ножнах. Ручная работа ценилась очень дорого, а мастера ЭнгъЯрда славились легкими клинками, но этот клинок весил в три раза больше, чем работа Людей Анвеора. Такую красоту мог позволить себе только дворянин, да и то обладающий определенными навыками владения. Иначе меч был просто солидным украшением. Определенно, не узнаю клеймо мастера. Но меч не покупался, это я могу сказать вам с точностью. Он делался для хозяина на заказ, и хозяин умеет им пользоваться, но достает редко. Нет у него привычки всех фехтовальщиков класть руку на рукоять, тонко намекая противнику о возможных последствиях необдуманных действий. Странно. Очень странно. А хозяин, ни дать — ни взять, граф какой-то или маркиз.... Но мало какой маркиз или граф будет ездить в одиночку по лесному тракту в беспокойные времена. И уж точно он бы не останавливался при виде незнакомца в капюшоне, если бы не одно обстоятельство. В руках незнакомца была лютня. Незнакомец что-то негромко перебирал, мурлыкая себе под нос. Капюшон прикрывал верхнюю часть лица. Были видны только полные, красиво очерченные губы, аккуратный подбородок и лукавая улыбка.

— Я к тебе обращаюсь, менестрель, — насмешливо сказал рыцарь, надменно откинув голову.

— Откуда вам известно, что я менестрель? — сказал звонким голосом юноша, кутаясь в коричневый плащ. — А вдруг я разбойник?

— Разбойники не носят лютни, — хрипло сказал рыцарь.

Что-то мне подсказывает, что его меч — служит только для удовлетворения любопытства случайных прохожих. Истинная сила рыцаря была явно не в умении одним ударом выбить оружие из рук противника.

— А вдруг я так заманиваю доверчивых прохожих? — вежливо улыбнулся юноша. Капюшон закрывал почти все лицо, кроме улыбающихся губ и острого подбородка.

— Разве я похож на доверчивого прохожего? — негромкий голос рыцаря был неестественно низок, с хрипотой. Он говорил медленно, и было очевидно, что затянувшаяся беседа вызывала у него раздражение.

— Вы похожи на доверчивого прохожего точно так же, как и я на менестреля, — кротко ответил юноша, опустив голову, скрывая улыбку.

— Даже если ты разбойник, тебе придется научиться петь. Это твой единственный шанс уйти живым! — в голосе рыцаря опять прозвучала насмешка, но уже с легкой тенью угрозы. Этот голос привык приказывать... И угрожать... Нет, рыцарь не был определенно похож на простачка. Даже тот факт, что он путешествовал в одиночку, ничуть не говорил о его глупости и незащитности. Было в нем что-то, что заставило бы любого разбойника бежать без оглядки в лес, в надежде, что встреча с незнакомцем была страшным сном.

— Я — плохой певец. Мой голос не такой красивый, как у Ваэсс из Неива, — менестрель натянул капюшон на глаза. — Мои песни — грустные, мои сказки — печальные. За это меня не любят. Поэтому я и сижу на промозгом тракте, а не играю при королевском дворе. Да и не люблю я новую власть, не в обиду ей сказано будет. За такие слова Он бы меня вздернул на вот этом дубовом суку, — усмехнулся менестрель, проверяя на прочность пресловутый сук.

— Да ты что... — вкрадчиво сказал рыцарь, понижая голос.

— У меня и вправду нет ни одной причины любить новую власть, — менестрель закусил губу, а потом снова улыбнулся.

— Неужели? Не буду спрашивать тебя о том, что плохого она тебе сделала. Я думаю, что история не заслуживает того, чтобы я ее выслушивал. Терпеть не могу, когда мне начинают жаловаться. Пой... — рыцарь присел рядом, откинув плащ. — Я щедро заплачу... Уверен, что, несмотря на твои вокальные данные, песня в твоём исполнении будет стоить дорого. Готов заплатить любую цену. Не

хуже, чем при королевском дворе.

Рыцарь нехорошо усмехнулся. Менестрель задумчиво молчал.

— Хорошо. Только в награду я попрошу не деньги... А одну вещь. Тяжелое кольцо с розовым камнем, который горит волшебной звездой, на вашей левой руке, — менестрель посмотрел на небо. — До заката еще далеко. У нас хватит времени. Я просто очень хочу увидеть, как этот камень играет в последних лучах уходящего солнца. Считайте это прихотью музыканта. Вы — человек знатный, у вас таких много. А я — человек бедный и вряд ли смогу себе позволить такую дорогую игрушку.

Наступила очередь рыцаря отмалчиваться. Он смотрел на розовую звезду в оправе, а потом кивнул.

— Ты прав, это — всего лишь вещь.

Рыцарь снял с тонкого пальца серебристое кольцо с прямоугольным камнем и положил его в раскрытую ладонь менестреля.

— Странно. Вы так просто отдали эту вещь мне. Без сомнений и колебаний. Хотя, по вам видно, что она для вас что-то значила. Вы всегда так поступаете с дорогими вещами? Ах, что я говорю! Простите меня, сударь, за мой длинный язык! — менестрель притворно вздохнул.

Он ничуть не боялся рыцаря. И мне даже показалось, что они знакомы. Менестрель отложил лютню и насмешливо сказал:

— Но, так или иначе, вы заплатили. Теперь моя очередь. Это мне напомнило мне одну историю. История стоит кольца, которое вы мне отдали. Все началось в последние годы Эпохи Страшной Тишины.

Лицо рыцаря побледнело...

Глава I. Мать

Глава I. Мать

Глава I. Мать

— Ты опять ходила в лес? — седая женщина, приподнялась на грязном ложе, как только скрипнула деревянная дверь. Босые ноги прошлепали по полу в темноте сырой землянки. На фоне маленького, кривого окна появился детский силуэт.

— Нет, мама. Я не ходила в лес. Я была только на опушке. У Неприкаянного дерева, — девочка с длинными вьющимися темными волосами покорно села на ложе матери. В ее руках были мелкие красные ягоды.

— Вот. Они сладкие. Последние ягодки в этом году, наверное, — сказала девочка с улыбкой.

Она протянула ягоды матери. Личико девочки было перемазано соком, а босые ноги, покрытые ссадинами и царапинами, были в серой дорожной пыли.

— Я не буду их есть, — обиженно сказала мать, отворачиваясь к стенке. — Я запрещала тебе ходить куда-либо без разрешения. Я — старая, немощная. Я могу умереть в любой момент. Ты этого добиваешься?

— Мам... — глаза девочки наполнялись слезами, — Не говори так... Я хотела, принести тебе ягоды, чтобы ты проснулась и покушала...

— Не будет у тебя мамы... Умрет мама, останешься одна, никому не нужная... Сирота... — продолжала женщина, отвернувшись к стенке. — Мама — не вечна.

— Пожалуйста, прости меня... — девочка сжала кулачки. — Я не хотела...

— Будешь приходить на могилку и всем говорить — здесь лежит моя мама. А люди будут говорить: «Довела мать до могилы...»

— Мам! Не надо! — взвизгнула девочка, вжимаясь головой в колени, закрывая уши. — Прости, пожалуйста...

— Боги тебя простят... Они все видят... Видят, как ты над матерью издеваешься...

Девочка тихо плакала, а мать продолжала:

— Никому ты нужна не будешь. Ни один чужой человек тебя не пригреет. Зачем ему сиротинушка? Будешь ходить по дворам попрошайничать. Где тебя обогреют, а где и огреют... Никому ты кроме матери не нужна, слышишь? Слышишь, дурочка?

— Мам... Прости... Маааамочкааа!!!

— Закрой рот! Я для нее стараюсь, из последних сил выбиваюсь, а она воеет на всю деревню! Себя позорит, меня позорит!

Девочка вскочила и выбежала на улицу. Это было выше ее сил. Перед глазами плыло небо, деревья... Небо было серым, а трава — жесткой и колючей. Вдалеке виднелся сумрачный лес, и грозовые тучи уже висели над его черными кронами.

— Блсс! — настойчиво позвал голос матери.

Блсс было горько, как никогда. Мама всегда так говорила, чтобы

сделать ей больно. Нужно успокоиться. Главное — не плакать. Мама говорит, что слезы — это слабость. Плачут только маленькие дурочки. И чем больше Блисс будет плакать, тем меньше мама будет любить ее.

— Блисс! Ты куда подевалась? — настойчиво продолжала мать.

— Я иду, — негромко сказала девочка, утирая слезы. Ее руки и лицо были в алом соке от ягод. Как кровь, капли стекали между пальцев и по руке вниз. Она слизала кисловатый сок. Видимо, она не заметила, как раздавила обед. Блисс вытерла руки о траву, умылась в старой рассохшейся бочке и бросилась к матери. Мать уже сидела, свесив распухшие ноги с лежанки.

— А где ягоды?

— Я выбросила их. Ты сказала, что не будешь... — произнесла девочка, пряча руки в складках старой юбки.

Мать пристально посмотрела на дочь. А потом, молча, встала, и, взяв деревянное ведро, поплелась во двор.

— Я тебе помогу, — девочка попыталась вырвать его из рук матери.

— Убирайся... Мне не нужна твоя помощь.... О Боги, дайте мне умереть... Я так устала... От тебя никакой пользы, Блисс. Вместо того, чтобы бегать по лесу, как дурочка, могла бы принести воды, наколоть лучин, замазать глиной щели, законопатить мхом дыры. Зима близится! Горе с тобой, лентяйкой! Родилась белоручкой! Да кому ты нужна такая? Тоже мне, королевна... Тьфу! — мать, охая, вышла во двор.

Девочка стояла и молчала. Она чувствовала страстное желание отобрать у матери ведро, но знала, что делать этого не стоит. Блисс, молча села на скамью, теребя подол юбки. Ее жизнь — старая лачуга на окраине пограничного поселка, лес на горизонте, пыльный тракт и больная мама...

Мать вернулась с ведром, полным желтой воды и поставила котелок на огонь. Потом бросила туда корешки большие, белые, сладковатые, щедро присыпав это пряными травами. По дому пошел вкусный запах. Мать, перемешав содержимое котла, отложила большую деревянную ложку на ветхий стол, и присела, утирая пот со лба. А потом неожиданно произнесла:

— Где ты вымазала юбку?

— Где? — испуганно вскочил ребенок.

— Это все ягоды... — сощурившись, сказала мать. — Я все стираю и стираю! Все руки щелоком изъедены! И так боги девочке красоты не дали, так еще сама себя гробит. Не ребенок, а наказание. О Боги, дайте мне сил... Вот умрет мать — некому будет за тобой присматривать! Будешь ходить в лохмотьях, грязная, как чушка...

Но Блисс старалась не слышать голос матери. В ее мечтах он превращался в ветер, который выл над лесом. Она представляла, как идет по пыльной дороге, сначала вдоль леса до Неприкаянного дерева, прозванного так, потому, что одна сторона его была сухой, а вторая зеленой. А потом тракт сворачивает в чащу. В руках у нее — лютня, как у бродячего музыканта, который приходил к ним в поселок первым месяцем осени. Он пел о странствиях, о героях — защитниках, о войне, которая была давным-давно. А еще он пел о Анвеоре, который прибыл на огромной белой ладье по небу. Анвеор — это воистину Великий воин. Он нашел божественный край, который был плодороден и красив. С ним пришли другие люди. Он провел их по небесной дороге, которая видна среди звезд, и приказал поселиться здесь. Он дал имена всему, что видели глаза и приказал людям выучить их. Анвеор дал людям закон, Анвеор дал людям слово. Анвеор — Белый Странник, Анвеор — Витязь в Звездном Плаще. В руках он держал меч, острее которого никто не сыщет, на шее его блестел камень, дающий абсолютную защиту от магии, на волосах сияла диадема, дающая зрение даже слепому, а на пальце было кольцо, дающее бессмертие. А на руке был надет браслет, который никто не мог снять, если этого не захочет хозяин. Этот браслет и подарил Анвеор своим людям, чтобы в минуту тяжелой кручины, он узрел их страдания и в час нужды сам Анвеор придет на помощь своим верным слугам. Белый витязь прошел сквозь вечный сон небесной тверди, не испугавшись и не свернув со своего пути, так мы, люди Анвеора должны выбирать свой путь и идти по нему до конца... Я тоже когда-нибудь уйду... И никто ничего мне не сделает... Просто уйду. Куда-нибудь... Не важно куда, главное — далеко.

Лицо обожгла пощечина.

— Ах... — выдохнула девочка, прижимая руку к щеке. Ее глаза налились слезами, — За что?

— За то, что ты только что лягнула.

— Что? — глаза ребенка округлились.

— Я не запоминаю, что ты там бормочешь... — фыркнула мать.

Блисс поджала губы и выбежала на двор. Она бежала по пыльной дороге, наступая босыми ногами на острые камушки, путаясь в старой материнской юбке. Она бежала, покуда силы ее не покинули, а потом упала на траву и разрыдалась.

— Это несправедливо! — она всхлипывала, растирая слезы грязными руками, — Она уд..а..рила... Неспра.... а... ведливо... — Она задыхалась от гнева, обиды, ненависти. Она ненавидела этот мир за то, что он ненавидел ее. Нет ни одного человека в этом мире, который бы погладил ее по голове, нет ни одного человека, который обнял бы и осушил детские слезы. Она кулачком утерла нос. У Аники мама — добрая. Она никогда не ругает Анику. Блисс завидовала Анике потому, что у Аники была добрая и любящая семья.

Солнце стояло в зените, а гроза все еще висела над лесом. В траве играли прыгуны. На красные с золотыми пятнами, большие цветы алоры садились пестрокрылы. В воздухе висел запах приближающейся грозы, аромат алор и запах пыли.

— Я уйду... Когда-нибудь... Вырасту — полюблю великого героя, он уйдет на войну, а я буду ждать. А потом он вернется, совершив много подвигов, а я буду встречать его красивая, в длинном платье с цветами... А потом он возьмет меня на руки и скажет... Интересно, что он скажет? Наверное, что он меня любит... Прямо как рыцарь с волшебным мечем, из старой сказки... А потом про нас сложат песню... И мама обязательно ее услышит... Она скажет: «Ты ушла, а мне было плохо без тебя. Я очень скучала по своей доченьке...» Блисс глубоко вздохнула. Она знала, что это неправда! Мама скорее скажет: «Ты где была, дурочка? Я тебе не разрешала уезжать с каким-то рыцарем! Он тебя не любит вовсе! На кой сдалась ему такая уродина?». Ну вот, опять...

Блисс была полна ярости и злобы. Она сломала ветку с Неприкаянного дерева, очистила ее от листьев, и стала бить ею по высокой траве. «Вжжжих».... «Вжииих».... Блисс вспотела и запыхалась. Откинув влажные волосы, она села на траву. Девочка тяжело дышала и смотрела на творение своих рук. На сгибе зеленого ствола висело на одной кожице соцветие, а вокруг, словно капли крови лежали алые лепестки.

— Это я сейчас некрасивая и слабая. А вот сплету волшебный

венка, сразу стану красивой. Я возьму в руки меч и стану рыцарем или королевой, а все, кто будет со мною несправедлив, тот, кто станет на моем пути, тот, кто обидит моих близких — умрет.

Но светлый рыцарь, а уж тем более добрая королева, какой решила непременно стать Блисс, ненавидят только злых колдунов, всякую нечисть, как Энера из Озера, которая заманивает путников в воду, ну или как Черный ворон из Блейва, который крадет по ночам спящих младенцев... Разве можно всегда быть добрым и справедливым? Девочка немного запуталась в своих рассуждениях. В сказках обычно убивают только злые. Но ведь зло тоже в самом конце обычно умирает от меча добра. Если добро умеет убивать, то чем оно отличается от зла?

Блисс немного успокоилась и даже улыбнулась, представляя себя на месте доброго рыцаря. Почему бы девушке не стать рыцарем? Вот она в прекрасном платье рядом с возлюбленным, а вот она с мечом над поверженным врагом. Сильная, красивая, справедливая.

Девочка стала тихо напевать, срывая цветы и сгибая их жесткие стебли. Она хотела сплести большой венок, но алоры пускали сок, и не хотели сплетаться вместе. Блисс упорно гнула стебельки, от усердия некоторые цветы осыпались, но венок все равно был красивым. Когда работа была закончена, она украсила им свои волосы. Раздался первый грозовой раскат. Молния ударила в горизонт. На лицо Блисс упала холодная капля, вслед за ней другая, третья. Девочка вскочила и пошла в сторону дома.

— Интересно, мама все еще злиться? — подумала она, переходя на бег.

Блисс бежала быстро-быстро, наперегонки с дождем. Добежав до дома, она всем телом бросилась на дверь. Мама стояла у окошка и смотрела на улицу.

— Явилась! — недовольно сказала мать. — А я-то думала на улице останешься ночевать. Это что у тебя на голове?

Блисс вспомнила о венке, который только что сплела. Она забыла его снять!

— Зачем тебе венок, если ты и так некрасивая. Вон, Аника, дочка соседей, — загляденье, так еще и поет чудесно. А ты...Посмотри на себя. Да на тебя никто и не взглянет. Вот придет время тебя замуж отдавать, так, небось, даже не посватаются. У Аники от женихов отбоя не было, а ты всю жизнь в девках просидишь. Страшная ты у меня. Вон,

все люди говорят. Идешь по улице, а они оглядываются. Поэтому проживешь ты свою жизнь тут. Будешь мать изводить...

Блисс стянула веночек с длинных темных волос. Несколько лепестков осталось лежать на волосах, запутавшись в их волнах. Даже волшебство не поможет ей стать красивой.

— Некрасивая... А кто тебе сказал, что я некрасивая?

— Да ты на себя сама посмотри! Да и люди говорят. Ну не плач, дурочка маленькая... Ну некрасивая ты, и ничего с этим не поделаешь. Не всем же быть красавицами?

Где-то гремел гром и лил дождь...

Глава II. День осеннего равноденствия

Глава II. День осеннего равноденствия

Это был странный день. Уже стоял осенний туман, но листья еще не опали. Мать ушла на ярмарку, чтобы продать лесные целебные травы, которые они вместе с дочерью собирали на опушке и купить немного еды на зиму. Эти травы помогали от ран, ожогов, болезней. Так же некоторые подмешивали их в питье и давали любимым. А на осеннем празднике их жгли в кострах, отгоняя тьму.

Сидеть дома не было смысла. Блисс вышла во двор. Солнце светило сквозь дымку бледным пятном. Под деревьями лежал туман. Пахло сыростью и все вокруг казалось серым и унылым. Сегодня был особенный день. Последний праздник осени и День Осеннего Равноденствия. Сегодня незамужние девушки дарили друг другу веночки, а потом уходили в лес. Говорят, что в лесу можно было узнать свою судьбу. Блисс было уже тринадцать, и по сельским меркам она уже была девушкой. Анику уже выдали замуж, и теперь она не участвует в празднике. Говорят, что скоро у Аники будет маленький. Мама уже ходила к Анике и все узнала. Блисс же было как-то одиноко. Мама запрещала ей с кем-либо разговаривать, а когда кто-то приходил в дом, она заставляла дочь выходить на улицу. Когда никого не было, Блисс чаще всего сидела взаперти.

Каждый раз, когда Блисс плохо себя вела, мать кричала, что острижет ее, как вшивую, а потом даст старую тряпку, чтобы прикрыть голову. А потом с нее будут смеяться, как с блаженных, что ходят по миру и кричат что-то о древних замках, достигавших неба, о железных драконах, которые летали, оставляя белый след, о железных жуках,

которые ползали по широким каменным дорогам и смешно жужжали. На них можно было путешествовать далеко-далеко. Но с блаженных все смеются. Все знают, что мы пришли вместе с Анвеором с неба. Пришли в чудесный мир, где уже правили Великие Дома. Они не очень были рады нашему появлению. Особенно нас ненавидит Дом Тьмы. Ненависть их так сильна, что сжигает человеческие сердца. Блисс была уверена, что никогда бы не встала на сторону Тьмы. Во всех балладах доблестные воины и их прекрасные возлюбленные всегда стоят на стороне Света.

— Куда тебе до Аники... Вот она — писанная красавица... Кожа белая, глаза ясные, волосы светлые, — приговаривала мама, расчесывая Блисс. Она старалась выдрать как можно больше волос, а Блисс, молча, терпела. — Никто на тебя и не посмотрит. Ты останешься здесь навсегда. Ты навсегда останешься со мной. Кому ты нужна такая? Идешь, а все оглядываются и шепчутся.

— Мама, они шепчутся потому, что у меня нет отца. Я слышала. У Аники есть отец, а у меня — нет. Так и должно быть?

Мать выронила гребень и ударила Блисс по лицу. Блисс стерпела. Только из разбитой губы пошла кровь. Она слизнула ее и стиснула зубы.

— Я говорила тебе никогда не спрашивать об отце, тварь неблагодарная! Я тебя одна растила! Я тебя одна выкормила! Что они тебе сказали? — голос матери дрожал.

— Они почему-то зовут меня бастардом, — уныло сказала Блисс, пригибаясь, в ожидании удара. Мама всегда била, когда Блисс говорила что-то неправильное или когда плакала. Однажды Блисс разбила коленку об острые камни, когда бежала от соседской собаки. Она прихромала домой в слезах, но мать вместо того, чтобы утешить, добавила ей тумачков. Блисс просто выла от боли, пока мать втирала в рану желтую кашичу из трав, а потом туго бинтовала.

— Заткнись! Не вздумай плакать! — постоянно повторяла она, глядя, как девочка давилась слезами.

Но в этот раз мать не ударила. А промолчала. Это было еще страшнее. Блисс и так знала, что с ней что-то не так. За спиной все шептались. Ты идешь по улице, а они улыбаются тебе в лицо... А потом ты слышишь страшные вещи... Тихие голоса за спиной, а если резко обернуться, то увидишь как прячут глаза. Ты громко говоришь:

«Здравствуйте, тетя Лерина! Добрый день, тетя Шали!» Они смотрят с улыбкой. В ногах появляется слабость, но ты знаешь, что должна идти дальше, как ни в чем не бывало.

Правда открылась девочке случайно. Мать перед отъездом просила наколоть дров и отнести травы Анике. Блисс взяла старый топор, поставила на пенек влажный от росы чурбан. Пахло деревом и сыростью. Чтобы разбить чурбан на две части нужно бить углом лезвия со всей силы. Главное, чтобы щепка не отлетела в лицо. Блисс всегда боялась, что одна из них угодит ей прямоком в глаз. Кора, пачкающая руки чем-то черным, была счищена на траву. Блисс не любила, когда полено было «в одежде». Без коры лучше видно, сколько колец на дереве. Чем толще дерево — тем старше. Интересно, а почему у людей все не так? Вон Аника поправилась, особенно живот, а ей почти столько же лет, сколько и Блисс. Мать сказала, что у Аники будет девочка, поэтому она такая толстая.

Живот у Аники был уже очень большим, а еще ее тошнило по утрам. В тот же день, когда Блисс несла в корзинке травы для Аники, девочка услышала странный разговор матери Аники с Дальей — женой старосты.

«Да не было отца у этой девчонки! Точнее я не упомяну. Жила себе Нарин, жила, а потом смотрю — пропала. Вернулась с дитем на руках. Нагуляла где-то. Сразу видно, что ведьма. Девка родит девку, а та приносит третью. Никто такую и замуж не возьмет. Эта, видать, от матери недалеко ушла. Вон как на моего сына заглядывается. Ну ничего... Пусть только попробует его увести-очаровать. Я им с матерью такое устрою. Выгнала бы я их из села, да лечит Нарин неплохо. У нас нет ни целителя, ни кого другого. А до ЭнгъЯрда далеко. Помрет Нарин — дочь лечить будет. Небось, научила ее старая ведьма травкам всяким да шепоткам».

Далья говорила шепотом, но Блисс все слышала. Она стояла под окном, и не решалась войти. В руках она держала травы для Аники. «Ложь! — Блисс задыхалась от стыда». Они говорили неправду. Мать Аники, которая улыбалась Блисс и ее матери Нарин, теперь спокойно говорит о том, что Блисс — срамота, принесенная в подоле, а мать Блисс — ведьма! Мама, значит, бежит к Анике по первому зову, а Блисс каждый день носит очередной сухой веник, чтобы «Анику не тошнило!» Как они могут! Это — ложь! Блисс никогда не смотрела в сторону

Дальиного сына. Он был некрасивым и толстым. У него были волосы цвета соломы и маленькие черные глазенки, словно ягоды луговицы. А еще от него плохо пахло. Блисс со злостью выбросила траву под окно и медленно побрела в сторону леса, глотая слезы обиды. Так она добрела до самой опушки. Девочка миновала первые деревья и очутилась во влажном сумраке черных исполинов. Косые лучи солнца проникали сквозь осенний туман, клоками висящий на ветках деревьев. Пахло сыростью и чем-то сладковатым.

— Ууууууу... — глухо выл ветер.

— Шшшш... — отвечала ему листва.

И повсюду раздавались странные звуки. Где-то что-то скрипело, ухало, кричало голосами птиц. По спине полз холодок. Постепенно все темнело. Странные отблески, шуршание, стрекот, шелест. Странная музыка наполняла сердце. словно играла невидимая флейта. А потом барабаны тяжело ухают: «Умба. Умба. Умба.» И в тоже время, волшебные колокольчики вызванивали ее имя: «Блисс-ди-Блисс! Блисс-ди-Блисс!» Она знала, что если идти долго на восток можно попасть в безлиственную часть леса. Там начинаются владения Домов. ЭнгъЯрд находится в обратной стороне за деревней. Значит, на западе. На севере лежат равнины и болота, а на Юге пролегает последний тракт, ведущий из ЭнгъЯрда в запредельные земли. Блисс никогда не была ни в запредельных землях, ни в ЭнгъЯрде. О Домах она тоже мало слышала. О них ничего и не рассказывали. Девочка просто брела, не задумываясь, слушая удивительную мелодию, а потом стала пританцовывать в такт. «Да-дарида-да-да-дам» — пела она, танцуя среди ветвей. Это было, как во сне... Эта мелодия играла в сердце и не требовала слов. Это — ее мелодия. Она срывала цветы и вплетала их в венок. Каплями крови осыпались алые лепестки на мокрую листву. Туман сгущался вокруг и сплетался тонкими струйками между пальцами. Он стал ее платьем и короной. Она коснулась босой ногой водной глади и поняла, что пришла к озеру. Воды сейчас почти не видно, огромное зеркало водной глади выстилал туман. А дальше — серебристые деревья и ощущение осенней пустоты. Воздух у воды был таким холодным и свежим! На другом конце озера видны были древние ели, черные и величественные, они укрывали лесные чащобы от любопытных глаз. Все остальное было скрыто в волшебном мареве тумана.

Блисс стояла на самом краю. Туман стелился по озеру, принимая

причудливые формы. Словно отражение неба, словно сказочный сон, когда идешь среди деревьев, по воде. Блисс пошла по озеру дальше и почувствовала, что ноги едва касаются воды. Деревья черными стволами, словно дорожные версты, отмеряли путь. Это был странный коридор. Туман рассеивался, и на зеркальной глади появлялись очертания. Из воды вставали древние копья, блестящие на солнце щиты, сквозь прорези резных шлемов на нее смотрели пустые глазницы. Мертвое войско, поле брани, и блики, танцующие на воде... Блисс видела наплечники, пробитые и покореженные, кольчуги, разрубленные топорами, сломанные мечи и впившиеся в черную кору деревьев стрелы с поникшим оперением. Люди, словно статуи, были бессмертным произведением самого совершенного скульптора — смерти. Пустыми глазницами провожали мертвые воины маленькую крестьянскую девочку, бредущую, как во сне, по их не упокоенным костям. А тонкие струйки тумана обволакивали и бережно хранили от посторонних глаз последние мгновения чужих жизней. Маленькие огоньки белесые и зеленоватые кружились над самой поверхностью туманного покрывала. Когда-то говорили, что это — души умерших. Говорили, что покойнику скучно, поэтому он пытается заманить кого-то в место своего последнего пристанища. Обычно там человек и умирал, а в воздух взлетал еще один одинокий огонек. Блисс задумчиво рассматривала мертвых, касалась руками резных кольчуг. Это водная могила ревностно берегла свое сокровище. Свет серого неба, голые деревья. Это призрак. Призрак ушедшей эпохи. Эпохи Света. Когда из Дома Света к людям пришли Ари Эви со своим сыном Асто. Они исцеляли людей, учили, помогали, но люди были глупы и жестоки. Они приговорили Асто к казни и на глазах матери убили его. Но он воскрес. И это было чудо. Он стоял перед всеми и улыбался. И тогда пали на колени все, кто был тогда на площади, перед Ари и Асто. Они и рассказали людям о Тьме. И о том, что нужно бороться с Тьмой. А потом они ушли к себе, но на их место пришли другие. Они учили и помогали. А потом ЭнгъЯрд и Дом Света заключили союз. Они вместе выступили против Дома Тьмы, Черного Дома, Извечных и Изначальных Врагов. И были разбиты. Они пали, защищая нас, людей, и мы, люди, должны нести волю Света в сердцах своих, дабы тьма никогда не проникла туда. Торчащие копья, овитые белесой паутиной, нагрудники с истертыми эмблемами. Они пали со словом Света на устах. И Свет не

смог стать их щитом. Тьма шагнула на землю. Нужно сложить руки, так, что пальцы правой руки касались правого плеча, а левой — левого и произнести: «Свет есть во мне». И тогда никакая тьма не проберется в мое сердце.

Девочка подняла глаза и увидела небольшое возвышение. Белые ступени вели на площадку. Полуразрушенное строение с белыми колоннами и странным камнем посередине. Странный камень оказался мраморным ложем, на котором, скрестив руки на груди, покоилась неопишуемой красоты женщина. Она была облачена в черное одеяние. Шелк крупными складками облегал ее фигуру. Она была принцессой, как показалось Блосс. На ней было много самых невероятных украшений, которые блестели, словно роса в утренней нетронутой траве. Темные волосы были вьющимися и густыми. Белоснежный мрамор лица, сверкающие камни в волосах, полуоткрытые губы... Глаза Темной принцессы были закрыты, словно она спит. Но Блосс понимала, что женщина, лежащая здесь, мертва. Тот, кто создал эту красивую могилу, очевидно, очень любил ее. В деревне была традиция — украшать последний приют человека цветами, поэтому Блосс сняла с головы венок и надела его на голову покойнице. Ощущение тоски и светлой грусти не покидало ее. Умирающие цветы на голове мертвои принцессы почему-то смотрелись красивее, чем все сокровища, сложенные заботливой рукой. Дивные браслеты на тонких запястьях, ожерелья, достойные королей... У Блосс даже в мыслях не было взять себе хотя бы один камушек, несмотря на то, что они стоили безумно дорого, и на них можно было купить, наверное, целый замок со слугами. А изящные кольца с драгоценными камнями... Такие целуют на руках королей и герцогов, когда просят их милости. Но Блосс не нужна была милость мертвои.

Мир спал. Ни дуновения ветерка, ни шороха, ни дыхания. Блосс закрыла глаза, и слеза тонкой ниточкой прочертила щеку. Это — дань мертвои. Последняя слеза о той, имени которой она даже не знала. По воде плыли тени облаков, ощущение пустоты и света, спокойствия и грусти. Подул ветер, растрепав волосы принцессы, и алые лепестки полетели, словно живые. Девочка обернулась и увидела вдалеке человеческий силуэт. Он был темным и выделялся на фоне серого тумана. Он приближался к застывшей, словно статуя, Блосс. На высоком, стройном мужчине был камзол отделанный черным кружевом

и драгоценными камнями. Они сверкали, как звезды в ночном небе. Его одежда была похожа на одежду мертвой женщины. Волосы незнакомца были подстрижены так, что некоторые тонкие неровные пряди почти касались плеч. Они были черные, как ночь, с каким-то розоватым отблеском, словно отражали рассветные блики. Уголки губ были опущены вниз, лицо было бледным, холодным и надменным, а глубокие глаза были серо-розовыми. Блисс смотрела на него, а он, прошел мимо, не бросив даже мимолетного взгляда. Словно ее здесь и не было... А она смотрела... Смотрела с детским восхищением. Смотрела на его руку, которую украшал массивный перстень с бледно-розовым, дымчатым камнем. Казалось, внутри перстня горит маленькая звездочка, а сам камень бьётся, словно сердце. Этот таинственный незнакомец точно не принадлежал ее голодному и грязному миру. Мужчина в черном смотрел только на мертвую, словно никого больше не существовало на этой земле. Тонкой рукой, затянутой в перчатку, незнакомец поймал летящий лепесток и сжал его со всей силы. Его лицо было все так же спокойно и надменно. Черный человек стоял молча, глядя на бледное лицо покойницы, а потом наклонился и нежно коснулся губами ее губ. Блисс поняла, что она лишняя в их маленьком мире. Она медленно пошла по ступенькам вниз. На полпути Блисс оглянулась, чтобы увидеть его еще раз. А потом побежала, не оглядываясь, неся в сердце совсем недетскую горечь...

Глава III. Ведьма

Девочка старалась успеть до заката, ведь мать должна вернуться с ярмарки, а Блисс даже не принесла воды и не согрела ее. Она бежала, задыхаясь, цепляясь за ветки, опираясь на стволы деревьев. Что это было? Кем был этот странный человек? Она до сих пор видела его розовые глаза перед собой в первых отблесках заката. Почему он не посмотрел на нее? А вдруг все это приснилось ей? Наверное, она на самом деле такая некрасивая. Мама права. Ее жизнь пройдет здесь. Она состарится, умрет и будет похоронена на сельском кладбище. И никто никогда не придет, чтобы положить цветы на заросшую травой могилу. Есть люди, у которых великая судьба, а есть люди, жизнь которых пройдет незаметно. Пусть падают осенние листья, пусть летят белые снежинки, а потом розовые лепестки. Ничего не меняется. Все та же изгородь. Все те же поля. Все те же маленькие домики. Каждый год спрашивать судьбу, а потом ждать, что случится? Сегодня странный

день, сегодня люди видят нечто, о чем никогда нельзя рассказывать. Говорят, если это — хорошее, то стоит завязать узелок и сказать: «Узелок свяжется — судьба сладится». А если плохое, то нужно нашептать на камень и бросить в озеро. Интересно, это — хорошее или плохое? Плохое, наверное, потому, что девушка была мертвой. Потому, что все вокруг было таким грустным и унылым. Может, стоит бросить камень и сказать: «Что почудится — то не сбудется!». Но взгляд незнакомца ранил ее больнее, чем мог ранить нож. Он просто смотрел сквозь нее. Наверное, судьба Блисс такая же туманная, как безлиственный лес, такая же грустная, как лицо мертвой и такая же жестокая и равнодушная, как глаза... Почему у него такие глаза? Если он пришел на могилу к человеку, которого любил, почему в его глазах было столько ненависти и зла? Если он ее ненавидит, то почему приходит к ней, почему целует? Блисс отдышалась, опершись на изгородь. Солнце еще не село, значит, прошло меньше времени, чем она подумала. Девочка набрала воды и занесла в дом. В желтоватой воде плавал осенний листик. Он был желтый и маленький. Блисс аккуратно вытащила его и задумчиво повертела в руках. Она вспомнила историю, которая была рассказана бабушкой Аники давным-давно. Тогда бабушка Аники была еще живой, а Аника была маленькой девочкой с веснушчатым носом и волосами, как лен. Они сидели вместе с Блисс на корточках и играли «в зверя». У Аники еще была кукла из тряпок, разукрашенная угольком, а у Блисс была деревянная лошадка. Но Блисс говорила всем, что это — волк. Она раскладывала зеленые листики на полу и говорила, что это — лес.

— Ба, расскажи сказку про зверя... — нудила Аника.

— Да ты ее каждый раз просишь... — ворчала бабушка.

— Это — моя любимая сказка...

— Ну, значит, слушайте. Жил-был один король. Была у него красавица дочь. Черные волосы, белая кожа, тонкий стан. Она была такой красивой, что люди даже боялись поднимать на нее глаза. Отец гордился ею больше, чем своим сыном. Сын его был слабым, хитрым и жестоким. Вот.

Сидела однажды дева во дворцовом саду и услышала голос:

— Королевская кровь... Королевская кровь....

Королевна не испугалась и ответила:

— Если ты жаждешь моей крови, то сначала отведай меча моей

стражи!

— Я не хочу твоей смерти. Роди мне сына, — сказал мужской голос и ей на встречу вышел зверь. Королевна ахнула:

— Ни за что!

— Я хотел дать тебе власть. Но ты отказала, даже не выслушав. Я хотел дать любовь. Но ты отвергла ее, даже не узнав о ней. Против воли твоей станешь матерью. Против воли твоей будешь нянчить моего сына. Я назову тебе мое имя. Но ты не смеешь никому сказать его. Как только скажешь — умрешь.

Зверь назвал свое имя и королевна заплакала.

— Стань матерью нашего ребенка, супротив отцовской воли, вырасти — выкорми.

И зверь исчез.

Понесла королевна дитя. Отец в гнев, чуть не убил ее. Однако, успокоившись, решил: «будь, что будет». В положенный срок родила королевна мальчика. Повитуха тогда поседела, а мать чуть не умерла от ужаса. Дитя было нечеловеческим. Родился он уже с клычками, которые на верхнюю губу налазили. А в глазах было нечто такое злое, что даже мать поначалу боялась в них смотреть. Хотели завернуть его в тряпку и сжечь, да королевна закричала:

— Не делайте этого!

— Скажи имя отца этого ублюдка! — гневно сказал король, держа сверток над камином.

— Не могу! Только пощадите его! Дайте выкормить-вырастить!

— На, пусть живет твое отродье... Покуда не подрастет. В темную башню ее и ее «зверя».

Сидит королевна в башне, поет колыбельную сыночку и плачет. Прожили они так год в темноте на хлебе и воде.

Позвал однажды король слуг и попросил привести дочь и внука.

Вышла королевна, красивая, как и прежде, только страшно бледная. Бедняжка света белого с год не видела. А с ней дите малое. Малое да страшное.

— Так вот, как ты выглядишь теперь, старый король, — насмешливо сказала королевна, щуря глаза, — Значит, вот как ты внуку рад. Вывел нас всему свету на посмешище?

— Подрост твой уродец. Надеть на него ошейник да посадить на цепь. Пусть людей пугает....

— Не стала бы я это делать, — мать улыbnулась и посмотрела на венценосного отца, — Он станет королем. Твоим наследником.

— Не бывать такому! Убить отродье! — вскричал король, и у горла ребенка сверкнул меч.

— Остановись! — сказал мать, вздрогнув, — Я скажу тебе имя отца его. Мне велели его не говорить, но я скажу. Только пообещай мне, что вырастишь внука, чтобы со мной сейчас не случилось.

— Обещаю. Угол мы ему найдем.

И сказала тогда мать заветное имя и упала замертво. Так отдала она свою жизнь за жизнь сына. Долго смотрел король на дитя. Не верил он словам дочери, да дал обещание. Услал он ребенка подальше. Только изредка гонцы приезжали и привозили вести о внуке. Чувствует король, что смерть уже ждет его. И вызвал тогда он сына своего и внука. Внуку тогда было двенадцать лет. Пришли люди, привели мальчика в черном капюшоне на голове. Хотел мальчик снять, да старик-король запретил.

— Старый я стал. Трон мой опустеет. Кто займет его — не ведомо. Хотел бы я отдать его сыну, да закон говорит, что есть у меня и внук. Пусть бастард, да родной по крови. И решил я. Пусть судьба и провиденье рассудят вас. Выполните мое желание. Видите перстень на руке моей. Будет он завтра брошен в море. Кто достанет его — тому править. Такова моя воля.

Утром старик-король восседал на троне и смотрел на все с балкона древнего замка, который стоял на отвесной скале. Внизу бушевало море. Сын и внук стояли на отмели и ждали начала испытания.

Бросили перстень в волны с балкона. Окунул сын руку в воду — достал перстень. Он принес его королю и говорит:

— Магии учился я все эти годы. Я попросил волну вернуть мне перстень.

— Ну, значит вот он, новый король! — с облегчением выдохнул старик.

— У меня тоже есть желание попытаться, — насмешливо сказал Зверь в капюшоне. — Бросьте перстень в воду.

Придворные пожали плечами, и бросил перстень старый король.

— Жаль перстня, — промолвил он угрюмо.

Зверь встал, и все вдруг почувствовали необъяснимый страх. К нему потекли отовсюду черные ленты тьмы. Когда они рассеялись — на ладони его лежало два одинаковых перстня.

— Вот — тот, что ты бросил, король, а вот тот, что ювелиры делали для моего дяди целую ночь. Глупо просить у моря. Я никогда ничего не прошу. Я беру силой.

Задумался король тогда. Сын его в магии не силен, а у мальчика талант невероятный. Что лучше — слабый король-человек, или могущественный король — чародей? И решил тогда король мальчика выучить, как следует. Лучшие маги королевства дивились его таланту. Внезапно умер от неизвестной болезни дядя мальчика. Вскоро умер и старый король. В день его смерти единственный наследник престола стоял подле смертного одра и усмехался. На следующий день Зверя короновали.

А потом издал Зверь первый указ. Он перевешал всех, кто не высказывал должного ему почтения. Обезглавил он и всех советников короля. Он вешал, топил, казнил и убивал всех, кто осмелится поднять на него глаза. А потом он стал рыскать по близлежащим селам и красть маленьких детей на съедение. Ибо отцом его был сам Явел, темный Бог смерти. Говорили, как находят растерзанные тела в лесу, близ деревни, так сразу жертву Зверю несут. Ягнят, телят, а иногда и детей малых, непослушных. Ибо не человек он. Еще мне мать говорила, чтобы в лес я не ходила одна. Не приведи Асто и Ари!

И бабка, как обычно, требовала, чтобы дети сложили руки и произнесли: «Свет есть во мне».

Блисс сидела и размышляла, почему именно эта сказка пришла ей на ум. Верно, тот человек имел что-то злое и холодное в своем взгляде, как у зверя, а мертвая женщина могла оказаться его матерью. И вовсе нет! Эта сказка такой же вымысел, как и другие сказки бабушки Аники: про девочку — невидимку, про говорящий листок клеэля, про волшебный колодец и про голоса на озере. Просто красивая сказка.

Дверь со скрипом отворилась, и в дом зашла уставшая мать. В руках у нее была старая корзина, накрытая серой тряпкой.

Мать поставила ее на стол. Не успела она присесть с дороги, как в дверь застучали. Барабанили и в окошко. Солнце неумолимо ползло к закату.

— Аника рожает! Скорее, Нарин! — прошептала запыхавшаяся мать Аники.

Мать молча взяла узелок с травами и вышла. Блисс сидела и ждала. Она не трогала корзину и даже не пыталась заглянуть туда. Время

ожидания тянулось долго-долго. Видно было уже половину солнца и все вокруг было розоватым, как глаза, вселяющие страх и надежду, ненависть и... любовь.

Внезапно дверь распахнулась, и в избушку вошли люди. Далья, мать Аники, с опухшим красным лицом, отец Аники, сутулый и молчаливый, и почти все село. Блисс затравленно озиралась по сторонам. Матери среди них не было.

Девочку цепко схватили за руку и поволокли на двор. Кто-то монотонно бубнил: «Свет горит в сердцах наших. И разум наш, очищенный от тьмы, созерцает блаженную истину. Я вижу, ибо видит сердце. Я слышу, ибо слышит сердце. Свет очищает душу». Это было похоже на странную игру. Солнце почти село. И лишь тонкая полоска напоминала о том, что когда-то был день. Блисс упиралась, но ее грубо тащили. Кто-то кричал, кто-то истерично смеялся. Неподалеку горели костры и факелы. Блисс волокли, а потом отпустили перед чем — то накрытым одеялом. Мать Аники рыдала, Далья обнимала ее за плечи.

Блисс вздрогнула от неожиданности, когда отдернули покрывало. На рогоже лежала бледная Аника с закрытыми глазами.

— Смотри, проклятый бастард, — кто-то ткнул ее лицом прямо в Анику, — что твоя мамаша с ней сделала!

— Она не смогла бы родить и медленно и мучительно умирала! Я говорила, что ей нельзя поднимать тяжелое! Говорила! — надрывно крикнула Нарин с веревкой на шее, конец которой был привязан к оси телеги. Ноги у Нарин были связаны. Руки тоже.

— Где та трава, что ты дала моей дочери, Нарин! Я дам ее твоему бастарду! — мать Аники орала и билась на руках у Дальи. Отец Аники стоял в стороне и прикрывал лицо руками, — Отвечай! Ведьма!

— Да! Нарин — ведьма! Она наводит порчу на нашу семью! Я видела, как Нарин рисовала на дороге, где мы только-только прошли, темные круги.

— Ложь! — выкрикнула связанная Нарин. Блисс сидела рядом с матерью и пыталась понять, что произошло со всеми людьми, которых она знала много лет.

— А я видела, как она что-то закапывала у дома. С тех пор мне не урожай! Что ни год, то напасть! — истерично вопила Лерина, жена трактирщика. Давным-давно она угощала маленькую Блисс яблоками, пока Нарин сидела с больным сыном Лерины, как раз в канун Зимодня.

— Клевета, — с хрипло сказала Нарин, дернувшись вперед.

— А я видела, как она в лесу, промеж деревьев зверем рыщет! Взаправду видела! — визжала Шали, жена лесоруба.

Когда ее муж болел всю зиму, Нарин использовала почти все возможные целебные отвары, чтобы поднять его на ноги. Шали тогда сама вырезала игрушку для Блисс — ту самую лошадку, с которой так любила играть девочка.

— А я видела, как она отравляет колодец!

— Поклеп, — слабо прошептала Нарин, — Ложь...

— Дитя мое, — кто-то дернул Блисс за руку. — Скажи, что делала твоя мать? Не бойся.

Кто-то прислонил к ее губам холодный символ Света. Все глядели только на нее. Девочка стояла и смотрела то на мать, то на застывшую толпу.

— Не бойся. Если ты все расскажешь, то мы тебя отпустим!

— А маму? — тихо спросила Блисс.

— И маму. Только если ты скажешь правду, дитя мое. Не видела ли ты, как мать колдует? Не отрицаешь ты, что мать твоя ведьма? Да или нет? — толпа вокруг сомкнулась, не давая ей пройти.

— Нет... — тихо прошептала Блисс и закрыла глаза.

— Вот видите. Дите говорит правду. Я спросил ее: «не отрицаешь ли, что твоя мать ведьма?» И что она ответила? Вы все свидетели! Нет, она не отрицает! Ведьма!

— Моя мама не... — Блисс бросилась к матери и упала ей на шею.

— И девчонку тоже сжечь! Пусть вас не остановит, что это ребенок! Она такая же ведьма!

— Я все это делала! Сознаюсь! Я портила урожай! Я сидела у трона Черного Принца и поклонялась ему, как Богу! Я отдала ему свою душу! Он обещал помочь мне в моих злых деяниях, — внезапно громко произнесла связанная Нарин, — Эта дурочка не хотела мне помогать, так я ее опоила и околдовала. Свет еще живет в ней, я не смогла вытравить его из нее. Убирайся, от меня! Прочь! Мерзкая светлая дрянь! — хрипло гаркнула Нарин, но в ее глазах не было ненависти. В них было столько любви, сколько Блисс не видела никогда в жизни!

Сейчас Нарин больше всего на свете хотела спасти дочь. Он готова была признаться в чем угодно, лишь бы не тронули Блисс.

— Тьма тебя побери! Убирайся к своему поганому Свету! Пусть он

тебя защищает! — кричала Нарин, а по ее щекам текли слезы.

— Нарин! Какой он, Принц Дома Тьмы?

— Страшный, как смерть! У него глаза, как пламя, горят на лице, похожем на маску! У него вот такие клыки! Он ими разрывает человека пополам! А когти у него... — брызгала слюной Нарин, отчаянно дергаясь всем телом. — У него трон, из человеческих костей! Весь пол в замке усыпан черепами...

Нарин сглотнула и обвела глазами толпу.

— За что ты продалась, Нарин? — в голосе одного из стариков звучало презрение.

— Он обещал мне власть! — громко выкрикнула Нарин. На ее лице было мучительное страдание.

— Мама... — прошептала Блосс, захлебываясь в рыданиях. — Не говори... Ничего им не говори.... Мама... Они сделают тебе больно...

— Заткнись, отродье Света! — мать отшатнулась от нее, с маской отвращения, — Он вам отомстит! Всем! Вы умрете! Все! Все! Все!

Нарин хрипло рассмеялась и посмотрела на побледневшие лица. Черты ее были искажены ненавистью. Блосс пыталась заглянуть матери в глаза, но теперь в свете факелов они казались нечеловеческими, звериными, безумными. Блосс чувствовало, что все плывет перед ней. Факелы сплетаются в одну светящуюся нить, лица укрывает туман, а звуки исчезают в звенящей тишине. Только последний луч уходящего солнца заставил ее взглянуть в небо. Луч скользнул прямо по деревьям и исчез в лесу. Надежды больше нет...

— Вырежьте старой ведьме язык, а то она нас околдует! — кричал кто-то, разрывая тишину. — Привяжите ее к конскому хвосту! Дайте в руки метлу. Пусть полетает напоследок!

Мать посмотрела на Блосс и что-то произнесла одними губами. П щекам Блосс текли горячие слезы.

— Эта маленькая тварь — дочь Темного Принца! — орали люди вокруг.

Блосс подняли и насильно поставили на ноги. Все плыло перед глазами. Это — просто сон. Дурной сон. Стоит лишь проснуться и все будет хорошо!

Кто — то ударил Блосс по лицу наотмашь. В голове страшно зазвенело. Из носа брызнула кровь. Дышать стало трудно. Блосс слизывала кровь, но она все текла. Девочка почувствовала страшную

слабость и упала.

Ее снова подняли и снова ударили. Блосс не успела вздохнуть и закашлялась. Волосы облепили лицо, и она почти ничего не видела. Девочка шмыгала окровавленным носом. Одна щека пылала, а скула нестерпимо щипала. Кто-то схватил ее за волосы и бросил на землю:

— Ведьма! Такая же, как и мать!

А потом была темнота и боль. Блосс открыла глаза, чтобы увидеть, как ей тычут факелом в лицо, и снова забылась. Она почувствовала, как ее куда-то волокут. Блосс чувствовала ветки и камни, впивающиеся в спину. Опять темнота. А потом она приоткрыла глаза, чтобы увидеть, как к лицу приближается нож. Он сверкает лезвием почти у самой щеки. Но нож ползет все ниже ужасным осколком льда и разрывает болью живот. Озноб. Во рту стоит привкус крови. Кто-то ударил ее кулаком в грудь, и она снова провалилась во тьму. Потом удар по животу. Блосс смотрела в небо стеклянными глазами. А потом она поняла, что умирает. Она чувствовала, как постепенно уходят ощущения, как постепенно покидает ее осознание того, что она человек. Было падение. Плавное и необратимое. Словно тонешь в глубине ночного неба, которое отражается звездами в воде. Все плыло пузырьками воздуха вверх, а внизу была тьма. Блосс уже почти не видела цветных отблесков мира, которые вертелись, словно ворох осенних листьев, поднятых ветром. «Свет есть во мне»... Но вместо света в темноте своего сознания она увидела непроглядный мрак. Отсюда нет дорог. ««Блосс» означает «счастливая»!» — вырвалось каскадом светящихся пузырьков. Но имя не принесло счастья. А может, это и есть счастье в жизни — умереть? Почему-то в последний миг жизни к ней пришла тьма. Не свет... Тьма! Убирайся вон! Блосс ударила рукой по бездне. Тьма сплелась вокруг ее руки, как клубок змей. «Свет есть во мне»... Она поняла, что можно больше не дышать. Так даже легче. Не болит раздробленная грудная клетка. Так и вправду легче. Перед смертью люди молятся богам. Кому молиться ей? Блосс увидела во тьме призрачное сияние странных глаз. Пусть Он будет моим Богом. И Тьма взглянула на ребенка глазами цвета закатного неба.

Глава IV. В золотом сиянии

Глава IV. В золотом сиянии

Глава IV. В золотом сиянии

— ... девочка. Лучше бы мальчик, — голоса были глухими и тихими. Слова казались невнятными.

— Мальчики обычно не выживают. Это сказано у Альвенца. Женское тело лучше адаптируется. Проверь частоту пульса.

— Все так, как должно быть. Альвенц в своем трактате сказал: «И дыханьем согреет ладонь, если поднести ее близко. И тело невидимый выжжет огонь. Но сердце продолжит биться». Значит, первая стадия прошла успешно. Тело продолжает жить. Сердце продолжает биться и дыхание не прекращалось. Все-таки нам повезло. Мы его неплохо подлатали. У Дилерии, в том отрывке, что у нас есть, сказано, что тело должно быть как «выеденное яйцо». То есть отсутствие «айдоса» в телесном воплощении достигается путем страшных пыток, губящих душу и разум, смертельно не повреждая тела. У нас тело готовое. Откуда, кстати?

— Из поселка на границе. День везли.

— А что с ней? Чумная?

— Не знаю. Досталась почти даром. Я сказал, что тел нужно для экспериментов. Пока приценивался, пульс прощупал. Сердце бьется. Заплатил, все, что затребовали. Ты посмотри, в каком оно состоянии!

— Грязненькое, в крови. Одежда — лохмотья... Нищенка или побирушка.

— Сколько ей лет?

— Примерно пятнадцать.

— Лучше бы мальчика. Дилерия занималась мужчинами. Там намного проще. Сколько времени пройдет, прежде чем мы увидим результат?

— По Дилерии: «Оное тело лежало недвижимым о трех дней. О третий день тело конвульсировало». У Альвенца тело «ожило» через час.

— Зачитай еще отрывок из Альвенца... Там, где изъятие «айдоса» описано! Мне кажется, что мы что-то сделали не так...

— Это? «Сим оболочку заклинаю...»

— Нет, раньше.

— Тихо! У него палец шевельнулся! Вот, шевелится! Альвенц был прав!

— Дилерия писала, что все ее экземпляры были слабоумными. Их приходилось держать в клетке. Принесите ошейник. На всякий случай...

Обмотайте его тряпками. Тело не должно повреждаться. Оно очень плохо переносит кровотечения... Наденьте ему на шею петлю.

Кто-то приподнял голову и снова положил, предварительно чем-то щелкнув. И сразу затылок почувствовал что-то болезненно неудобное. Чья-то рука коснулась груди, и захотелось съежиться и спрятаться.

— Держите ему руки! Повязку на глаза!

Знобило. Зубы стучали, и руки сами вцепились в странную штуку на шее. Рывок. Еще рывок!

— Держите руки! — прошипел кто-то, ложась всей тяжестью на тело. Руку схватили за запястье и стали прижимать к столу. На второй уже сомкнулись чьи-то пальцы и ее тянули в другую сторону. Прикосновения этих людей вызывали страшную боль. Стоило им дотронуться до руки, как руку тут же обжигало. Когда боль стала невыносимой, девочка почувствовала, что теряет силы и куда-то падет.

Когда она открыла глаза и вокруг была тьма. Кисти рук затекли, и ребенок попытался ими пошевелить, но их держало что-то по разные стороны от тела. Ноги тоже не слушались. Она висела, словно распятая в крошечной темноте. Темнота и тишина. Нет ничего страшнее. Слепла! Чьи-то шаги. Топ-топ-топ... Далеко. И снова тишина. Что все это значит? Мир тишины и холода. Снова темнота. Я — это я. Я — это...

* * *

Она не услышала, как открывается дверь.

— Я — это я, — твердило что-то в беззвездной темноте сознания.

А потом был странный шорох и руки освободились одна за другой. Но пальцы не сгибались, и руку было трудно даже приподнять. Ноги стали свободными через мгновение, и тело медленно и бессильно соскользнуло на холодный пол.

Странный шорох. Она не слышала, чтобы кто-то ходил рядом, но чье-то глубокое дыхание было совсем близко. Прикосновение к щеке не принесло боли. Грязненькая девочка с завязанными глазами сглотнула и застыла, стараясь не дышать. Чьи-то тонкие, холодные пальцы скользнули к ошейнику и сломали его, словно он был сделан из сухого дерева.

— Ты меня понимаешь? — прошелестел мужской голос в тишине.

— Да... — голос девочки на некоторых нотах отдавал в небольшую хрипоту, словно был сорван.

— Как тебя зовут, прелесть моя? — тихо и нежно спросил голос.

— Я... не...

— Не помнишь своего имени? — в голосе не было удивления, скорее смесь искреннего сожаления и сочувствия.

— Имя? — девочка шевельнула губами, очевидно пытаясь найти ответ на этот странный вопрос.

— Я сейчас сниму тебе с глаз повязку. Только ты пока прикрой их, а то будет неприятно. Ладно?

Теплые руки скользнули по волосам, и повязка перестала давить. Но открыть глаза ей было страшно.

— Потихоньку... Потихоньку... — кто-то нежно гладил голову и шептал на ухо.

Сначала тонкая щель света. Девочка распахнула глаза, и тут же всхлипнула, зажмурившись:

— Больно...

Она щурила глаза, открывая их осторожно, а когда открыла полностью, дыхание ее перехватило.

Сначала был свет. Кроме него в этом мире не было ничего. А потом в мягком сиянии стало вырисовываться лицо. Оно было невероятно красивым. Казалось, все сверкающие на солнце пылинки, что витали в воздухе, были созданы для того, чтобы подчеркнуть золото вьющихся волос, а падающий из окна свет отражался в дивных глазах. Они были двухцветные. У самого зрачка рисунок алым солнцем расходился в голубое небо, и влажный светлый блик плыл маленьким облачком. Дивные, дивные глаза. Полные, красивые губы улыбались, а на щеках были видны ямочки.

Если бы кто-то зашел в залитую золотым светом комнату, то увидел бы странную картину: худая, босая и грязная девочка, в мешковатом подобии одежды, неуклюже сидела на полу. Напротив нее на коленях стоял изящный юноша, в серой тунике, с алым шитьем и серых штанах. Обут он был в сафьяновые невысокие сапоги. На шее у него был повязан алый платок, скованный тяжелой увесистой брошью.

Они были похожи на персонажей разных картин, по воле безумного художника, встретившиеся на одном полотне.

Девочка хотела поднять руку и протереть глаза, но не смогла даже пошевелить пальцем. У нее противно защипало в носу, а в горле встал огромный ком, который невозможно проглотить, губы некрасиво задрожали, а глаза покраснели и...

Улыбка исчезла с лица прекрасного юноши, и он ловко выхватив серый шелковый платок из рукава, начал спешно оттирать лицо девочки. Может юноша не переносил девичьих слез, как это делает большинство легкомысленных мужчин? Сомневаюсь. Возможно, он видел их впервые? Нет, за такими красавцами, обычно тянется шлейф разбитых сердец. А там и слезы и уговоры, и страстные признания и душещипательные откровения... Тут дело вовсе не в этом. Просто вместо прозрачных слез по щекам девочки текла самая настоящая кровь. Юноша тщательно стирал ее и негромко сквозь зубы ругался:

— Угробили ребенка... — он комкал в руке серый платочек с багровыми разводами.

Кровь густо стекала девочке на подбородок.

— Успокойся, солнышко мое... Ну не плачь, радость моя... Тише-тише, мой...э.... птенчик... Дивайн их побери! — юноша закатил глаза к алебастровому потолку, — Я бы их поубивал! Это я не тебе, рыбка моя... Не плачь... Не нужно... Тише-тише... Тишшшше...

Юноша понизил голос до шепота, а потом тяжело вздохнул.

Девочка постепенно успокаивалась. Раздавались лишь отдельные горькие всхлипы. Она подняла недоверчивые глаза на утешителя.

— Как тебя зовут? — спросила она, отшатнувшись всем телом от протянутой в очередной раз руки с зажатой алой тряпочкой.

— Шаэсса, — облегченно улыбнулся юноша, окончательно вытирая ей лицо и поправляя ее спутанные волосы, — А ты вспомнила свое имя?

Тишина.

— Ну не надо так на меня смотреть! Я не кусаюсь! Я пока воспользуюсь твоей беззащитностью и все-таки уберу волосы у тебя с лица. Девочки должны быть красивыми.

Юноша со странным именем Шаэсса, спрятал платок в рукав.

— Я — это я, — уверенно сказала девочка, совсем не детским голосом, пытаясь снова пошевелить руками. В этот раз более успешно. Правая рука начала слушаться, а левая странно колола и была какой-то чужой.

— Такое бывает, когда не помнишь своего имени, — таинственно улыбнулся Шаэсса, — А что мне будет за то, что я тебе его напому?

— Ты его знаешь? — удивленно спросила пленница.

Шаэсса с улыбкой закивал.

— А что ты хочешь за это? — осторожно поинтересовалась девочка.

— Ой! Если так ставить вопрос — не рассчитаешься. Я могу потребовать многое! Как там, в сказках? Вечное служение, душу или что у тебя есть, а ты об этом еще не знаешь! — улыбка Шаэссы стала еще шире. Ему самому понравилась своя шутка.

— Тогда я отказываюсь! — категорично заявила девочка, — У меня ничего нет, а душу я никому отдавать не собираюсь!

— А если я тебя попрошу, чтобы ты не плакала больше, тебя это не сильно затруднит? — Шаэсса погладил худую грязную руку ребенка. Девочка едва заметно кивнула. — Я согласна... — прошелестел ее голос.

— Тебя зовут Алетиш. А-ле-тиш. Запомнила? Ну, разве ты не прелесть? Сейчас я уйду, а сюда придут хорошие люди. Они помогут тебе раздеться и искупаться. А потом я вернусь, — Шаэсса развернулся и встал. У белоснежной двери он оглянулся с радостной улыбкой, и исчез.

* * *

Алетиш усадили в чан с горячей водой и долго терли две молчаливые женщины в некрасивой белой одежде. А потом одна из них деревянным гребнем пыталась расчесать спутанные волосы, пока вторая чем-то твердым скребла ее пятки.

— Мне больно! Не надо! — резко сказала девочка, когда женщина дернула непослушную прядь сильнее обычного. Женщина не ответила, но продолжила терзать узел. Отчаявшись распутать, она намазала волосы чем-то вонючим и слила на них воду. Потом снова мазали, а потом снова сливали. Перебрав несколько влажных прядей одна из женщин покачала головой. Другая взяла в руку большие ножницы и поднесла их почти к самым корням. Первая снова покачала головой.

— Не порти волосы. Срежь только тот колтун, — сказала первая

грудным голосом.

— Что ты делаешь? — с ужасом выкрикнула Алетиш и попыталась встать, но лишь расплескала воду.

Женщина молча пыталась отрезать волосы почти под самый корень. Девочка дернулась и напоролась рукой на острие ножниц. Боли не было, но из распаренной царапины потекла кровь. Одна из женщин быстро выбежала из комнаты, а та, которая стригла, выронила ножницы на ковер.

Дверь открылась настежь, впустив немного холода. На пороге стоял Шаэсса. Он подошел и бросил взгляд на испуганную женщину, которая стояла словно кладбищенское изваяние. У ног ее лежали раскрытые ножницы с несколькими каплями крови на лезвиях. Шаэсса резко перевел взгляд на девочку, с ужасом рассматривающую неглубокую царапину на запястье.

Он несколько раз глубоко вздохнул, а потом что-то негромко сказал женщине, указав глазами на дверь. Та выбежала. Тем временем юноша сорвал с постели одеяло и выхватил девочку из воды. Она уже сидела на огромной кровати, кутаясь в покрывало и прижимая раненую руку к груди. Шаэсса откинул свои волосы назад, а потом, закусив губу, попытался деликатно осмотреть рану.

Дверь открылась снова, и вошел немолодой мужчина со стриженной бородкой и худая женщина с темными кругами под глазами и с корзиной, прикрытой белой тканью. Шаэсса отошел в сторону.

Мужчина взял ребенка за руку. Девочка вырвала ее с диким криком:

— Жжет!

Шаэсса вопросительно взглянул на мужчину.

— Отторжение, — глухо сказал чародей.

Маг попросил, чтобы девочка сама держала руку раной вверх, а сам пальцами в воздухе начал чертить невидимые знаки. Через секунду чародей нехорошо вздрогнул, резко подался назад.

— Отторжение и отражение. Сестра, пробуй ты.

Женщина молча открыла корзину и начала растирать в пальцах странную траву. Девочка смотрела на это, словно завороченная. Она спокойно подала руку, не отрывая глаз от лица женщины. Странная дымка поползла со всех углов огромной светлой комнаты. Дымка постепенно убирала из поля зрения все ненужное, несущественное,

оставив лишь лицо травницы, которая бережно втирала желтоватый сок растения в рану, а потом аккуратно заматывала длинной тонкой полоской материи.

— Больно, Алетиш? — участливо спросил Шаэсса, присаживаясь рядом. Дымка быстро рассеялась.

Девочка до сих пор не могла привыкнуть к этому имени... Странно...

«Тишина. Только что вся комната была наполнена туманом, а сейчас его нет. Кажется, его вижу только я. Женщина исчезла, а на руке появилась повязка...»

— Если ты не будешь ничего говорить... — серьезно начал Шаэсса, — то я на тебя обижусь.

— Шаэсса, я хотела спросить, а где мы находимся? Как называется это место?

— Это — ЭнгъЯрд, столица людей Анвеора. А мы сейчас находимся в Обители Света. Это храм, построенный в честь Анвеора.

— Мне это слово знакомо... Анвеор... — Алетиш зажмурилась и попыталась вспомнить.

— Я потом тебе о нем расскажу... Это был великий человек. Он совершил много подвигов, поэтому в его честь построили этот храм. Это было давно, поэтому Анвеора нет в живых. Но память о нем хранится, — ответил Шаэсса.

Дымка опять поползла по комнате от окна и до кровати. Вокруг, куда не глянь, было молочно-белое марево.

— Мне как-то странно... Словно... Словно тепло разливается по телу. Хочется откинуться на подушки и лежать, закрыв глаза. А еще хочется, чтобы задернули шторы... Не обижайся.

Взгляд юноши упал на алую повязку. Не помогает! Кровь продолжает идти.

Шаэсса размотал повязку и сморщился при виде кровоточащей раны. Кровь не хотела останавливаться и продолжала бурными нитями стекать вниз. Шаэсса оторвал край простыни, долго смотрел на него, а после бережно замотал рану. Пока он разглядывал кусок материи, Алетиш почувствовала, как вокруг них снова сгущается сероватый туман. Он исчез так же внезапно, как и появился.

— Надеюсь, поможет. Белье завтра должны поменять. Ты, кстати, не голодна? — задумчиво произнес Шаэсса, аккуратно завязывая

неровные концы повязки.

— Я не знаю... — рассеяно теребя бантик повязки, произнесла Алетиш. — А вот пить хочу страшно.... Немного колетса...

— Я принесу воды. Не развязывай.

Девочка принялась разглядывать фрески на стенах. На стене напротив кровати была изображена битва. Темно-серое небо в рыхлых облаках. Солнечный свет озарял только одну сторону картины, а с другой был непроглядный мрак. Света становилось все меньше. Это было видно. Светлые фигуры застыли в решительности, заслоняясь от страшных ударов тьмы. Их было немного, но было видно, что они готовы стоять до конца. Вокруг лежали горы трупов, прямо друг на друге. Было видно, что Свет обречен. Но он умирал с гордо поднятой головой. Горели в лучах солнца кольчуги и блестели, словно зеркала, щиты. Стало понятно, что как только в небе исчезнет последний лучик, из обессиленной руки последнего защитника света выпадет окровавленный меч. Над полем битвы летали черные птицы. Создавалось ощущение, что они кружат, высматривая и выжидая чего-то. Например, свежей человеческой плоти. Алетиш видела, как огромная черная птица спикировала вниз, присев на тело павшего воина Света, долго что-то клевала там, где у покойного было лицо. В ее клюве были видны кровавые куски кожи, а потом она мигнула желтым глазом и взлетела, забив огромными крыльями по блестящей кольчуге. В ее глазах был голод...

— Вот, — сказал голос над ухом.

Алетиш вздрогнула и отпрянула. Шаэсса с видом знатока начал озвучивать меню.

— Я не знаю, что это, но меня уверяли, что это съедобно. Бульон с пряностями... Сам не пробовал. Но, думаю, что очень вкусно. Это у нас что? А! Вода с травами. Вполне неплохо. Только горчит. С чего начнешь?

Алетиш протянула руку за ложкой и тут же выронила. Пальцы просто не смогли удержать изящную серебряную ложечку.

— Так, никаких слез. Это пройдет. Сейчас я поднесу тебе стакан.... Вот... Не торопись... Ну, разве ты не прелесть? Переходим к следующему этапу. Открывай ротик. Открывай ротик, кому говорю! Вот! Погоди, сейчас залезу на кровать с ногами, чтобы сподручнее было. Жуй! Следующая ложка. Ну как? Жуй тщательнее. Не торопись!

Так! Куда отвернулась?

— Я больше не хочу... — невнятно сказала Алетиш, облизываясь.

— Я сейчас вытру. Вот. Я убираю еду. Точно больше не будешь?

— Страшная картина, — сказала девочка, кивая на фреску.

— Да, — ответил Шаэсса, откидываясь на подушки.

— Птицы — страшные, — сказала девочка. — И небо — тревожное.

— Да, — отозвался Шаэсса, со странной улыбкой.

Он расположился чуть сзади девочки, изучая ее обнаженную спину. Волосы ее высохли и темными кольцами спадали ниже плеч. На лопатках были едва заметные белые полосы. На правом предплечье Шаэсса тоже заметил несколько тонких шрамов. Лицо у нее было кукольным, глаза — вишневыми, а волосы — темными, с багровым отливом. Приблизительно — четырнадцать. По всем меркам уже девушка. Сначала Шаэсса ошибся, приняв ее за ребенка. Из-за лица, наверное, а может из-за такого жалкого вида. Но сейчас было видно, что она немного старше. Шаэсса поднял руку, чтобы прикоснуться к ней. Она была как маленький продрогший котенок, которого сердобольный человек подбирает с улицы. «Жалость? — подумал Шаэсса, — Наверное, жалость...»

— Почему ты так заботаешься обо мне? — спросила Алетиш, поворачиваясь к нему.

— Увидев вас, моя леди, я влюбился без памяти... Позвольте, прекрасная Летти стать вашим менестрелем, если научусь играть на лютне. И рыцарем, если научусь махать мечем. И героем, если подвернется полудохлый, частично парализованный дракон. Ну как? Согласна? — Шаэсса театрально прижал руку к груди, а потом протянул ее к Алетиш.

Девочка улыбнулась. Шаэсса продолжил не менее пафосно.

— Но если моя леди отвергнет мою скромную любовь. Если моя Летти, отдаст сердце другому. То я... подамся в смиренные монахи, и проведу всю жизнь в молитвах Свету, так как больше ничего не умею, — Шаэсса воздал очи к импровизированному небу и свел руки в знаке света.

— Я вовсе не... — смутилась девочка.

— Что вы... Ваши глаза пленили меня навсегда. Я стану шутком у ног моей принцессы... — Шаэсса входил в раж.

— А все-таки, кто ты такой, Шаэсса? — любопытствовала Алетиш, глядя ему прямо в глаза.

— Я — король, — с достоинством произнес Шаэсса. Он поймал ее взгляд и ответил на него, откинув голову назад.

Алетиш некрасиво рассмеялась. Ее смех было трудно назвать мелодичным.

— Не обижайся, — сказала она, пряча улыбку, — но на короля ты совсем не похож.

— А ты много видела королей? — обиженно поджав губы, спросил Шаэсса.

— Не знаю. Но мне трудно поверить. Ты больше похож на менестреля, — улыбаясь, произнесла Алетиш.

— Ах! Ах! Ах! — Шаэсса лег на спину, скрестив руки к груди, — Ты меня убиваешь... Тебе корону показать? Или за скипетром сбегать? Или трон притащить?

— Ты — поэт, менестрель, шут, но не принц... И не король... И даже не принц... Принц всегда ходит с мечом и носит корону... — неуверенно сказала Алетиш.

— Совсем не похож? — уныло спросил Шаэсса.

— Король всегда старый... А ты молодой... Короли всегда заняты государственными делами... — начала перечислять Алетиш.

— Я тоже занимаюсь государственными делами! — пылко возразил Шаэсса.

— Я вижу, — улыбнулась Алетиш.

— Наша маленькая Летти

Красивее всех на свете!

Называть Великим делом

Нашу Летти можно смело! — продекламировал Шаэсса.

— Невероятно! Ты это только что сочинил? — Алетиш откинулась на подушки, придерживая покрывало на груди, — Ты поэт?

— Да. Я — сочиняю стихи, играю на лютне...

— А ты говорил, что не умеешь на ней играть!

— Чем больше врешь, тем лучше верят. Моя принцесса, позволь откланяться. Вынужден Вас покинуть, — Шаэсса галантно поцеловал руку смущенной Алетиш.

— Ты и впрямь не обижаешься? За то, что, я сказала, что ты даже не принц? Но ведь ты совсем не похож на принца... — девочка

подумала, что тогда стоило бы согласиться с тем, что он — особа королевских кровей. Наверное, ему было бы приятно.

— Нет, что ты... Ты — права, я — не принц. Ты угадала, моя проникательная прелесть. Я обманул тебя, — легко ответил Шаэсса и удалился, — Мне нужно поговорить с одним человеком. Ты не будешь вредничать, если я тебя ненадолго покину?

— А... — протянула Алетиш, даже не представляя, с кем ему предстоит разговаривать, — Но ты еще вернешься?

— Конечно! — весело сказал Шаэсса, и дверь за ним закрылась.

Девочка еще долго лежала и смотрела на картину, покуда нарисованные птицы снова не стали кружиться, как живые, но она убежала от них в свой черный сон.

Глава V. Игра света и тени

Глава V. Игра света и тени

Глава V. Игра света и тени

В комнате царил сумрак и прохлада. Огромные витражи пропускали матовый неяркий свет. Эта комната была куда богаче и лучше обставлена, чем та, в которой спала Алетиш. На светлом ковре лежали лепестки роз. Они были разбросаны по всей комнате, и все время увеличивались в числе, пока тонкая рука терзала очередной цветок. Обезглавленные стебли продолжали стоять в золотистой вазе. Еще четыре, только что распустившихся, цветка, в поисках спасения собрались у одного золоченого бортика, но рука палача настигла очередную несчастную жертву, отрывая ее от сестер. Роза цеплялась шипами за шипы и листья других роз, но была безжалостно вытянута и медленно с наслаждением обезглавлена.

— Мой лорд, разрешите войти, — тень скользнула в комнату, низко поклонившись.

— Приказ выполнен. Девочка спит. Все, что может представлять опасность для ее жизни, было убрано. Я купил одежду для нее, как вы и просили. Вот, — молодой слуга развернул сверток и предоставил на обозрение серое мешковатое платье.

— Убожество, — вынес вердикт розоненавистник, протягивая руку в поисках очередной жертвы экзекуций.

— Милорд не доволен? Милорду не нравятся розы? Милорду не нравится платье? Я скажу служанкам, чтобы впредь вам не ставили в

комнату цветы. А платье попытаются ушить, — с каменным лицом произнес юноша-слуга.

— Розы пусть ставят как обычно, а платье подарите какой-нибудь служанке. Желательно той, которая убирает в моей комнате. В знак благодарности, — равнодушно бросил господин. — И еще. Введите в рацион девочки бычью кровь, иначе она не доживет до зимы. И скажи своим магам, чтобы они к ней ни в коем случае не прикасались. Ты знаешь о последствиях...

— Маги просили передать вам вот что: «Мой лорд, вы слишком много себе позволяете, пользуясь нашим гостеприимством», — смиренно произнес слуга.

— А они слишком много себе позволяют, пользуясь моим терпением. Так им и передайте. А еще не попадайтесь без необходимости мне на глаза. Я еще поговорю с ними на эту и другие интересные темы. Потому, что с первого раза они явно не понимают.

— Мой лорд, не расценивайте это как упрек. Мы, люди Анвеора, благодарны вам и Вашему Дому за руку помощи, протянутую в страшное время. Мы всегда благодарны Дому Теней за то, что они продолжают дело Света. Помните о нашей лояльности, Сумрачный Лорд, Доминатор Дома Теней, лорд....

Дзинь!

На каменные плиты пола со звоном полетела ваза. Было странно, что упала она не на ковер, который устилал почти всю комнату до самого камина, а именно на плиты, осколками, предварительно ударившись о стену.

— Вижу, вам делать нечего? Я вам добавлю работы. А это уберете завтра, когда меня здесь не будет, — надменно бросил Лорд Дома Теней, стряхивая со столика лепестки. — Отвратительные цветы. Ненавижу. Чего стоишь? Быстро займись делом!

* * *

Алетиш проснулась и увидела, что в комнате произошли перемены. Станным образом исчезла часть мебели. Слева от фрески раньше стоял столик, а у стены еще вчера стояли два стульчика с резной спинкой. Куда-то пропали гобелены, прикрывающие другие фрески. На кровати

лежала одежда. Жемчужно-серая рубашечка, смешные панталончики, темно серые штаны для верховой езды и серая курточка с алыми вензелями и багровым кружевом. Посмотрев вниз на ковер, Алетиш увидела маленькие сапожки, привалившиеся друг к другу, в ожидании, когда их наденут на ноги. Но сапожкам пока придется подождать.

Вытянутая из груды вещей сорочка некрасиво собралась складками на талии. На очереди были панталоны. И тут выяснилось, что надеть их сидя в кровати невероятно сложно. Алетиш с трудом подползла к ее краю и поставила ноги на пол. Глядя с ненавистью на панталоны, девушка попыталась приподнять ногу, но нога была словно из свинца. После ряда тщетных попыток, она заметно занервничала. Проклятые панталоны не одевались, ноги почти не гнулись и не поднимались. Алетиш скомкала злосчастное белье и швырнула со всех сил в сторону темного угла, но панталоны улетели не так далеко, как хотелось, и красиво расправившись, легли в центре комнаты.

Немного придя в себя, Алетиш устыдилась вспышки гнева и поняла, что немного погорячилась. Она, опираясь руками на кровать, попыталась встать в полный рост, но ноги предательски подогнулись, и она гулко упала на ковер, сильно стукнувшись правым локтем об угол кровати.

— Мммм!!! — простонала Алетиш, мысленно ругая кровать, угол, панталоны и собственную неуклюжесть.

Рука гудела от кончиков пальцев до самого плеча. Было страшно больно и обидно. Алетиш обреченно посмотрела по сторонам. Рука стала немного отходить. Сидеть на ковре было как-то неудобно, но она пока ничего не могла сделать сама, разве что отдохнуть перед очередной попыткой встать на ноги. В поисках чего-то интересного ее взгляд упал на стену, которая примыкала к фреске с птицами. На стене, где еще вчера висел багровый гобелен, открылась новая фреска.

На ней был изображен мужчина, стоящий во весь рост на фоне ярко-голубого неба. На мужчине была светлая кольчуга с золотой эмблемой и красивым узором из золота по бокам. Шлем с нашлемником в виде золотой короны он держал в левой руке, а правая рука сжимала меч, воинственно поднимая его вверх, так чтобы солнечный блик скользил по стали и блестел звездочкой на конце лезвия, сверкал в волосах и играл в драгоценностях короны. Волосы героя были светлыми, глаза — глубокими и темно-синими. Мужественный

подбородок, красиво очерченные скулы и волевой рот выдавали в нем истинного воина, полководца и короля. Его плащ развевался на ветру, и он что-то кричал людям, стоящим сзади него. Где-то на горизонте уже была Тьма, а он призывал войско к битве. Рядом стояли несколько фигур в доспехах, но лица их были прикрыты капюшонами. Они поднимали руки в небо, а оттуда на их ладони падали сверкающие молнии. Чуть дальше стояли люди без капюшонов, тревожно вглядываясь вдаль. Их лица были светлы и прекрасны, а глаза сияли неземным светом. Они еще не знали, что обречены. Стоит взглянуть на соседнюю стену, как можно увидеть исход сражения. Если бы их можно было предупредить... Крикнуть им, чтобы уходили... Нет, они не уйдут. Они знают, что то, во что они верят — истина. И только смерть заставит замолчать их сердца.

Что чувствуешь, когда идешь на смерть?

Они чувствовали решимость. «Это — маска, прикрывающая страх!»- сказала что-то внутри. Они чувствовали ненависть. «Это лезвие меча сомнений». Они любили. «Это — великое утешение. Это самое верное и самое безотказное».

Тот, кто умеет любить — прекрасен... Даже в смерти....

Дверь, скрипнув, отворилась, и на пороге появился Шаэсса, с маленьким серебряным ножичком в руке и большим красным яблоком. Он отрезал дольку и на ноже, придерживая пальцем, подносил ко рту. Увидев сидящую на полу Алетиш, брошенные посередине комнаты панталоны, он недоуменно поднял бровь, так и не донеся отрезанный кусочек до места назначения.

— Что мы делаем на полу? — спросил он, откладывая яблоко и ножик на подоконник.

— Я хотела встать... — смущенно проговорила Алетиш, поглядывая на панталоны.

Шаэсса прошел к сидящей на ковре девочке, на ходу поднимая панталоны и бросая их на кровать. Он подхватил Алетиш, как пушинку и, покружив немного на руках, опустил на кровать.

— Чем тебе панталоны не угодили?

— Я не могу их одеть, — окончательно смутившись, созналась девочка, натягивая на колени сорочку.

— Я сейчас помогу тебе. Вот. Дальше тяни сама. Я тебя приподниму. Молодец! Штаны одеваем точно так же. А курточку

можно пока не трогать. Ты — просто прелесть! — расцвел улыбкой Шаэсса.

— Я все хочу спросить у тебя, — неуверенно начала Алетиш, свесив ноги с кровати, — что со мной случилось и почему я ничего не помню? Ну например до того момента, как какие-то плохие люди что-то бубнили в темноте надо мной.

— Они — не плохие люди. Они — очень даже хорошие люди. Они спасли тебе жизнь, солнышко мое. А про свое прошлое, я надеялся, что ты мне сама расскажешь, — пристально посмотрел на нее Шаэсса, доставая из кармана новое румяное яблоко, отрезая большую дольку и протягивая ее на ноже Алетиш. А потом, словно спохватившись, спрятал нож, перекладывая яблоко на ладонь. Алетиш осторожно взяла кусочек и положила в рот. Яблоко было сочным и сладким, даже немного с кислинкой, но все же очень вкусным. Шаэсса уже отрезал вторую дольку и протянул ее девочке. Она с удовольствием съела и вторую. Третью он отрезал себе. Четвертую опять протянул ей. На том яблоко и кончилось.

— Как твоя рука? — спросил Шаэсса, прожевав.

— Не болит, — Алетиш потрогала бантик повязки. Ей было неловко сказать, но ей очень хотелось в туалет. Она поискала глазами ночной горшок и не нашла.

— Шаэсса, а здесь есть... — тихо-тихо начала она, не поднимая глаз.

— Ночной горшок — под кроватью. Я сейчас выйду за завтраком, а вместо меня придет хорошая женщина. Она поможет. Не смущайся. Если что-то нужно — сразу говори мне. Я — твой друг, — Шаэсса собрал яблочные огрызки и тихо вышел.

— Спасибо, — прошептала Алетиш, когда дверь за ним закрылась.

* * *

— Завтрак, моя принцессочка, — торжественно объявил Шаэсса.

Алетиш подползла поближе и стала изучать содержимое тарелок.

— Это нужно выпить перед завтраком, — сказал Шаэсса, кивая на серебряный кубок, в котором было что-то красное. — Сама или помочь?

Алетиш уже поднесла кубок к губам.

— Это же кровь! — сказала она, морщась от омерзения.

— Не человеческая. Уверяю. Это нужно обязательно выпить. У тебя больше не будет кружиться голова, — терпеливо проговорил Шаэсса.

Никакие уговоры, никакие обещания не заставили девочку снова предпринять попытку осушить кубок.

— Хорошо, — сдался Шаэсса, беря стакан в руку, — если ты это выпьешь, то я выполню любое твоё желание.

— Любое?

— Да.

Морщась и зажимая себе нос, Алетиш поднесла кубок и его содержимое к губам и залпом выпила. А потом, отворачиваясь и кривясь, отдала кубок Шаэссе.

— Мужеству твоему можно позавидовать. Загадывай!

— Меня сейчас стошнит, — простонала она, прикрывая рот рукой.

— Это явно не похоже на желание.

— Фу! Прошло... — выдохнула Алетиш, морщась и причмокивая.

— Точно?

Девочка кивнула.

— Ну, вот и славно! Сейчас можно немного пройтись по комнате, — беззаботно сказал Шаэсса.

— А получится? — с надеждой спросила Алетиш.

— Руки ведь двигаются? Не так ли? А раньше ты даже ложку удержать не могла. Вставай! Я тебе немного помогу.

Шаэсса с легкостью сгреб ее в охапку и встал с нею на руках. Девочка обняла его за плечи, и он осторожно поставил ее на ковер. Шаэсса был высок. Алетиш доставала ему только до середины груди, и держаться за него было неудобно. Он, словно в танце сделал шаг назад, она попыталась шагнуть на него. Первый шаг был неловким и неуверенным, она споткнулась о ковер и повисла на руках. Шаэсса придержал ее за талию.

— Прелесть моя, ты не ушиблась?

Алетиш глубоко вздохнула и попыталась сделать еще шаг. Почти получилось. Коленка дрожала и прогибалась, но нога встала ровно. Алетиш взглянула в окно.

— А можно потом будет выйти на улицу? Меня за это не накажут? Меня снова не привяжут? — спросила Алетиш, отдышавшись.

— Можно, — немного подумав, сказал Шаэсса.

— А тебя за это не накажут? — прошептала Алетиш.

— Не думаю... Там очень красивый сад. Даже осенью он дивно, дивно прекрасен. Очень поэтичное место. Особенно полсотни мраморных ступеней ведущих к статуе Анвеора.

— Ты был уже там? — с завистью спросила девочка.

— Пару раз, — смутился Шаэсса.

— Хотелось бы и мне на это посмотреть... Знаешь, Шаэсса... У меня появилась мечта. Я хочу бежать навстречу ветру... Чтобы небо скользило по горизонту... Чтобы солнце садилось в черную кромку леса, как кладут яркий перстень с розовым камнем в черные бархатные недра древней шкатулки.

Вокруг них стал сгущаться туман. Серые облака уже стелились по полу. Свет из окна стал тускнеть и теряться в глазах. В тот момент, когда туман коснулся ее кожи, девочка ощутила странное покалывание. Как будто стало невыносимо жарко. Алетиш изо всех сил оттолкнула Шаэсса. А потом странной, неровной походкой она шагнула в сторону и отмахнулась от видимого только ей тумана. Это не туман. Это — дым. Дым, воняющий горелой человеческой плотью. Она закашляла и потеряла равновесие, уцепившись за темный гобелен, который почему-то не убрали, сползла вниз, сжимая в руке кусок пыльной тряпки...

— Мама! — закричала пронзительно Алетиш, вжимаясь лицом в тряпку, — Ма... Кхе-кхе... ма... Не надо... Умоляю....

Она замахнулась и ударила, потом еще раз. Кто-то пытался ее поднять, но девочка истерически кричала, чтобы ее не трогали. А потом, задыхаясь, взмолилась в пустоту:

— Защити меня! Ты же видишь, что они делают со мной! Защити!

Последние слова она произнесла хриплым шепотом. Видение пропало.

Алетиш, прикрыв глаза, прижималась щекой к старинной фреске, которую раньше прикрывал гобелен.

Шаэсса не мог понять, что стало причиной подобного поведения, но кое-что он заметил. И это его сильно озадачило.

Девочка вела себя странно. Она отмахивалась от чего-то невидимого, боролась с кем-то и испуганно кричала. Шаэсса попытался взять ее на руки, но она смотрела на него невидящими глазами и просила, чтобы ее защитили. Алетиш прижималась лицом к фреске, и

билась в истерике. Шаэсса присел на одно колено и приложил руку к ее щеке. Девочка затихла, и тогда он позвал ее по имени.

Она посмотрела на него мутным взглядом и прошептала:

— У тебя глаза розовые, как камень в тяжелом кольце.

— О чем ты говоришь?

— О камне, который пульсирует, словно сердце на твоем пальце...

Шаэсса выдохнул от неожиданности. Слишком удивительными были ее слова.

— Прелесть моя, откуда ты знаешь о розовых глазах и перстнях с розовым камнем? — вкрадчиво прошептал он, а в его двуцветных глазах загорелся странный огонь. — Скажи, милая, где ты их видела?

Алетиш подняла руку и скользнула ею по фреске вниз. Шаэсса поднял глаза и увидел.

На фреске в полный рост стоял мужчина в черных доспехах. В руках его была огромная черная алебарда, на которую он тяжело опирался. Его волосы были длинными и темными. Они, змеились по ветру. Вместо шлема была очень странное украшение. Оно прикрывало нижнюю часть лица, и изображало звериный оскал. Внушительные клыки железного намордника были тщательно прорисованы, так же как и прочие детали одежды. Вокруг него лежали мертвые тела. На алебарде блестели капельки крови. Во взгляде его читалась отрешенность и равнодушие. А глаза были цвета закатного неба.

Внизу, на черной ленте было написано: «Последняя Битва Света и Тьмы».

Шаэсса прижался щекой к ее щеке и прошептал на ухо:

— А кольцо? Откуда ты знаешь о кольце и розовом камне, который пульсирует, как сердце? Его нет на картине... Не бойся... Расскажи мне...

— В черном лесу. И глаза, и кольцо... Мне на секунду показалось, что.... Что-то в лице похоже.... Какая-то неуловимая... Мне нечем дышать... — девочка дернула ворот рубашки, отчаянно пытаясь разорвать его. Но она была еще слаба, поэтому ткань не поддавалась.

— Мы выйдем на балкон. Обещаю, что тебе понравится. Если не хочешь — то ничего не говори. Я вижу, что это не самые приятные воспоминания. Лучше обними меня за шею и держись крепко.

Шаэсса отдернул тяжелый бархат штор, и Алетиш увидела, что одно из окон достает почти до пола, а если толкнуть его, то очутишься

на маленьком балкончике. Первое, что она почувствовала — это прохладный ветерок на лице. Небо было высоким и синим, а по нему плыли белые облака, бросая тень на землю. Это был внутренний двор, поэтому на противоположной стороне были видны резные окна, длинные переходы и крытые галереи. Внизу стояла статуя человека, завернутого в снежно-белый плащ. Лицом он был обращен в другую сторону, поэтому больше разглядеть ничего не удалось. В самом низу у подножья пьедестала росли очень красивые цветы. Они были белыми, алыми и желтыми...

— Алоры... Красивые... — мечтательно протянула Алетиш.

— Вообще-то — розы. Я не знаю, что ты называешь «алорами», но эти цветы называются розами, — сказал Шаэсса, перехватив девочку другой рукой.

— Тебе они тоже нравятся? — Алетиш провела рукой по золотым волосам Шаэссы.

— Да. Они — замечательные. Особенно те, у которых большие шипы. Красота должна уметь защищать себя. Будь она без шипов, ее давно бы уничтожили. Ее бы вырвали многочисленные паломники, мечтающие унести что-то на память о своем Боге. Но эти розы не так-то просто сломать.

— А тебе не тяжело? — спросила, меняя тему, Алетиш, ерзая на руках.

— Ничуть! Ты, как пушинка... Летти, что ты делаешь? Ты же — не маленький ребенок! Не нужно тянуть меня за волосы. Не хочешь больше смотреть на Анвеора? Мы возвращаемся в комнату.

— Я устала! — заявила девочка, когда ее опустили на кровать, — Только ты не уходи. Иначе я не смогу уснуть.

Она обняла его за шею сзади и прижалась щекой к его волосам.

— Расскажи мне, об этих картинках.

Шаэсса откинулся на подушки, а девочка легла рядом, положив голову ему на предплечье. Еще не время ей об этом рассказывать... Он еще не готов сделать это правильно. Но говорить что-то было нужно, поэтому Шаэсса начал свое повествование менторским и очень скучным тоном.

— Автор этих картин неизвестен. Скорее всего, это — репродукция. По крайней мере, та, где изображена битва. А эти две, по бокам, были дорисованы совсем другим человеком чуть позже. Они

призваны увековечить подвиг Дома Света, в их последней войне... Ты слушаешь?

— Угу... — сонно промычала девочка.

— Так вот, на картинах изображены три войска и три властелина. Основная прелесть этого полотна заключается в том, что художник запечатлел все с точностью, словно сам был очевидцем событий. Я видел оригинал этой картины. Он немного отличается от копий, скорее в реалистичности. Здесь, некоторые герои идеализированы.... А некоторые — наоборот... А кое-кто даже не упомянут... Тебе интересно?

Но девочка уже спала. Шаэсса неохотно извлек руку и привстал.

— Дивайн побери, я проповедовал так же скучно, как жрец Анвеоритов. Но я не хочу, чтобы она об этом пока задумывалась. Хорошо, что она уснула, я еще подумаю о том, что ей стоит знать, а что нет. История — это такая удобная штука. Как хочешь, так и повернешь. А пока меня ждут те, кому будет интересно услышать другую историю... А, впрочем, нужно спешить... Нужно успеть сказать об этом первым и поставить всех в крайне неудобное положение. Чего они вполне заслужили.

* * *

В просторном белом зале, с высоким куполом потолка, в резных креслах, положив руку на подлокотники, сидели странные люди в белоснежных одеждах. В самом центре, куда падал из витража купола солнечный свет, стояло круглое каменное кресло, устеленное серой тканью. Ткань мягкими волнами огибала ручки кресла и спадала крупными складками на пол.

— Мое почтение Великому Лорду, — одна светлая фигура справа поклонилась, сделав Знак Света, — Мое почтение Дому Тени. Вы — довольны нашей работой?

— Ваши слова услышаны, — произнес человек, восседающий в облаке света. Он был тоже в капюшоне, как и другие, но в отличие от них цвет его одежды был стальным. — Вы сделали для меня все возможное и невозможное. Я ценю ваши усилия. Но я хочу заметить, что результат оказался немного несоответствующий ожиданию.

Организм ребенка оказался слабее, чем предполагалось. Я вам уже об этом говорил. Девочка вполне осознает себя, как человек, что и требовалось от Вас. У нее есть навыки для полноценной жизни. Это — замечательно. Но... Всегда есть такое противное «но»... У нее есть воспоминания о старой жизни, которые мне почему-то очень не нравятся. Они стихийные. Девочка, словно, потеряла память, и теперь к месту и не к месту вспоминает какие-то сюжеты, которые видела раньше. Где-то произошла ошибка, что-то пошло не так. Она не должна была помнить свое прошлое. Переделывать работу бессмысленно. Осталось только ее направлять. Молитесь, чтобы все оказалось в лучшем виде. Она немного нервная, непоследовательная, склонная к частым перепадам настроения, но вполне соображает. Я бы даже сказал, что она неглупая. Как для крестьянской девочки она очень даже развитая. Я так понимаю, что сейчас ее личность — это лоскутное одеяло, грубо сшитое из кусочков. Это — плохо. О здоровье я вообще молчу... Где гарантия, что завтра она сможет ходить?

— Мое почтение Великому Лорду и Дому Тени, — фигура слева повторила странный ритуал, — У нас нет опыта. Мы нарушили запрет на подобные эксперименты ради нашего общего дела. Мы сделали все, что могли. Вы слишком взыскательны...

— Она плачет кровью! Любая царапина, любое кровотечение чревато страшными последствиями, без своевременного вмешательства! — возмутился Лорд Тени, — Где и в каком трактате упоминается об этом? Нигде! Я знаю их наизусть!

— Поэтому мы и хотели взять мальчика. Но, увы, подходящего тела мальчика нам не удалось заполучить, — решительно ответил один из служителей Света. — Не беспокойтесь, мой Лорд, женских кровотечений у этого существа уже никогда не будет. Детей оно иметь тоже не сможет. Мы лишили его этой возможности ради его же блага. Тело останется таким, каким мы его нашли. Я имею в виду то, что оно не состарится. Но оно постепенно будет приходить в негодность. При правильном обращении и должном уходе оно может сохраниться достаточно долго.

— Долго? Это сколько? — спросил Лорд Тени.

— Год, может и два...

— Хорошо, — спокойно согласился Лорд Тени, — Мы постараемся сделать все от нас зависящее, чтобы она ни в чем не нуждалась. Но...

Есть одна интересная деталь. Наша девочка говорит странные вещи.

Он выждал паузу и продолжил:

— О розовых глазах и розовом перстне... И это напрямую связано с ее прошлыми воспоминаниями.

Лорд откинулся на спинку кресла, закинув ногу на ногу, наслаждаясь произведенным эффектом. Эффект превзошел все ожидания. Фигуры заволновались: кто-то наклонился к соседу, кто-то покрепче вцепился в подлокотник, а кто-то замер белой статуей.

— Наша главная задача — узнать, правда ли это. Откуда такие познания: из прошлой жизни или это — память, скажем так, не ее... Вы меня понимаете? — Лорд Тени понизил голос до шепота и наклонил голову. По полу пополз туман... — Выясните все, что сможете. Ищите среди людей, спрашивайте в том поселке на границе... Это очень важно. Для меня. Это — не приказ. Это — просьба... Это — просьба, друзья мои...

— Только что вы обвинили нас в ошибках. А теперь — просите... Мы — выполним приказ... просьбу... — хрипло сказала одна из фигур, низко поклонившись.

— Я заплачу вам за гостеприимство сполна, — Лорд сделал плавный жест рукой и туман внезапно рассеялся. У многих перехватило дыхание. — При условии: никаких послушников, никаких плакальщиц, страждущих и больных, что частенько припадают к статуе Анвеора, не должно попадаться на глаза. А так же — никаких попыток приблизиться к девочке без моего разрешения. Она — моя.

— Мы понимаем, что оно ценно для вас. Не нужно напоминать нам это лишний раз, мой Лорд, — не совсем вежливо перебил его один из служителей. — Мой Лорд, простите мне эту дерзость. Но и Вы должны помнить о нашем уговоре.

Тем временем в зал скользнула тень. Она подошла к пьедесталу и что-то шепнула Лорду Тени, а потом, откланявшись, исчезла.

— Смею покинуть вас... — Лорд Дома Тени бесцеремонно снял капюшон.

Белоснежные фигуры напряженно молчали.

— Моя девочка проснулась, — широко улыбнувшись, сказал Шаэсса, плавно двигаясь к двери, оставив недоумевающих святош разгадывать его загадку.

Глава VI. Дело государственной важности

Глава VI. Дело государственной важности

Глава VI. Дело государственной важности

— Мне скучно, — тоскливо сказала Алетиш, натягивая сапожки. — Как-то странно. Никуда нельзя ходить, без разрешения. Это — глупая комната, эти страшные картины, эти противные шторы. Мне здесь все не нравится! Вот! Чего улыбаешься?!!

— Я только хотел предложить тебе прогуляться... — сказал Шаэсса, едва сдерживая подступающий смех. Он сидел на кровати и изучал вышивку на узорчатом рукаве своей серой туники.

— Тебе смешно? — гневно спросила Алетиш, — Не вижу ничего смешного! Или ты смеешься надо мною?!!

— Я вижу, что настроение у тебя — отвратительное. И я попал под горячую руку. Но, прелесть моя, я не люблю, когда на меня кричат, — Шаэсса погладил девочку по голове. — Тебе придется рассказать мне, в чем причина твоего плохого настроения?

— Не знаю, но у меня такое желание накричать на кого-то, что-то сломать... — Алетиш мечтательно обвела взглядом комнату в поисках чего-то подходящего под эту категорию. Но сломать можно было только голову, в поисках жертвы, так как все возможные предметы мебели были предусмотрительно спрятаны.

— Вот незадача! — Шаэсса тоже мечтательно обвел комнату, в предвкушении акта вандализма по отношению к старинной мебели, — Тебе принести нож, дабы ты испортила фреску? О! Нет! Можно оборвать шторы! Идея — прелесть! Ай-я-яй! Как я мог забыть о кровати? Балдахин при должном усердии можно допрыгнуть и сорвать, а можно просто проломить кровать, радостно прыгая. Не важно, что это работа прошлого века! Просто, больше я не вижу достойных объектов для расправы. Так что будем рвать? Балдахин или стоит ограничиться покрывалом и занавесками. У нас такой простор для фантазии!

Шаэсса демонстративно встал к ней спиной и стал задумчиво рассматривать перспективы разрушений.

— Не смейся надо мной! — огрызнулась Алетиш и запустила в него подушкой. Шаэсса вывернулся с молниеносной скоростью и перехватил подушку у самого лица.

— Прелесть моя, я ловлю стрелу за наконечник в полете, поэтому

мне ничего не стоит поймать подушку, — Шаэсса присел на кровать и обнял подушку двумя руками. — Подушка... Как ты могла? Ужас! Просто ужас!

Алетиш подошла к нему и обняла юношу за плечи:

— Я немного погорячилась... Ты не обижайся...

Шаэсса молчал. Алетиш уже начала волноваться.

— Дело не в этом, — задумчиво начал Шаэсса, теребя прядь волос. — Я вспомнил кое-что неприятное...

— Что? — удивленно подняла брови Алетиш.

— Не важно... Как ты себя чувствуешь? — неожиданно спросил Шаэсса. — Ты вчера говорила про кольцо и глаза, цвета закатного неба. Разве такое бывает в жизни?

— Бывает! — уверенно сказала девочка. — Я видела. Давным-давно я видела туман, а в нем — человека со странными глазами и странным кольцом. Он похож на того, кто изображен одной из фресок. Но я не вижу его лица, чтобы сказать точно. А потом почему-то помню боль. Страшную и невыносимую. А потом снова глаза. Розовые.

— Знаешь ли ты об этих картинах?

— Это там где написано «Последняя Битва Света и Тьмы»? Ты мне что-то говорил, но я не помню... — Алетиш отпустила его и присела на край кровати.

— Ты умеешь читать? — озадаченно спросил Шаэсса, обнимая девочку за плечи.

— Я смотрю на буквы, в голове возникает слово. Кто-то говорит его мне, — сказала Алетиш, взяв Шаэссу за руку, — Расскажи мне об этой битве...

— До страшной катастрофы здесь был другой мир. Блаженные кричат на ярмарках отчасти правду. Чудеса, которые трудно понять сейчас, казались обыденными тогда. Катастрофа случилась внезапно. Несмотря на то, что некоторые предупреждали о ней, никто всерьез не воспринял предупреждение. В один день было потеряно все... Раньше было такое, что у людей был свет, во много раз ярче сотни свечей, примерно, как магия. Но если магия доступна немногим, то это было у каждого человека. У людей были такие штуки... Ну.... Как бы тебе объяснить... Картины, которые можно смотреть, а они двигаются и показывают то, что ты хочешь увидеть. Сейчас даже магия не способная такое воссоздать, а тогда это было в каждом доме. Люди не боялись

темноты, потому, что знали, что даже самой темной ночью будет яркий свет. Кареты ездили без лошадей, а по небу летали огромные железные птицы, которые могли перевозить внутри себя сотни людей. А потом случилось так, что в один миг, все, к чему человечество шло много тысячелетий стало непригодным, сломалось и больше никогда не смогло работать. В этом было виновато Солнце. Оно прогневалось на людей и забрало у них все... Есть легенда о том, что люди поспорили с Солнцем. Люди сказали, что они могут жить без него хоть сотню лет, потому, как у них есть такая вещь, как электричество. И тогда Солнце разгневалось. От его злости сломалось все, чем так гордились люди, и только тогда солнце успокоилось. Люди стали просить прощения у Солнца, и Солнце их простило. И подарило им магию... После катастрофы нам дали второй шанс. Но не всем. Нам дали возможность начать все с чистого листа. Никаких технологий прошлого, никаких чертежей... Все было уничтожено. Оно не работает в этом мире. Взамен нам подарили иное понимание сути явлений. Если раньше мы могли преобразовывать материю при помощи странных приспособлений, то теперь у нас есть магия. Понимание сути магии сильно облегчило нашу жизнь и изменило отношение к себе и другим. Знания, как использовать полученную силу, были поделены между выжившими людьми. Так появились три Дома. Дом Тени, Дом Тьмы, Дом Света. Каждый взял себе ту часть знаний, которую посчитал необходимой. Сначала все было хорошо. Не было разрушительной магии, была лишь магия созидательная. Существовал великий Совет, который правил Домами мудро, не допуская притеснений и решая любые споры. Потом... потом... хм... А потом появились Люди Анвеора. Они тоже владели магией и стали еще одной силой на поле игры. Их магия была ближе к магии Света, но они хотели воскресить технологии древности и при помощи магии заставить их работать. И тогда случилось нечто непредсказуемое. Дом Тьмы, воспротивился этому и потребовал призвать к ответу Людей Анвеора за нарушение технического эмбарго. Хм... Я имею в виду, за нарушение запрета на использование старых технологий. Совет был против этого, поскольку Анвеор уже заручился поддержкой Дома Света. И тогда Дом Тьмы показал свое истинное лицо. Они давным-давно открыли то, что у магии есть и другие стороны. И сила проистекает не только из света, но и из тьмы. Дом Тьмы вышел из Совета. Он разорвал все соглашения и убил Анвеора,

предводителя людей. Дом Тьмы был признан отступником, и Дом Света пришел на помощь отчаявшимся людям Анвеора, потерявшим своего лидера. Долго два народа договаривались о взаимопомощи. Не всегда все шло гладко... Но они объединились. Им удалось заставить Дом Тьмы отступить. И тогда Дом Тьмы попросил помощи у высших сил. И ему была дарована Черная Милость. В Доме Тьмы родился Зверь. Он был уродлив и лицом, и душой. Получив трон еще ребенком, он умудрился прибрать к рукам всю власть. Дивайн, в переводе с древнего языка — «божественный», обладал страшными магическими способностями, не идущими в сравнение со способностями всех магов Ордена Света. По сравнению с ним, они — подмастерья. Почувствовав свою непобедимость, он попытался уничтожить Дом Света. На этой картине запечатлен исход. Дом Света пал. Они сражались храбро и гордо приняли свою смерть. Они несли крупицу знаний о добре, о великом понимании и прощении. Дом Тьмы сеял только хаос и разрушения. Лорд Дивайн, снова положил свою когтистую руку на подлокотник трона, а смерть сыто свела челюсти.

— Это — он? — тихо спросила Алетиш, кивая в сторону черной фрески.

— Да, — кивнул Шаэсса, — А это, на левой фреске — Анфаэль. По историческим данным он начал войну, а закончил войну уже его сын Аннарэль. Его нет на этой картине. К сожалению. А может, его и не было никогда в жизни. История — это удивительная вещь. Светлому Дому нужно было знамя — сын, настоящий или самозванец, был вполне подходящим предложением взять реванш. Он поднял Свет на последнюю битву. Но в силу некоторых обстоятельств тоже потерпел поражение. Это была даже не битва. Это была просто бойня. Свет померк. Выжившие примкнули к людям Анвеора и к Серому Дому, а Тьма, довольная исходом снова затаилась. Долгое время Тьма молчала, затаившись в своих чертогах, а потом снова рука зверя потянулась к землям Людей Анвеора. Тогда на защиту Людей Анвеора встал Дом Тени. Они взяли на себя миссию Света и вместе с людьми Анвеора продолжают нести ее.

Постепенно комнату заполнял туман...

— Кто ты, Шаэсса? Откуда ты все это знаешь? — медленно, словно завороченная, спросила девочка. — Почему ты напускаешь туман... Почему мне от него так страшно...

— Я — нынешний Доминатор Дома Теней, Властелин Северных земель, Лорд Шаэсса, — в гулкой тишине прозвучал насмешливый голос.

Шаэсса шептал, глядя ей в глаза, и иступлено глядя ее руку.

— Не бойся, прелесть моя... Не бойся... Я не сделаю тебе больно... — выдохнул он, приблизившись к ее щеке. Его глаза горели. Он медленно провел пальцами по ее пересохшим губам и поцеловал в уголок рта.

— Тебе больше не буде страшно... Никогда... — он провел рукой по ее шее, прижимая ее к себе.

Девочка положила голову ему на плечо.

— Всегда. Я буду с тобой рядом. Я никогда о тебе не забуду. Я никогда тебя не брошу, — сказал Шаэсса, целуя ее в лоб. Из его полураскрытых губ тонкой струйкой полился туман, словно белый дым.

— Больно! — взвизгнула Алетиш, вырываясь из его рук, — Жжет! Туман! Жжет! Дым! Моя мама! Мама, я не говорила этого! Моя мама — не ведьма! Ну, послушайте меня! Мамочка, посмотри на меня! Мама! Ты же не ведьма! Не отталкивай меня! Больно! Почему так больно? Моя мама не знает Зверя! Мама не знает Дом Тьмы! Почему я вижу твои глаза? Почему ты не смотришь на меня? Спаси меня! Не отталкивай меня... Только не ты... Я не боюсь тебя. Я не боюсь твоих глаз!

Шаэсса моментально сжал пальцы, дернул головой и туман исчез. Девочка обессилено упала ему на руки.

— Вот, собственно и все, что я хотел знать, — мягко сказал Шаэсса, приводя ее в чувство.

— Ты как? — участливо спросил он, наклоняясь к ребенку.

— Плохо... Я упала? Ты рассказывал что-то о солнце... А потом, я словно увидела это все наяву. А потом я...

— А белого тумана ты не видела?

Девочка покрутила головой.

— Ну... Такое бывает... От слабости... — сказал Шаэсса.

— Не помню... Я слышала странный гул в голове... — рассеяно произнесла Алетиш, — А кто это? На той картине? Черный?

— Ты его уже где-то видела? — пытаюсь сохранить спокойствие и остатки терпения, спросил Шаэсса.

— Нет, просто он меня пугает! Можно чем-то повесить его? Или поставить что-то туда? Я не хочу, чтобы он на меня смотрел! Или

хочу... Я боюсь его, и он меня притягивает... Он похож на одного человека, которого я видела.

— Что ты о нем знаешь? — вкрадчиво спросил Шаэсса.

— Он просто похож на тролля из сказки! Хочешь, расскажу? Я ее только, что вспомнила! И на Зверя...

— Сказку про Зверя я знаю, — сказал Шаэсса, — А вот про тролля — нет.

Шаэсса обреченно кивнул. Он понимал, что перед ним — сломанная вещь. Провалы в памяти, непонятные ни ему, ни ей самой... Если бы он писал книгу, то ее образ был бы каким-то странным. Она, словно, ненастоящая. Он не всегда понимал ход ее мыслей, скорее, он вообще не понимал ее логики. Какие-то картинки из жизни, калейдоскоп каких-то воспоминаний. А потом снова, как ни в чем не бывало — связанный кусочек воспоминаний. Что из этого получится? А ведь в голову ей не залезешь... Все по полочкам не разложишь... Ни с его способностями... Шаэсса поморщился. Всем Боги его наделили, кроме магической силы. Нет, у него, конечно же, была сила своего рода, дававшая ему власть над чувствами и наводившая очарование, но это не боевая магия и с ней не выйдешь против Тьмы. Это всегда его сильно удручало. Будучи посредственным магом, настолько посредственным, что Алетиш его даже не чувствует, контакт идет при полном напряжении его сил, он пытался компенсировать этот недостаток всем, чем только возможно. Он — великолепный стратег и тактик. Что уже делало его значимой фигурой на Великом Поле Игры. Ну, великий стратег и тактик, главное теперь не зевать громко, когда тебе будут рассказывать очередной бред. Но девочка должна успокоиться. Пусть рассказывает, что хочет.

— Это было давным-давно. Ну, я не знаю, насколько давно, но ни меня, ни тебя тогда не было на свете... — красивым голосом начала Алетиш.

— А может я был на свете, откуда ты знаешь? — прищурившись, спросил Шаэсса. Сказки он любил лишь в стихотворной форме, да и то, только, если рассказывал их сам. А начала типа: «Были раньше времена...» или «Жили когда-то...» вызывали у него ироничную улыбку и желание заткнуть уши.

— Не... — протянула девочка, — тебя тогда точно не было! Так вот... Жила-была одна девушка. Был она очень красивая, и очень

нравилась одному рыцарю, который проезжая мимо ее села, увидел ее и влюбился без памяти! Он предложил ей руку и сердце. Девушка согласилась. Уже собирались играть свадьбу, но случилось горе. Девушка пошла в лес и не вернулась! «Наверное, ее волки съели» — сказала мать, рыдая. «Наверное, она заблудилась и попала в болото» — сказал отец, роняя слезы. Потеряли они свою кровиночку. Но только рыцарь верил, что она жива. Знал он о том, что стоит в лесу огромный замок, а в замке живет старый-престарый тролль! Тролль был очень злым и убивал случайных путников... Он выходил из замка только ночью, потому, что дневной свет мог обратить его в камень. Вскочив на коня, рыцарь поскакал в чащу леса. Долго скакал он, лес становился все мрачнее и гуще... Рыцарь спешился, но лес становился еще более непроходимым! И вот, спустя несколько дней, он нашел логово Тролля. Замок был старым-престарым, черным-пречерным... У ворот замка его встретили слуги тролля. Рыцарь победил их в честной схватке и прошел внутрь. В замке было темно-темно, едва горели только свечи да волшебные огоньки, но рыцарь отыскал дверь в покои тролля. Там, на резном кресле сидел тролль. У него были страшные клыки. Они торчали изо рта и наводили ужас на всех, кто его видел. Глаза у него были розовые, а вид — злой. На полу, положив голову ему на колени, сидела девушка, в красивом платье, а тролль гладил ее по голове... Когда рыцарь с окровавленным мечом вошел в комнату, девушка вздрогнула и спряталась за тролля. Рыцарь сказал, что она — околдована и приставил меч к горлу тролля, — Алетиш замолчала и задумалась.

— И чем все это кончилось? — сказал Шаэсса, перебирая ее волосы.

«У людей сказки немного своеобразные, — подумал Шаэсса. — Интересно, а что общего между Дивайном и троллем? Клыки! Ха-ха-ха!». Шаэсса едва сдержал смех.

— Сейчас подумаю... Понимаешь, такого быть не может, чтобы зло победило, неправда ли? На самом деле сказка закончилась так: «рыцарь убил тролля, и чары спали, девушка вернулась домой к родным, а потом они поженились и жили много-много лет вместе, до самой смерти». Но... мне почему-то жалко тролля. Я всегда думала, что сказка должна закончиться по-другому. Но ведь зло, не может победить? Открою тебе секрет. Я всегда представляла, что рыцарь, угрожая убить тролля, увидел, как девушка расплакалась. И тогда он

понял, что она и вправду его любит. А отнимать у кого-то любовь — это зло! И ускакал рыцарь обратно, и рассказал он родителям, что не нашел ее, а сам до конца своих дней помнил то, с какой нежностью девушка смотрела на тролля. Бедняжка больше никогда не увидела солнечного света и ради своей любви согласилась жить в темноте. Ее любовь растопила злое сердце тролля. Но ведь зло не умеет любить, верно? И она была бы несчастна с троллем? А бедный рыцарь... Он сделал для нее так много, а она так и не стала его женой... Глупая сказка...

— Вполне интересно... Только на Дивайна это не сильно похоже... Насколько я его знаю.

— А ты его знаешь? — спросила Алетиш, слишком поспешно, чтобы Шаэсса этого не заметил. «Почему девочку непреодолимо тянет к Дивайну? Что может их связывать? Откуда она его знает? Может, все это — не случайно? Почему она назвала Дом Тьмы? Почему она восхищается им? — Шаэсса окончательно запутался, — Предстоит долгая и упорная работа, перед тем, как моя кукла сыграет свою роль».

— Да, — лучезарно улыбнулся Шаэсса, потрепав Алетиш по голове, — Дивайн — тварь, каких не сыскать. Твой тролль — воплощение доброты и милосердия по сравнению с ним.

— А! Я вспомнила! Ты рассказывал мне о Доме Тьмы! Но ведь добро всегда побеждает зло? — спросила Алетиш, — Но почему тогда Светлый Дом проиграл битву?

— Знаешь, если все закончилось плохо, значит это еще — не конец. Я тебе обещаю, что мы победим! Тьма отступит, а ты, моя маленькая Летти, станешь настоящей принцессой...

— А ты — моим принцем... Навсегда, — прошептала девочка вдыхая запах его волос, — Ты — единственный человек, который так много значит для меня. У меня никого нет, но мне никто не нужен, когда ты рядом. Я не хочу расставаться с тобой. Я хочу, чтобы ты всегда был рядом.

Шаэсса рассеянно гладил ее по волосам. Такого поворота событий он явно не ожидал! Он не любил ее. Точнее он привязался к ней, но скорее, как к младшей сестренке. Но чтобы полюбить... Нет, к сожалению Шаэсса никогда раньше не замечал за собой такого чувства, как любовь. Интерес, увлечение, но не более.

— А теперь пойдем на улицу! Мне здесь скучно сидеть! — топнула ножкой Алетиш.

Шаэсса перебирал в голове кусочки мозаики, и вместо того, чтобы дать ответ на собственный вопрос, он лишь окончательно запутался. Просто нужно немного времени, чтобы разобраться и обдумать.

— И не на балкон, а в сад. К статуе, — закапризничала девочка.

— Я принесу тебе плащ. На улице похолодало. А ты пока побудь здесь.

Алетиш сидела и смотрела на сцену битвы. В ушах гудело, а перед глазами все плыло... Но стоило подумать о чем-то хорошем, так это сразу проходило.

Шаэсса вернулся быстро и предложил отнести Алетиш в сад на руках.

Девочка отказалась и теперь плелась вслед за Шаэссой, который что-то оживленно рассказывал. Они медленно шли в сад, которого она ни разу не видела, и это почему-то придавало ей сил. Статуя Анвеора, действительно была прекрасна. Его лицо было наполнено благородством, спокойствием и мудростью. Казалось, ничто не могло нарушить эту мраморную безмятежность. У подножья статуи лежали различные подношения, начиная от краюхи хлеба и мешочков с травами и заканчивая золотыми украшениями. У стены святилища стояла еще одна статуя, но уже поменьше. Она была выполнена в человеческий рост. Руки у статуи были сделаны так, словно они держат что-то невидимое.

— А почему там ничего не лежит? Или это уже отломали? — с интересом спросила Алетиш, повиснув на одной из рук статуи...

— Сюда, по обычаю людей Анвеора приносят детей, чтобы Анвеор благословил их на жизнь в Свете. Есть такой странный обычай, у нас, Домов, он не распространен, но вы, люди, его практикуете. У человека есть семья, и есть человек, который ценится выше всей семьи. Он не является кровным родственником, но является хранителем души. Он всегда один, и его выбирают родители ребенка, когда тот появляется на свет. Обычно это человек, добившийся многого в своей жизни, ибо от него зависит судьба ребенка. Раньше, исходя из традиций, этот человек не имел права стать Хранителем души сразу нескольких детей, но сейчас и такое возможно. Человек, избранный родителями, не может отказаться от своего права или передать его другому человеку. Там много различных нюансов, можно, конечно и найти лазейку. Но чаще всего люди соглашаются. Это своеобразное доказательство того, что

тебя ценят и уважают. Сюда кладут ребенка, чтобы Анвеор стал Хранителем его души. Но многие родители предпочитают, чтобы это был реальный человек, так как времена сейчас беспокойные, осиротеть можно в любой момент, и Хранитель души обязан взять ребенка под свою опеку до конца своих дней. Бывали даже такие случаи, что Хранитель Души женился впоследствии на своей подопечной, если это была девушка. Правда, у людей Анвеора браки между братом и сестрой, отцом и дочерью, матерью и сыном, а так же между Хранителем Души и его подопечным или подопечной запрещены. Но Хранитель Души не является кровным родственником, поэтому считаю запрет неуместным. Вообще, это — хорошая традиция для бедноты и плохая для богачей. Представь себе — кормить и содержать с десятков подопечных, чьи родители, перед тем как умереть «осчастливили» тебя подобной честью.

— Интересно, а у меня есть Хранитель души? — спросила Алетиш, оставляя статую в покое.

— Наверняка... Где-то есть... А может, это и есть Анвеор. Но, ты не думай об этом... Это просто суеверие и ничего больше... Не стоит думать об этом серьезно, — Шаэсса посмотрел на девушку, лукаво улыбнулся, и сорвал одну из роз. Он встал на одно колено и протянул цветок ей, предварительно сорвав со стебля все шипы. Алетиш смотрела с восторгом и не знала, как поступить...

— Ну, долго я так стоять буду? Ты берешь розу или нет, о прекрасная леди? У твоего рыцаря уже затекли колени... О какая скромная у меня леди... Или я для нее ничего не значу?

Алетиш взяла розу, а потом сорвала с нее все лепестки и подбросила их вверх. Они красиво падали, а Шаэсса смеялся:

— В этом мире все создано для твоего удовольствия! Цветы, чтобы ты наслаждалась их красотой, люди, чтобы доставлять тебе радость. То, что тебе не нравится, не достойно жить в этом мире! Живи так, словно завтра — последний день твоей жизни!

Но внезапно он стал серьезным. И на то была причина.

По аллее, к ним на встречу шел мужчина средних лет, убитый сединами, покорно опустив глаза при виде статуи Анвеора. Глаза Шаэссы вспыхнули, а губы искривились. Он попытался придать своему лицу добродушное выражение, но это получалось с трудом. Он говорил им. Сколько раз он будет им повторять! Король Теней с шумом втянул в себя воздух, а потом резко выдохнул. Алетиш этого не заметила. Она с

удивлением смотрела на нового человека...

— Простите, что я вам помешал... — тихо сказал старик в белом балахоне с золотой вышивкой в виде солнца на груди.

Алетиш вздрогнула. Она узнала этот голос! Он разговаривал с другими голосами об ошейнике... Девочка схватила Шаэсса за руку, и сжала ее что есть силы. Шаэсса стоял, словно статуя, всем видом показывая, что общество старика ему неприятно.

— Дело государственной важности. Сегодня на службу к статуе Анвеора приехал сам король. И раз уж вы здесь, то он очень хотел бы встретиться с вами. Вы должны пойти на службу. Простите еще раз... — у старика бегали глаза, а костлявые руки тряслись. Он алчно смотрел на Алетиш, как нищий смотрит на кошель, наполненный золотом, лежащий посреди дороги...

— Я приду... — произнес Шаэсса, с достоинством, — А теперь оставь меня.

— Он хочет видеть это сам, лично. Я просто передаю его волю, — старик развернулся и исчез в одном из тайных переходов.

Алетиш ревниво смотрела на Шаэсса. Он пойдет куда-то без нее! А она будет сидеть одна в комнате!

— Чего надулась? — Шаэсса улыбнулся, прикоснувшись пальчиком к ее сморщенному носу.

— Я пойду с тобой! — сообщила Алетиш. — Интересно, а что король хочет от тебя? Он ведь не будет тебя наказывать?

— Ты же не дашь меня в обиду? Вот и славно, — произнес Шаэсса, прикидывая, как бы решить проблему поизящней. Он любил изящные решения и нестандартные подходы. Но знал, что они не всегда эффективны. Повторюсь, он был великолепным стратегом и тактиком и умел виртуозно плести интриги. Разговор с королем Людей Анвеора был скорее формальностью, чем дипломатической беседой. Это значит, что король будет долго жаловаться на злыдни, пытаясь свалить часть ответственности на плечи Доминатора Серого Дома. Король — глуп. Нет, ложку он доносит до рта без проблем, но вот в остальном... Он ничего не смыслил в политике, тактике, стратегии. В военном деле он тоже не блистал талантами. Скучайший человек, нечего сказать. Власть принадлежала ему лишь формально, на самом же деле все государственные дела решали шайка министров, церковники и Дом Теней. Шаэсса мысленно проклял королевский род до седьмого колена.

Он уже встречался с ним раньше и прекрасно знал, что отец нынешнего правителя опустошил казну, разворовал все, что плохо лежало, а потом тихо сошел с ума, возомнив себя Великим Лекарем. Сумасшедший король требовал, чтобы все прокаженные и больные прикладывались к нему, а он водил руками по воздуху, шепча бессмыслицу. Умер он, как ни странно от старости, обладая до конца своих дней отменным физическим здоровьем и хорошим иммунитетом. Новый король, его сын, был робок и стеснителен и страдал от мысли, что ему придется что-то делать самому. Фактически правили всем и заправляли Анвеориты. Так называется этот гостеприимный культ, чьей помощи, в силу определенных обстоятельств, попросил Лорд Шаэсса.

Алетиш тем временем решила пройти по тонкой кромке ограждения статуи, чтобы привлечь внимание Шаэссы, который был настолько погружен в свои мысли, что даже не заметил, как она выделяла кренделя на парапете шириной чуть уже ладони и высотой в половину ее роста.

Радостно танцуя, она напевала песенку, которую слышала когда-то, но не помнила где:

— Лучик солнца пляшет, пляшет...

Золотинкой людям машет...

Если вдруг мне на ладонь,

Упадет с небес огонь,

Я зажгу сердца людей,

Чтобы мир был веселей!

Ха!

Алетиш громко прыгнула вниз, на землю, что вывело Шаэссу из состояния задумчивости.

— Кто тебе разрешал лезть туда? Я спрашиваю? Ты же могла упасть и сломать себе что-нибудь! — Шаэсса подошел к ней и посмотрел в ее честные глаза.

— Скажи мне, что ты так больше не будешь делать! — спокойно сказал Шаэсса.

— Буду! — топнула ногой Алетиш, посмотрев на него. В ее глазах был открытый вызов.

— Не нужно мне перечить! — строго сказал Шаэсса, пытаясь взять ее за руку.

Девочка вырвала руку и засмеялась:

— Ты тоже умеешь злиться! Я уже не хочу никуда идти!

— Хватит разговоров. Сейчас начнется служба. Мы должны быть там! — сказал Шаэсса, пытаясь поймать ее руку. Он оказался проворнее, чем девочка предполагала, и вскоре он тащил упирающуюся Алетиш по саду, а она вырывалась и извивалась, пытаясь всячески высказать свое недовольство.

Король встретил их в крытой галерее. Он стоял среди подданных, одетых в синие ливреи. Белоснежные фигуры жрецов скользили к статуе. В руках жрецов были странные шесты, похожие на копья. На конце каждого копья горел маленький огонек.

— Огоньки символизируют звезды... — прошептал Шаэсса на ухо Алетиш. — Обычно огоньки располагаются по бокам. Если служба проходит в темноте, то это, поверь мне, восхитительное зрелище.

Тем временем один жрец, в золотой мантии шел, неся на кончике шеста Нечто серебристое, похожее на тарелку.

Алетиш громко хихикнула, и потянула Шаэсса за рукав.

— Это символизирует Белую Ладью, на которой в мир этот прибыл Анвеор и люди Анвеора, — наклонился он к ней, — Ее проносят мимо звездных шестов, символизируя полет, а потом вся процессия двигается к статуе Анвеора и запускают в небо волшебные огни.

— Но ведь они могу колдовать? Зачем им эти палочки? Не вижу смысла, — сказала Алетиш, переминаясь с ноги на ногу. Ей уже надоело стоять на месте.

— Я никогда над этим не задумывался... — пожал плечами Шаэсса. — Так решили изначально — вот и все. Не все же Анвеориты... ну... эти люди в белом... умеют колдовать. Колдовство — достаточно редкий дар. Не каждый имеет такую силу. И тем более не каждый умеет ею управлять и накапливать.

— А ты умеешь? — спросила Алетиш, повиснув у него на руке.

Этот наивный детский вопрос поставил Шаэсса в неловкое положение. Эта девчонка любому даст сто очков вперед. Давненько Шаэсса так не прокалывался. Сам решил объяснить — сам подвел ее к этому вопросу. Почему он всегда прокалывается на самой незначительной детали? Он сам виноват! Нечего винить ребенка за то, что у кого-то слишком длинный язык.

— Немного, — смутился Шаэсса.

— Вот здорово! — воскликнула Алетиш, — Покажешь?

— Тс! Не прилично кричать во время службы! Они нам голову оторвут! Анвеор для них — святое! Когда-нибудь покажу...

— Ой, — смутилась Алетиш, громко зевая, — Лучше бы сейчас, а то скучно. Неужели нельзя сделать что-нибудь веселенькое?

— Нет, — Шаэсса сгреб ребенка в охапку и ловко двинулся вслед за процессией. У статуи стоял король, сложив руки в Знаке Света. В тот момент, когда в небо полетели огоньки, проворный лакей подsunул бархатную подушку под ноги королю. И тот встал на колени, как и все остальные. Шаэсса, закатив глаза, стоял и ждал, покуда все поднимутся. Алетиш стояла рядом, периодически восклицая: «Смотри!» и «Как красиво!».

Служба закончилась, король встал, опираясь рукой на протянутую руку слуги. Подушечка исчезла вместе со слугами, повинувшись едва заметному жесту владыки. Он был совсем не стар. Его глаза были карими, волосы рыжеватыми, а на королевском носу располагалась целая поляна веснушек.

Он поприветствовал Шаэссу так, словно это был его дорогой друг. Алетиш было безумно интересно, почему. Если здесь есть король, то Шаэсса просто не может быть принцем, ибо король слишком молод. Ей и в голову не могло прийти, что руку, за которую она нетерпеливо тянет, целуют, стоя на коленях, но совсем в другом государстве.

Шаэсса слегка поклонился, делая шаг вперед. Алетиш было смешно смотреть на весь дворцовый этикет, но она решила вести себя хорошо.

— Я безумно рад вас видеть здесь, — с нескрываемой радостью сказал король. — До нас дошли тревожные слухи о том, что на границах небезопасно. Как вы добрались? Где ваш эскорт?

— Со мной было пятеро инфорсеров и два пасфаиндера. Мне этого вполне хватило, чтобы добраться сюда живым и здоровым, — вежливо ответил Шаэсса.

— Я рад... Я просто счастлив... — король, очевидно, обдумывал следующую реплику, так как ответ на предыдущую был короче, чем он ожидал. — Это просто замечательно? Не правда ли, друзья мои?

Шаэсса кивнул, а пока король обдумывал, как бы поизящнее поинтересоваться тем, что его волнует на самом деле, Шаэсса подмигнул Алетиш. Она этого не заметила, так как тем временем ковыряла носком сапога песок и уже выкопала приличную ямку.

— Это и есть то, о чем мне так много говорили? — спросил король, косясь на Алетиш. Девочка зарывала ямку и уже изрядно пыльными сапогами прыгала сверху, поднимая пыль.

— Да, — кивнул Шаэсса.

— Это — ваше сокровище? — король с интересом смотрел на Алетиш, которая тем временем полезла на клумбу, за цветком, — С виду — обычный ребенок. Подвижный, веселый... Мнэээ.... Правда ли она то, что мне говорили?

— Абсолютная правда, — с легкой улыбкой сказал Шаэсса.

— Удивительно... Я верю вам на слово... И это... Мнэээ.... И это есть наша последняя надежда? Правда ли она сможет сделать то, о чем мы все мечтаем уже много веков? Она — дитя света, которому предназначено уничтожить тьму? — король посмотрел на безмолвную статую Анвеора, единственного свидетеля этого разговора, не считая Алетиш, которая умудрилась залезть на клумбу и зацепиться одеждой за колючки. Вывернувшись, она долго изучала цветы и различных насекомых. Шаэсса напряженно следил за ней боковым зрением, внутренне содрогаясь при мысли о том, что сейчас не слишком дружелюбная пчела ужалит ее, или особо вредная колючка расцарапает ее до крови.

Алетиш благополучно выбралась из зарослей. Дело в том, что там росли не только розы. Растения создавали причудливую композицию, казалось бы, не сочетаемую и в то же время очень гармоничную. Она символизировала мироздание во всем многообразии форм. И колючек там было приличное количество. Сознаться честно, просто там давненько никто не прибирал, а не вовсе потому, что безвестный автор сего убожества видел мир настолько депрессивно.

Шаэсса обрывал колючки с одежды девочки, вытаскивал репейник из волос, пытаясь придать ей первоначальный вид, однако зеленое пятно на коленке, пыльные сапоги, порванный рукав никак не хотели вписываться в принципы дворцового этикета.

Король Людей Анвеора с глуповатой улыбкой взглянул на девочку, а потом спросил:

— Как тебя зовут, дитя мое?

— Я не ваше дитя... — не совсем вежливо сказала Алетиш, что вызвало на лице Шаэссы тень усмешки.

— «Дитя мое», это — образное выражение, которое может

употребиться к девушке или ребенку, человеком более старшим по возрасту. Не принимай все буквально... — сказал Шаэсса, улыбаясь королю.

— Алетиш... — сказала она, ковыряя носком гальку на дорожке...

— Красивое имя... А вы, мой друг, Шаэсса, ее прямо таки удочерили...

— Нет, скорее я — ее старший брат, — вежливо улыбнулся Шаэсса, — Алетиш устала, я думаю, мы обязательно с вами встретимся и обговорим некоторые нюансы.

Дни медленно текли один за другим, сверкая осенним солнцем сквозь толстые стекла ее комнаты. За это время Алетиш научилась не искать объяснений, а просто жить. Наслаждаясь каждым отмерянным ей днем.

— Пошли! — прыгала она рядом с Шаэссой, повиснув у него на руке. — Сыграем в прятки? Я буду прятаться!!! Считай!

Шаэсса, улыбаясь, прислонился к колонне и закрыл глаза, начиная вслух с улыбкой считать.

Алетиш взволнованно пустилась со всех ног по песчаной дорожке. Она еще в прошлый раз присмотрела себе замечательное местечко за одной из статуй. Это был старик с длинными волосами. В руках он держал какую-то книгу, а на шее у него висел красивый кулон. Алетиш ловко скользнула в нишу между статуей и стеной и притаилась. Она мысленно улыбалась сама себе, потому, что никогда не была так счастлива. Ничто не сделает их чужими. Она вспомнила лучистую улыбку Шаэссы и мысленно улыбнулась ему в ответ.

— Вылезай, принцесса! Я тебя нашел! — рассмеялся Шаэсса, заглядывая в ее убежище.

— Как ты меня находишь? — обиженно спросила девочка.

— Просто. Тут нет ничего сложного. Где бы ты ни спряталась, я обязательно найду тебя.

Алетиш сморщила носик, демонстрируя страшную обиду:

— Ты сжульничал! Ты подсматривал!

— Согласен, что не всегда играю по правилам. Но в этот раз я был абсолютно честен. Просто приглядишься к следам на песчаной дорожке и сразу все поймешь...

Алетиш рассмеялась и повисла у него на руке.

Последнее время Шаэсса стал замечать, что он ее сильно

разбаловал. Девочка вела себя не совсем хорошо. Могла спокойно вылить содержимое серебряного кубка на пол и рассмеяться, воротить нос от предложенной еды, капризничать на прогулке... Таких милых «грешков» Шаэсса уже не считал. Просто сбился со счета. С одной стороны он мог бы спокойно наказать ее, как непослушного ребенка. Ну, например, запереть ее в комнате, покуда не одумается... Или... Просто Шаэссу в детстве никто никогда не наказывал, и он с трудом мог подобрать такие наказания, чтобы призвать Алетиш к порядку, при этом не применяя физическую силу и моральное давление. Он предпочитал немного повысить голос, что тоже постепенно теряло свою силу. Ему было трудно. Несмотря на кажущуюся юность, Шаэссе было около пятидесяти лет. Нет, он не был магом, придерживающим личину, или принимающим чудодейственные эликсиры, дело было в его природе. Он был — Даром Дома Теней. Отсюда и двуцветные глаза, и некоторые магические способности. Получить ДАР, было большой удачей для любого Дома. Это обеспечивало ему процветание на долгие годы правления Дара. Но мать Шаэссы отказалась от этой участи, поэтому трон перешел к ее сыну. Ценой собственной жизни мать посадила Шаэссу на престол в обход всех правил и формальностей. Она разыграла самый мощный и страшный козырь, навсегда очернив свое имя. Теневой Совет — совет магов Серого Дома тогда благоразумно промолчал, но сейчас снова начал диктовать свои условия и поднимать голову. Самой главной проблемой Шаэссы было наличие Теневого Совета. Находился Совет прямо в столице его владений и заседал по особо важным вопросам. Шаэсса так же имел свой весомый голос, однако, Совет спал и видел, как свергнуть своего Доминатора. Доминатор платил им взаимностью. Однако он был бессилен. Совет его ничуть не боялся, ибо состоял исключительно из сильных магов. По иронии судьбы магом Шаэсса никогда не был, о чем сожалел неимоверно. Вот так и получался замкнутый круг. Как убить сильнейших магов мира он еще не придумал, но отказываться от идеи явно не собирался.

И в этот раз у Шаэссы назревали очередные неприятности, к которым нужно было торопиться. Но было нечто, что не давало ему уехать. Он снова попался в замкнутый круг. Он не мог бросить девочку, и не мог взять ее с собой. Узнав, что она представляет для него ценность, ее жизнь и здоровье было под угрозой. Но она не сможет себя

защитить. Пока не сможет.

Глава VII. Фокус

Глава VII. Фокус

Глава VII. Фокус

Шаэсса пришел к Алетиш в комнату и увидел, что она прыгает на перине. Резная кровать скрипела на все лады, но держалась из последних сил, ибо была сделана на совесть.

— Летти... Я должен буду уехать... Ненадолго... — сразу с порога заявил он, видя как она побледнела. — Дела... Очень важные и неотложные.

— Утром у тебя не было никаких дел, а тут вдруг появились! — Алетиш выпятила губу и присела на подушку.

— Хорошо... Скажу тебе так... Король дал мне одно поручение... — придумал ответ Шаэсса. Хороший предлог.

— Я знала, что ты никакой не принц, раз король тобой командует.

— Да, я никакой не принц, — сказал чистую правду Шаэсса. И ведь не солгал. Бедная девочка никак не может разобраться во всех тонкостях политики. Как бы ей подоступнее все объяснить? Нет времени. Пусть думает, что хочет!

— Ты меня тут бросишь совсем одну? — некрасиво улыбаясь, спросила Алетиш, — Когда и насколько ты уедешь?

О! Это были явно не слова ребенка. Это была реплика обиженной и ужасно ревливой невесты. Шаэсса почувствовал это и мысленно поаплодировал ей. Неплохой трюк. Хорошая формулировка.

— Никто тебя не бросит... Я уеду завтра утром, а вернусь через шесть дней, — спокойно сказал Шаэсса.

Алетиш спрыгнула с кровати и обняла его. Он вдыхал запах ее волос, а она терлась щекой о его курточку. Шаэсса знал, что обычно следует за такими объятиями, и превентивно отстранил ее от себя, не дав расплакаться. Губы девочки дрожали, глаза стали грустными-грустными... И тут Шаэсса понял, что ее нужно было срочно остановить. Магических сил у него не осталось. Вопрос, решаемый с королем, а потом с Анвеоритами, а потом снова с королем, почти окончательно выжал Шаэссу.

— Я тебя люблю! — вдруг сказал Шаэсса. Он и сам удивился как это у него вырвалось.

— Ты меня любишь? — девочка была ужасно удивлена.

— Ну да. Ты — моя маленькая сестренка. Как можно тебя не любить? — весело сказал Шаэсса.

— Сестренка... — грустно сказала девочка.

— Когда вырастешь — станешь моей невестой! — радостно сказал Шаэсса, но в глубине души он почувствовал странную горечь. Он лгал. Бессовестно и нагло.

Алетиш счастливо улыбнулась.

— Маленькая моя, я никогда тебя не брошу... — Шаэсса с надеждой взглянул в ее лицо, пытаясь понять в какую сторону клонить дальше. — Я буду с тобой всегда. Даже если мир прекратит свое существование. Даже на пороге смерти я буду с тобой. Если будет нужно — я убью, украду, предам, но буду с тобой. Если нужно встать на колени — я встану. Чтобы только быть с тобой.

Получилось достаточно красиво. В меру пафосно, в меру героично. Немного экспрессивно, но вполне литературно. И теперь, по законам жанра, доблестному рыцарю пришлось бы развернуться и уйти на поиски приключений, но Шаэсса пока никуда не собирался.

— Ты обещал мне показать фокус, — мягко сказала Алетиш.

— С удовольствием, — выдохнул Шаэсса. — Что ты хочешь увидеть?

Дело в том, что он не совсем понимал, что имеется в виду под словом «фокус». Будучи представителем высшего сословия, в мире, где по злой иронии судьбы ценилась превыше всего магическая сила, Шаэсса не представлял, чтобы кто-то показывал фокусы. С магией не шутили. Ею пользовались разумно и осторожно. Никому не приходило в голову использовать магию просто так. Это воистину редкий дар, который с усердием селекционеров, выводили и усиливали на благо государства. Если в тебе есть хоть капля магии, то будь уверен, что тебя заметят. Если сейчас ты не годишься, то тебе подберут супругу или супруга с начальными магическими способностями, ради усиления магических способностей будущего поколения. Здесь любовь не имеет никакого значения. По законам наследственности магия, таким образом, возрастает с каждым поколением. И можно быть уверенным, что спустя двадцать поколений из рода талантливых крестьян получится вполне неплохой колдун. Ради такого благого дела был отменен запрет на близкородственные браки, что значительно упростило дело с магией и

усложнило дело с наследственными заболеваниями. Это касалось и королевского рода. Но «король» — это не совсем то понятие, которое использовалось в Домах. Они называли владыку «доминатором». Сначала шло слово «доминатор», а после титул и имя. Раньше в Домах царило правило магии в вопросах престолонаследия. Престол получал тот наследник, чьи магические способности были выше, чем у других. Не имеет значения сын это или дочь, внук или племянница. Но со временем это правило забыли. В эпоху мертвых детей выбирать было не из кого. Мало какая семья вообще могла похвастаться тем, что у нее есть наследник. Есть наследник — хорошо, нет — место займет другая династия. Чуть позже об этом правиле вспомнили и стали использовать в том случае, если на трон претендует два и больше кандидата. Поскольку продолжительность жизни была достаточно высокой, то к моменту, когда Доминатор окончательно одряхлеет, у него уже были не только дети, но и внуки. Выбор был. А значит, нужно было не ошибиться. Существовало так же прецедентное право наследования трона особой женского пола, однако и здесь возникали проблемы. В Доме Тьмы к этому относились отрицательно и подобных прецедентов не допускали. В Доме Тени такое иногда практиковалось. В Доме Света это было частым явлением. Обычно женщина-Доминатор получала в довесок к титулу супруга, который формально именовался королем, но титул Доминатора не носил. Двухуровневая система титулов, возможно, могла бы показаться слишком сложной, но на практике доказала свою эффективность. В истории Светлого Дома была женщина — правитель. Королева Аннабэль, Доминатор Светлого Дома. Власть принадлежала королеве, а король был просто супругом, основной миссией которого было подарить королеве наследника. Да, он имел некоторые привилегии, но все зависело от настроения королевы. С этим и был связан один казус. У короля на стороне родился ребенок. Королева тоже родила ребенка вне брака. Король знал об этом прекрасно, ибо в то время был отлучен за измену от королевского ложа на два года. В итоге власть унаследовал внебрачный ребенок королевы, а все потому, что титул Доминатора носила она, а не рогатый супруг. В данном случае все решили, что «отец наследника — просто случайность».

Так же наличие двойного титула было связано, прежде всего, с необходимостью получения власти законным путем. Старый доминатор, умирая, передавал власть наследнику. Не имело значения, мужчине или

женщине, в данном поколении или через поколение. На все была воля доминатора. Но именно передача власти путем последнего волеизъявления была ритуалом становления нового доминатора. Поэтому старались не затягивать это дело и, еще находясь в здравом уме и твердой памяти, доминатор передавал титул короля своему наследнику. Правда, бывали и прецеденты. Правитель уже отошел в мир иной, а ритуала не было, тогда выкручивались, как умели. Кто-то шел на узурпацию престола, кто-то применял магию, позволяющую «поднять» мертвого, в качестве послушной куклы, на определенной количество ударов сердца, и благополучно проводил данный ритуал. Дело в том, что если так не поступить, то ты на всю жизнь останешься «принцем» или вообще не будешь иметь титула. Несмотря на то, что будешь «доминатором». Неужели это так важно? В какой-то мере это определяет отношения между владыками домов. Принц-доминатор, по законам придворного этикета должен был первым приветствовать короля-доминатора поклоном. Так же принц-доминатор обязан был встать при появлении доминатора-короля. Так же принц не должен сидеть в присутствии короля, без разрешения на то. Но эти формальности были давно забыты в связи с беспокойным временем. Если быть точнее, то нашелся такой человек, который наплевал на все обычаи, а перечить ему никто не решился.

Но Шаэссе в этом плане волноваться было не о чем. Власть он получил формально законным путем, поэтому именовался Доминатором Дома Теней, Королем Шаэссой. Но фокусы он, несмотря на данный титул, показывать не умел. Хотя, пожалуй, у него было парочка магических вещичек с собой, а с их помощью можно выдать за фокус все, что угодно. Так он и поступил.

Шаэсса повернул браслет на запястье, и перед ними появился небольшой столик. Он был круглым, но не ровным. На нем был нанесен ландшафт и специальная разметка. Повернув браслетик еще раз, Шаэсса заставил миниатюрные деревья качаться, облака плыть, путаясь в горных пиках, а воду в озерах пойти рябью. Указав на определенное место на столике, Шаэсса, украдкой посмотрел на притихшую от восторга Алетиш. Пейзаж раздвинулся. Деревья стали больше, исчезла часть горного хребта. Стало отчетливо видно озеро. Он сделал знак рукой и на полянке появились маленькие воины. Прямо, как настоящие. Кони рыли копытами землю, пехота строилась в шеренги, а на том

конце поляны то же самое делали другие воины. Эти были одеты в белоснежные одежды. Те, что стояли чуть поодаль были одеты в черное. Потом на поле боя выступили маги. У светлой стороны магов было больше...

— Хочешь увидеть, как проходила последняя битва Света? — спросил Шаэсса. Алетиш пыталась притронуться к фигуркам, но рука проходила сквозь столик.

— А как их двигают?

— Никак. Они сами двигаются.

— А зачем это вообще нужно? — спросила Алетиш, пытаясь поймать хоть одного воина.

— Для того, чтобы смотреть. Или играть. Если умеешь колдовать, то можно создать самого себя и посмотреть на себя со стороны. А вообще на этой доске отрабатывают стратегию и тактику.

— Здорово! — закричала Алетиш, хлопая в ладоши.

Миниатюрная конница Света была готова наступать в любой момент. Лучники Света размещались вторым рядом после пехоты, и последним рядом, в самом тылу. Пехота была выстроена в длинную шеренгу, закрытая конницей по флангам. Закованные в тяжелые доспехи рыцари стояли центральным звеном пехоты Светлых. В тылу разместился человек в белоснежной одежде, с короной на голове. К нему постоянно бегали людишки и что-то спрашивали. Недалеко от него стояла группа людей в балахонах. Они тоже периодически подходили к королю и что-то уточняли. Темные стояли узким клином. Лучники темных стояли по флангам, а конница по центру. По численности войска казались равными. Точно так же, где-то в тылу стояла черная фигура. В отличие от светлых, к ней не было постоянной беготни, наоборот, все старались обойти ее стороной. Небольшая кучка людей в черных балахонах просто стояли и смотрели на вражескую конницу.

Алетиш почувствовала, что игра поплыла перед глазами. Она, словно, затягивала. Ее невесомое тело, казалось, встало посреди поля битвы. Она не услышала сигнала к наступлению, но увидела, как медленно прямо на нее двинулась конница Тьмы. Черные кони хрипели. Их тяжелые сбруи звенели на скаку, а черные попоны были уже заляпаны кровью. Она страшно испугалась и попыталась убежать. Полетели черные стрелы. Оказывается, лучники Дома Тьмы занимали

позицию по флангам. Это было страшно красиво. Ни одна стрела не попала в Алетиш, хотя та стояла на пути. Где-то внутри ее что-то болезненно дернулось, но это был только страх. Парализующий и захватывающий. Она была неуязвима в призрачном мире битвы. Девочка попыталась прорваться к Светлым, чтобы посмотреть на битву оттуда. В тылу Светлых воцарилось спокойствие. Маги, именно ими оказались люди в балахонах, негромко переговаривались друг с другом, решая, куда лучше ударить. Человек с белой короной с одухотворенным и мужественным лицом, отдавал приказы, которые беспрекословно выполнялись. Маги готовились. И тут один из магов встал, гордо подняв голову, и ударил, покачнувшись, прямо в сердце черной конницы. Заклинание светлой молнией пробило гущу врагов, повалив на землю всадников двадцать. Вслед за ними на землю рухнули те, чьи кони споткнулись о тела. Возликовав, Свет бросился в атаку с утроенной силой. Второй маг, подчиняясь жесту короля, взял за руки другого и они ударили. Едва различимая вспышка прошла над головами светлых и с огромной силой обрушилась в стан врагов. Один из магов застыл с некрасивой улыбкой на лице. Лицо его искривилось от напряжения, а второй закатил глаза, но было видно, как на его лбу проступили бисеринки пота. Удар пришелся в самое сердце темного воинства. Как раз туда, где вражеские маги готовились к ответу. Часть магов успела растянуть щит, а часть полегла, испепеленная сияющей стрелой. Только одна фигура не дернулась. Ее прикрыли маги своими телами, встав живым заслоном. Один из темных магов пустил черную змею, которая потекла из его руки прямо в сторону наступающего Света. Как только первые воины коснулись змеи, так раздался оглушительный взрыв, уносящий десятки жизней. Войска наконец-то встретились, и завязалась битва. Один из светлых магов крикнул:

— Хорошая работа, Денсель Черный уже исчерпал себя!!! Он не способен на второй удар. Пора бить чем-то помощнее. Цельтесь по магам, а не по пехоте! Попытайтесь вывести из строя, как можно больше магов!

В воздух полетели стрелы. Лучники стреляли в черную гущу врагов. Им было не видно, в кого именно они попали, но результат не заставил себя ждать. В ответ с флангов Тьмы полетели стрелы, выбивая из строя все больше лучников Света.

— Анс! Бьем все вместе! Мы должны продержаться до тех пор,

покуда не подоспеет армия Анвеоритов! На счет «три»! По западному ветру! — кричал мужчина, вытягивая руки вверх. Пресловутый ветер рвал его волосы.

— Авер! Ты сошел с ума! Это слишком! Мы не будем способны на второй такой удар! — произнес, перекрикивая битву другой маг, рисуя на земле странные знаки.

— Ничего, если в конце мы не досчитаемся парочки подмастерий! Сосредоточьтесь и ударьте, как следует! — командовал звучный голос сзади.

— Это выведет наших магов из строя надолго! Они не успеют восстановить силу.

— После этого удара у Тьмы не останется магов! Бейте! Мы дождем их пехотой!

Алетиш зажмурилась от яркого света, который внезапно ударил в глаза. Огромный огненный шар, заслонил солнце и прорезал вражеское войско, словно нож. Он летел целенаправленно. А потом была вспышка... Настолько яркая, что битва почти остановилась. Когда свет рассеялся, Черных магов почти не осталось.

— Красиво получилось! Прощай, Черный Денсель! Много ты кровушки нам попил! — произнес голос одного из магов. Он был усталым, но в нем слышались нотки гордости и торжества.

— Не по конвенции получилось... — едва слышно сказал кто-то.

— Война все спишет!

— Ура!!! — грянул громогласный клич в рядах Света.

— Помолчи! Рано еще кричать!

— Три подмастерья.... — выдохнули почти в ухо Алетиш.

— Немного... Я думал больше будет... Они погибли во имя Света! Не велика потеря. От Анора вообще ничего не осталось. Но он был самым слабым... Бездарь! Три года бесполезного....

— Судьба у мальчишки такая. Не будем об этом. Главное, что Магистр и Пресветлые целы. Война пока обходится нам малой кровью.

— Алад, твои слова да будут услышаны. Почему нет Великого Знамения?

— Черный дом потерял почти всех магов! Конец близок. Осталось разгромить их кавалерию и все! Как вы считаете, Шарон?

Недалеко от Алетиш стоял абсолютно спокойный невысокого роста человек с красивым лицом и немного хищной улыбкой. Он был одет в

серое и держался так, словно битва его не касалась.

— Простите, я здесь всего лишь наблюдатель... Серый Дом обязан быть беспристрастным, но в данном случае я скажу, что вы, несомненно, находитесь в положении более выгодном, чем противник, — равнодушно бросил Серый.

Но армия Тьмы не остановилась. Несмотря на ликование Света, Тьма продолжила битву. Свет попытался окружить Темное воинство, однако фланги оцетинились копьями, и лучники на флангах снова осыпали градом стрел желающих пройти в тыл.

— Они обречены! Да здравствует Свет!

— Да здравствует Свет! — пискнула Алетиш, но ее никто не слышал. Она попыталась прикоснуться к одному из магов, но рука прошла сквозь него. Ее к тому же никто не видел!

Тем временем в темном стане произошли перемены. Девочка внимательно взглянула туда и увидела одинокую фигуру, стоящую на поляне мертвых тел. Это было страшное и в то же время притягивающее зрелище. Тьма сделала шаг назад. Они отступили почти на изначальный рубеж. Конница рассеялась по бокам, образуя длинный коридор для пехоты. Щиты укрыли фигуру в темных доспехах от стрел, летящих в темное воинство. Некоторые защитники больше никогда не встали с земли. В голове Алетиш заиграла странная мелодия, грустная и щемящая сердце. В ней была и светлая тоска и тайная надежда. Надежда на то, что битва так и закончится. Что все погибшие люди погибли только в игре.

Игра продолжалась. И музыка внутри превратилась в удары барабанов, в которые вплетались песнопения.

Высокая фигура стояла в окружении воинов. Алетиш вдруг увидела что-то неуловимо знакомое. Она бросилась напрямик сквозь призрачную битву, по инерции отворачиваясь от призрачных стрел. Она должна успеть... Успеть увидеть его... Узнать правду. Она хотела взглянуть врагу в лицо, и если она выдержит его страшный взгляд, то она выдержит битву внутри себя, если тьма снова захочет овладеть ее сердцем...

Фигура становилась все ближе и ближе. В черном небе полыхнула серебристая молния, затем другая.

Алетиш бежала, наугад, потеряв все ориентиры. Она металась среди воинов, пытаясь понять, куда дальше, и внезапно выбежала на

поляну, усеянную телами. Они лежали в таких позах, что было видно, что они погибли в страшных мучениях. Захотелось зажмурить глаза покрепче и не открывать их никогда. Но это означало лишь то, что весь этот путь был проделан напрасно, поэтому через силу открыв глаза, девочка увидела мужчину огромного роста. По крайней мере, ей так показалось. На нем были странные доспехи, неимоверно тяжелые, украшенные на наплечниках и поножах огромными острыми шипами. На наручах у него блестели два лезвия, а в руках была исполинская алебарда. На нем не было шлема. Было что-то похожее на высокий стальной воротник, закрывающий половину лица. Он изукрашен дивным узором, имитирующим оскал дикого зверя. На бедрах у него была клинообразная длинная юбка, спадающая на траву крупными складками. Волосы мага сплетены в высокий хвост и были черными и даже, как ей показалось, немного отливали красным. К его разведенным рукам постепенно стекалась тьма, сплетаясь вокруг пальцев и кистей рук, в виде браслетов и колец. В небе полыхали зарницы, и в проблесках зарева было видно, как отовсюду слетаются черные птицы. Они кружились тучами над полем брани, чуя поживу. Люди, стоящие, вокруг, прикрывали колдуна своими щитами, у кого-то щит был утыкан стрелами, а у кого-то еще нет. Это означало лишь то, что этот воин занял место павшего. Внезапно Темный колдун сделал странный жест рукой, и все, кто находился впереди присели на одно колено, как по команде. Вот почему впереди не было кавалерии! Над головами пехотинцев пронеслось нечто невероятное. Черное облако, полыхая раскатами, врезалось в толпу магов Света, которые пытались ответить чем-то серебристым, но Темная Смерть поглотило ответное колдовство и пронзило насквозь стройные ряды Света. Черный колдун покачнулся и оперся на алебарду. Один из воинов, совсем юный, подставил свое плечо, надеясь, что хозяин обопрется на него, но тот не стал это делать. В стане Света раздался страшный крик. Это был ужас вперемешку с удивлением и отчаянием.

— Лорд Дивайн! — выдохнули темные воины, вставая на колени перед магом. Кто-то из них поцеловал полу длинной клинообразной юбки, которая была приталена и крепилась на широкой кровавой ленте, повязанной вокруг талии, поверх доспехов. Сзади она напоминала часть плаща, спереди — многогранным клином ложилась на землю. По ногам были сделаны разрезы. Они доходили до самого бедра, и обнажали

поножи и тяжелые сапоги.

Солдаты смотрели на него с таким обожанием и страхом, с таким восторгом и надеждой, словно он был для них богом.

Светлые, подняли голову, осознав, что потери для них, хоть и страшные, но не критичные. Они понадеялись на то, что у колдуна просто не хватит сил на второй такой удар....

В этот момент подоспели первые отряды людей Анвеора.

Их знамена несли добрую весть для Дома Света. Алетиш видела, как наполнялись их лица радостью, при виде своих союзников. Она внутренне ликовала вместе с ними, ибо понимала, что Свет не умрет, нет! Армия Тьмы отступит, а мир снова вздохнет спокойно. Гравюра ошиблась! Картина солгала! Войско Анвеоритов ударило Тьму с фланга. Алетиш даже задрожала от возбуждения. Но Тьма не дрогнула и не отступила, несмотря на то, что ее оттесняли сразу с двух сторон.

Алетиш решила посмотреть, что происходит у Светлых. Она бросилась обратно и увидела, как Король Анвеоритов протягивает жрецам странную сверкающую штуку. Это было похоже на браслет. Внезапно браслет засветился еще сильнее, и прямой луч света ударил в небеса.

И тут послышался приглушенный звук рога. Он был настолько странным, что девочка резко обернулась. Объятый белоснежным огнем, с растрепанными волосами, стоял человек, со знаменем в руках. Оно сияло так ослепительно, что многие прикрыли глаза руками.

Все, кто видели эту фигуру, падали ниц, прекращая битву. Человек медленно шел по земле, усеянной мертвыми. Его лицо было идеальным. Четко очерченные губы, глубокие глаза невероятного цвета — розового, сияющие пепельные волосы сияли вместе со знаменем. Алетиш дернулась и поникла, взирая на это видение. Навстречу ему вышли трое. Только они не стояли коленопреклоненные. Каждый из них отвесил изящный поклон. Двоих Алетиш узнала. Черный колдун в доспехах, имитирующих звериный оскал, Светлый король, в сверкающих пластинах брони, и нашлемником в виде короны. Светловолосого мужчину в легких доспехах и сером плаще она тоже узнала. Теперь на нем была диадема, что говорило о том, что он такой же владыка, как и два предыдущих. Чуть поодаль стоял другой мужчина, в золотой броне, украшенной вязью звезд. Он, казалось, замер в нерешительности. Он не знал, как себя вести. Сияющий исполин со знаменем произнес:

— Подойди сюда.

— Анвеор... — произнес одними губами король людей Анвеора, — Ты вернулся... Это... Это... Вы, Владыка Анвеор...

— Шаграт, — низко произнес Черный Владыка, немного склонив голову.

— Аггарт, — гордо сказал Белый Король, отвечивая изящный поклон.

— Аграш, — прошипел Серый Король, скрестив руки на груди, в поклоне.

— Кто бросил вызов? — спросил исполин.

— Я, Анфаэль Раиль, доминатор, король Светлого Дома, бросил вызов, — ответил Белый Король, снимая шлем. Его голос был дивно мелодичен, а лицо было точно таким, как Алетиш видела на фреске.

— Кто ответил? — просил Сияющий Человек.

— Я, Дивайн Эндор, доминатор, принц Черного Дома, ответил на вызов, — прохрипел Черный Король. Его голос был настолько низким и хриплым, что казался рычанием зверя.

— Кто следит за битвой?

— Я, Шарон Харцблайнт, доминатор, король Серого Дома, слежу за битвой, — прошипел король Серого Дома. Он говорил с придыханием, почти не разжимая губ. Свет победил. Тьма проиграла...

Глаза исполина посмотрели на Алетиш, и она содрогнулась под тяжестью взгляда.

Где-то в глубине души проснулось странное чувство. Чувство обжигающей ненависти. Как она могла ненавидеть человека, которого не знает?

— Предатель! — прошептала она, чувствуя, как что-то страшное рвется наружу из груди, — Ты обманул меня! Ты обещал мне свободу, но вместо этого, ты...

Алетиш прижала руку к груди, словно пытаясь помешать чему-то ужасному вырваться из нее и наброситься на исполина.

Она закрыла глаза, а когда открыла, то увидела знакомую комнату и Шаэссу, стоящего в оконном проеме. Его красивый профиль вырисовывался в мягком свете осеннего дня, а волосы золотились в солнечных лучах. Он произнес жестко:

— Ты меня предала. Ты принадлежишь ему! Твое сердце сделало свой выбор! — его глаза были полны ненависти. А в волосах его

блеснула зубцами золотая корона. Его лицо стало хищным и неприятным.

Она отпрянула от него, пытаясь понять причину такого поведения, как вдруг со стен стала осыпаться краска. С полотна прямо в комнату шагнул еще один человек.

На нем была черная туника, с расшитым поясом, и широкие штаны черного цвета, заправленные в низкие сапоги. Все это прикрывал черный полупрозрачный бишт. Волосы гостя были причудливо заплетены назад, а шею украшало черное ожерелье. Тень падала ему на лицо, поэтому разглядеть его не удавалось.

— Настало время для того, чтобы выбрать сторону. Но как ни выбирай, ты выберешь смерть, — проговорил низкий голос, выбрасывая вперед руку.

— Шаэсса! — вскрикнула Алетиш, бросаясь к внезапно изменившемуся Шаэссе, пытаясь схватить его за руку. — Ты говорил, что никогда меня не бросишь...

Лорд Шаэсса ее не слышал. Он стоял и смотрел в глаза черному человеку с гравюры.

— Девочка должна умереть. Таково ее предназначение. Она была создана для этого, — спокойно сказал Шаэсса, — Смерть ее станет началом нового мира. Нашего мира. Твоего, Дивайн и моего. Все на что мы надеялись, все на что рассчитывали, все ради чего жили, скоро станет реальностью.

Алетиш закрыла глаза и снова открыла. Она лежала на кровати, ее голова покоилась на коленях Шаэссы, который рассеянно перебирал ее волосы. Его глаза были полуприкрыты, и смотрел он задумчиво на фреску. На полу стоял столик с игрой. Алетиш положила свою руку поверх руки Шаэссы. Он вздрогнул от удивления. Девочка не дышала ровно пять минут. Для Шаэссы они показались вечностью. Ему почудилось, что магия игры убила ее. Но это невозможно! Это — простая игрушка, где маленькие пешки двигаются друг навстречу другу, а потом умирают, чтобы возродиться снова. Маленькие муравьишки воюют на полотне, а ты просто сиди и управляй, кем хочешь или наблюдай. Никакой опасности. Просто движущиеся фигурки. Невозможно! Шаэсса стиснул зубы. Как такое могло произойти? Девочка внезапно упала на пол и не дышала. Лорд Серого Дома тогда даже не стал звать на помощь, ибо знал, что это бесполезно. И тут

случилось чудо. Она снова начала дышать и открыла глаза. Словно неведомая сила каждый раз возвращала ее к жизни. Словно она ею незримо хранима. Шаэсса не верил в чудеса. Он знал, что чудеса происходят, только если ты сам стараешься. Но тут он ничего не делал, а результат был. Это его и настораживало. Шаэсса не верил в легкие пути и простые решения. Но, так или иначе, все обошлось. Обойдется ли в следующий раз? Шаэсса предпочитал об этом не думать.

— Мне приснилось, что ты хотел меня убить, — с легкой обидой в голосе сказала Алетиш, словно все происходило наяву.

Шаэсса молчал.

— Ты и он хотите моей смерти... — девочка кивнула на картину, где был нарисован Темный Властелин, — ради нового мира...

— Неужели? — спросил Шаэсса с нервной улыбкой.

— Ты сказал, что я тебя предала, — осторожно сказала Алетиш, пытаясь вспомнить что-то еще, что могло дать подсказку. Она была почему-то уверена, что к снам нужно относиться с осторожностью. Сны нужно разгадывать, чтобы узнать, что они означают. Кто-то давным-давно, кто-то родной и близкий, говорил ей, чтобы она запоминала сны.

Шаэсса пылко поспешил заверить девочку, что «предательство» — это понятие относительное, и что ей придется сильно постараться, чтобы это сделать. А если такое вдруг случится, то он, ни в коем случае не будет пытаться ее убить, а лишь постарается убедить ее в ее неправоте.

— А еще там был человек. Я его запомнила. Он был высокий и у него были пепельные волосы и розовые глаза. Вы чем-то были с ним похожи. У вас очень похожи лица, но только он — бог. Ой! А ты там был принцем! Нет! Королем! У тебя была на голове корона! Да! А Свет победил!!! Он победил в битве! Почему же ты мне сказал, что он — погиб? Шаэсса, а я могла увидеть не прошлое, а будущее?

— Для этого нужно быть магом или обладать даром. Сомневаюсь, что тыходишь в число людей, умеющих предсказывать будущее... — скептически поднял бровь Шаэсса.

Девочка замолчала, вспомнив еще кое-что.

— Почему ты молчишь? — спросил Шаэсса, заглядывая в ее глаза.

— Я...я... больше всего на свете не хочу, чтобы ты уезжал, — скулила Алетиш.

Ее голос вдруг изменился. Он стал каким-то неприятным,

потусторонним, абсолютно лишенным эмоций.

— Если ты сейчас покинешь меня, то мы не скоро встретимся. Нити судеб могут оборваться в любой момент. Берегись, Сокол. Змей уже покинул свою нору. Скоро ты узнаешь, что такое яд.

Шаэсса пристально посмотрел на девочку. Она умолкла. Странное предсказание прозвучало с ее уст. Девочка не могла знать будущее. Он никогда не встречал людей с подобным даром. Возможно, она подражает своей матери — ведьме. А еще поговаривают, что девочка дочь Дивайна. Будь ее мать хоть трижды красавица, у нее нет ни одного шанса даже удостоиться взгляда Темного Принца. Тем более, Алетиш, совсем не похожа на Дивайна. Даже отдаленно. У Дивайна — кровь. Она проявляется, пусть даже через много поколений. Но тут очевидный факт — девочка простая крестьянка, с нелегкой судьбой, о которой она, к счастью, не помнит... Интересно, чьих рук дело этот странный сон и таинственные слова? И почему Шаэссе так тревожно. Шаэсса в раздумьях прикусил согнутый указательный палец. Это была его глупая привычка, которая помогала ему сосредоточиться даже в самой критической ситуации. Он обязательно должен уехать. Чем раньше, тем лучше.

— Шаэсса, а у тебя есть мечта? — спросила Алетиш, глядя на его кислую физиономию. Она уже вполне пришла в себя.

— А ты не помнишь, что ты только что сказала? — спросил Шаэсса.

— Я попросила, чтобы ты не уезжал... — растерянно ответила девочка.

— А... Ну понятно... — Шаэсса напрягся.

— Ну расскажи, о чем ты мечтаешь? — нудила Алетиш.

— Я хочу звезду с небес, я хочу, чтоб страх исчез. Всех врагов развеять в прах. И держать весь мир в руках! — задумчиво ответил Шаэсса, растирая прикушенный палец.

— Знаешь, я уверена, что твоя мечта обязательно сбудется! — сказала Алетиш.

Это прозвучало так просто и непринужденно, что Шаэсса даже не нашел, что ей ответить. Они просидели в тишине до темноты а потом служанка принесла воды, и в комнату внесли огромный чан. Жарко горел камин, а в чане с парящей водой и различными травами сидела Алетиш. Каждый раз, когда девочка окуналась в кипяток, то

чувствовала, как по ее телу разливается странная теплота. Это было настолько сильное чувство, что если бы ей сказали, что завтра она умрет, то она восприняла эту новость абсолютно безразлично. В таком состоянии ей было все равно. Шаэсса тем временем, притащил лютню и что-то негромко мурлыкал себе под нос, подстраиваясь под звонкие переливы. Потом, ему надоело, и он подошел купающейся девочке. Самое интересное, что ее ничуть не стесняло его присутствие, даже наоборот, ей было бы скучно купаться в тишине и одиночестве. После купания Шаэсса старательно расчесывал ее длинные волосы ловко орудуя серебряным гребнем. Он понял, что зашел слишком далеко, поэтому, поцеловав ее в лоб на ночь, клятвенно пообещал прийти попрощаться перед отъездом завтра утром. Шаэсса был еще не уверен, что все делает правильно.

* * *

Войдя в свою комнату, Серый Король, встал перед высоким зеркалом. Он что-то прошептал, а потомдохнул на стекло и начертил знак. Знак просиял золотом и померк. Отражение Шаэссы исчезло, и зеркало стало матовым. Шаэсса прислонился спиной к нему и сполз вниз:

— У меня есть просьба, — осторожно начал он.

Зеркало молчало.

— У меня есть две проблемы, которые я сам не смогу решить одновременно, — тщательно подбирая слова, произнес Лорд Тени.

— Не в твоей привычке доводить начатое до конца, — глухо ответило зеркало, — Что надо от меня?

— Одна проблема касается не только меня. Мне нужно, чтобы ты мне помог, — выдохнул Шаэсса, — Я просто не смогу разорваться на две части.

Зеркало молчало, а потом насмешливо ответило:

— Будешь должен...

— Проще надо быть... Проще... И люди к тебе потянутся... — снисходительно и кротко сказал Шаэсса, очевидно зная реакцию собеседника. Он тут же сделал жест, словно что-то стирал с зеркальной глади, представляя, как по ту сторону стекла некто поджимает губы и

очень злится.

Поверхность снова стала обычной, зеркальной. Шаэсса довольно улыбнулся. На душе у него сразу стало легче. Ему даже показалось, что теперь он сможет вздохнуть полной грудью, что он, собственно и сделал. Лорд Теней изящно потянулся и отдал приказ.

Глава VIII. Двуликий Ангел

Глава VIII. Двуликий Ангел

Глава VIII. Двуликий Ангел

Когда Алетиш проснулась, солнце уже стояло в зените. Она спохватилась и резко села, протирая сонные глаза. Шаэсса не попрощался. Этого не может быть! А может, он никуда и не поехал? Девочка вылетела из-под одеяла и бросилась к двери, но дверь была заперта снаружи. Алетиш выглянула в окно, на статую Анвеора, к которой припадали люди в белом, и попыталась глазами отыскать знакомую фигуру. Но Шаэссы нигде не было. Только на полу комнаты лежала роза без шипов, к которой был приколот изящный кулончик в виде странного камня с записочкой.

Развернув записку, она увидела крупный летящий подчерк, а кто-то внутри нее сказал: «Береги до нашей новой встречи». И тогда наступила пустота. Везде в комнате все напоминало о нем. Казалось, что комната еще помнит его смех и легкую походку. Девочке стало совсем плохо.... Алетиш тяжело дышала, стараясь не поддаваться чувству безысходности.

— Он сказал, что вернется, — повторяла она сама себе, пытаясь сглотнуть горячий ком в горле. Девочка села на пол, вжимаясь лицом в покрывало. Она долго терлась о мягкую ткань щекой, а потом, закусив губу, подняла голову, обводя взглядом свои апартаменты. По щеке потекла горячая слеза. Алетиш провела рукой по лицу, пытаясь смахнуть ее, но увидела, что пальцы стали алыми. Девочка вытерла глаза тыльной стороной руки и посмотрела на кровавые разводы. Она некрасиво высморкалась в покрывало и закрыла глаза.

— Не нужно плакать, — сказала Алетиш сама себе. — Он обязательно вернется за мной.

— Шаэсса? Вернется? Ну, уж нет, милая. Тебя бросили одну, заперли в комнате, обманули, откупившись безделушкой, — отчетливо

сказал внутренний голос.

— Но он обещал... Шаэсса — очень хороший человек...

— Шаэсса — политик, — сказал странный голос, — Он выполняет обещания, если это ему выгодно.

— А ты кто такой и почему ты со мной разговариваешь? — спросила Алетиш.

— Как тебе объяснить... Ты- всего лишь вещь. Ты — оболочка. Я — твоя новая душа. Это — наше общее тело. Но пока остатки твоей души теплятся в теле ты — хозяйка. Но как только твоя душа покинет тело, то хозяином этого тела стану я. Нам придется как-то уживаться пока что.

— Я ничего не понимаю! — мысленно сказала Алетиш.

— Тебе рано еще понимать. Придет время, и мы с тобой будем бороться за это тело. Только исход ясен. Я выиграю эту битву. Но пока я еще слишком слаб, чтобы бороться, а ты еще слишком сильна, чтобы сдаться. Ты была на волосок от гибели и таким образом тебе продлили жизнь, — ответил голос.

— Кто ты? — удивленно спросила Алетиш. Не каждый день обнаруживаешь постороннюю душу внутри своего тела.

— Я — сила, жаждущая мести. И я очень заинтересован в том, чтобы наше общее тело не пострадало до поры до времени. Но наш разговор и так затянулся, а я еще не привык к твоему телу. Прощай. Я скоро окрепну и дам о себе знать, — сказал голос и умолк.

Алетиш вздохнула. Вот сейчас она не чувствовала ничего постороннего. Она мотнула головой, чтобы избавиться от наваждения. О какой битве идет речь?

* * *

Тем временем Шаэсса, постепенно отдаляясь от ЭнгъЯрда, чувствовал, что его душа не становится все более свободной, и сердце как-то неприятно сжимается. Несколько раз он ловил себя на мысли, что думает о ней. Но больше всего его занимали случайно брошенные слова. И чем дальше Лорд Теней отдалялся от девочки, тем назойливей вертелись в его голове слова о яде. Жизнь покажет. Он помотал головой, пытаясь отогнать подобные мысли, ибо впереди был нелегкий

участок пути, а инфорсеры и пасфаиндеры уже устали...

Они могли бы поехать напрямик, но Шаэсса решил ехать мимо Одеора, еще одного крупного города анвеоритов, не заезжая в него. Он не хотел привлекать к себе много внимания. После трех недель проведенных в ЭнгъЯрде, он скучал по своей столице. ЭнгъЯрд был некрасивым и многолюдным городом. Узкие улочки, разношерстные дома, построенные на окраинах абы как. Большой каменный замок, который возвышается над городом уже много веков, был слишком громоздким и неаккуратным. Несуразные башни достраивались и надстраивались не одним поколением правителей. Все это было обнесено толстой и высокой стеной, в которой не было никакого смысла. Разрушить ее мог даже подмастерье мага. Но для Анвеоритов она представляла предмет особой гордости. Единственное место, которое могло бы показаться интересным — была Обитель Света. В ней чувствовался давно забытый стиль Светлого Дома. Белый мрамор, большие ступени и множество галерей, а еще мозаичные полы и росписи на стенах. Больше в ЭнгъЯрде смотреть было не на что. Другое дело Адельмар — город у моря, столица Дома Теней. Город, в котором стоит его дворец, который пережил междоусобную войну и был заново отстроен. Резные колонны из серого мрамора, арки и широкие улицы. Все дышало легкостью и простотой. Никаких росписей, никаких мозаик. Все здания, кроме дворца, строились из светло-серого камня, который добывали на правом берегу Инсеры.

И тут Шаэсса был вынужден оторваться от своих размышлений о красоте городов. Прошло трое суток, как они пересекли Эрмиру, которая опоясывала ЭнгъЯрд и теперь входили во владения Домов.

Здесь начинались бывшие владения Света, а ныне эти земли формально принадлежали Дому Тьмы. Они были лакомым кусочком после падения Дома Света. Дом Тени регулярно претендовал на их часть, но безуспешно. Эти земли не обрабатывались и не застраивались. На руинах городов Светлого Дома не выросли новые города и поселения. Каждый последующий Доминатор Дома Тени считал своим долгом потребовать эту землю себе.

Шаэсса вспомнил тот момент, когда решался данный вопрос в очередной раз. Ему тогда было восемь лет. Он приехал с родителями в столицу Дома Тьмы — Иллаад. Он запомнил ее по удивительным башням и резным окнам. Все было построено из черного камня, и в

каждом здании чувствовался четко выдержанный стиль. Витиеватые узоры, округлые формы и красивые купола, сверкающие тысячами звезд. Сам дворец был построен на скале и состоял из трех уровней. Каждый из уровней был украшен башнями и длинными переходами и балконами. Между уровнями располагались цветущие сады, наполненные благоуханием тысячи роз. Полы были почти зеркальные, а на стенах были картины и фрески.

Шаэсса поначалу не хотел ехать, но мать уговорила его, посулив, если он будет хорошо себя вести, новый браслет. Шаэсса безумно любил различные украшения, поэтому клятвенно пообещал вести себя примерно, хотя заранее знал, что обещание выполнять не будет. Мама и так подарит ему все, что он захочет. Мальчишка изрядно набегался и накричался, пока родители размещались в отведенных им покоях, и решил выйти в сад. В саду росли розы. Шаэсса хотел сорвать себе одну из них, но она уколола его. «Даже розы здесь противные!» — подумал он, срывая лепестки и подбрасывая их в воздух. И тут он увидел, как к нему плавно движется высокая фигура. Это был темноволосый мужчина. Его лицо напоминало лицо мраморной статуи. Красиво очерченные губы, изгибались уголками вниз, орлиный, хищный профиль выдавал властный характер владельца. Глаза мужчины были абсолютно равнодушными и смотрели из-под полуприкрытых век. На нем был странный черный наряд, который вызвал у Шаэссы смехок, и драгоценные украшения, которые вызвали у юного принца приступ зависти. Мужчина сузил глаза и Шаэсса, сам того не поняв, как схватился рукой за стебель, усыпанный колючками. Какая-то сила заставила его сжать кулак явно не по своей воле. Прочувствовав мучительную боль и страшную обиду, он возмутился. За что получил новую порцию боли. Стебель был уже алым, но Шаэсса так и не мог разжать пальцы. Тогда он не выдержал и закричал нечто очень обидное... Но мучитель не обратил внимание на слова ребенка. Именно тогда Шаэсса понял, кто перед ним находится.

— Что мне нужно сделать, чтобы ты прекратил? — спросил тогда Шаэсса, с трудом сдерживая слезы.

— Встань на колени, — насмешливо произнес Лорд Дивайн.

И Шаэсса встал. Просто и без колебаний. Он в своем возрасте уже прекрасно знал, что ради достижения своей цели можно унизиться... У Шаэссы были свои принципы. Его волосы на секунду стали черными, а

глаза розовыми, но видение исчезло. Дивайн снял заклинание.

Рука ребенка отпустила покрытый огромными шипами стебель, и Шаэсса, морщась от боли, лизнул ладонь. Раны заживали мгновенно.

Черный Принц внимательно посмотрел на него:

— Еще один бессмертный.

Он взял Шаэссу за подбородок.

— У меня для тебя подарок, дорогой племянничек, — сказал Дивайн, срывая окровавленную розу, — Возьми ее, на память...

— Когда-нибудь, ты узнаешь, что такое боль. Я тоже подарю тебе розу. И каждый шип этой розы будет разрывать твое каменное сердце, — с неприятной улыбкой сказал юный Принц Тени, принимая ее из рук Принца Тьмы. Его глаза сверкнули.

* * *

Я никогда не мог понять, о чем в тот момент подумал Дивайн, — размышлял Шаэсса. — Я никогда не найду слабое место в его броне. Дивайн — это змей, который лежит себе тихо в траве, греясь на солнышке, пока на нее никто не наступит. Но яд его смертелен, а бросок молниеносен. Единственное, что привычки Змея с годами не меняются, и он каждый раз, в одно и то же время выползает из своей норы, погреться на солнышке. А я — кто? Если я захочу спрятаться, то даже Дивайн меня никогда не найдет. Если я захочу исчезнуть, то даже он не сможет меня отследить. Змей привязан к своей норе. А я — Сокол. Я могу летать, где хочу и дразнить Змея. Главное — не летать низко и не садиться близко. Слова девочки начинают обретать смысл.

Шаэсса спешился и обнажил клинок. Сейчас будет самое трудное. Сейчас нужно просто пройти живым. Пасфаиндеры шли на несколько метров впереди. Инфорсеры прикрывали короля с двух сторон. Туман сгустился, пряча тропу от человеческих глаз. Хотелось отдохнуть, но Шаэсса знал, что если не пройти «Сады Тьмы» за один день, то можно попрощаться с жизнью. У Шаэссы есть шанс остаться в живых, но он потеряет много сил и времени. А время дорого. Обходить это гиблое место нужно по лесу, минуя туман и поле древней битвы.

Лорд теней вынул из ножен меч, лезвие которого было похоже на ползущую змею. Волнообразное острое лезвие способно было пробить

даже самую прочную броню, раздробить кости, оставив смертельные раны на теле противника. Меч был сам по себе полуторным, но Шаэсса легко использовал его, как одноручный. Этот меч достался Шаэссе по наследству от его отца. Такие мечи были редкостью, поэтому стоили целое состояние.

Шаэсса посмотрел на небо и вдохнул. Ему было беспокойно. Серому Королю всегда было беспокойно, когда речь шла о магии. Он встал на одно колено и, облизав пересохшие губы, закрыл глаза. Лорд Теней стал что-то шептать. Из-под ветвей показался маленький огонек. И Шаэсса воспрянув духом, жестом позвал его к себе. Огонек доверчиво сел на его ладонь. От руки Шаэссы потек туман, обволакивающий испуганный огонек, который трепыхался в тонких пальцах, как маленькая птичка. Внезапно огонек прекратил попытки вырваться и послушно затих.

Тогда Серый Король выпустил его, и огонек медленно поплыл сквозь клочья тумана.

— Пойдем, — махнул рукой король и первым двинулся за огоньком.

Шаэсса шел, стараясь не терять огонек из виду. Он знал, что огонек не покинет его. Потому, что в этот момент огонек любил Шаэссу сильнее, чем кто-либо на земле. Огоньки — это души заплутавших, и навек оставшихся в сумрачных чащобах. Их часто можно было встретить среди черных ветвей, и только они знают правильный путь. Если есть такой проводник, то есть шанс потерять только одного-двух из сопровождения при самом плохом раскладе.

Девочка сказала, что Свет победил. Она в чем-то была права. Де юре Свет оказался победителем битвы, но де факто... Серый туман становился все более густым.

Шаграт, или как его называют в Доме Тени — Аграшт, явился в тот день с белым знаменем. Это означало, что битва должна была закончиться тем, что остатки войск покинут поле брани, возвращаясь в свои владения. Победа была засчитана Дому Света. Серый Дом, как обычно был арбитром и был полностью согласен с тем, что Свет оказался сильнее. Но Дивайн... Дивайн вспомнил древний закон. Точнее даже не закон, а право. Оно гласило, что исход сражения можно оспорить. Но это имеет право сделать один человек. Если он согласится выйти на битву с оставшимся войском противника. Это была дуэль

между войском и «героем». И для героя обычно она была последней.

— И кого ты выбираешь, Дивайн Эндор? — спросил Аграшт.

— Себя... — насмешливо сказал Черный Принц.

— Право принимается, — поспешно выкрикнул Светлый король, предвкушая расправу над давно мешавшим им Доминатором Дома Тьмы, или как его называли — Темным Мистиком.

— Я выведу войско с поля боя... И вам, шавки Анвеора, я настоятельно советую покинуть это место, — выдохнул Дивайн, стоя в одиночестве на холме.

Его войско быстро убиралась на свои земли. Серый король тогда почувствовал что-то неладное. Серый Король, пра-пра-пра-пра-прадед Шаэссы, всегда отличался хорошим чутьем. Слишком Дивайн был уверен в своих силах. Серый Дом не стал дожидаться особого приглашения и спешно покинул поле боя, аргументируя это тем, что больше его услуги не потребуются.

Дивайн медлил. Он ждал, когда последний солдат Армии Тьмы скроется за горизонтом. А потом встал на одно колено и земля дрогнула. Из груди Темного Принца вырвался сумрак. Он расплывался в воздухе, сочась и растворяясь, словно кровь в воде. Он обволакивал тело принца, устремляясь в небо. Огромные лохмотья тьмы трепетали на ветру, пытаясь заслонить солнце. Взгляд Дивайна стал стеклянным, зрачки расширились так, словно хотели съесть розовую радужку. Дрожащей рукой он сорвал с шеи ожерелье, словно оно душило его и бросил на землю, потом сорвал с себя железный воротник. Его лицо было таким бледным, что казалось неживым. Принц поднял руку и, резко присев на колено, ударил в землю, словно пытаясь пронзить твердь до первоосновы. Он опустил голову, и изо рта по подбородку потекла бурая, густая кровь. Дивайн надрывно закашлял, а потом встал во весь рост. Его подбородок был алым, из нижней челюсти торчали некрасивые клыки, точно такие же, как узор на сброшенном воротнике. Он со страшным хрипом вдохнул и выдохнул. Мир вокруг него изменился. Вместо светлого воинства стояли мертвецы. Вечно гниющие останки Светлого Дома. Возникло такое ощущение, что в этом мире не было никого живого, кроме него.

Раскаты грома и сгущающиеся тучи возвестили о приближающейся грозе.

— Дивайн Эндор, ты нарушил закон и убил Анфаэля. Ты знаешь

правила. Владыки не убивают владык. Ты нарушил баланс сил, — сказал абсолют, — Ты воспользовался необратимым заклинанием...

Черный Принц усмехнулся:

— В законе было сказано «лишение жизни», но я его не лишал жизни. Формально, я ничего не нарушил. Он будет жить вечно. Он же всегда мечтал о бессмертии. В законе не было уточнений на счет живых мертвецов, — Дивайн вытер кровь с лица.

— Закон...

— Да дался мне твой закон! Законы придумывали и сотни раз нарушали. Просто тебя не устраивает факт моей победы. С каких пор ты относишься к моему Дому предвзято? С каких пор ты поддерживаешь Светлых? Ты сам нарушаешь законы, которые создал, — сказал Лорд Дивайн устало, — Если так пойдет и дальше, то я восстану против тебя.

— У тебя не хватит силы противостоять мне.

— Это мы еще посмотрим, — улыбнулся Дивайн.

— Ты заслуживаешь наказания...

— И что ты сделаешь мне? Убьешь? Я буду только рад. Посадишь в тюрьму? Я и так в тюрьме. Я — пленник своей короны. Отправишь в изгнание? Это развеет мою скуку. Любое твоё наказание — будет мне в радость. Ты ничего не сможешь мне сделать.

— Не обольщайся, Дивайн. Ты уничтожил Дом Света, хотя я запретил это делать. Ты приближаешь конец. Конец этого мира. Наказание неминуемо. Но в твоём случае оно немного подождет.

— Я сделал выводы, но позволь оставить их при себе... — улыбнулся Дивайн.

Шаэсса хорошо знал эту историю и часто ее вспоминал. Он знал эту историю из уст того, кто был очевидцем и никогда не стал бы лгать. Эта история и натолкнула нашего золотоволосого друга на интересные выводы.

Огонек дернулся и подлетел к руке Шаэссы, словно предупреждая его об опасности. Мелькнувшая в тумане тень выхватила из эскорта сначала одного пасфаиндера, потом другого. Послышались глухие крики боли и страшные хрипы. Шаэсса молниеносно выхватил меч и, глядя на испуганный эскорт и сгущающийся вокруг них туман, замер на месте. В любой момент он готов был вступить в бой. Внезапно он увидел, как из тумана выступают очертания человека.

— Ты заплатил кровавую дань! Мы больше никого не тронем.

Поезжайте с миром! — сказал силуэт и растворился в тумане.

Огонек подлетел к самому лицу Шаэссы, потом потерялся о руку и присел на палец. Серый Король улыбнулся и взял его в кулак. Огонек забился, а Шаэсса стал сжимать пальцы. Свет сочился сквозь клетку пальцев, а потом сник. Из ладони Шаэссы вырвался пепел, который он изящно сдул.

— Это тебе за то, что мне пришлось заплатить кровавую пошлину.

Дорога больше не петляла. Туман рассеялся, но Шаэсса почувствовал что-то неладное. Инфорсеры подошли слишком близко. Гораздо ближе, чем требовали правила сопровождения. Молниеносное движение и направленный в его спину кинжал вылетел из рук первого, а предатель упал на землю, истекая кровью. Второй обрушить на Лорда Теней свой двуручный меч, но Шаэсса оказался намного проворнее и пронзил его грудь раньше, чем тот успел нанести смертельный удар. Третий был хитрее и осторожнее. Он сделал молниеносный выпад и отскочил. Но Шаэсса мастерски отбил удар и, резко подавшись вперед, слегка кольнул его в живот, а потом, очутившись позади нападающего, приставил меч к его горлу.

— Кто Вас нанял? — прошипел Шаэсса.

Инфорсер молчал.

— Я спрашиваю, кто вас нанял?

Меч Шаэссы оставил царапину на горле инфорсера.

— А что это меняет? Я все равно не жилец... — прохрипел тот, пытаясь вырваться из объятий Шаэссы.

— Есть большая разница, как умирать. Можно быстро и почти безболезненно, а можно долго и очень мучительно. Что выбираешь ты? — Шаэсса выплюнул изо рта прядь своих волос.

— Долго и мучительно, — прохрипел инфорсер.

— Сказано — сделано. — сказал Шаэсса. Инфорсер корчился на траве, но Лорд Тени даже не взглянул на него.

Шаэсса вытер чужую кровь со своего лица и взлетел на коня. До столицы оставалось совсем немного. На темно синем небе сверкал полумесяц и звезды, а ветер, пахнувший морем, придавал сил. Сумеречные чащобы были позади. Серый город стоял на морском побережье. Он был насквозь пронизан светом, и казалось, что в нем просто невозможно заблудиться или потеряться. Даже ночью, когда звезды отражались в воде, казалось, что весь город пропитан магией.

Шаэсса решил направиться сразу во дворец. Спешившись, он скинул перчатки на руки слугам, откинув вьющиеся волосы, спешно прошел по ступеням. Перед ним раскрывались двери, застывали в поклонах, расступались и снова кланялись. Шаэсса уверенным шагом направлялся в арочный зал.

— Будь проклят тот день, когда я позволил им собрать свой кворум. Что они придумали в этот раз? Почему стоит мне отлучиться на несколько дней, как начинается возня. Почему они не могут сидеть молча? Почему они не могут разбежаться по углам и замереть, — Шаэсса напряг пальцы, словно держал в них что-то невидимое.

Он толкнул дверь и остановился посередине зала. Зал был пуст. Лорд Теней сжал губы, и развернулся.

— Что они затеяли? — прошипел он, хватая за грудки первого попавшегося мага. — Я тебя спрашиваю?

— Я... Магистр Ш....шшш.... — лепетал перепуганный юнец, брызгая слюной.

— Быстрее... — процедил Шаэсса, опуская глаза.

— Они...ре....р...р. р....ешили... напасть... сейчас... ваше... величество... Эдевар взял с собою триаду и несколько учеников. С ними ушли часть инфорсеров... — запинаясь, шептал ученик.

— Когда? — выдохнул Шаэсса.

— На рассвете...

— Спасибо тебе, друг мой, — мягко сказал Лорд Теней. — Ты правильно сделал, что рассказал мне все. Ты правильно сделал, что не пошел с ними. Иди, друг мой, и ни о чем не беспокойся. Прости, если я был груб с тобой. Просто мне нужно было знать все. Спасибо. Ты мне очень помог... Я тебе признателен.

Маг быстро бросился прочь. В арочном зале уже стояли слуги, готовые в любой момент выполнить любой каприз хозяина.

— Выйдете все. Мне нужно подумать, — тихо сказал Шаэсса. Приказ был тот час выполнен.

Шаэсса опустил в кресло и выдохнул. Он не знал плакать или смеяться. Он встал и подошел к зеркальной стене. Он ударил рукой по стеклу, и оно задрожало.

— Слушай меня внимательно, — произнес он, прислонившись лбом к стеклу.

— Снова? — раздраженно спросило зеркало.

— Не будь занудой. На границе стоит один боевой маг с дружиной. Они подходят со стороны бывшей столицы Светлого дома. Со стороны Андбранда. Я не имею никакого отношения к этому.

— Ты хочешь, чтобы я сделал за тебя всю грязную работу? — удивилось зеркало, а потом гортанно рассмеялось.

— Сделай так, чтобы я больше никогда не слышал имя Эдевара! — Шаэсса тяжело дышал.

— Твоя щедрость не знает границ, — насмешливо сказала зеркало, — Я давно хотел лично встретиться с ним. Так уж и быть, я встречу его лично. Факт пересечения государственной границы. Чем не повод лично встретить гостей?

— Надеюсь на твое гостеприимство... — улыбнулся Шаэсса. И улыбка его была на редкость хищной и неприятной.

— Им у меня настолько понравится, что они вряд ли вернуться обратно, — сказала зеркало.

— Я на то и рассчитываю, — Шаэсса выдохнул и стер знак. Он посмотрел на себя в зеркало, откинул голову и улыбнулся. Ему еще многое предстоит сделать.

Глава IX. Железная роза

Глава IX. Железная роза

Глава IX. Железная роза

В покоях Шаэссы всегда царил полумрак. Он не любил слишком яркий свет, но и не любил тьму. Окна его комнаты были сделаны из полупрозрачного камня, который едва пропускал солнечные лучи. Лорд Теней вертел в руках большое зеленое яблоко, периодически вращая его пальцем вокруг оси, придерживая за маленький хвостик.

— Ему нет смысла лгать мне, о последних словах Эдевара. Не знаю, под какими пытками, но боевой маг рассказал много чего интересного. Они готовились к моему приезду. Ждали меня. Но все-таки предприняли попытку убить меня еще на подъездах к границе. Наивно. Если меч потерпел неудачу, то в дело вступает яд. Магистр уже отдал распоряжения. Слуга его выполнил. Слуга уже умер, а вот магистр... Если яд не подействует, то придется выступить в открытую.

Шаэссу пытались убить уже бесчисленное число раз, но Доминатор Серого Дома и вправду был бессмертен. Он не удваивал охрану, не страдал паранойей, как это обычно делают владыки, от которых

собираются избавиться. Шаэсса делал вид, что ничего не происходит, и, как ни в чем не бывало, улыбался магам, когда выносили тело очередного подосланного убийцы.

— Яд... Как это романтично... Отравленное яблоко. Яд, очевидно, новый... Надежный... Интересно, все отравлены или только одно? Девочка сказала правду. С одной стороны это вполне предсказуемо, а с другой стороны, она вряд ли знала о моих планах. Как интересно... Жаль, что так мало времени. Неужели и впрямь она способна предвидеть события? Удивительно... Эдевар что-то говорил о восстании... — Шаэсса подбросил яблоко вверх, а потом поймал его. — Убить мага при помощи магии — сложно. Но маг — это обычный человек. И ничто человеческое ему не чуждо. Всем известно, что у Магистра — слабое сердце. И все из-за чего? Из — за близкородственных связей его предков. Все они, маги, здоровьем не отличаются. А еще у Магистра есть маленький сын, которого он просто обожает. Это — его единственный ребенок. Пора устроить небольшое представление.

Ему на ум пришла детская песенка:

— Как узнать наверняка, нет ли в плоде червяка?

Перед тем как укусить, нужно друга угостить!

Лорд Теней рассмеялся и подбросил яблочко вверх, а потом ловко поймал его.

— Нет, ну есть же правда в детских песенках!

* * *

— Эвир? Так тебя зовут? — спросил Шаэсса, наклоняясь к сероглазому малышу, который играл в саду, — Не так ли?

— Да! Мой отец — магистр кворума, — гордо ответил ребенок, — Я тоже буду магом, когда вырасту! Я уже учусь колдовать!

— Да ты что! — улыбнулся Шаэсса, — И у тебя получается?

— Еще бы! Мой отец — самый главный! Его все слушают! Он вот такой важный! — сказал ребенок, задирая голову. — А еще он умеет колдовать! Вот так! Он сказал мне, что скоро я стану принцем! А он — Доминатором!

— Твой папа часто играет с тобой? — грустно спросил Шаэсса.

— Нееее, — протянул ребенок. — Он занят. Он колдует. А еще правит! Да! Он говорит мне, чтобы я шел играть, а сам сидит и все время слушает... А потом говорит...

— А я знаю новую игру! Но ты вряд ли будешь в нее играть... Это — взрослая игра... — понизив голос до шепота, сказал Шаэсса.

— Буду! — капризный и избалованный ребенок топнул ногой. Шаэсса покачал головой, а потом, сделав вид, что еще сомневается, наклонился к уху мальчика и что-то прошептал ему.

— А папа будет играть? — обрадовался малыш.

— Папа будет в нее играть! Это — его любимая игра! Он часто в нее играет... Просто, он тебе никогда об этом не рассказывал. Ты готов?

* * *

Магистр сидел в глубоком кресле. Один из магов склонился к нему и внимательно слушал то, что говорит Магистр. Остальные маги негромко переговаривались. Шаэсса плавно скользнул в зал, глядя на собравшийся кворум. Лорд Теней медленно двигался к своему месту, когда маленький ребенок, обогнал его. Шаэсса трогательно улыбнулся, глядя, как пристально следят за каждым его движением темные глаза магистра. «Он уже успел перевезти сюда все свое семейство. Как поспешно!», — подумал Шаэсса, откидываясь на спинку.

Эвир подбежал к Лорду Шаэссе и тот протянул ему большое зеленое яблоко. Эвир взял яблоко и стал вертеть его в руках.

Магистр, мельком взглянув на ребенка, поймал едва заметную усмешку Шаэссы, но было уже поздно. Дитя укусило яблоко и успело проглотить сладкий, сочный кусочек с тонкой кожурой. Улыбка Шаэссы стала еще шире, когда магистр попытался рвануть к сыну и отобрать у него угощение. Он мог бы сделать это с помощью магии, но в этом зале магия не действовала.

Ребенок закашлял и стал медленно падать на землю. Магистр дернулся, и тут сердце его не выдержало. Он побледнел и, закатив глаза, гулко рухнул на каменный пол.

Тем временем Эвир открыл глаза и радостно вскочил на ноги.

— Я все сделал, как ты мне говорил! Папа тоже играет со мной в эту игру?

— Да, — улыбнулся Шаэсса. — Он в нее будет играть очень долго. Ты выиграл. А теперь иди, погуляй, мы будем обсуждать скучнейшие вопросы. Обещаю, что без тебя мы больше не будем играть в игры!

И улыбка цвела на губах Лорда Тени, когда он обводил взглядом кворум.

Мало ли на свете зеленых яблок?

Шаэсса! — вскочил один из собравшихся, словно не заметив данного происшествия, — Почему мы собрались именно здесь, а не в зале совета?

А титул? Неужели я кому-то позволял называть меня по имени? — Шаэсса насмешливо улыбнулся, сплетая пальцы. — На все есть причины. Просто здесь мы сможем поговорить без лишних ушей. Я так понимаю, что у Вас возникло несколько вопросов ко мне?

Мы обвиняем тебя в сотрудничестве с Домом Тьмы, — произнес немолодой мужчина, делая знак остальным.

Доказательства? — Шаэссы поднял бровь.

Мы предъявим их позже....

— Пустая болтовня, — отмахнулся Шаэсса.

Нет, на этот раз у нас они есть, — сказал один из магов.

Хватит пустой болтовни, предъявляйте, — спокойно сказал Шаэсса. На самом деле он напрягся, да так, что зрачки его расширились, а руки настолько сжали друг друга, что костяшки пальцев побелели. Но ни один мускул на его лице не дрогнул, и он продолжал нахально улыбаться.

В комнату ввели какого-то оборванца, рука которого была на перевязи. Если приглядеться получше, то можно было увидеть, что на ней отсутствовала кисть. Шаэсса поморщился, глядя на это безобразие, а оборванец похромал к центру зала.

— И что это за юродивый? — надменно спросил Шаэсса, немного расслабившись.

— Это пасфаиндер Серого Дома. Он единственный выжил из отряда Эдевара.

— И что?

— Он говорит, что Темный Дом ждал их в засаде. Несмотря на то, что маршрут отряда был тщательно спланирован.

— Значит, где-то была ошибка, — беззаботно пожал плечами Шаэсса. — Я при чем? Решение принимали вы. Я узнал об этом

буквально недавно... Ко мне какие претензии? Провал вашей операции свидетельствует не о моем предательстве, а о Вашей некомпетентности!

Выживший посмотрел испуганно на Шаэсса, а потом, набравшись храбрости, сказал:

— Дивайн Эндор передает тебе, что принимает твоё предложение. Он сказал, что заберет то, о чем Вы говорили. А ещё он сказал, чтобы ты был осторожен, ибо лишен магической защиты. Можешь уничтожить Совет. Он больше не нужен.

— Благодарю за послание. Так я и сделаю, — равнодушно произнес Шаэсса, плавно поднимаясь со своего кресла.

— Ты никуда не пойдёшь, Шаэсса, — уверенно сказал один из присутствующих. Мысль о том, что магический щит, до этого мешавший уничтожить Доминатора Серого Дома, придавала сил. Смерть Магистра не выбила из колеи магов. Каждый уже примерял его место себя.

— Ну что вы за люди? Неужели мало тех полномочий, что я вам выделил? Неужели захотелось забраться повыше? В обмен на то, что вы дадите мне спокойно выйти, я расскажу вам два страшных секрета. Хотите? — предложил Шаэсса, стоя точно в середине круглого зала.

— Ты сейчас не в том положении, чтобы диктовать свои условия, — сказал невысокий маг, доставая кинжал.

— Я всегда В ТОМ положении, чтобы диктовать свои условия. Не хотите договориться? Значит, я расскажу вам просто так. Да, действительно, я предупредил Дивайна о вашей вылазке. Да, бедолага не ошибся, делая страшные глаза, при виде меня. Но в этом случае, я считаю, что проявил милосердие по отношению к этому субъекту. Убивать ведь я его не стал? А мог бы и убить. Вот, пожалуй, и первый секрет, — Шаэсса сделал круг вокруг своей оси. — Если бы вы дали мне выйти по-хорошему, то я бы раскрыл и второй секрет.

— Ты правильно мыслишь... После того, что ты сказал, тебе так просто отсюда не уйти...

— Наивные... — Шаэсса скорчил гримаску.

— Ты обвиняешься в государственной измене! Мы вынуждены снять с тебя полномочия! — звучным голосом сказал один из присутствующих, протягивая руку к Шаэссе, пытаясь сорвать с него корону.

Шаэсса схватил его за руку. Что-то неприятно хрустнуло, и кисть

мага сломалась. Тот встал на колени, хрипя от боли.

— Хватит церемониться! Убейте его! — выкрикнул кто-то сзади.

Шаэсса закрыл глаза и исчез!

— Закройте двери! Не дайте ему уйти! Это — невозможно! Магия здесь не действует!

— Дверь закрыта снаружи... — сказал один из магов.

Через несколько минут неразберихи и недоумения, Шаэсса стоял, тяжело дыша, прислонившись к стене рядом с тайной дверью, ведущей в комнату совета. Голова его кружилась, по всему телу растекалась слабость да такая, что он не мог шевельнуться. Но он был доволен. Проблема решена. Король Теней посмотрел на дверь и покрутил ключ на тонком пальце.

— Второй секрет заключается в том, что данный зал — точная копия зала заседаний Дома Тьмы. После того, как в незапамятные времена одна половина совета убила другую, доминатор приказал сделать зал, блокирующий магию.

Проект данного зала Шаэсса нашел в библиотеке Дома Тьмы, пока искал один старинный трактат. Точно такой зал первоначально был сделан Светлым Домом в качестве тренировочной комнаты для занятий магов, потому как не проходило и недели, как особо рьяные новички не разносили половину зала, а некоторые особо неудачные экземпляры, умудрялись устроить кровавую бойню. Поэтому совесть Шаэссы была чиста перед Домом Тьмы. Он ведь не воровал проект, а всего лишь перерисовал его. Дивайн давно предлагал вывести Совет из игры, но у Шаэссы не доходили руки, да и пока он занимается своими делами, дела государства не должны были быть заброшены. Шаэссы громко шмыгнул носом, а потом лизнул верхнюю губу. Он почувствовал солоноватый вкус крови и понял, что перестарался. Король Тени сильно напряг свои силы, чтобы стать невидимым ровно на десять секунд и активировать тайный механизм, который позволил ему покинуть комнату.

— Наличие магических способностей, еще не предусматривает наличие ума, — сказал сам себе довольный Шаэсса. — Одним ударом он решил самую злободневную проблему.

Несколько лет назад, увидев странный чертеж, Шаэсса заметно заинтересовался. Он изучал свиток вдоль и поперек и обнаружил маленькую неточность. Из этой неточности выросла грандиозная идея.

Дело было в том, что на свитке, среди кучи пометок отсутствовало обозначение заклинания невидимости. Из зала нельзя телепортироваться, стены нельзя было разрушить, не работает телекинез... В зале вообще нельзя было применять магию. Заинтересовавшись данным аспектом, Шаэсса обратился к единственному магу, который мог его просветить в данном вопросе. Где-то в глубине души Серый Король боялся, что где-то не хватает кусочка бумаги или ранее заклинание невидимости обозначалось по-другому. Но Темный Мистик успокоил его, сказав, в свойственной ему манере, о том, что «подобную ерунду проектировщики просто не брали в расчет». Делая скидку на то, что данное заклинание не практикуется в классических школах магии, его не посчитали опасным.

— Мне определенно полегчало. Словно камень с души упал. А то спишь и думаешь, что эти предприимчивые друзья затеяли за моей спиной, — сказал Шаэсса, надрезая ладонь. Он приложил ее к двери и запечатал ее. До тех пор пока он сам не откроет ее или пока он не умрет, печать будет действовать. Об этом Совет даже не догадывался.

Но теперь все кончено. Обидно было потерять часть инфорсеров и магическую элиту, однако, потеря восполнима. И при нынешнем раскладе это не самый плохой ход.

Серый Король точно знал, что раньше, чем через три месяца в зал заседаний он не сунется. Главное, чтобы запах не доходил до жилых комнат. И вообще, пора перенести свои покои в Восточное крыло.

Развалившись на огромной кровати, наматывая мокрые после купания волосы на палец, Шаэсса думал. Нет, его не заботило то, почему Дивайн так поступил. Дивайн это сделал не спроста, и это был просчитанный ход... Лорда Теней больше волновала девочка. Она просто не выходила из головы. Периодически Серый Король ловил себя на мысли о том, что поступил немного некрасиво. Алетиш все равно попадет в руки Дивайна, да и у того должно хватить ума вести себя сдержано. Но сможет ли он сдерживать свою силу? И не предаст ли он?

Когда-то давным-давно, уже после того, как Шаэсса познакомился с Дивайном, тогда, в саду, была война внутри Серого Дома. Остатки Дома Света попросили протекцию у Шадора, действующего на тот момент доминатора. Шадор, почувствовав поддержку со стороны вновь прибывших, стал слишком громко заявлять о своем могуществе. Исконно Серым идея о том, что часть правящей верхушки Света плавно

перекочевала в правящую Верхушку Тени, очень не понравилась. Свет постепенно стал прибирать власть к рукам с молчаливого согласия Шадора. И тогда случилось невероятное. Тихая, добрая Шализ восстала против мужа. Будучи изгнанной с позором из Адельмара, вместе с маленьким сыном, она не нашла ничего лучше, как собрать войско в Неиве и попытаться взять столицу штурмом. Первая попытка закончилось ничем.

Ее войска не хватало для того, чтобы свергнуть Светлых Ренегатов. Побитое и деморализованное ополчение отступило в Арстейн, будучи прижатым к границе серых и темных владений. Шализ прекрасно понимала, что скоро наступит решающая битва, из которой выйти живым не проще, чем отыскать перстень в бушующем море. Смерть уже кралась попятам, выжидая и почти не прячась. И тогда, когда Серая Королева отчаялась, вмешалась третья сила. Их выбили из Арстейна и прижали почти к самой границе. Войско было деморализовано. Шализ не была доминатором, но то, что Светлые попытаются вернуть свои земли при помощи Серых, до этого момента всегда соблюдавших нейтралитет не нравилось многим. Когда разыгралась битва на границе, и уже стало ясно, что Шализ и ее люди проигрывают по численности и вооружению, случилось нечто доселе непредвиденное.

На границе Тьмы их встретило другое войско. Войско Дома Тьмы. Дивайн сам обратился к Шализ. Шализ была удивлена не меньше, чем Светлые Ренегаты, узнав о том, что Дом Тьмы встал на защиту Наследника Серого Престола.

Дивайн сказал тогда Шализ, что в обмен на то, что ему позволят свести счеты со Светлыми, он предоставит Шализ все, что она попросит. Воодушевленная Королева, сама надела доспехи и взяла в руки меч, отправив Шаэссу на несколько месяцев во дворец Лорда Дивайна подальше от войны. Именно там он и получил начальное образование, в соответствии с темными традициями. Чужая культура, недобрые взгляды, постоянные занятия, чувство собственного бессилия — вот, что не любит вспоминать Серый Король. Темные привыкли к тому факту, что Доминатор обязан владеть боевой магией. Для них в порядке вещей то, чтобы будущий правитель тренировался на проштрафившихся подданных. Иногда, в самых неприятных снах, Шаэссе снится, что он, ребенком стоит посреди тренировочной комнаты, среди других детей правящих кругов, и не может сотворить

даже самый простой удар. Он чувствовал себя белой вороной в черной и очень агрессивной стае. Там не было разницы между тем, кто ты — просто подмастерье, или отпрыск знатного семейства. Для Шаэссы, в силу титула, делалось исключение — в отличие от остальных, он ночевал не со всеми учениками, а в отдельных покоях и в его распоряжении было несколько слуг. Но с него требовали, как и с остальных, равняя всех по одной мерке. Шаэсса не умел отбивать магические удары, а лишь ловко избегал их. Он мог пройти целым и невредимым, к тому же незаметно где угодно, чем частенько пользовался, убегая с уроков. Письма от матери были редкими и скудными на нежность и ласку, к которым так привык избалованным мальчик. Пара строчек о том, как идет военная компания, общие фразы и какая-то безделица. Шаэсса чувствовал себя покинутым, глядя на все родственные распри. Однажды он получил странное письмо от матери, которая писала о том, чтобы он срочно приехал. Она написала, что война окончена. Мама победила. Город взят, войска противника разгромлены, а Шаэссу необходимо венчать на царство. В сопровождении целого эскорта, Серый Принц ехал в город, который теперь принадлежит ему. Он видел пожарища и руины, леса кольев и развешенные на деревьях трупы. Голодные и беспризорные дети бросались под копыта лошадей, изувеченные калеки просили подаяния... Когда он въехал в Адельмар, то Шаэсса сначала не узнал его. Город был почти полностью сметен с лица земли. Принц въехал в Адельмар на закате, и поэтому ему показалось, что море было красным от крови. Багровые тучи клубились над его любимым городом, а чайки кричали так надрывно, словно оплакивали погибших. С тех самых пор Шаэсса не любил закат и чаек. Не утешало Шаэссу то, что уцелели лишь некоторые кварталы и дворец. Его отвели в главный зал. Серый Принц вошел в мрачное помещение, еще хранившее остатки былой роскоши. Кто-то велел ему подождать, слуги засуетились и забежали. Шаэссы не понимал, к чему такая спешка? Ведь, коронацию можно перенести на завтра... И почему его не встречает мама, неужели все время разлуки сделало ее черствой даже по отношению к собственному сыну?

— Железная Роза ждет тебя, — сказал один из солдат.

— Кто? — спросил удивленный мальчик.

Но ему не ответили.

Тем временем в комнату медленно вошел Лорд Дивайн. Его появление насторожило Шаэссу. Они смерили друг друга взглядом, но промолчали. На троне, в темной части зала сидела неподвижная королева. Она была закована в сверкающие латы, волосы ее были красиво уложены, а взгляд резал, словно нож, все, с чем соприкасается. В какой-то момент Шаэсса поймал себя на мысли, что его мать и стоящий рядом Дивайн похожи, словно брат и сестра, каковыми, если верить легендам, они и являются, ибо магическая сила в них одной природы. Одинаковая сталь во взгляде, черные длинные волосы, лицо, словно мраморная маска, жестокий изгиб губ и это имя... Железная Роза... Мать не могла назвать себя так. Оно делало розы для Шаэссы еще противнее... Она — не Шализ, она — Железная Роза. Его мать подбежала бы к нему, обняла бы его, и он бы сам с радостью бросился бы на шею матери. Шаэсса долго смотрел на бледное лицо некогда самого близкого человека, а потом развернулся и попытался уйти. Это была детская обида, словно его обманули.

За спиной он услышал слабый, хриплый женский голос:

— Дивайн, скажи ему...

— Она не может встать, чтобы поприветствовать тебя. У нее мало времени, поэтому коронация назначена на сегодня, — равнодушно бросил Дивайн, присаживаясь на кресло в форме дракона.

По слабому знаку Шализ втащили какого-то оборванца. Его лицо напоминало одну сплошную рану, а ноги уже не ходили. Его бросили посреди зала.

— Было бы более жестоко отмыть его, подлечить его для коронации, но мы ведь — не жестокие, правда? Мы — просто справедливые, — сипло усмехнулась Серая Королева.

Шаэсса поежился при мысли о том, что под словом «мы» она имеет в виду явно не его. Это «мы» его пугало. Принц даже спокойно принял ту мысль, что перед ним лежит его отец. Шадор, сплюнул кровью, и прошипел:

— Если я не дам согласия, то Шаэсса останется принцем.

— Титул «Принц-доминатор» тоже дает право править страной, — ответил Лорд Дивайн.

— Продажная девка.... За что ты продалась? Неужели ты так любишь своего братца, что готова сапоги ему вылизать? Ты пообещала мое королевство ему?

— Шадор, вспомни о достоинстве, — сказал Дивайн, скрещивая тонкие пальцы, — Я предлагаю ультиматум. Все равно, для ритуала я смогу воскресить тебя на сто ударов сердца. Минимум. Так что у тебя есть выбор — добровольно или принудительно.

— Добровольно, — прохрипел Шадор, чувствуя, как стража дробит его левую кисть сапогом. — Зачем тебе мое королевство, Дивайн? Зачем тебе моя жена и мой сын?

— Я не мог отказать себе в удовольствии посмотреть, как заносчивый Шадор облизывает грязный пол, сплевывая собственными зубами и внутренностями. — Дивайн плавно откинулся, поправляя прядь черных волос.

— Я согласен. Добровольно... передать власть... Шаэссе, — Шадор посмотрел на жену, а потом на Дивайна.

Шадора подняли, и, придерживая, помогли негнувшимися пальцами надеть на себя символическую корону, а потом снять ее, придерживая, чтобы он не уронил ее ненароком. На голову Шаэссы лег серебристый венец, под печальные и возвышенные песнопения. Венец сразу показалась ему не просто тяжелым, а неподъемным. Мать Шаэссы еле держалась. Доспехи, словно корсет поддерживали ее царственную осанку. Кто-то звучно произнес:

— Кто принял корону из рук отца своего?

— Я, Шаэсса, Принц Дома Тени, — грустно сказал мальчик, глядя на мать, а потом на Дивайна.

— Кто засвидетельствует право Шаэссы на трон?

— Шаэсса отныне доминатор дома Тени. Я, королева-мать, Шализ Харцблайнт, Железная Роза Серого Дома, дочь семьи первого круга, подтверждаю это. Долгих лет и мудрого правления, — глухо сказала Шализ, сделав благословляющий жест рукой.

— Кто еще согласен засвидетельствовать право Шаэссы на трон?

— Шаэсса отныне доминатор дома Тени. Я, принц Дома Тьмы, Доминатор Черного Дома, Темный Мистик Дивайн Эндор подтверждаю это, — с легкой усмешкой проговорил Дивайн, вставая с кресла.

Шаэссу объявили королем. Он тут же снял корону, чем вызвал недовольство присутствующих.

— А что с мамой? — спросил Шаэсса, понимая, что символическая церемония закончилась.

Шализ прикусила губу и отвернулась:

— Тебе лучше не знать, — тихо сказала Шализ.

Внезапно подал голос Шадор:

— А как же мой подарок сыну на коронацию? Этот камень передается от доминатора-доминатору. Я не хочу нарушать традицию.

Он не с первой попытки снял с себя тонкую цепочку с прозрачным, как слеза камнем. Глаза отца были такими грустными, в них читалось желание быть прощенным. Он знал, что больше не нужен и живым отсюда не выйдет. Теперь Шаэссе было жаль отца. Его сердце разрывалось от жалости к родителям. Он с горечью вспомнил те замечательные дни, когда он был совсем маленьким. Добрая мама золотистом сиянии осенних листьев берет его на руки, отец стоит рядом, а его волосы подсвечены солнцем. Где-то поют птицы, скрипят цикады, плещется море.... Он прячется за деревьями, а родители, вместо того, чтобы искать его разговаривают и улыбаются. И тогда Шаэсса обижается и выходит, а они делают вид, что искали его все время...

— Примерь это, сын мой... И прости меня за все. Прости отца за все.

Отец надел сыну на шею цепочку, и Шаэсса почувствовал, как ему перестает хватать воздуха. Он пытается вздохнуть, а горло что-то сжало, словно невидимая удавка. Принц взмахнул руками и попытался дернуть невидимую, но очень прочную нить.

— На нем оборвется род королей.... — прохрипел, сдавливая горло сына Шадор. — Ожерелье можно сделать невидимым. Камень отразит любую магию. Это — пятый Божественный дар из тринадцати. Абсолютный Щит. Прости, сынок... Я не отдам тебя никому. Ты никогда не станешь бессмертным, как твоя проклятая мать и ее любовник.

Шаэсса уже ничего не видел и не слышал. Единственной мыслью его была та, что только что он получил самый страшный урок в своей жизни — нельзя доверять даже родному отцу. Предательство... Война матери и отца казалась ему игрой. Но теперь он понял все. Серый Принц осознал, что в этом мире он не вправе никому доверять. Родственные узы — это разменная монета. Теперь его образование окончено. Он почувствовал, как кто-то подхватил его, не давая упасть, как резкий рывок подарил ему глоток воздуха... Нет, Шаэсса не хотел умирать... Он открыл глаза, сжимая в руках тонкую безобидную цепочку, разорванную по звеньям и камень-слезу, висящую на ней...

Шадор в ужасе смотрел на сына. Шаэсса не заметил, что ровно на пару мгновений, пока он боролся за свою жизнь, его золотые как отца волосы стали черными, прямыми, а глаза стали розовыми.

— Ты... — задыхаясь хрипел Шадор, — Ты... не мой сын... Мой сын не может быть бессмертным... Нет...

— Аплодисменты, — лениво похлопал Дивайн, — замечательное представление. Ты все-таки чего-то стоишь... А теперь пора поставить точку в вашей семейной драме.

Шаэссе дали в руки нож и подтолкнули к связанному отцу.

— Ах, как интересно... — сказал Дивайн, с тенью улыбки. Шализ молчала.

Шаэсса взял нож. Он почувствовал, что превращается в зверя. Это был уже не тот ранимый и добрый ребенок. Он не чувствовал ни стыда, ни страха, ни сомнений. Он хладнокровно вонзил лезвие в грудь своего отца. По рукам у юного доминатора потекла кровь, а тело отца конвульсивно дернулось. Единственной мыслью было стереть кровь как можно быстрее... Смыть со своих рук чужую... нет, родную кровь, которую сам пролил... Чувства снова вернулись к нему и он в ужасе смотрел, как падает замертво его отец. Юноша в исступлении оттирал руки, выронив нож.

Его матери оставалось жить еще несколько часов. Большую часть времени Шализ провела с Дивайном. Они долго разговаривали в ее комнате. И только перед самой смертью, Шализ позвала сына к себе. Он стоял у ее постели и смотрел в ее угасающие глаза.

— Прости меня, Шаэ... Я просто хотела, чтобы ты поверил в то, что я тебя больше не люблю. Я думала, что так тебе будет легче пережить. Я хотела держаться до конца, но потом поняла, что это не правильно. Если мне Боги отвели время, то значит, я должна им воспользоваться. Знаешь, Шаэ, умирать не так-то просто. Надеюсь, что тебя не коснется такая же участь... Я всегда думала о том, что это — замечательно, что я увижу все краски мира, будучи бессмертной. Я многого, но все откладывала, зная, что будет «завтра». Не допусти моей ошибки... Живи сегодняшним днем. Как будто «завтра» никогда не наступит.

Шализ замолчала, а потом, простонав, продолжила:

— Шаэ, я хочу рассказать тебе, как это случилось. Мне причиняют боль даже воспоминания, но ты должен это знать. Мы подошли ко

дворцу. Часть охраны переметнулась на нашу сторону. Во дворце оставался только Шадор, твой отец. Белые ренегаты попытались бежать, но Дивайн уничтожил их. Я не буду рассказывать о том, что он с ними сделал, ты еще маленький, чтобы знать о таких вещах. Шадор тем временем засел в замке, и после удачного штурма, он встретил нас в зале. Мы вошли туда вдвоем, я и Дивайн. Я немного сглупила, рассчитывая на то, что удастся договориться. Он нужен был нам живым. Я собиралась поговорить с ним без лишних свидетелей. Дивайн — не в счет. Но Шадор меня разозлил. Я тогда не сдержалась и... бросила в него заклятье. Я не хотела его убивать. По крайней мере сразу... Но мое же заклятье внезапно вернулось ко мне. Шадор не мог бросить его. Я точно знаю. Вместо того, чтобы сломать его, заклинание вернулось ко мне с утроенной силой, отразившись от него, каким-то чудом. В тот момент, когда я почувствовала, как собственная магия дробит мои кости и раздирает внутренности, Дивайн не сразу, но успел поставить щит между мной и Шадором. Это подарило мне еще несколько дней жизни. И после коронации я поняла — дело в том камне, который он тебе... отдал. Я думала над тем, что это — единственный способ убить бессмертного, повернув его силу против него самого. Бессмертного может убить только он сам. Каким бы мощным ни был маг, камень вернет ему весь урон. Я вспомнила о том, что давным-давно читала о «Войне Богов». Подобные камни были у каждого Бога, что давало им абсолютную защиту. Но один хитрец сумел выкрасть один из таких камней. С ним он и победил, повернув силу врага на него же самого. Если камень сумел убить меня, то он очень опасен. Это — способ убить бессмертного. Будь осторожен с ним. Шаэ... В мире есть закон равновесия. В одном старинном трактате сказано, что в мире может быть только трое таких, как мы. Сегодня ты обрел полную силу. Сегодня ты в полную силу заявил о себе. Значит, я должна уйти. Дивайн предупреждал меня об этом, но я не приняла это всерьез.

— Трое? Ты, я и он... — сказал Шаэсса, — Неужели есть кто-то еще?

— Да. Есть. Но мы не знаем, кто... Но он есть. И он был первым.

— А Дивайн? — спросил удивленный Шаэсса.

— Он был вторым. Мы чувствуем присутствие друг друга. Сначала я не задумывалась над этим, но когда мы говорили с Дивайном, он сказал, что он тоже чувствует еще одного. Ты пока слишком юн, чтобы

понимать это. Но Дивайн тебе поможет. Он будет твоим наставником. Вместо меня...

— Мама, ответь мне... Мне важно это знать. Правду ли сказал мой отец перед смертью?

Мать улыбнулась и сказала:

— Я не буду отвечать на этот вопрос.

— Почему?

— Ты иногда бываешь таким глупым, Шаэ... Но твое любопытство поможет тебе достичь многого... Ты — мой сын. Ничей больше. Я отдала тебе право жить вместо меня.

— Я не справлюсь, мама... Что мне делать? — Шаэсса уткнулся лицом в покрывало, расшитое серебряными нитями.

— Будь собой. Природа дала тебе все, что посчитала нужным. И этого достаточно. Знай, что в любой ситуации тебе есть к кому прийти. А теперь оставь меня... Я не хочу, чтобы ты видел, как я ухожу... — в ее глазах стояли слезы.

В тот день в Шаэссе что-то сломалось. Он с ненавистью взглянул на этот камень, который отнял жизнь у его матери, и чуть не отнял его собственную. И тогда он понял... Понял, чего он хочет. И чего сможет достичь. Безумная идея стала целью... Сначала это была просто мысль, которую он обдумывал раз за разом, загадка, которую он хотел разгадать. А потом часть мозаики встала на свое место, пока Шаэсса прокручивал ее в голове. Тогда, и именно тогда он осознал, что возможно, он не один в своих поисках, и что ему не хватает опыта и некоторых знаний для воплощения своих замыслов в жизнь. И последние слова матери указали ему путь.

Глава X. Цепные псы

Глава X. Цепные псы

Глава X. Цепные псы

Алетиш тем временем маялась от одиночества. Она изучала картины, проводила пальцами по точным мазкам, словно пытаясь запомнить каждую черточку, каждый изгиб. Когда она добралась до страшной картины с человеком с розовыми глазами, она побоялась к нему даже прикоснуться. Во сне он сошел с картины, чтобы убить ее. Почему под его взглядом хочется прогнуться? Почему он режет, словно нож? А какие глаза у Шаэссы? Какой у него взгляд? В нем есть что-то

такое же неприятное. Только этот не скрывает, а у Шаэссы это можно заметить, но не сразу. У них у обоих глаза холодные... Или может ей так кажется?

В коридоре слышались шаги. В комнату вошел мужчина и предложил ей еду. Алетиш отодвинула тарелку, поиграв ложкой, словно веслом, положив ее на бортик. Аппетита не было совсем.

— Я бы на твоём месте поел. Через час мы выезжаем, — и дверь захлопнулась.

Алетиш съела половину тарелки и оделась. На ней была жемчужного цвета курточка, с красивыми пуговицами, брючки и элегантный платочек, цвета крови, на шее, но он неприятно натирал, поэтому проще было намотать его на руку. Время тянулось невыносимо медленно. Девочка решила, найти Шаэссу во что бы то ни стало. Без него ей было очень плохо.

Через час ее вывели во двор. Анвеориты спорили о том, стоит ли дать карету или же обойтись телегой.

— Карету мне жалко гонять через пол страны. Вы же знаете, какая там дорога? — причитал один из жрецов.

— Если в телеге вести — сбежит. Или мало ли что с ней случится? А пока она находится на территории Людей Анвеора, мы несем за нее полную ответственность, — возразил другой.

— Перед кем? — фыркнул первый. — Перед королем чужой страны? Если бы она была ему так дорога, то он бы забрал ее, драгоценную, с собой. Пусть он там правит, а мы сами разберемся, что к чему. Шаэсса, конечно, оказывает нам посильную помощь в борьбе за дело Света, но сможем ли мы на него надеяться в час решающей битвы?

— Не будь таким подозрительным. Серый Дом, конечно, не дом Света, но все же подспорье в будущей военной компании!

— А какие у нас гарантии? Он что-нибудь обещал? То-то же. Не стоит надеяться. Они для нас чужие.

— Не думаю, что все документы, которые Шаэсса подписал, позволят ему безнаказанно нарушить условия.

— Слишком легко он со всем соглашается. Слишком легко он все подписывает...

— Слушайте, а может, вы все-таки вернетесь к разговору о «телеге и карете». Причем, я надеюсь что слово «карета» будет звучать чаще, чем «телега»? — не выдержала Алетиш, скривившись.

От неожиданности анвеориты вздрогнули, и обернулись к девочке. Вид у них был кислый, словно только что они рассказали государственную тайну вражескому шпиону.

— Мне говорили, что она совсем, ни «бе», ни «ме»... — начал первый.

— Не дождетесь! — сказала Алетиш и пнула камень.

— Тоже мне, принцесса отыскалась! — хмыкнул один из спорящих, тот, кто настаивал на «телеге».

— Посмотрим, как гонору поубавиться, когда она приедет, — сказал второй.

* * *

Шел мерзкий, холодный дождик, проникая за шиворот, он неприятно стекал по теплой спине и моросил по лицу. Алетиш смотрела во след удаляющейся карете, глядя как ее колеса с налипшей грязью проворачиваются в огромных лужах.

Перед ее взором возвышалось некрасивая и невысокая цитадель, напоминающая кусок грязи, налипший на землю. Из крепости вышли двое.

Алетиш удивилась, что эти двое были явно не анвеоритами и явно не старцами. Одной из них была девушка, с черными прямыми и идеально расчесанными волосами и волооким взглядом синих глаз. Одета она была в легкую курточку и брючки, заправленные в высокие сапоги. Она прыгала по кочкам, минуя особо глубокие лужи, так легко, словно делала это каждый день по сто раз к ряду. Вторым был юноша. Его волосы тоже были черными, даже отливали синевой, а глаза казались двумя углями. Его брови срослись на переносице, что придавало ему выражение лица достаточно хмурое. Он медленно шел, не замечая луж, прямо по воде, да и чего ему было переживать: одет он был не в пример беднее своей спутницы.

— Новенькая? — спросила девушка, приближаясь к Алетиш, — Руки в ноги и быстро в Улитку!

— В какую улитку? — поинтересовалась Алетиш, рассматривая девицу.

— В крепость! Дубина! — девица скривила губы, и сказала,

обращаясь к юноше, который молча стоял и смотрел на горизонт.

— Оникс! Проводи нашу гостью, иначе я убью ее ненароком. Ненавижу людей, которые не понимают с первого раза!

Они двинулись по воде. Алетиш почувствовала, как сапоги промокают, как курточка липнет к телу, как волосы облепили лицо. Она отплевывалась от прядей, норовящих залезть ей в рот и чувствовала неприязнь к новому месту и тем людям, которые ее встретили.

Крепость называли «улиткой» вовсе не просто так. Если взять панцирь безобидного слизняка и распилить на две половинки, а одну из них положить на землю, то получится точная схема данного произведения архитектурного искусства. Прелестью данной конструкции было то, что для обороны Улитки требовалось совсем немного людей. Петля одинаковыми коридорами, периодически поворачивая, процессия двигалась к тому месту, где были видны отблески огня.

— Пополнение наших рядов, други мои, — девица шутливо кивнула на Алетиш.

В комнате собралось человек шесть. Присутствующие с явным интересом стали рассматривать незнакомую девочку.

— У нас не принято спрашивать и расспрашивать о том, кто ты, откуда ты и как тут очутилась. Наши правила: ты берешь себе новое имя и начинаешь новую жизнь, — сказал долговязый юноша, со светлыми волосами и глазами, но очень смуглой кожей. — Агат, к вашим услугам. С Чароит ты уже знакома. Это — та красавица, — он послал девушке воздушный поцелуй, — на что та явно не ответила, — которая тебя встретила. Ее спутник, наш друг, Оникс, угрюмый малый, но как лучник просто незаменим. Это, — Агат указал на девушку, в пряди волос которой, были вплетены разноцветные нити. Ее глаза были оливковыми, а нос напоминал птичий клювик, — Это наша умница Берилл. Если бы не Бер, то мы бы давно умерли от голода. Так, кто у нас еще забыт? Как же так! Это Алмаз. Он просто хороший парень... Не обижайся... Какое ты себе имя возьмешь, девочка?

— Я хочу оставить свое. Мне оно и так нравится. Меня зовут Алетиш.

Девица по имени Чароит хмыкнула, кто-то едва улыбнулся, Оникс просто не обратил внимание.

— Думаю, пора объяснить нашей подруге, о том, куда она попала,

и как можно покинуть это место, — сказал Агат, кивая на стену. На стене была вырезана огромная карта. На ней было множество странных обозначений, крючков, палочек, символов, — Перед тобой Черная карта. Данная крепость расположена тут. А вот тут начинаются земли Серого Дома, а вот тут — Черного дома. Вот здесь еще земли людей Анвеора. Собственно, вот и вся география. Это наша будка. Мы — цепные псы, которые должны вовремя гавкнуть, если появится угроза от Дома Тьмы.

— А что это за петельки и круги? — спросила Алетиш, глядя на сплошные отметки.

— И сразу переходим к вопросу «Как отсюда выбраться?» Отвечаю: «Никак. Только смерть освободит тебя от обязанностей собаки». А эти значки — это пометки о гиблых местах. Короче, где помечено черным, там живет смерть. Вот тут вообще у нее резиденция. «Сад Зверя», замечательное место для длительных прогулок в одиночестве. Вот тут на пограничной полосе между Серым и Черным королевством логово Черных Трапперов, ренегаты со всех земель, обиженные и озлобленные, собрались на этой полосе ничейных владений и организовали место, куда хорошо ходить невооруженным и перед едой. Говорят, что они любят человечину. А какая у них одежда из дубленой человеческой кожи — носить, не сносить. А вот тут, где просто черным-черно — это подступы к резиденции Лорда Дивайна.

— А как вы узнаете, что там опасно? — спросила Алетиш, брезгливо вспоминая слова о «человечьей коже».

— По трупам, — Агат показал браслет, на правой руке, — А это — такая магическая штучка, ошейник, который не дает нам никуда уйти. Нас найдут везде. Снять, сразу предупреждаю, невозможно. Только вместе с кистью... Чем собственно иногда на досуге занимается его Черное Высочество. Он, поди, уже с сотню таких насобирал.

— Больше, — мрачно буркнул Оникс.

И с ним никто не стал спорить.

— Есть будешь? — спросил Агат, протягивая кусок хлеба и солонину.

Алетиш брезгливо взяла в руки темный, достаточно черствый сухарь и кусок вяленного, жесткого мяса.

— Чего скуksилась? — спросила Чароит, — Тоже мне, принцесса отыскалась. Ешь, что дают.

И Алетиш стала грызть свой сухарь.

— Размочи его, — тихо сказала девочка с цветными прядями, которую называли Берилл, — протягивая железный ковш с водой.

Комната была небольшая, с камином и деревянной мебелью. Обставлена она была более чем бедно, но главное, что была чистою, сухой и теплой. Оникс достал какой-то камень и стал сосредоточенно обтачивать наконечник стрелы. Берилл собирала крупные бусины на нить, чередуя их по цвету и периодически прикладывая к шее, отмечая пальцами то место, где по ее мнению можно закончить плетение. Алмаз качался на стуле, мурлыкая нескладную мелодию. Агат подсел поближе к Чароит и стал что-то рассказывать, на что та морщила нос и делала вид, что ей это жутко не нравится.

Алетиш доела и села молча в углу.

— Чар, покажи ей ее комнату... Девочка...ээ... Алетиш устала, ей надо отдохнуть после дороги, — сказал Агат. Судя по манере поведения, тут распоряжался именно он.

Чароит молча сделала знак, и Алетиш пошла следом. Пройдя совсем немного, Чароит толкнула одну из дверей и, сунув в руки Алетиш огарок свечи и огниво, сказала:

— Обживайся. Теперь это все твое.

Алетиш долго не могла высечь искру. Она била кремнем о камень, но ничего не выходило. Она так и стояла на пороге темной, пугающей комнаты без окна.

Сообразив, наконец, что ничего у нее не получится, девочка решила вернуться и попросить помощи. Когда она подошла к двери, то услышала голоса:

— Она мне, определенно не нравится. Какая-то заторможенная, — сказала тихо девушка.

— Вспомни себя, когда тебя сюда привезли. Ты вообще не разговаривала, — сказал юноша.

— Меня смущает, — Алетиш услышала знакомые надменные интонации, — Ее манера поведения. Ведет себя, как принцесса какая-то. Ничего сама сделать не может. Сейчас она прибежит заплаканная и попросит, чтобы мы помогли ей зажечь свечу. Неумеха.

— Чар, тебя должно было смутить совсем другое... — сказал юноша, — Вы видели во что она одета? Почему никто не обратил внимание на ее одежду? Она одета в цвета Серого Дома. Это не может

быть простым совпадением. Серый и красный — это цвета Лорда Шаэссы. Она явно не простолюдинка. Меня это сильно настораживает. Неужели Лорд Шаэсса прислал сюда своего человека?

— Ой не знаю... Если бы сюда послали шпиона, то вряд ли его бы одевали в цвета Дома Тени... — сказала Чароит, — Агат, я не думаю, что это — шпион. Но манера держаться и одеваться...

— Ты что-то имеешь против нее?

— Нет, просто она меня раздражает и все.

— А вы заметили, — вступил в разговор еще один голос, — что на ней нет браслета?

— Как нет?

— А вот так! На правой руке точно нет. А на левой я не успел посмотреть...

— На левой нет. Она сидела ко мне левым боком.

В комнате воцарилась тишина. И тут Агат сказал:

— Редкая птица залетела к нам. Узнать бы о ней побольше... Ну, детки, кто пойдет втираться в доверие?

— Я — пас! — сказал кто-то из юношей.

— Я не мастер таких дел, — подал голос еще один юноша, — Мне убивать проще. Тем более красиво я не умею. Не обучен.

— Лучше, чтобы это была девушка, — заметил Агат.

— Я готова это сделать, только с вас причитается, — надменно ответила Чароит.

* * *

Чего сидишь на полу? — спросила Чароит, подходя к Алетиш, которая так и не решилась войти в темную комнату.

Знакомиться пришла? — буркнула Алетиш, — В доверие втираться?

А тебе какая разница? Не век тебе под дверью сидеть... Давай огниво! — скомандовала Чар, протягивая руку, — Тьфу ты, отсырело....

Чертыхаясь Чар стала бить камнем о камень, но тот так и не хотел давать искру. Она отвернулась, а потом протянула горящий огарок.

Дверь скрипнула, и тусклый свет свечи обнажил убожество обстановки. Несколько деревянных стульев, сбитый грубый стол и

кровать. На кровати красовалось огромное бурое пятно.

— Что это? — спросила Алетиш, прищуриваясь.

— А ты как думаешь? — глухо ответила Чароит, — Ничего, отстираешь, не принцесса...

— Кровь? — одними губами пошевелила девочка.

— Нет, варенье... Ну ты и... Тьфу!

— Чья? — с ужасом спросила Алетиш, поднимая двумя пальцами ветхую простыню.

— А тебе какая разница? Радуйся, что не твоя. Можешь сейчас постирать. Нет... Не высохнет... Дождь...

Она впихнула в руки Алетиш огарок, и медленно пошла по коридору.

Девочка, оставшись одна, растерянно смотрела на очертания человека. Тот, кто лежал здесь — умер. Она чувствовала запах смерти. Положив руку на простыню, она увидела чужую мучительную агонию. Девушка, чуть старше ее лежала прямо тут. Она видела ее слипшиеся волосы, потрескавшиеся губы и мутный взгляд. У девушки не было руки и кровавой розой зияла открытая рана живота. Она медленно умирала, так и не приходя в сознание. На губах клекотала и вздувалась алыми пузырями кровавая пена, которая сменялась сукровицей, текущей в уголках рта. На животе девушки лежала промасленная тряпка, а рука была на уровне локтя перетянута кожаным ремнем. С культи капало что-то желтоватое. Гной! Цвет лица ее был землистый...

Алетиш согнулась и села на плиточный пол. Она в ужасе смотрела на свою абсолютно здоровую руку и беззвучно открывала рот, глотая воздух. Набравшись мужества, она схватила простыню, свернув ее в комок и пошла по коридору. Она почувствовала, как звук барабанищих капель постепенно приближался. Девочка вышла во внутренний двор. Дождь почти прекратился. Лишь скупые последние капли оставляли в грязных лужах свои круги.

Алетиш увидела колодец. Она бросила ведро вниз, и цепь застрекотала, отматывая расстояние до воды.

— Ну, как дела, — спросил Агат, появляясь из ниоткуда.

— Скажите этой дуре, что мы пьем из этого ведра! Пусть не вздумает стирать в нем! — сказала Чароит, наблюдая за тем, как Алетиш вытаскивала воду.

Оникс, стоявший рядом, недовольно хмыкнул:

— Предлагаю — не помогать. Пусть сама учится. Мы тут не слуги, чтобы за принцессами ухаживать.

Берилл, кивнув на Алмаза, ответила:

— Мы только «за»! Пусть работает.

— Лоханка — там, — кивнула из-под навеса Чароит.

В грязи стояла старая деревянная лоханка.

— Ой, убожество... Ума нет — чужого не добавишь! Ну кто так наливает? Ты половину воды расплескала! Утлая! Да и кто стирает в дождь?

Алетиш обвела злобным взглядом присутствующих, стиснула зубы и продолжила стирать.

— Пойдем, народ! Тут смотреть нечего! — Оникс мрачно кивнул в сторону крепости.

Алетиш бросила простыню с воду и подняла, глядя как струи воды стекают вместе с кровью. Поморщившись от брезгливости, Алетиш повторила действие. Пятно ничуть не уменьшилось. Оно поблекло, но кровь, словно навсегда въелась в серый лен. Размахнувшись, девочка швырнула скомканную простыню в лоханку и едва успела отскочить от противных брызг.

— Я тебе щелока принесла. Потри, оно сойдет, — тихо сказал кто-то за спиной. Во дворе стояла Берилл, воровато озираясь.

Алетиш посмотрела на нее с недоверием.

— Я... мне... неловко... Ну... ты не подумай! — сказала Берилл, краснея. — Просто я не хочу, чтобы кто-то с кем-то ругался. Я ничего не могу сделать. Они просто злятся на то, что анвеориты загубили еще одного человека. Когда я сюда пришла все вели себя не лучше. Яшма так вообще со мной месяц не разговаривала...

Берилл внезапно замолчала, глядя на кровавую воду в лоханке.

— Когда я пришла... Это было... Это было... Давно... Тут жили совсем другие люди. Пожалуй Чар и Оникс остались, а остальные.... Меня привезли на телеге, я помню... Было такое пекло, что мне ужасно хотелось пить, но никому не было дела. Я потом сидела у колодца и обливалась водой, так как на протяжении всей дороги мне не дали даже глотка воды.

— Разве так можно? — спросила Алетиш, присаживаясь на камень. Берилл села на фундамент разрушенной колонны. Дождь стекал по ее волосам, принося что-то похожее на облегчение.

— Ну... Еще и не такое возможно... Знаешь, в жизни всякое бывает... Поверь, я видела вещи пострашнее окровавленной простыни. Мы жили в отдаленном поселении, у подножья гор. Однажды случилось зимой так, что снег оградил нас от внешнего мира. Мы думали, что он быстро растает, но он пролежал три месяца. Наши запасы быстро иссякли.

Берилл помолчала. Она нервно теребила прядь волос и смотрела на то, как капли дождя оставляют круги на воде.

— Люди стали голодать. Голод... — Берилл сглотнула, — Ты знаешь, что когда урчит что-то там внутри, то это значит, что пора кушать. Ты знаешь, что если не поешь целый день, то становишься слабой. Если ты не поешь два и больше дня, то ты начинаешь думать только о еде... А потом... Даже если пытаешься отвлечься, то все равно думаешь о еде. Представляешь, что сейчас за печкой найдешь старый плесневелый сухарь и съешь его. А во рту даже слюны нет. А потом кушать уже не хочется... И ты понимаешь, что умираешь... Так говорила мне сестричка... Она не хотела кушать... Мы... мы... ее... Ну после того, как она... Знаешь, что это такое?

Алетиш вздрогнула.

— Это такое чувство... счастья... Ты ешь... ты снова ешь... А потом осознаешь... Я помню, как лежала и думала... Чувство тяжести в желудке и тошнота... А губы липкие... От жира... Мы перезимовали... Она была не последней... После этого я хотела отмолить свой грех перед Анвеором. Я сбежала из дома, поскольку стены после этого стали мне ненавистны. Я прибежала в храм и рыдала у его статуи. Я просила простить меня... Я не хотела с этим жить... Я просила забрать мою жизнь... Жрецы сказали, что я могу искупить вину перед Анвеором. Мне надели браслет и привезли сюда. С тех пор я всегда слежу за тем, чтобы у нас была еда. Я расходую запасы экономно, на случай, если что-то случится с поставками. Я не позволю такому повториться. Может, я — никудышный воин... Но я живу здесь для того, чтобы искупить мою вину. Представь себе... Столько лет прошло, а мне все еще страшно вспоминать. С тех пор я не ем мяса вообще. Я предпочитаю грибы, коренья, хлеб... Я дала клятву Анвеору, что никогда не съем ни кусочка мяса. И выполняю ее.

— Ты была не виновата, — неловко начал Алетиш, подавляя приступ тошноты. — Мне, вот вообще рассказать нечего...

— Знаешь, как я хочу забыть! Лучше так, чем... чем... — вспылила Берилл и тут же замолчала, поджав губы.

Алетиш смотрела с сочувствием на человека, которому пришлось пережить такое. Легкое чувство голода, которое зародилось в желудке девочки, пропало, сменившись комком в горле.

— Мне и рассказать почти нечего. Когда я очнулась, со мной был человек. Он мне очень-очень дорог. Это было совсем недавно. Но то, что было до этого, я просто не помню... До этого была темнота. Вот и все воспоминания.

— Я пойду... — тихо сказала Берилл, вытирая лицо, — Мне пора. Я не хочу этого говорить, но... постарайся никому не говорить, что мы с тобой разговаривали... Потом поймешь почему... Мне очень неловко... Я не могу ничего сделать. Ты изначально повела себя неправильно. Нужно было... Ну как тебе сказать... Не задирать нос, наверное... Жаль, что я не успела тебя предупредить...

— Это я вела себя неправильно? — изумленно перебила Алетиш. — Вы сами набросились на меня!

— Ну... Просто тут все озлобленные... Вы в детстве играли «в палку»?

— Не знаю... — надулась Алетиш.

— Ну... Игра есть такая... Двое держат палку, а третий проходит под ней, стараясь не коснуться. Палку опускают все ниже и ниже. Нужно прогнуться, чтобы под ней пройти... Представь, что они держат палку, а ты прогибайся, чтобы под ней пройти. Чтобы прогнуться, нужно забыть о гордости. Гордые люди ходят прямо, с высоко поднятой головой... Но в этой игре так не принято. Чтобы выиграть — нужно просто быть не таким гордым... Это — мой совет. Тебя жизнь не била, а меня била, поэтому я знаю... Я пошла... Пора готовить ужин.

Алетиш терла простыню, а потом долго выкручивала. Руки ее ныли в локтях и запястьях, но она продолжала выжимать воду. Потом девочка долго искала, куда бы повесить ее, чтобы она высохла...

Дождь прекратился, на небе появился кусочек радуги.

Пока простыня сохла на ветру, шлепая мокрым концом по белому мрамору, Алетиш сидела и думала. Прогнуться... Кто для меня эти люди, чтобы перед ними не показывать свою гордость? Они мне не хозяева! Если не хотят со мной разговаривать — пусть молчат. Мне как-то все равно!

— Поступай, как знаешь, — сказал внутренний голос. — Это — твой выбор и твои шишки. Получай их побольше... Так накапливается жизненный опыт.

— Они меня и так унизили... — сказала сама себе Алетиш. — Я не хочу, чтобы они считали меня тряпкой. Берилл тут ничего не решает. Она — старательная, исполнительная, но уважают ли ее за это?

— Ты — просто решила пойти по пути наибольшего сопротивления. Гордость легко сломать...

— Пусть ломают. Чего ты вообще лезешь ни в свое дело? — возмутилась Алетиш. — У меня хоть будет, что ломать...

— Мне кажется, что они так не думают. Я не в том смысле, что у тебя ее нет... А в том смысле, что они просто озлоблены собственной участью, которая, увы, незавидна... Это просто злость... Но не на тебя, а на сам факт, что тебя тоже обрекли на такую жизнь. По крайней мере, они так думают. А ты, по сути, человек — никчемный. Глупый и бесполезный. Ты — не воин, и это — факт. Ты ничего не умеешь. Ты ничем полезной им не будешь. Кстати, а ты не подумала, что это все — идея Шаэссы. Не думаю, что Анвеориты просто так решили бы от тебя избавиться... Ты просто ему надоела, вот и все. Ты вела себя глупо, поэтому и поплатилась. Кто щебетал безумолку? Кто капризничал и вел себя, как ребенок? Чего ты хотела этим добиться? Он просто устал от тебя, и решил избавиться...

Алетиш гордо молчала. В глазах ее стояли кровавые слезы, и она боялась лишний раз моргнуть, чтобы не дать им скатиться по щекам. — Зачем ты мне это говоришь? — спросила она, пытаясь сдержать рыдания. — Твоя боль делает тебя сильнее... И меня... Но пока я тебя покидаю. Постарайся не наделать глупостей. Время нашей битвы еще не настало, — сказал внутренний голос и умолк.

— Пойдем... — сказал Агат, беря ее за локоть, — Мы больше не будем так над тобой издеваться. Это была проверка.

Алетиш вздрогнула.

— Что с тобой? — испуганно спросил Агат, показывая себе на глаза.

— Ничего, — буркнула Алетиш, вытирая кровь.

— Я поговорил со всеми. Они больше так не будут...

— Я никуда не пойду.... - прошептала девочка.

— Гордость — это хорошо. Я тоже был гордым. И благодаря своей

гордости я тут. Потом расскажу... Пойдем. Там Берилл приготовила чудесный ужин. Пойдем... Хватит дуться Внезапно Алетиш почувствовала боль. Агат отдернул руку, потирая ее и пристально глядя на девочку. — Что-то ты не такая, как все... Как ты это сделала? — спросил Агат, ловя ее за рукав. — Никак! Я ничего не делала! — сердито сказала Алетиш. — Это ты сделал мне больно! — Ну и дела... — рассеянно протянул Агат, внимательно изучая девочку. — Я не бил тебя, и больно тебе не делал... Просто хотел немного успокоить, вот и все, но ты вернула мою магию так, словно я тебя не успокоить, а пытать решил! — Ты что — маг? — Ну ты даешь... Я был послушником при Храме Анвеора. Дааавныыым-дааавно. Нас учили истории этого мира и магии. — И как ты очутился тут? Небось, тоже слезливую историю расскажешь? — А! Она была у тебя? Дивайн ее побери, она меня опередила! Не бойся, я никому не скажу, что ты умеешь. А тем более буду молчать, что кто-то из наших уже пытался втереться в доверие. Моя история коротка. Мой приятель увлекся научными открытиями. Очередным триумфом его духовного прозрения стало то, что Анвеор, исходя из старинных рукописей, которые хранились под замком, всего лишь — обычный человек. Анвеору удалось убедить людей последовать за ним. Никакой Белой Ладьи не было. Он забрал все артефакты у трех домов. Где-то украл, где-то выпросил... А потом сумел убить бога и занять его место. Ну и дальше в том же духе. Людям он внушил, что они — избранные, прошедшие сквозь звезды, и они поверили ему. Мой друг был одержим узнать правду об этом путешествии. Мне было жаль бедолагу, ибо, как я понимал, он повернулся окончательно. И я не сказал никому о его духовных поисках... Мой друг с пеной у рта доказывал, что доктрина — ложна. Что он лично видел книги и рукописи, подтверждающие это. Я, конечно, не верил. Я не пошел и не сказал об этом никому... Но тайное стало явным, и моего приятеля сожгли у черного Анвеора, а меня пытались заставить вытирать статую... А! Ты не знаешь... Там, в подземелье Храма стоит статуя. Она где-то в человеческий рост. Это Анвеор, чьи руки сделаны вот так, словно он тебя обнимает. Тебя к ней привязывают и сжигают, если ты в поисках истины зашел слишком далеко. Мне предложили отмыть его, в качестве наказания за молчание. Я отказался. Гордым был. Вместо смерти меня отправили сюда.

— А убежать отсюда невозможно? — с надеждой спросила

Алетиш. — Для нас все кончено. Мы — псы. Наше дело — вовремя гавкнуть. Когда начинается заваруха на границах и когда происходит что-то странное. Пойдем. Нас все заждались. Я высушу простыню магией. Или подсушу. Я всего лишь — подмастерье. Меня подбросили к храму еще ребенком. Говорят, что положили корзину прямо на руки Анвеора. Ты видела такую статую. Она называется «Анвеор Благословляющий, Милость небесную Дарующий». — Может и видела... А тот, кого сожгли... Почему ты его не убедил? — спросила Алетиш, — Почему не сказал, что он — не прав. — Я не хочу сейчас говорить об этом. Потом расскажу. Пойдем, а то как-то неуютно на улице стоять. Простынку захвати, она почти сухая, — Агат взял за руку Алетиш, так, чтобы не касаться открытых участков кожи девочки, и бережно повел ее сумрачными коридорами. — У нас свечей мало... Нам не прислали в прошлый раз... Поэтому мы тут в темноте. Но мы тут все наизусть знаем. И ты потом привыкнешь. Вот. Входи первая, — сказал Агат, проталкивая Алетиш вперед к огню. В комнате все сидели почему-то на полу. Молчаливый Алмаз запивал из железного ковша, Чароит расчесывала и сушила у огня волосы, Берилл снова что-то плела из бусинок, Оникс просто дремал. — Ты голодна? — спросил Агат, подталкивая девочку к столу. Там в миске стояла похлебка, которая пахла вполне сносно. — Ешь, — сказала Берилл, протягивая деревянную ложку. Алетиш с жадностью накинулась на незамысловатую еду, стуча ложкой по тарелке. Агат вышел на середину комнаты и сказал: — Играть сегодня будем? — Мне не хочется... — фыркнула Чар. — Тебе никогда не хочется, а потом азарт просыпается, — буркнул Оникс, — Я — играю. Все равно делать нечего. Берилл, вытирая руки тряпкой, кивнула. Алмаз поднял руку. Агат выдохнул и сказал: — Поясняю для непосвященных. Суть игры заключается в том, чтобы угадать то, что я загадываю... — Давай лучше в «правду или ложь»? — протянула Берилл. — Я прыгать сегодня не хочу. Тем более, что в прошлый раз желания были просто отвратительными! — Давайте в «правду-ложь»... — согласился Агат. — Алетиш, тут суть такова. Кто-то говорит фразу и указывает рукой на того, кто должен ответить. Тот отвечает: «правда», если это правда. Или «сказка», если это — вымысел. Я, как обычно, — ведущий. Поехали! — Нет! — возмутился Оникс. — С тобой нам не тягаться. Ты знаешь намного больше нас. Давай в... — Хватит! Давайте посидим молча! У

меня башка раскалывается! — бросила Чар. — Агат, расскажи нашей... короче, Алетиш, что мы из себя представляем. И нужно прикинуть, чем она может быть нам полезна... Предлагаю передать ей Черную карту. Кто «за»? — Все и единодушно... — сказал Оникс, — А с чего ты тут возомнила себя главной? — А ты чего лезешь? Рот закрыл! Понял! — лицо Чароит стало жестоким и неприятным. — Так! — скомандовал Агат, — Не ссорьтесь! Нам всем немного осталось! Так будем играть или нет? — И ты пошел к Дивайну! — огрызнулась Чар, вставая из-за стола, и выходя из комнаты. — А с ней такое часто бывает? — спросила Алетиш, которая почувствовала себя намного комфортнее в отсутствие Чароит. — Частенько. Она по титулу герцогиня... Она сбежала из-под венца с каким-то напыщенным аристократом и отправилась на поиски приключений, — сказал Оникс, расслабляясь. Отсутствие Чароит действовало на него благотворно. — Давайте расскажу сказку, а потом разойдемся спать. День сегодня пережили и слава Анвеору! Так вот... Случилось это давным-давно. У храма Анвеора сидела нищенка в старых лохмотьях с протянутой рукой. У нее на костлявых руках лежал маленький ребенок. Он надрывно плакал от голода, но никто не подал ни кусочка хлеба, ни мелкой монетки... Она все сидела и умоляла прохожих сжалиться над ней и над ее ребенком. Но сердца людей были черствыми, словно камни, из которых был построен храм. Нищенка сидела и просила. Она готова была расцеловать ноги каждого, кто подаст хоть краюху черствого хлеба. Она поднимала глаза к статуе Анвеора и просила его, чтобы нашелся добрый человек, который протянет руку помощи, но даже статуя была глуха к молитвам. Стемнело. Ребенок на руках затих, и нищенка успокоилась немного, думая, что он заснул. Но материнское сердце почуяло беду, ибо сердце матери чувствует, когда перестает биться сердце ребенка. Она посмотрела на умиротворенное личико мертвого чада и молча заплакала. Она положила его на руки Анвеору, но чуда не случилось. Женщина до утра баюкала мертвого ребенка, а когда встало солнце, то нищенка, посмотрев в его желтый, равнодушный глаз прокляла Анвеора. В ту же минуту она обратилась в серую волчицу. Волчица бережно взяла острыми зубами ребенка и исчезла. С тех пор в ЭнгъЯрде ходит легенда о том, что перед рассветом огромная худая волчица крадет из колыбелей маленьких детей. Говорят, что она уносит их к себе в нору, а там они умирают. Бывает, что она растерзает их прямо в

колыбельке. Она зубами его рвет, а сама плачет. И это будет продолжаться до тех пор, пока ребенок не назовет ее «мама». — Ну ты даешь! У тебя каждый день новая история! Ты их сам придумываешь? — спросил Алмаз. — Просто, когда я был послушником, мы всегда рассказывали на ночь друг другу истории, поэтому я знаю их еще много... — Я спать хочу... — зевнула Берилл, — Алетиш, возьми свечку. Я тебе ее сейчас зажгу, а ты постарайся беречь ее от сквозняков. Они тут повсюду. Твоя комната слева по коридору. Простыню не забудь. Алетиш побрела по коридору, заслоняя свечку от сквозняка. После стирки ее руки были сухими и жесткими. Огонь плясал, отбрасывая причудливые тени на каменные стены. Она толкнула дверь и осветила комнату. Комната пахла чем-то чужим. Кем-то чужим. Запах еще не выветрился. Она бросила простыню прямо на кровать, наскоро разгладив ее руками. Лежа в сумраке, она разглядывала резной потолок, и пыталась уснуть. Алетиш боролась с мыслью о том, что стоит потушить свечу, как мертвый хозяин комнаты вернется... А потом внезапно девочка почувствовала себя такой одинокой, что даже сжалась от мысли, что никому не нужна... Шаэсса... Черным цветком внутри нее стала расцветать горечь. Знает ли он, где она? Придет ли он сюда? Девочка представила, как обнимает его и ей стало как-то легче. Нужно просто представить, что он рядом. И тогда не страшен никакой призрак, никакая боль. А потом она подумала о розовых глазах, которые так манили и так ее пугали. Ничто с ними не могло сравниться. Ничто и никто. Когда она подумала о розовых глазах, то по спине скользнула рука. Это кто-то принес покрывало. Ей стало тепло и уютно. Кто-то потушил свечу и осторожно закрыл дверь.

Глава XI. Видение

Глава XI. Видение

Глава XI. Видение

Алетиш проснулась рано утром, когда во дворе стоял туман. Было прохладно, и она зябко кутаясь, шла к колодцу. Напившись вдоволь, она вернулась в свою комнату. Про одеяло — это был не сон. Кто-то и впрямь принес ей теплый, пусть и старый плед. На столике лежал гребень, плетеный браслет, маленький кинжал, резная ложка. Улыбнувшись подаркам, она провела кинжалом по стене и под старой

штукатуркой обнаружилась фреска. Немного поскребя в уголке она увидела, что это — большая картина. Взявшись за работу основательно, она отскоблила большую часть штукатурки, обнажая картину. У картины не хватало лица. Либо безвестный художник его не дорисовал, либо оно осыпалось в незапамятные времена. Алетиш долго смотрела в серое пространство, а потом ее осенила идея. Ей нужно чем-то себя развлечь. Она сбегала в общий зал и вытащила из камина несколько угольков. Но сразу рисовать она не решилась. Нужно было сначала потренироваться. Она провела угольком по стене, предварительно проверив, не сокрыто ли под штукатуркой нечто, представляющее художественную ценность. Она нарисовала глаз, который на удивление получился красиво. Над глазом она попробовала нарисовать бровь. Бровь не получилась. Пришлось все стирать. Она снова нарисовала глаз. А потом осторожно попыталась нарисовать бровь. Пришлось немного потереть рукой, а в целом было очень похоже. Но вскоре это занятие ей наскучило, и девочка отшвырнула уголек в дальний угол комнаты.

День был совсем скучным. Агат куда-то исчез, а с ним и Алмаз. Берилл что-то готовила в большом котле, напевая странную песню. Оникс вообще попадался на глаза редко, а Чароит сидела перед зеркалом и заплетала волосы. Она их сначала заплетет, а потом распустит, а потом снова заплетет. Пару раз, блуждая по коридорам, Алетиш натыкалась на закрытые двери, старые фрески с некогда красивыми картинами. На одной из них был нарисован мужчина с белоснежными волосами, прямым носом и огромными глазами. Он стоял на фоне звездного неба, а нога его подпирала белоснежную лодку. Из рук его сочился свет, а на голове блестел венец. За спиной у него были белоснежные крылья, которые он раскрыл, словно птица. — Анвеор, Снизшедший по небесной милости, Возрадовавшийся миру новому, — прочитала Алетиш. Анвеор ей почему-то не нравился, и она, достав уголек, зарисовала его лицо. Он почему-то был ей противен. Особенно после рассказа Агата. Если бы Анвеор был и впрямь великим, то он не был бы жестоким по отношению к людям. Она прикоснулась к нему и в голове мелькнула странная картинка.

Анвеор говорил с ней, обращался к ней. В голосе его была отстраненность, словно она — вещь, которую уже использовали, а теперь не знают — выбросить или оставить.

— Я не могу выполнить обещание. Ты мне еще понадобишься.

А потом она увидела смерть. Анвеор пронзает кинжалом свою грудь.

Девочка еще долго сидела и смотрела на Анвеора и никак не могла понять, почему он это сделал. Когда она вернулась в общий зал, то увидела, что все сидели молча. На длинной лавке, в гордом одиночестве сидел Агат. У него на щеке была длинная ссадина, а куртка на локте была изодрана в клочья. Ее поприветствовали долгим и неприязненным, как ей показалось, взглядом. А потом Агат молча встал и протянул уголек, а потом подвел к карте и ткнул пальцем. — Поставь точку. За Алмаза, — Агат сглотнул. — Где? — спросила Алетиш, глядя на выцветшую картинку. — Прямо тут. Разрушенный город теперь не безопасен. — А что там? — спросила Алетиш, рисуя дрожащей рукой крестик. — Там старые-престарые руины Андбранта. Этот город был построен Светлыми и долгое время были их столицей. Под Андбрантом есть еще один город. Это очень древнее место. О таких городах складывают легенды. Там такие необычные дома и много полезных вещей. Они высоко ценятся среди людей Анвеора, а особенно их любят маги. Оникс иногда продает наши находки, а потом покупает еду и разные полезные вещи. Иначе мы бы тут с голоду померли. Агат развернул котомку и высыпал на стол несколько престранных вещей. — Вот из содержимого этой маленькой штуки получается яд. Его обычно выдавливают. Это нужно делать аккуратно, потому как эта гадость — едучая. А вот — легкая колба или фляга. Она прозрачная, но ее невозможно разбить. Это как стекло, только не такое прозрачное и легкое. Вещь крайне удобная. Ее можно использовать, как флягу. Видишь, какая тут крышка? Она закручивается. Эта фляга настолько дорогая, что не каждый может себе ее позволить. Многие Анвеориты считают, что именно такие вещи и привели мир к катастрофе. Многие хотят заполучить такую штуку и раскрыть секрет ее создания, но, увы, если у кого-то ее найдут, то его сожгут на костре. Но богатеи готовы выложить целое состояние за такую штуkenцию. Их закон не касается. Он для нас, простых смертных... А Алмаз погиб тут. На него вдруг откуда не возьмись выскочила какая-то дрянь. Я даже не успел ее разглядеть. Поэтому никому соваться туда не советую. Отслужил свое, цепной пес. — Собаке — собачья смерть, — грустно сказал Оникс. — Мы все — псы. И у нас одна судьба. И смерть на всех — одна. Собачья. Но с этим можно жить. — Алмаз, пусть Анвеор хранит твою душу на

пути к горящим звездам! — сказала Берилл. Она разлила по кружкам кисловатую брагу. И все осушили кружки. Агат достал старую лютню и стал играть, периодически не попадая по струнам, но это никому не мешало плясать и веселиться. Волосы облепили лицо, когда Чароит потянула Алетиш на стол. Берилл уже танцевала рядом. Они плясали, выбрасывая коленца, периодически хватаясь друг за друга, чтобы не упасть. Они задыхались от истерического хохота. А потом, пошатываясь, они слезли и сели на скамью, обмахиваясь руками. Потом Алетиш стало клонить в сон. А потом она открыла глаза и почувствовала, что все разошлись. Она встала, едва держась на ногах, и побрела в комнату. В комнате было прохладно и сыро. Но в постели было неожиданно мягко и уютно. Девочка легла на кровать и почувствовала, как мир грез уносит ее куда-то прочь от страшного, мрачного места. И тут она услышала голос: — Неблагодарная тварь, не забывай, что это — наше общее тело. Еще раз выпьешь эту дрянь, и я убью тебя.

**** Тем временем Лорд Доминатор Серого Дома сидел в кресле и пристально смотрел на зеркало, словно гипнотизируя его взглядом. От напряжения он закусил губу. Иногда он вставал и ходил, меряя шагами комнату. Потом выкручивал себе пальцы. Что-то терзало Лорда Шаэссу. Что-то отравляло его существование. Периодически он, прищурившись, смотрел в одну точку, словно пытаясь что-то разглядеть. — Милорд, вы ужинать будете? — спросил мужской голос из-за двери. — Нет, — процедил Шаэсса, едва сдерживаясь. Потом чуть мягче добавил: — Может, позже. — Что с вами, мой лорд? — спросил голос, — Вам что-нибудь нужно? — Убирайся вон! — крикнул Шаэсса, прикрыв голову руками. Ему было неприятно. Они никогда раньше не давал такую слабину. Он никогда не показывал своего гнева своим слугам, а тут сорвался. Как мальчишка. И все из-за нее. **** Проснувшись затемно от неумной жажды, Алетиш почувствовала во рту неприятный привкус. Она так резко встала, что у нее закружилась голова. Пришлось сесть и прийти в себя. Отдышавшись, она снова встала, опираясь на стену. В голове все путалось, в глазах плыло. Девочка угрюмо брела по коридору. А потом услышала странные звуки, как будто кто-то плакал... — Не мое дело, — подумала Алетиш, — Где этот проклятый колодец? Плакать могла девушка. Это Берилл. Наверное, она сильно любила Алмаза... Поэтому и не хотела плакать при всех. Но потом ее

взгляд упал на приоткрытую дверь, и она увидела двоих. Они целовались... Парочка бросила мимолетный взгляд на дверь, и тут Он резко вышел, ничего не говоря. В высокой фигуре Алетиш узнала Агата. Девушкой оказалась Чароит. Она взглянула на Алетиш и неприятным голосом сказала: — Чего приперлась? — Я не знала, что у вас любовь. Я шла к колодцу... Я... не хотела... — робко ответила Алетиш. — Иди сюда, — скомандовала Чароит, — У меня есть вода. Нечего тебе на улицу посреди ночи выходить! На будущее — запасись всем необходимым днем. Ночь — не наше время. Ночью правит Зло. — Спасибо, — сказала Алетиш, отпивая глоток. — Не за что, — буркнула Чароит. — Не думала, что вы с Агатом так любите друг друга... — Любите? Наивная! Это — не любовь. Поцелуй — это еще не любовь. Хотя, я тоже сначала так думала. Когда жила во дворце со своей семьей. Я была наивной и впечатлительной девочкой. Я восхищалась красотой цветов, облаков, старинными колоннами, морем... Мне нравилось, как летят листья с деревьев прямо в море, и как качаются на воде, словно тысяча маленьких корабликов. За мной ходила моя няня. Она всегда говорила мне, что листья — завидуют птицам, потому, как те могут летать. А хитрые птицы знают, что осенью все листья полетят, и закружит их ветер в последнем танце. Но листья не верят им и шуршат, шуршат о чем-то своем... Так и людям... Кому-то дано летать всегда и высоко, а кто-то летит один раз в жизни. И этот полет будет стоять ему жизни. Я гуляла старинными парками, мне показывали могилы моих великих предков, а я смотрела, как замороженная, ибо многие из них были всего лишь кенотафами... Пустыми могилами. Только памятники. Но я не об этом... Там всегда было так красиво и я мечтала о том, что моя жизнь будет самой счастливой. Я читала много книг и мечтала о своей сказке. И я полюбила. И до сих пор люблю. Правда, мы никогда не сможем быть вместе!

— Почему? — удивилась Алетиш.

— Потому, что тот, кого я люблю всем сердцем и всей душой — умер много веков назад, — грустно сказала Чароит.

— Ты серьезно? — Да. — Как можно любить человека, которого ты ни разу не видела? — спросила Алетиш, глядя на кулон, который она только что сняла с шеи. Точнее ей показалось, что цепочка сама соскользнула. — А разве это имеет значение? — фыркнула Чароит, — Люблю и все. Если бы не любовь, то я бы давно погибла. — А Агат? —

Алетиш была удивлена. — А что Агат? — удивилась Чароит. — Понимаешь, иногда бывает так тоскливо и одиноко. Иногда хочется быть кому-то нужной. Хоть на мгновение. Ты не знаешь, вернешься ли завтра или останешься отметкой на Черной Карте. Вот и хочется чего-то приятного. Когда он тебя обнимает — страх проходит. Когда он тебя целует — отступает смерть. Если ты завтра умрешь, то пусть жизнь будет прожита так, как ты хочешь. Это наша последняя точка, с нее нет возврата, нет и пути вперед. Только смерть. Рано или поздно. И вот когда Агат меня целует, я представляю себе того, кого действительно люблю. Ты любишь кого-то? — Не знаю, — тихо сказала Алетиш — Как так? А... понятно... Просто не хочешь об этом говорить... — Чароит улыбнулась. — Просто я не знаю, что такое любовь... Может, я и любила кого-то когда-то, но я не помню... Чароит удивлялась все больше и больше. А потом задумчиво произнесла: — Мне кажется, что с тобой что-то не то... Вроде бы и руки две, и ноги две и голова одна. Посмотришь на тебя и скажешь, что обычная девочка, но что-то меня смущает. Ты какая-то странная. Ты не обиделась? — Да нет, — пожала плечами Алетиш — А сколько тебе лет? — Не знаю. Я не помню ничего, — грустно сказала Алетиш. Ее саму волновало то, что она ничего не помнит из своего прошлого. — Да не расстраивайся ты так, у тебя еще все впереди. Может, тебе повезет больше чем всем нам. Знаешь, любовь способна изменить жизнь, — Чароит бесцеремонно обняла Алетиш, словно они давно были подругами.

Алетиш положила свою руку поверх руки Чароит и внезапно ее что-то ударило. Это был не ответ на магию. Нет. Что-то другое... Приступ тошноты внезапно накатил, не отпуская. Слабость и дрожь заставили ее тело вздрогнуть.

— Король... Не живой и не мертвый... Туман... Туман... Везде туман... Мне холодно.... — она шептала, задыхаясь одно и то же.

Алетиш сползла на пол. Она смотрела невидящими глазами на Чароит.

— Что с тобой? Отвечай! Не молчи! — трясла ее Чароит.

По щекам Алетиш потекли алые ленты слез. Полуоткрытые губы твердили одно и то же: «Смерть... Дыхание смерти... Туман... Он будет твоим... Будет... Но ты умрешь... Как умер он.... Он уже ждет тебя...»

Алетиш посмотрела, как на ее ладонь капнула первая капля крови. С удивлением она посмотрела на нее, а потом провела руками по лицу.

Руки ее были в крови.

Чароит молчала и с ужасом смотрела на рыдающую кровью девочку. Она лихорадочно соображала, что нужно делать. Это — болезнь? Вдруг это — чума? Тут чума была лишь один раз... Но у чумы совсем другие симптомы. Это магия? Или проклятье? Почему из глаз кровь? Спросить Агата? Он должен знать?

— Ты не знаешь ТАКОЙ боли. Смерть уже здесь. Она стоит над каждым. И ты будешь последней! Мне нужно уйти отсюда! Я приношу смерть! Я принесу вам смерть! — выкрикнула Алетиш, задыхаясь.

— Тебе лучше отдохнуть... — испуганно сказала Чароит.

Алетиш взяла себя в руки, вытерла лицо и медленно побрела в комнату. Чароит подняла странный кулон, который остался лежать на полу как раз на том месте, где сидела девочка. Девушка внимательно на него посмотрела, и глаза ее расширились от ужаса. Она его узнала.

Алетиш снилась огромная книга, закрытая, словно сундук на замок. Что написано в ней? Положа руку на черно-серебрянную обложку, можно прочитать все до последней буквы. Книга называлась «Смерть и жизнь во единой плоти». Начиналась книга словами: «Я, Дилерия, кровью своей лист сей написавши, клятву даю, что неподобающие руки не возьмут эту книгу, а если и возьмут, то проклятие обрушится на них холодной могильной плитой. И скует смерть молчанием уста их, книгу сию осквернившие. И скует смерть холодом руки ее державшие. Моя кровь — слово мое».

— Не бросай книгу... — сказал голос.

— А если меня проклянут? — спросила Алетиш.

— Это ритуальная формула. Она всего лишь оберег для непосвященных.

Положи руку. Я прочитаю ее тебе.

— Всю?

— Нет, только то, что ты должна знать...

— А если я не хочу знать всего, что там написано? — устало проговорила Алетиш.

— Но это отгадка...

— Зачем мне отгадка, если я не знаю загадки? — пожала плечами девочка.

— Эта отгадка нужна не тебе... Ты всего лишь посредник. Ты просто должна запомнить, что я тебе прочитаю...

— Я чувствую тлен на губах... Я чувствую приторный запах смерти... И холод, когда холодеет даже сердце... Я смотрю во тьму, а тьма смотрит в меня... Она что-то ищет... Я не хочу читать эту книгу, которая в моих руках расползается трупной зеленью. Кожа с обложки слезает, обнажая кости... Это очень темная книга... Что мне нужно знать из этой книги?

— Она откроет тебе правду о бессмертных... — голос затухал в сознании.

Алетиш открыла глаза, но увидела лишь темноту, а запах стоящий в комнате был воистину ужасен. Как она раньше не замечала, что в ее покоях осталось чужое дыхание?

Глава XII. Вылазка

Глава XII. Вылазка

Глава XII. Вылазка

Их любили не больше чем цепных псов. Их кормили точно так же, как ногой пододвигают похлебку или опасно бросают корку хлеба к собачьей будке. Их ненавидели и держали на привязи. Их били, как бьют ногой собачонку, не вовремя подавшую голос. И они поджимали хвосты в страхе и бессилии. Они забивались в угол и рычали, оскалив клыки, когда к ним тянулись чужие руки. Они в полубезумном исступлении лизали руки хозяина, если он погладил по голове и жалобно выли на луну, пытаясь выразить невыразимую печаль. Они дрожали в глубине будки, когда чуяли запах волка. Они были похожи на дворняг. Они и были дворнягами. Их зубы были остры, но они не могли перегрызть свои цепи. Они были похожи на цепных псов, с одной лишь разницей — когда-то они все-таки были людьми.

* * *

— Алетиш, — кто-то тряс ее за плечо. — Что ты вчера мне сказала?

— Вчера? — спросонья переспросила девочка.

— Ну да, — над ней склонилась Чароит. Глаза у нее были уставшими, с черными тенями под ресницами.

— Я не помню... — созналась Алетиш, протирая глаза.

— Так, ты или придуливаешься, или и вправду не помнишь? Ты

мне такого наговорила, что я после этого всю ночь не спала...

— Наговорила? — спросила Алетиш.

— Ты хоть имя свое помнишь? А мое? — раздраженно спросила Чароит.

— Вроде... — промямлила девочка.

— Так помнишь или «вроде...»?

— Помню, а зачем тебе это? Я не помню только, что вчера рассказывала. Мне так плохо... Я вообще мало что из вчерашнего помню...

— Ну, слава Анвеору, а то я уже подумала, что ты у нас ведьма... Будущее предсказываешь и всякое такое... Пойдем, я тебе сегодня покажу кое-что интересное. Мы пойдем патрулировать границы, а ты можешь пойти с нами.

Они оделись и позавтракали. Агат, Чароит и Оникс уже ждали ее у выхода.

— Смотрите, что я с кухни умыкнул! — радостно играя яблоком, сказал Агат, — Трофей.

— Дурак, у Берилл все рассчитано, а ты яблоки ворует, как маленький, — надулась Чароит.

— Может, я для тебя его умыкнул? — улыбнулся Агат.

— Тогда совсем другое дело, — согласилась Чароит, ловя брошенное ей яблоко. — Вкусное... Алетиш, тебе отрезать? Сейчас возьму нож и поделюсь.

— Нет, не надо... Я не люблю яблоки... — поспешно ответила Алетиш.

— Тогда я съем одна... И ни с кем не поделюсь. Вот.

Оникс молча двинулся вперед.

— А почему Оникс идет впереди? И почему с нами не пошла Берилл? Почему мы все не можем идти рядом? — спросила Алетиш.

— Потому, что идти нужно друг за другом. Это позволит остаться в живых хотя бы оставшейся части отряда. А Берилл — слишком ценна для нас, чтобы рисковать ее жизнью! — грубо ответил Оникс.

— Ты поменьше разговаривай... Оникс — лучший пасфаиндер, которого я знаю, но и он не всегда может вовремя сориентироваться, — сказал Агат шепотом.

— А чего тут бояться? — точно так же шепотом спросила Алетиш.

— Тут ничего... Пока... — громко чавкая сказала Чароит.

— Тс! Чар! Андбрант ты тоже еще два новолуния назад называла безопасным... — сказал Агат.

— Да хватит вам! Нечего ребенку страсти рассказывать! Тут пока граница людей Анвеора. Тут отродясь ничего, кроме диких зверей не водилось... — возмутилась Чароит.

— А дикие звери разве безопасны? — спросила Алетиш.

— Там где есть звери, нечисть не водится... Точнее наоборот. Звери не будут водиться в очень плохих местах. В гиблых... На Черной Карте ты их сразу узнаешь по отметкам.

— А чего нужно бояться? — совсем тихо спросила Алетиш.

— Смерти, — сказала Чароит, глядя, как Оникс вышел на пустынное место.

Вокруг была сухая трава. В сухостое попадались синие глаза цикория, желтые пасти львиного зева, серебристые кусты полыни и желтые соцветия пижмы. Все это пахло чем-то свежим, совсем не опасным. Крупные пушистые шмели жужжали, деловито летая с цветка на цветок. Один из резвых кузнечиков прыгнул на рукав куртки Алетиш. Она взвизгнула и отпрыгнула от неожиданности, пытаясь стряхнуть козявочку. Дыхание осени почему-то не тронуло эту землю.

— Чего орешь, как ненормальная? — спросил Оникс.

— Что-то на меня село!!! — простонала девочка, пытаясь рукой сбить упрямого кузнечика.

— Кузнечик, — смахнула его Чароит. — Их тут много... А какой тут ветер...

Он не пахнет Тьмой, как восточный... Он пахнет жизнью... И свободой.

Ты чего такая угрюмая? Что-то случилось?

— Нет, ничего, — задумчиво сказала Алетиш. Внутри нее сидела странная боль. Она не должна им говорить. Они ее посчитают сумасшедшей.

— Вот видишь, — сказал внутренний голос, — Ты уже начинаешь понимать, в чем отличие между тобой и ими... Ты ведешь их к гибели... И ты это прекрасно знаешь... Только они об этом не знают... Да и не зачем им знать? Не так ли? Почему ты не расскажешь им всю правду?

— Я... не знаю, как сказать... — проямлила Алетиш. И тут резкий голос Оникса вывел ее из состояния задумчивости.

— Ты это прекращай! Идет, как зачарованная, а потом вытаскивай ее из вонючей трясины! — рывкнул Оникс, протягивая палку Алетиш. Сама девочка стояла посредине огромного, но неглубокого болота. Она была по пояс в мутной коричневой грязи.

— Это такая полянка-обманка. Чарусой называется, — сказал Агат. — Они иногда встречаются в самых не походящих местах. Прямо в лесу. Глядишь — полянка, цветы на ней растут, красивые... А потом — хлюп! И ты в воде! Новички часто сюда попадают. Когда ты с кем-то, то это не опасно, но если ты одна, то это становится смертельной ловушкой. Чаруса не любит расставаться со своей жертвой.

— Я же тебе говорила, что нужно обойти, а ты идешь, словно очумелая прямо в болото, — Чароит сидела на краю чарусы и обрывала лепестки очередному цветку.

— Ты вообще какая-то странная! — констатировала факт Чароит, выбрасывая очередной стебелек.

— Это не я, а вы — странные! — огрызнулась Алетиш, хватаясь, что есть мочи за узловатый сук.

— Мы? Изволь объясниться! — со смехом глядя на грязную девушку, сказал Агат.

— Да — вы! Называете себя в честь камней, всегда таинственные, всегда злые!

— Мы — злые? Агат, ты слышал? Злые! — рассмеялась Чароит. — Мы пришли и нам дали эти имена не просто так! Каждое имя несет в себе отпечаток личности. Твердый и прямолинейный Алмаз мог процарапать любую броню. Ему не было равных в обращении с тяжелым оружием. Оникс — черный камень. Таинственный и мистический. Его еще считают колдовским, не так ли?

— Спроси у нее, о том, откуда простые крестьяне знали о таких драгоценностях? Особенно об их свойствах? — шепнул ей внутренний голос.

— Откуда вы, ребята, знаете о таких камнях, которых в жизни не видели? — вызывающе спросила Алетиш.

— Из книги. Она написана на другом языке. Только описание камней на нашем. Насколько я знаю — это ритуальный язык Домов, — сказал Агат. — Вернемся, я тебе ее покажу. Она очень старая. Мы бережем ее, как самую ценную реликвию. Каждый пришедший сюда считал своим долгом попытаться расшифровать ее содержание. Но

успехов не достиг никто. Ничего, кроме страницы с камнями, я не смог прочитать.

— Ребята! Есть предложение! — сказала Чароит.

— Ну?

— Мы с Алетиш пойдем к Мертвому Озеру по кромке Мертвого леса, а вы идите дальше. Встретимся вечером в Ракушке. Да! И по Черной границе не шибко разгуливайте!

— Ты ее хоть предупреди... А то новички пугаются... И еще... Не забудь напомнить мне вечером про книгу. И еще... Будь осторожна. Сейчас небезопасно даже там, где раньше было спокойно, — сказал Агат, перекладывая часть еды из своего тюка в тюк девушек. — Не ходите по тропе. Обходите ее. Если придется заночевать в Мертвом Лесу, то умоляю, спите по очереди...

— Я как будто маленькая... — улыбнулась Чароит.

— Нам пора, — нахмурился Оникс, — Я чувую, что ветер меняет направление.

И они разошлись. Алетиш шла, хлюпая грязными сапогами по земле. При каждом шаге они смачно чавкали, оставляя за собой грязные следы. Чароит шла осторожно, словно танцевала.

— Мертвым лес стал после страшной битвы, которая была тут много веков назад. Три Дома встретились на поле битвы. Кровь лилась рекою, и Свет уже предвкушал победу, как вдруг Серый Дом отказался вмешиваться в битву. Свет еще надеялся на помощь людей Анвеора, и помощь была на подходе. Серый Дом вышел из битвы, а Свет стал теснить Тьму. Тогда Доминатор Черного Дома Лорд Дивай нанес последний удар. Он превратил это место в одну большую могилу. Мертвые стоят на границе владений. Они защищают, судя по поверьям, мир от Тьмы, которая живет там... Они — вечные стражи... Смотри! Я ненавижу Дивайна!

— Все его ненавидят... — ответила Алетиш.

— У меня есть повод его ненавидеть. Именно он уничтожил того, кого я люблю. Это случилось много веков назад.

— Как это так? — удивилась Алетиш, — Если это случилось так давно, то Дивайн должен был умереть?

— Он — бессмертный, — сказала Чароит, — Время не властно над ним. Ну вот, мы пришли!

Алетиш увидела полуистлевшие трупы, сидящие, словно

стражники. На них были старинные кольчуги, шлемы с изображением белой ладьи. Рядом валялись пробитые щиты, стрелы, прямо с древками, разбитые мечи и сломанные луки. Покойники смотрели пустыми глазницами на девушек, которые прошли мимо них.

— Это те, кто покинул границу Сада Зверя. Стоит их туда вернуть, как они снова оживут.

— Смотри! Тут есть озеро... Не глубокое, но кристально чистое... Вода тут — просто серебряная... И всегда теплая... — сказала Чароит, раздеваясь.

Она сбросила с себя всю одежду и коснулась ногою водной глади.

— Чего стоишь, грязнуля?

— Они смотрят... — кивнула Алетиш на мертвых, которые сидели прямо у озера под сухими ивами. — А еще в воде... Тоже мертвые...

— Ну и что? — фыркнула Чароит, заходя в воду по пояс. — Мне это даже нравится... Есть в это что-то завораживающее... Они, покрытые паутиной и пылью, иссохшие и окоченелые смотрят на то, как ты, живая и теплая окунаешься в прозрачную воду, как ощущаешь легкое дыхание смерти, словно мурашки по коже. Они смотрят и завидуют тебе, а ты тем самым смеешься над смертью. Она ходит рядом, ищет, высматривает, а ты играешь с ней. Мне нравится видеть свое отражение в их щитах. Мне нравится играть со смертью.

— Ладно, — сказала Алетиш, стягивая с себя куртку и штаны... Сапоги она сняла сразу... Вода и впрямь была теплой. словно до Дня Урожая.

В серебристой воде не водилось ни одной рыбешки. На дне валялись щиты и иногда в иле попадались белоснежные черепа.

— Согласись... В смерти есть что-то загадочное... Плыви сюда! Да ней бойся! Они не кусаются! Отнесись к этому проще... Смерть — это неизбежно...

— А каков он, Лорд Дивайн, Доминатор Черного Дома? Тот, который избежал смерти? — спросила Алетиш, присаживаясь на огромный щит.

— Он... Я его ни разу не видела... Но говорят, что у него лицо, как у статуи... Говорят, что он очень красив... Пора вылезать! Здесь можно отдохнуть.

Задремав на щите, рядом с выстиранной одеждой, Алетиш снова увидела книгу.

— Ты все-таки хочешь узнать о бессмертии? — спросил внутренний голос.

— Я хочу понять, что происходит! — сказала Алетиш.

— Хорошо, я дам тебе подсказку. Но только одну.

Глава XIII. Черный принц

Глава XIII. Черный принц

Глава XIII. Черный принц

Лорда Дивайна, Доминатора Дома Тьмы снова терзали воспоминания. Перед его взором ярко и четко вставали перед картины прошлого.

Это были странные обрывки, словно кто-то вырывал страницы книги, уничтожая целые главы, а то, что осталось, представляло довольно смазанную картину. Лорд Дивайн не любил свои воспоминания. Слишком часто он анализировал их и переживал снова и снова, видя все свои ошибки. Он не любил ошибок. Дивайн вспомнил Леди Дилерию. Первую встречу он запомнил навсегда. Его привели в Черный зал, где уже стояла высокая женщина, изумительной красоты. Ее волосы были пепельными, а глаза — синими. На ней было черное платье, украшенное большой сапфировой брошью у самого подбородка. Кроме броши на ней не было ни одного украшения. Дед Дивайна. Доминатор Дома тьмы, мать Дивайна Леди Девона, ее муж и брат Лорд Девлин смотрели на Леди Дилерию с таким уважением, что было сразу понятно, насколько Она могущественна и влиятельна.

— Подойди сюда, маленький принц, — спокойно сказал она, перебирая воздух пальцами.

— Какая интересная зверюшка... А ты кусаешься? — спросила Дилерия, словно не помня о том, что перед ней принц крови.

— А глазки, как у крыски-альбиноса. Только чуть-чуть бледнее.

Дивайн молчал. Ему было меньше десяти лет, но он прекрасно понимал, что подобное оскорбление он простит только после того, как перешагнет через ее труп.

— Нет, — сказала Дилерия. — Я не буду его учить.

И никто не стал ей перечить. Доминатор тихо вздохнул, глядя на внука.

Ярость тихо нарастала в Дивайне. Он, словно наполнял чашу гнева тьмой, чтобы выплеснуть ее на эту ведьму. В отличие от других

волшебников его чаша казалась бездонной, но это было не так. Она была просто больше, чем у других. Он чувствовал, как его тело медленно дрожит от напряжения, как холодеют губы и кончики пальцев... В зале повисла звенящая тишина и к его пальцам потянулись нити тьмы. Они свивались, как ленты до тех пор, покуда не сжали туго кисти рук.

— Как ты смеешь... — произнес тогда Дивайн, глубоко вдыхая разряженный воздух. Он готов был обрушить удар, но она лишь улыбнулась.

— Обучение уже началось. И это был небольшой экзамен. Ты успешно прошел его. Но есть вещь, которую ты должен знать. Ты собираешь силы только тогда, когда тебе это нужно. Это неправильно. Силы должны быть у тебя всегда. Когда ты собираешь силы — ты уязвим. Это принцип боевой магии. Не давай волю своему гневу. Внутри тебя должно быть ледяное спокойствие и сила.

Дилерия не любила мужчин, поэтому все эксперименты она ставила на особях мужского пола. Она была неизменна... Ее черное, наглухо закрытое платье, синяя брошь, и длинные пепельные волосы делали ее одной из самых красивых женщин Дома Тьмы. Дилерия принадлежала одному из самых древних родов семей первого круга. Ее талант, как цветок селекционеры, выводили много сотен лет, путем близкородственных браков. Она была прекрасна хрупкой красотой и ужасна в своем могуществе.

Когда Дивайну было пятнадцать лет, она взяла его на поле боя. Перед битвой она сказала:

— Природа магии зависит от солнца. Помни об этом. Светлые подпитываются солнечным светом. Они любят магию огня, света. Солнце увеличивает мощность их заклинаний. Самые сильные заклинания получаются тогда, когда солнце в зените. Серые любят сумерки. Их магия — магия уходящего солнца или восходящего. Как только начинает смеркаться или светать — это их пора. Они — непревзойденные мастера иллюзий. Они, конечно могут использовать светлую магию, но в отличие от Светлых, Серые — более слабые. Их излюбленное оружие — туман, сумрак и все, что связано с обманом зрения. Вопреки распространённому мнению Тьма о том, что Тьма — это отдельная субстанция, Тьма на самом деле — это отсутствие света. Мы умеем использовать отсутствие света и делать из него реальную

силу. Когда существовал единый Дом, каждый род искал свою силу. Основатели Дома Тьмы нашли силу, там, где ее не додумались искать другие. Поэтому — мы особенные. Мы понимаем магию Света, но Свет не понимает магию Тьмы. У нас всегда есть преимущество. Ты — венец творения Дома Тьмы, его надежда и проклятие. У тебя магия течет в крови, твою силу можно сравнить с силой всего магического совета. Но... Твоя сила тоже имеет предел. Ты знаешь, сколько сил ты отдашь битве? Магия — это живая субстанция, и она сама ищет себе пищу. Она будет выедать тебя изнутри, до тех пор, покуда ты не умрешь. Тебе нужно следить за тем, чтобы она не стала питаться твоей душой. Магия — это зверь. Зверя нужно кормить. А душа — это его излюбленная пища.

Дилерия надела на лицо бархатную полумаску и пошла сквозь войско Тьмы. Они падали на колени и целовали подол ее платья, шепча, о том, что Леди Дилерия с ними. Она шла медленно на передовую. Дилерия дала знак, и тут же вокруг нее и Дивайна образовался круг воинов, закованных в тяжелые доспехи с массивными черными щитами.

— Смотри, мой мальчик, что я делаю. Это самое верное. Я не буду отвлекаться на щит и направлю все силы в удары... — сказала из-под полумаски Дилерия.

— А когда они умрут? — спросил Дивайн.

— На их место придут тысячи других. И так до полной победы или смерти. Они будут защищать меня до самого конца.

Это было страшное зрелище. Когда в тебя летят тучи стрел, а рядом падают люди, заслоняя тебя собой и корчась в агонии в твоих ногах. Они верили в нее, и она не подвела. Когда силы ее были на исходе, Дилерия покачнулась, а потом оперлась на плечо Дивайна. Постояв немного, она притянула его к себе и поцеловала. Он почувствовал, как она черпает его силы и не сопротивлялся. Дивайн знал, что ей они нужнее. Это не тот поцелуй, к которому привыкли все. Это самый эффективный способ пополнить свои силы за счет кого-то, у кого они еще остались. Один берет, другой отдает. Это было страшное и восхитительное чувство. Чувство, будто из воронки груди вырвался страшный ураган. Дилерия оторвалась от губ принца, тяжело выдохнула и ударила, последний и решающий раз.

После битвы она зашла в шатер и тяжело упала в резное кресло. Дивайн молчал. Дилерия резко сдернула маску и посмотрела ему в

глаза. Дивайн успел заметить страшные шрамы на бледных щеках. Через секунду шрамы исчезли, как наваждение.

— Когда-то давно я была замужем. По приказу Доминатора, я стала женой одного мага... Его звали... А впрочем, тебе его имя ничего не скажет... Он был очень ревнив, и чтобы никто на меня не посмотрел, изуродовал мне лицо. Он резал меня ножом. На живую... А потом бросил мне зеркало и сказал, что так будет лучше. Когда я поняла, что он убил мою любовь, я убила его тем же ножом. Но как жить женщине, с таким лицом? И я стала учиться магии. У покойного супруга была огромная библиотека, тысячи древних рукописей и старинных фолиантов. Я читала все книги запоем, выискивая крупницы искусства. Я собирала их, как собираю цветы на лугу. Глупое сравнение, но я составляла букеты из тьмы. И тогда я нашла одно заклинание. Оно не требует много сил и постоянного контроля. Это — маска, которую никто не сможет ее отличить от настоящего лица ни на вид, ни на ощупь. Я хотела убрать рубцы, но кинжал оказался древним артефактом, и шрамы от него не заживают никогда. Именно этим кинжалом раньше клеймили магов-отступников, чтобы они не могли избавиться от клейма. Я нашла заклинания маски. Со временем я настолько привыкаю к нему, что считаю, что это и есть мое истинное обличье. Мальчик мой, ты — самый красивый из тех, кого я видела в своей жизни в своем истинном обличье. Но ты — не человек. И даже я не могу сказать кто ты. С возрастом ты станешь просто красавцем. Ты будешь прекрасным, но люди не поймут твоей красоты. Им привычнее их убогие стандарты. Надень прекрасную маску на лицо и стальной обруч на сердце. Это станет для тебя залогом успеха. Ты — принц. Гнев — это твоя слабость. Человек, сумевший вывести тебя из душевного равновесия — в чем-то сильнее тебя. Запомни это. В гневе ты уязвим, как никогда. Жаль, что я не смогу быть с тобой всегда.

— А мне и не нужно, чтобы ты была всегда, — спокойно сказал Дивайн. — Ты будешь со мной до тех пор, пока мне это выгодно.

Дилерия рассмеялась, откинув голову:

— Я горжусь тобой. Ты станешь замечательным правителем. Со временем придет то, что я не смогу тебе дать сейчас.

Через три года она умерла. Дивайн даже не сожалел об утрате и не скорбел над телом. С каждым годом он понимал, что внутри него поселилась пустота. Она пришла от понимания того, что этот мир

скучен. Скучным мир был лишь потому, что Дивайн застрял здесь навсегда. Все его мировоззрение отталкивалось от той мысли. Он никуда не торопился и никуда не спешил. Изредка его что-то отвлекало от невидимой войны с пустотой. В такие моменты ему казалось, что пустота побеждена, но потом она возвращалась и занимала все новые позиции. Интерес постепенно отступал, а пустота завоевывала новые рубежи. Возвращалось прежнее равнодушие, а вместе с ним и странная тоска. Казалось, что Дивайн ненавидел свою вечность. Но это было не правдой. Он ее любил. В его понимании «смерть» — это всего лишь дверь, которая закрыта исключительно для него. Иногда он хотел заглянуть за грань, чтобы быть точно уверенным в том, что ничего не теряет, будучи бессмертным. Иногда ему казалось, что жизнь обманула его, и что именно смерть — вечная награда, которую, он, почему-то не заслужил. Но когда он смотрел на предсмертные муки других, он убеждал себя в том, что смерть — это проклятье, которого ему удалось избежать. Он держал власть в вечных, сильных руках. Что еще нужно государству? Что еще нужно правителю?

Дивайн знал, что государство — это его бремя. Это его ноша, которую он должен нести вечно. Он знал о своей стране все. Сам мог написать ее подробную историю. Черный принц мог сказать, сколько железа поставляют рудники Ильсура в месяц, и насколько выросла площадь посевов в Иноире. Дивайн знал численность войска, вплоть до единиц. И это иногда угнетало.

Но однажды произошло то, что вывело Дивайна из душевного равновесия надолго. У Дома Тени родилась девочка. Такая же, как и он. Она благополучно вышла замуж за владыку Дома Теней. Ее звали Шализ. Будучи королевой, она мечтала иметь наследника, но ее дети рождались мертвыми или умирали сразу после родов. Но она нашла способ дать жизнь наследнику. И наследник выжил. Дивайн знал об этом способе, но ее решение не одобрял. Он знал, что у бессмертных не может быть детей.

Однажды после тяжелой победы Дивайна над Светлыми, его Темное высочество было удостоено визитом правящей четы Серого Дома, вместе с их маленьким сынишкой. Дивайн прекрасно знал, что Шадор попытается оторвать себе половину земель, доставшиеся Дивайну после победы, прикрываясь тем, что всегда был на его стороне. Так же он знал, свой ответ. Дивайн был принципиальным и

злопамятным. Он мог бы отказаться их принять, сославшись на любое обстоятельство, однако ему было интересно посмотреть на ребенка. А еще его всегда забавляло то, какие уловки находит Серый Дом ради того, чтобы получить желаемое. Его Темное Высочество с удовольствием наблюдал, как испокон веков Доминаторы Серого Дома выкручиваются, подлизываются, угрожают, блефуют, осознавая, что бессильны. Взгляд Дивайна в таких случаях красноречиво давал понять, насколько смешны их попытки. Принц не любил глупость и демонстрации, он не любил пустых разговоров и подобострастия. Это ему изрядно приелось, за два полных тысячелетия.

Дивайн знал, что они приедут на рассвете. Но в его планы не входило встречаться с ними раньше вечера. Ибо днем он предпочитал спать. Отдав распоряжение устроить гостей с максимальным комфортом, принц, поймал себя на мысли, что вместо любопытства он испытывает отвращение. Он сидел, подобрав под себя ноги, в широком кресле, перебирая в руках крупные черные ониксовые бусы, как вдруг в Скрытый Зал вошел бледный как смерть слуга. Он шепотом сказал Дивайну что-то, что заставило его резко подняться. Плавнo и неспешно он двинулся в сторону сада. Слуга шел сзади, склонившись к земле, отчаянно оправдываясь... Принц Тьмы зажмурился от яркого солнца, сощулив глаза, он увидел такую картину. Светловолосый мальчишка в сереньком камзоле, обрывая одну за другой роскошные розы. Вокруг уже валялись лепестки, которые поднимал ветер. Дивайн подошел к нему и сделал незаметный жест рукой. Она из колючек впилась ребенку прямо в ладонь. Вместо того, чтобы разревется на весь парк, мальчишка вытащил шип из руки, и с садистским удовольствием согнул одну из веток розового куста и наступил на нее ногой в сафьяновом сапожке.

— Кто дал тебе право? — медленно растягивая слова, проговорил Дивайн. Рука ребенка схватила стебель против воли, и стала сжимать его.

— Ты не имеешь права! Я — принц! Я делаю все, что мне заблагорассудится! — гордо сказал ребенок, пытаясь разжать собственные пальцы. Буквально на несколько мгновений его лицо изменилось. Золотые волосы превратились в черные, а глаза стали розовыми.

— Здесь ты делаешь то, что я тебе скажу, принц, — жестко сказал Дивайн.

— С какой стати? — мальчишка даже не пытался вырваться. Дивайн теперь был точно уверен в том, что Шализ сошла с ума. Ей удалось сделать ребенка бессмертным.

— С той, что это мои владения. А теперь сделай милость, покинь мой сад, пока я лично не наказал тебя, лишив Серый Дом наследника престола, — холодно проговорил Дивайн. Ребенок взглянул ему в глаза. У самого зрачка они снова были алые, как кровь, а у границы радужки — синими, как небо. Дивайн все понял.

— Меня зовут Шаэсса, я будущий доминатор Дома Теней. И ты, кем бы ты ни был, не имеешь права мне угрожать, — чувством собственного достоинства произнес проказник, пытаясь сдержать слезы. — Отпусти меня!

— А ты попроси. На коленях.

Шаэсса встал на колени, с вызовом глядя прямо в глаза Черному Принцу.

— Слушай меня внимательно. Очень внимательно. Ты только что сделал большую ошибку. Но я не взыщу. Пока что. Запомни. Это был первый и последний раз, — Дивайн положил свою руку поверх детской руки, а потом сжал ее, сорвав злосчастную розу с куста. Шаэсса всхлипнул.

— Вот она — твоя роза. На ней — твоя кровь. Ты виноват в ее смерти. А она виновата в твоей боли. Вы почти квиты. Вот только ей уже все равно, а ты будешь мучиться, вспоминая ее. Кому из вас легче? Мне пришлось сорвать розу твоими руками, чтобы не чувствовать боли. Запомни это навсегда.

— Я с тобой покрываюсь. Я тебе никогда не прощу. Поверь мне, — сказал Шаэсса, потирая сдавленную кисть. — Я подарю тебе розу, которая принесет тебе столько боли, что ты себе представить не сможешь!

— Постарайся дожить до этого дня, Шаэсса, принц Теней, — отрезал Дивайн, двигаясь в сторону замка. Его ноздри раздувались, а брови хмурились. Судьба Шализ предreshена.

Когда вечером Дивайн вошел в зал, Шализ сидела в кресле, положив тонкие руки на подлокотники. Шадор стоял, глядя в черное, резное окно. Рядом с матерью, положив руку на спинку кресла располагался Шаэсса.

— Шаэ, где ты так поранился? — с интересом спросила мать,

разглядывая руку сына.

Дивайн посмотрел на ребенка, слегка сощутив глаза. Шаэсса ответил ему некрасивой улыбкой, выворачивая свою руку из рук матери:

— Я играл в саду, мама, — спокойно сказал он, кивая на Дивайна, — А кто это, мама?

— Это Доминатор Дома Тьмы, Черный принц, Лорд Дивайн. Поприветствуй его, мое сокровище, — улыбнулась Шализ. У нее были розовые глаза и темные волосы, как у Дивайна. Шадор, отец Шаэссы был светловолос и голубоглаз.

— Очень приятно! — с такой искренней улыбкой сказал Шаэсса, что у постороннего наблюдателя не возникло бы и мысли о том, что это очаровательное создание недавно говорило не совсем красивые вещи, при не совсем красивых обстоятельствах.

В подобных ситуациях, те, кто оказались на месте Дивайна, обычно начинают улыбаться так же искренне, всячески пытаясь поддержать игру. Или же наоборот злятся, что со стороны тоже выглядит глуповато. Дивайн поступил проще:

— Я крайне польщен, — абсолютно равнодушно сказал он, присаживаясь в кресло, специально приготовленное слугами для него, — А теперь, малыш, сходи поиграй куда-нибудь, пока мы с твоими родителями поговорим.

Шаэсса лучезарно улыбнулся, но в его глазах плясали злые огоньки:

— Мамочка, а можно я останусь... Я боюсь этого замка...

— Шаэ, сокровище мое, сходи в сад, — мать нежно коснулась рукой плеча непоседливого сына.

— Я не хочу в сад! — топнул ногой Шаэсса, разыгрывая скандал. — Я никуда не пойду! Останусь здесь!

— Хорошо, милый, не ходи, — согласилась мать, пытаясь усадить ребенка себе на колени.

— Нет, возьму и пойду! Чтобы тебе, мама, было стыдно за то, что прогоняешь родного сына!

Шализ страдальчески посмотрела на мужа, который сделал вид, что ничего не замечает. Дивайн, подставил руку под подбородок, и занял самую удобную позу зрителя. Он пытался понять, что именно хочет эта маленькая тварь, устраивая такие сцены. Черный принц понял

несколько вещей. Это уже не ребенок. В оболочке ребенка сидит взрослый, достаточно подлый и хитрый индивид. Шализ души не чаёт в ребенке, а Шадор его боится. Что ж, расклад интересный, только это пока что ему не пригодится. Но в обозримом будущем... Да, именно его, Шаэссу, ждал Дивайн эту вечность. Третий бессмертный. Это значит, что Шализ скоро умрет. И явно не своей смертью. Дивайн знал одну истину: ничто не происходит просто так. Эта встреча в саду — не случайна.

Тогда Серые запросили часть земель Света, в то числе и «Сад Зверя». Несмотря на то, что никакие полезные ископаемые там обнаружены не были, да и особым плодородием тот край не отличался, Дивайн насторожился. Он понял, что Серые готовятся к войне. Наделяются, что после битвы с Домом Света Дивайн ослаблен и не сможет дать отпор. Но они хотят знать природу той магии, поэтому хотят изучить ее. Отказ не заставил себя долго ждать.

А потом Дивайну привели шпиона. Это был юноша, жалкого вида. На руке у него болтался серебряный браслет, а в глазах читалась ненависть к Черному принцу. Его швырнули на обсидиановый пол прямо под ступени трона. Дивайн долго думал, глядя на этого щенка, скулящего от боли на уровне его черных сапог, когда инфорсеры пытались выудить из него хотя бы слово. Но мальчишка молчал. Наемники раскалываются быстро, а этот — фанатик. И тогда Дивайн взял в руки нож. Черная рукоять шипами впилась ему в ладонь, а лезвие резало и рвало человеческую плоть. Черный принц мог сделать это магией, однако тогда бы он не получил того удовольствия, которое приносил ему вкус чужой крови и запах чужой смерти.

— Посадите тело на кол, и выставьте у границ, — сказал Дивайн, вертя в окровавленных пальцах серебряную безделушку. Он подошел к останкам и присел на одно колено, поднимая за волосы мертвое тело:

— А ты говорил, что браслет снять невозможно.

Черный принц встал, наступив сапогом на отрезанную кисть.

Глава XIV. Тайна

Глава XIV. Тайна

Глава XIV. Тайна

Задышавшись Алетиш вскочила, ощупывая свое тело. Она толком не могла понять, что реально, а что нет. Девочка порвала нить странного

сна, так и не досмотрев его. Впервые она оказалась сильней. Это — сон. Станный сон. Станный сон о том, как она идет по белому снегу, не оставляя следов. Вокруг была пустота и холод. Внезапно она остановилась. Перед ней стоял Шаэсса. Он тихо произнес:

— Ты должна уничтожить бессмертного. Для этого тебя создали.

— Я? — удивилась Алетиш.

— Да, ты, — ответил Шаэсса. Он был серьезен и спокоен.

— Почему я должна это делать? — спросила Алетиш.

— Потому, что ты мне обещала достать звезду с небес.

Алетиш почувствовала, что ее тело рассыпается в прах. Она с ужасом смотрела на свои руки и видела, как они осыпаются на снег серой пылью. Девочка проснулась.

Но это был всего лишь сон. Станный сон. Который означал что-то важное.

* * *

Лорд Шаэсса сидел на подоконнике своей комнаты. Он пристально смотрел в сад, где гулял ветер, срывая серебристые листья с могучих древних деревьев. Лорд дышал на стекло и что-то рисовал. Потом стирал. И снова. Он думал.

Девочка... Девочка скоро ее судьба решится. Если бы он знал, что с Советом все получится так просто, то бы взял ее с собой. Точно взял. Ему спокойней, когда она рядом. Он бы не думал о ней ежеминутно. Он бы успокоился. Она... Она — бесценна... Она — самое дорогое, что у него есть... А-ле-тиш... словно ветер шипит в кронах деревьев. Алетишшшшш.... Откуда это странное имя? Ведь ее звали иначе. Ее настоящее имя — Блисс. Блисс — это колокольчик в траве. А Алетиш — это холодный ветер в пустом саду. Какая разница? Разница между звонким колокольчиком и ветром, гуляющим в руинах?

Шаэсса посмотрел на портьеру, которую шелохнул легкий сквознячок. Столько лет одно и то же. Это так утомляет. Несмотря на то, что видимые враги упокоились вечным сном, невидимых врагов может быть намного больше, чем он, Шаэсса, предполагал. Главный его принцип — недооценить врага — проиграть, переоценить — выиграть. Серому Королю было свойственно переоценивать опасность.

В нервном порыве он внезапно вскочил на ноги и уверенно пошел к двери. Открыв ее ногой, встревожив охрану, которая испуганно переглянулась, Шаэсса двинулся по коридору. Со стен на него взирали все его многочисленные родственники, половину имен которых Шаэсса не помнил, другую половину он не хотел знать. У него была хорошая память на лица, но плохая на имена.

— Почему я должен по своей воле похоронить себя под грузом царственных забот? — стиснув зубы, шипел Шаэсса, Серый Король. — Почему никто не может сказать мне: «правильно ли я поступаю?». Почему никто не скажет: «Шаэсса, ты — ошибаешься. Это — невозможно». Почему я один должен думать и решать за всех? Почему я не могу решать только за себя? Почему я не могу заняться своими делами, а вместо этого должен решать государственные проблемы? А вдруг я ошибся? Почему девчонка не выходит у меня из головы? Я хочу ее видеть здесь и сейчас. Сейчас! Но я не могу отменить свое решение. У меня так мало времени.

Схватив с полки толстый фолиант, в металлической шкатулке с замком тонкой работы, Шаэссы открыл ее своим ключом. Маленькая серебряная птичка на замке наклонилась к ключу и дернула крылом, открывая тайну. Ветхие, исписанные таинственными знаками страницы цвета слоновой кости могли рассыпаться прямо в руках от малейшего прикосновения, но они были пропитаны магией. Благодаря магии они проживут еще тысячелетия даже в самых не бережных руках. Шаэсса не был привязан к вещам. Но былитакое вещи, к которым Лорд Теней относился очень бережно. Это были книги. Эта книга не была исключением. Ловко пробежав глазами по черным буквам, Шаэсса снова и снова перечитывал свои заметки на полях. Его летящий, неразборчивый подчерк переплетался с чужими отметками, сделанными поверх других отметок, более ранних.

«... и оное тело, разум не имело. Камень магией слаб был. Оный камень был обычным. Тело оное кричало истошно и ползало по полу, аки дитя малое. Хладным оно на ощупь было, и смерть его незамедлительно настигла...»

— Это я знаю, — Шаэсса искал ответ на мучивший его вопрос, листая записи. — Вот, нашел!

«Среди реликвий, ранее не упомянутых, но Анвеором обманом заполученных, есть браслет, ранее принадлежавший Дому Света. Сила

этого браслета не изучена, но Светлые ценят эту вещь превыше других... Браслет был утерян после того, как Дом Тьмы нанес сокрушительное поражение Дому Света». На полях была надпись: «Браслет пропал после битвы». И еще одна надпись гласила: «Я приду по зову сердца»

Следующий отрывок, который перечитал Серый Король, был написан на листочке. Это была страница из другой книги, многократно сложенная, да так, что на ветхой бумаге были видны перегибы.

Он внимательно перечитывал каждую строчку, проговаривая ее, словно молитву:

«Смерть Анвеора вознесла его над смертными... Разорвав узы, его с жизнью связывающие, он возвысился. И в час битвы, он явится по зову верных слуг своих!»

Сколько раз Шаэсса продумывал эти слова. Он буквально впивался в каждое слово. И если его догадка верна, то нужно поспешить.

* * *

Алетиш сладко зевнула, потянувшись на плаще. Под ее головой лежала мягкая котомка... Как она так уснула, что и не заметила? Чароит мирно сопела рядом, перетянув на себя большую часть шерстяного одеяла. Одежды, развешанная на копьях и щитах уже высохла, вот только обувь была немного влажной. На горизонте стояли сизые тучи. Они висели на небе, готовые в любой момент прохудиться над полоской леса. Черные птицы чертили небо совсем низко.

Чароит открыла глаза и внимательно посмотрела на небо.

— Ох. Не нравится мне эта гроза... Определенно не нравится... Смотри, как птицы низко летают... У нас выбор — поспешить обратно или заночевать тут. Если мы заночуем тут, то нужно уйти от озера. Если пойдем обратно, то нас застанет дождь. А мало ли что несет в себе эта странная туча... Тем более, над нашей тропой совсем нет птиц. Что тоже знак плохой... Ну так что?

— Я не знаю... — протянула Алетиш, задумчиво глядя на небо.

— Короче. Ты решила остаться... Правильно, но опасно. Я ночевала тут всего пять раз. Мне Агат показывал, где лучше всего разбить лагерь.

— Ну, раз так мы так решили... Тебе виднее. А почему нельзя вернуться? — спросила Алетиш

— Так ты хочешь вернуться? — резко сказала Чароит.

— Я такого не говорила. Я спросила, почему лучше остаться? — огрызнулась Алетиш.

— Потому, как на тропу наплзает туман... Смотри, там, где сухие деревья растекается молочное марево... Обычно он висит на ветках клоками, но сейчас растекается и наплзает. Туман опасен. Здесь туман — это совсем-совсем нехороший знак. Он, зараза, словно живой... И Дивайн его знает, что охотиться в тумане... Как по мне, так тут из двух зол «ночлег» — меньшее.

— А сюда дождь не придет? — спросила Алетиш, одеваясь.

— Нет. Сюда дождь никогда не придет. Здесь никогда не бывает дождя. Никогда не меняется время года. Здесь все, даже деревья — мертвые. Мертвая трава, мертвые птицы, мертвые... Короче, все мертвое... Это из-за того, что давным-давно некто применил тут страшное заклятие, время остановилось... Пойдем, я тебе покажу безопасное место для ночлега. Там на возвышенности, к которой ведет полсотни ступеней, есть пара разбитых колон, а среди них есть небольшая возвышенность. Оттуда хорошо обозревать местность. А вдруг кто-то затаился в темноте...

— Ой! У Меня от твоих рассказов просто мурашки по коже... — вздрогнула Алетиш, — Давай вернемся. Мне страшно.

— Ты еще не то увидишь... — мрачно пообещала Чароит, — Но вернуться — опаснее. Это я тебе говорю точно. Мы заночуем на возвышенности. А то неизвестно что из-под земли откапается и начнет охотиться. Брррр!

Они прошли мимо мертвых тел, мимо черных стволов деревьев... Все казалось Алетиш странно знакомым, словно она уже проделывала этот путь. «Да-да-ри-да-дам» — пел навязчивый колокольчик в ее голове... Она шла, словно пританцовывая. Пой, колокольчик, пой, маленький... Путь во тьме становится светлей...

И тут Чароит резко дернула ее за рукав, показав на белое облако тумана, затаившегося под развесистым деревом...

— Нужно поторопиться... — задыхаясь, сказала Чар, прибавляя шаг.

Посреди небольшой полянки размещалось странное сооружение,

словно кто-то разрушил дворец, но оставил одну лестницу и одну комнату, без стен. Ловко взобравшись на самый верх, Чароит отдышалась:

— Фу! Здесь немного спокойней.

На площадке находилось нечто похожее на высокую мраморную плиту, абсолютно гладкую и пустую. Плита была похожа на алтарь, только на нем не было никаких знаков.

— Здесь по преданию, собирались похоронить Доминатора Светлого Дома Анфаэля Раиля... Гробницу воздвигли Люди Анвеора в память о «Черном Дне». Легенда гласит, что уже после того, как битва закончилось, и здесь воцарилась Тьма, Люди Анвеора на свой страх и риск пришли сюда. Точнее это были рабы, которых Анвеориты пригнали силой, не снабдив необходимой защитой. Ни один Анвеорит сюда бы не сунулся. Они пригнали каменщиков, привезли мрамор, чтобы увековечить подвиг Светлого Дома в веках... Из тумана к ним явился Мертвый Доминатор Светлого Дома... Он попросил, чтобы, когда гробница будет достроена, они его позвали... В легенде сказано, что если построить гробницу мертвые обретут вечный покой. А пока гробница строится, Мертвый Король будет охранять каменщиков от нежити... И мертвецы стали нести почетный караул, вокруг строительства. Рабы, которые резво начали стройку, дабы побыстрее ее закончить, быстро поняли, что неплохо устроились... Постепенно темпы стройки замедлились, аж до тех пор, покуда стройка остановилась вовсе. Анвеориты исправно поставляли провизию, мертвецы несли караул, а рабы почувствовали, что как только они все достроят, их снова заставят батрачить на Орден. Каждую ночь приходил к ним Светлый Король и спрашивал: «Достроена ли усыпальница?», и каждый раз слышал, что «Осталось совсем немного... Еще один камень положить и все...» Так продолжалось аж до тех пор, покуда однажды рабы не проснулись от страшных звуков. Исчез караул, и они остались один на один с ползущей из тумана нежитью. Они жгли костры. Они читали Молитвы Свету, но каждый день кто-то из них пропадал бесследно... Это продолжалось до тех пор, покуда не остался один из обезумевших от страха рабов. Он стал искать тот оставшийся камень, который нужно было поставить, для того, чтобы закончить работу... Но не успел...

— Ты хочешь меня напугать? — тихо спросила Алетиш, растирая

озябшие руки.

— Это — история. Историю нужно знать. Чтобы не допускать ошибок в будущем. А вообще история — это такая интересная вещь, что понимай ее как знаешь. Вот всегда удивлялась... Вроде одно и то же событие, а каждый видит его по-разному. Но историю пишет победитель. И я бы добавила, что делает он это кровью побежденного, — задумчиво проговорила Чароит.

— А ведь туман сгущается... И как-то жутко тут... Холодно и неприятно... — пробурчала Алетиш, обнимая колени. — Когда мы будем спать?

— Ха! А кто тебе сказал, что мы будем спать? — насмешливо спросила Чароит.

— А что мы будем делать?

— Смотреть в оба... Костер разводить нельзя. На него приходят... Нельзя громко разговаривать. Только шепотом. На голоса тоже приходят...

— Кто? — простонала Алетиш.

— Нежить... Они двигаются тихо... Почти бесшумно... Словно появляются из тумана... Знаешь, когда появилось это место, все, кто умер много веков на зад и был похоронен в этой земле, все кто оказался в плохом месте с плохое время, все стали неупокоенными. Не всем удалось за много веков сохранить остатки разума. Тем, кому удалось сохранить себя, мы называем их Мертвыми. Мертвые охраняют границы, не давая выйти нежити за пределы Сада Зверя. Мертвые несут караул уже много столетий. Когда думаешь об этом, почему-то становится страшно. Представь себе, что тебя обрекли вечно делать одну и ту же работу, подарив вечность, но отняв свободу. Но они сами взяли на себя такую миссию. Они преданы идее. А если есть идея, то легче жить. Одно дело, когда ты умираешь за идею, а другое дело, когда — просто так.

— Но ты же сама говорила, что мертвые не могут выйти за пределы этого места? — спросила Алетиш.

— Мертвые — не могут, а нежить — может. Я ответила на твой вопрос? — сказала Чароит, вглядываясь в туман.

— Ага, — сонно промурлыкала Алетиш, — Очень интересно...

— Та-а-ак! Не спать! — змеей прошипела Чароит, дергая девочку за плечо. — Думаешь, я просто так разговариваю? Думаешь, мне охота

философствовать на ночь глядя? Думаешь, я не хочу вздремнуть? Я стараюсь говорить, чтобы никто из нас не уснул. Можешь говорить ты. Я послушаю. Расскажи что-нибудь!

— Я не знаю, что рассказать... Могу рассказать о снах, которых мне снятся... Они такие странные... А еще я хотела рассказать об одном человеке, который для меня много значит...

Чароит внимательно посмотрела в глаза Алетиш. Она знала имя этого человека. Тем временем в окрестностях раздался леденящий душу вой, а потом шорох и скрип. Девушки вздрогнули и стали пристально вглядываться в туман. Из серого сумрака на них смотрела высокая фигура. Она медленно вышла на поляну. Это был мужчина в сверкающих доспехах. С того места, где застыла от ужаса Алетиш можно было разглядеть неестественно бледную кожу, посиневшие губы и холодный, гордый и надменный взгляд. Его чело венчала светлая корона с огромным сверкающим драгоценным камнем.

— Зачем ты пришла сюда снова? — хрипло спросил мертвец, глядя на застывшую и бледную Чароит.

— Мы... вынуждены были остаться тут на ночлег... — дрожащим голосом ответила девушка.

— Ты знаешь, что бывает с теми, кто забредает сюда? — мрачно произнес покойник. — Неужели смерть не страшит тебя?

— Я заплачу кровавую дань! — поспешно сказала Чароит, доставая кинжал и готовясь сделать надрез на ладони.

— Дань? Разве это — дань? — усмехнулся мертвец. — Нет, дитя, кровью в этот раз тебе не откупиться.

— Что Вы предлагаете, Анфаэль, Доминатор Дома Света? — дерзко и надменно спросила Чароит. — Не подобает Дому Света пить человеческую кровь.

— Не по своей воле я стал таким. Именно теплая человеческая кровь позволяет мне почувствовать вкус настоящей жизни, — грустно сказал покойник, — Мы с тобой уже виделись, помнишь? Ты приходила с другими. Где они сейчас?

— Лежат в холодной и сырой земле... — с вызовом сказала Чароит.

— Вот как... Им повезло больше, чем мне.

— Ты знала, что он придет? — прошептала испуганная Алетиш, дергая Чароит за рукав. Она начала понимать, что они остановились тут не случайно. Чароит все подстроила. И теперь им угрожает опасность.

— Отстань! Не до тебя сейчас! — шепотом окрысилась на нее Чароит.

Мертвец улыбнулся.

— И что ты предлагаешь? — громко спросила Чароит.

— Сначала спустись...

Чароит ловко спрыгнула с пьедестала на землю.

— Спустилась? И что дальше? — осторожно поинтересовалась Чароит, переминаясь с ноги на ногу. Было слышно, как дрожит ее голос.

— Подойди ко мне ближе! — спокойно приказал Белый Король.

— Ну что вы, Ваше Величество... Я постою тут... Верить Вам — себе дороже... — нервно усмехнулась Чароит, не шелохнувшись. Было видно, что она почему-то хочет подойти к нему, но страх и здравый смысл мешает ей сделать это. Внутри девушки шла нешуточная борьба, что отражалось на ее лице. Оно было напряжено до предела.

— Клянусь жизнью, что не причиню тебе вреда, — сказал мертвец, глядя в ее большие испуганные глаза.

— Вы — мертвы, Лорд Анфаэль. Вам клясться нечем, — голос Чароит звучал уверенно, но было видно, как дрожат ее руки.

— Ах, нет смысла мне напоминать о том, о чем я знаю столько лет. Тем более такую дерзость в присутствии моих слуг мне трудно простить, — Мертвый Король кивнул в туман, где в белом мареве шевелились едва различимые силуэты. — Дерзость должна быть оправдана. Или искуплена. В твоем случае она не оправдана. В качестве искупления я прошу поцелуй. Трудно смотреть на то, как ты каждый раз насмехаешься над смертью. Не велика цена для прекрасной и легкомысленной девушки, посмевавшейся заглянуть в пустые глазницы смерти. Почему ты оглядываешься, красавица?

Чароит оглянулась на Алетиш, и гордо вскинув голову, пошла навстречу к Мертвому Королю.

— Я знаю, зачем ты приходишь сюда. Я это понял сразу.

Чароит замедлила шаг, изящно подав руку Мертвому Королю. Его ледяные пальцы сомкнулись на ее запястье.

Он осторожно прикоснулся к ее щеке, но она не вздрогнула, лишь поджала губы. А потом, сглатывая комок в горле, произнесла:

— Я смотрела на Ваш портрет... Я видела Вас на картинах, Анфаэль Раиль Последний Доминатор Светлого Дома. На Вас были белоснежные доспехи, в солнечных лучах он казались просто

ослепительными... В руках Вы всегда сжимали сверкающий меч. Я помнила Вас таким из старинных книг, которые читала во дворце отца. Вы были моим героем. Я мечтала Вас увидеть. Я никогда не представляла, что Вы вот так просто возьмете меня за руку.

Чароит закрыла глаза. По щекам побежали слезы.

— Как мне страшно... Как страшно прикасаться к вечности... Я люблю Вас, — выдохнула Чароит, — Я всю жизнь любила только Вас. Образ, который я храню в своем сердце, придавал мне силы в трудную минуту.

И она медленно скользнула вперед, запечатлев жаркий поцелуй на холодных мертвых губах.

Покойник медленно разжал руку, отпуская ее, словно в танце.

— Я не думал, что ты это сделаешь. Я хотел тебя наказать, а наказал сам себя. Я хотел сбить твою спесь и самодовольство... А лишь почувствовал надежду. Надежду на то, что это — сон, который длится много веков. И я скоро проснусь. Проснусь от твоего поцелуя. Ты так похожа на ту, с чьим именем на устах я умирал.

Чароит молчала, кусая губы. Мертвый смотрел на живую, а живая не могла отвести глаз от мертвого.

— Я выполню обещание, — наконец проговорил Король. — Тебя никто не тронет. Ты можешь приходить сюда, сколько вздумается. Если тебе будет угрожать опасность, то я смогу защитить тебя... Я буду защищать тебя. И каждый воин, который остался мне верен, будет защищать тебя.

Чароит захлебнулась рыданиями и упала на колени.

— Не нужно плакать, — нежно сказал мертвец, поднимая руку, чтобы прикоснуться к девушке, но в последний момент рука бессильно опустилась вниз, он развернулся, чтобы уйти в туман.

— Не уходи... — простонала Чароит, — Я нарочно пришла сюда. Я искала встречи с тобой, я... готова умереть прямо сейчас!

— Цени то, что у тебя есть. Цени жизнь. Я не ценил ее никогда. Я думал, что нет ничего хуже смерти. Я ошибся. Глупая, неужели ты плачешь из-за меня? Я не позволю тебе просто так умереть. Знаешь, что такое полужизнь? Это — вечные муки. Чтобы не сойти с ума у тебя должно быть что-то, что придает твоему существованию смысл. Лучше я сохраню память о тебе. Вечную память. Я не хочу, чтобы ты лишалась земных радостей, ради вечности, проведенной со мной в проклятом

тумане... — задумчиво произнес Светлый Король. — Я и мой род уже давно оплаканы. Скажи мне свое имя.

— Эланор Крослетт. Я и мой род тоже уже давно оплаканы. Меня похоронили при жизни, и в глазах людей, я такой же покойник, как и ты.

— Крослетт? Значит, я знаю, кто ты. Мы с твоим очень дальним родственником стояли вместе здесь, когда свершилось наше проклятье. Я думал, что его род оборвался так же, как и мой.

— Нет, мы, оставшиеся представители династии, бежали из Абмонда под защиту Серого Дома, когда там полыхало пожарище войны. Ты мог бы догадаться по моему имени. Я помню историю своей семьи... — произнесла Чароит, задумываясь, — Мы переметнулись на сторону Шализ Харцблайнт, Отверженной Королевы и поэтому Дивайн пощадил нас, когда убивал все перебежчиков Дома Света. По личной просьбе королевы.

— Дивайн Эндор... Он оказался сильнее, чем мы предполагали. Но близится новая война. Я это чувствую. Исход этой войны решит судьбу мира. Жаль, я не смогу свети старые счета с Доминатором Дома Тьмы. Исход не ясен, но... Сможешь выполнить мою просьбу?

— Все, что угодно... — сказала Чароит.

— Знаешь, что это такое? — спросил мертвец, показывая браслет на своей руке.

Чароит отрицательно мотнула головой.

— Это — один из великих артефактов. Некогда он принадлежал Светлому Дому, а позже перешел к Людям Анвеора. Его передал мне король людей Анвеора перед тем, как окончательно сойти с ума. Он был хорошим человеком, который верил в то, что Свет победит. Теперь он — один из нежити. Мы — те немногие, которые сохранили разум, ибо поставили себе цель — защитить мир от того, что прячется в тумане. Покуда у нас есть смысл жизни, мы будем вечными стражами. И только нам под силу защитить живых от мертвых. Я чувствую, что время пришло. Я отдаю браслет тебе.

Мертвец отстегнул с запястья сверкающий драгоценными камнями браслет и надел его на тонкую руку Чароит.

— Возвращайся ко мне. Живая или мертвая, — тихо сказал король, исчезая в тумане, — Я буду ждать тебя, Эланор!

Чароит медленно поднялась к Алетиш. Из глаз ее текли слезы. Она

посмотрела на браслет, в туман, потом на испуганную Алетиш.

— А ведь и правда... Я всегда представляла, что я была рядом с ним прямо посреди битвы... — сказала она задумчиво, ложась на одеяло. Тонким пальцем она изучала каждую грань браслета. — На него можно выменять многое... Интересно, а свободу на него можно купить? Наверное можно... И свободу, и славу, и дом у моря... Даже целый дворец... С фонтанами и аллеями. Но я заплатила за него больше, чем смогут мне дать за него. Я бы могла отдать его анвеоритам, но я подумаю. Мертвый Король дал мне право решить судьбу этой вещи. Я могу оставить ее себе, а могу спрятать так, чтобы никто не нашел. Как бы ты поступила с таким подарком?

Алетиш, словно зачарованная, смотрела на браслет и внезапно ответила:

— Эту вещь ищут... Она бесценна... Ее обменяют дважды... Один раз на смерть, второй раз на право обладать другой очень дорогой... вещью...

Девочка сжала кулаки, и ее лицо исказилось от боли:

— Змей и Сокол ищут браслет... Они убьют любого, кто им обладает.

— Как у тебя это получается? — спросила Чароит.

— Что? — дернула головой Алетиш, словно очнувшись.

— Ты говоришь странные вещи, а потом не помнишь, что ты говорила... — сощурила глаза Чароит.

— Какие вещи? — удивилась Алетиш.

— Про смерть, про какого — то Змея, про Сокола, про... В основном только про смерть... Ты — вещунья?

— А я откуда знаю? — пожала плечами Алетиш. Почему-то ей было грустно.

— Знаешь, видеть будущее — здорово. Если бы я видела свое будущее, то возможно, все случилось бы по-другому. Я почти ничего не видела в жизни, кроме сада, кареты, парка, библиотеки и своей комнаты. Я читала книги, мечтала, училась правильно себя вести, ухаживать за собою. У меня было три служанки. Представляешь, я даже имена их забыла... А меня звали... Меня звали Эланор. Виконтесса Эланор Кросслет. Все вокруг было таким красивым, утонченным и изысканным. Я читала книги и надеялась, что когда-то они станут красивой сказкой — сказкой моей жизни. Больше всего я восхищалась

одной книгой, где рассказывалось о последней войне Света. Она была запрещена, но в библиотеке моего отца было много запрещенных книг, да и я не предавала этому значения. Я читала ее много раз, восхищаясь мужеством Светлого Короля. Я понимала, что он давно мертв, но не раз мечтала о том, как стою рядом с ним в той битве, как мужественно разделяю с ним его страшную участь. Эту книгу я хранила под подушкой, часто перечитывая на ночь. Я любовалась его портретом и целовала украдкой... А сегодня... Сегодня Боги посмеялись надо мною... Мы могли бы пройти в Улитку. Пришлось бы понервничать, но я бы вывела тебя... Но Агата рядом нет, и я захотел посмотреть... Мы ночевали тут несколько раз, но рядом всегда был Агат... Или кто-то другой... Я бы не хотела, чтобы они были свидетелями моей слабости. А сегодня все так странно совпало.

— Что ты чувствуешь? — спросила Алетиш, прислонившись к белоснежному постаменту спиной.

— Не знаю. Мне как-то грустно... И почему-то дрожат руки... Смотри... Я... Не знаю почему я еще жива? Такое чувство, что я уже умерла... Жизнь кажется для меня коротким сном... Как тогда, когда моего отца обвинили в государственной измене. Его казнили, а меня прислали сюда. Мать моя выпила яд, узнав, что ей предстоит умереть в бедности, после того, как по вине отца у нас отберут все имущество... Отец и вправду замышлял убийство короля. Он был очень-очень влиятельным человеком и мог бы не допустить заговора, но тогда на него надавили, подкупили и обманули. Он готовил покушение тщательно... Его, очевидно, предали. Мама тогда поцеловала меня... Мне было четырнадцать лет. А потом протянула бокал с вином... Я выпила три глотка и почувствовала, как что-то страшное творится внутри. Словно внутренности сворачивает неведомая сила, а потом сжигает и разрывает на части... Горло сдавило, по телу побежала дрожь. Я упала на кресло и почувствовала, как мои руки холодеют. Мутным взглядом я смотрела, как рядом умирает мама. Она дала мне тот же яд, что и выпила сама. У нее кровь горлом пошла, а я лежу и бессильно смотрю, как она умирает, и умираю сама. И тогда я подумала о том, что есть вещи, ради которых стоит жить. Пусть это будет полу-жизнь, пусть это будет четверть-жизнь, пусть даже ничтожное существование, но я буду жить. И я выжила. Чудом. Меня выходили. Я часто задыхаюсь во сне, меня иногда тошнит кровью, но я — живу. А после встречи с

Мертвым Королем я нашла то, что искала. Я бы могла сейчас взять кинжал и разрезать себе вены, истечь кровью на белых мраморных плитах, и быть с ним в его вечности. Но... Я должна кое-что закончить перед тем, как умереть... Алетиш, пообещай мне, что если я погибну, то мое тело принесут сюда. Если на тот момент ты будешь жива... Ну мало ли...

— Хорошо, обещаю... — кивнула Алетиш и уснула. Мертвый Король сдержал слово. Этой ночью никто не потревожил их сон.

Глава XV. Ультиматум

Глава XV. Ультиматум

Глава XV. Ультиматум

Утро было молочно-белым, словно окутано маревом тумана. В воздухе пахло дождем, а дорога совсем размокла. Изредка срывались с неба крупные капли, но тучи продолжали висеть свинцовым занавесом на горизонте, изредка пропуская солнечный свет. Постепенно островки света расползались по небу, и становилось светлее.

— Смотри! На небе радуга... — хрипло сказала Чароит, показывая пальцем в небо. Она плохо спала всю ночь, поэтому мечтала дойти быстрее до Улитки и уснуть.

— Красиво... — задумчиво протянула Алетиш, — Только она тает...

— Ничто не вечно на земле, — скептически заметила Чар, перепрыгивая лужу, — Дивайн бы побрал эту мокрую траву! Уже раз пять чуть не упала...

На горизонте реяли птицы, вокруг было спокойно и тихо.

— Ну наконец-то тихие денечки... — сказала Чароит, — Может эта осень будет теплее... А вообще осенью я чувствую себя отвратительно. Такое чувство, что я сплю на ходу. И постоянно зеваю... Хочешь, сказку расскажу? Просто вспомнила и все такое....

— Давай! — обрадовалась Алетиш. Ей давно хотелось послушать что-то интересное.

— Однажды осенью Серая птица села на дерево, устав от перелета. Она смотрела блестящим глазом на серое осеннее небо, на стаи птиц, улетающих на юг, как услышала голос:

— Счастливая... — прошелестел кто-то рядом.

— Кто ты? — удивленно осмотрелась Серая Птица.

— Я — всего лишь лист. Нас много, тысячи и тысячи. Тысячи братьев и сестер шелестят на ветке.

— С чего я буду с тобой разговаривать? — надменно спросила Серая Птица, — ты мне не интересен... Я даже внимания на вас не обращаю.

— А я всегда смотрю на Вас с восхищением! — сказал Лист. — Вы так много видели, так далеко летали... Расскажите мне о дальних краях! Расскажите мне, что такое полет...

— Полет... — задумчиво ответила Серая Птица, — Полет — это лучшее, что можно себе представить. Ты расправляешь крылья и отдаешься ветру... А он подхватывает тебя...

— Ах, как красиво... Жаль, что я никогда не взлечу... Я буду провожать вас взглядом и шелестеть во след от зависти.

Птица посмотрела на Лист:

— Ты не можешь взлететь потому, как ты очень крепко держишься за ветку. Отпусти ее и ты взлетишь! Как я!

Птица вспорхнула с ветки и махнула крылом на прощание.

Порыв ветра поднял ее в воздух и она, расправив крылья, устремилась в небеса.

А Лист посмотрел ей во след, и Ветка его отпустила. Ветке стало жалко, ведь Лист так грустил, а она просто не могла видеть своего ребенка печальным. Ей захотелось подарить ему свободу, отпустить его.

— Прощай, — сказала Ветка. — Не забывай нас, когда взлетишь высоко!

Счастливый Лист оторвался и взлетел. Его закружило ветром, и он закричал Птице:

— Не улетай! Подожди меня! Я теперь тоже умею летать!

Он смотрел на Ветку снизу-вверх. Она стала ему неинтересной и скучной. Тогда он подумал, что другие листья так много теряют, просиживая всю свою жизнь, уцепившись за что-то, что, по его мнению, не стоит и мига его свободы...

— Подожди! Я с тобой! — кричал Лист Птице.

Но порыв ветра покружил его и бросил на траву. Птица его даже не слышала. Ей было не до него... Ей предстоял путь на юг.

— Странная сказка. Только в чем ее суть я никак не могу понять. В чем же ошибся Лист? — спросила Алетиш, поправляя потрепанный манжет курточки.

— Ну... Суть в том, что не всем дано летать. Кто-то летает всю жизнь, а кто-то всего лишь раз... Я так думаю.

— Мне показалось, что все немного не так. Наверное, это — глупо, но суть сказки такая: чтобы мечта исполнилась нужно чем-то пожертвовать. Чтобы подняться ввысь, нужно отдать самое ценное, что есть у тебя — жизнь. Есть мечта, за которую не страшно отдать жизнь.

— Отдать самое ценное... Может быть, — вздохнула Чароит.

Они подошли к Улитке с Востока. Холодные глубокие лужи расплзлись грязными озерами, обнажая скользкие кочки.

— Ну как обычно! Везде почти высохло, а у нас по колено грязи! — выругалась Чароит.

Прыгая по кочкам, они добрались до входа. Во внутреннем дворике их встретила Берилл. Он облегченно вздохнула, глядя на девушек. Берилл не любила ждать, не любила оставаться одна, но воином она была никудышным, а хозяйкой — бесценной, поэтому ее никуда не пускали.

Агат, увидев Чароит, заметно расслабился. Сказать по правде, то у него отлегло от сердца, ибо его воображение уже рисовало страшные картины, и он, чтобы не сорваться на Берилл, с остервенением точил меч. Оникс просто разглядывал Черную Карту, внимательно изучая особо гиблые места. Чароит одарила присутствующих равнодушным взглядом и села на свое место.

Берилл принесла деревянные миски и поставила их на стол, хозяйски вытерев руки о самодельный фартук. Она единственная из женщин в Улитке носила что-то наподобие платья.

— Рыба! Берилл! Ты вообще с ума сошла! — проворчал Оникс. — Я ее на дух не переносу. Она воняет!

— Тоже мне принц отыскался! — буркнула Берилл, — Харчами сидит и перебирает! Не ешь рыбу? Ешь хлеб, грибы, пей воду! Или готовь сам! Не нравится — готовьте сами!

— Берилл! — сказал тихо Агат.

— Отстань! — выкрикнула Берилл, вытирая фартуком лицо.

— Да хватит уже психовать! — грубо крикнула Чароит.

— Им не нравится, как я готовлю! Им не нравится, рыба! Им не нравится, а больше кушать нечего! Мы умрем от голода, если будем харчами перебирать!

— Ну успокойся! Никто от голода не умрет! Если совсем туго

будет — выйдем на охоту! Если охоты не будет — обменяем находки на провиант! Да что ты, в самом деле? — спокойно сказал Агат, глядя рыдающую Берилл по спине.

Алетиш потянула Чароит за рукав:

— А почему Оникс рыбу не ест? Она вкусная, но только костлявая...

Чароит прожевала и шепотом ответила:

— Он родился в семье рыбака. На завтрак, обед и ужин у них была рыба. Семья была очень бедной. Они поставляли рыбу к королевскому столу, но отец любил выпить, и семья частенько голодала. Однажды отец стал гоняться за матерью Оникса с ножом. Он так частенько делал, когда выпивал. Но в этот раз все закончилось плохо, и он зарезал ее. Оникс дождался, пока он уснет и перерезал ему горло. Вспорол, как рыбье брюхо. Так он всегда говорит. Потом Оникс долго прятался от правосудия и попал сюда почти с эшафота.

— А почему Берилл плачет?

— Она набивает себе цену. Это называется так. Раз в месяц у нее случается истерика и все по одному сценарию. Мы уже привыкли.

Алетиш замолчала. Их можно было понять... Это — дворовые собаки. Не важно — породистые они или нет. Не важно, у кого какие зубы, но все они тут одинаковые. У других людей бывает какая-то надежда на просветление, какая-то радость в жизни. У псов ее нет. Они паясничают, закатывают истерики, играют, смеются до упаду, плачут навзрыд, любят и ненавидят, но это не более, чем способ почувствовать себя людьми. И непонимание, которое закралось в душу Алетиш, тоже можно понять. Как можно смеяться, зная, что у тебя только один исход, только одна судьба? Как можно относиться к смерти, как к обыденности? Нет! Нельзя поддаваться всеобщему настроению. Оно обманчиво. Они не знают другой жизни, кроме серых размеренных будней цепных псов. Они видели все и ничего.

Алетиш думала о том, что в ее сердце постепенно уходит вся радость, все краски. Ей становилось как-то странно, как-то «одинаково». И как-то до боли тоскливо. Тем более, что она стала замечать, что по утрам у нее садится голос. Потом он постепенно приходит в норму, но утром снова он хриплый и грубый.

— Простыла. Обычное дело, — говорила Чароит.

Алетиш верила. Верила, что «простуда» — это несколько дней в

постели и мятный отвар. Правда это мало помогало, но Алетиш исправно заваривала себе мяту и пила ее в надежде на скорое выздоровление.

* * *

Дурное расположение духа Шаэссы подкреплялось неизвестностью. Чего он больше всего не любил, так это — неизвестность и бессилие. В данном случае в его жизни присутствовало и то, и другое. Неизвестность порождала бессилие, а бессилие — неизвестность. По подсчетам Лорда Доминатора Серого Дома прошло уже около недели, с тех пор, как он расстался с девочкой. Амулет не выходил за пределы Улитки, что уже радовало... Неужели у кого-то возникли сомнения, что Лорд Теней делает что-то просто так? Сощуриив глаза, Лорд Теней посмотрел на зеркало, и оно на удивление засветилось...

— Великие умы думают одинаково... — облегченно выдохнул Лорд Теней, глядя в зеркало. Но ничего, кроме отражения он не видел. Отражение его королевского величества словно плыло мутной воде. Не зря говорят, что зеркала — это застывшая вода одной реки... Злая колдунья — чародейка заморозила водную гладь, чтобы взглянуть на себя, а потом, увидев себя, разбила реку на множество осколков. Если правильно плыть по магической реке зеркал, то можно пристать к любому берегу.

— Я отказываюсь, — сказал спокойный хриплый голос. — Мне твои игры ни к чему.

— Почему сразу «мои»? — обиженно возразил Шаэсса.

— Я передумал и сделаю все по-своему, — неумолимо сказала зеркало тоном, не терпящим возражений.

— Изволь объяснить свою позицию! — Шаэсса начинал терять терпение.

— Я сделаю так, как посчитаю нужным!

— Это — нечестно... — с наглой улыбкой произнес Шаэсса, — Меч победителя куется в одиночку? Не так ли?

Зеркало промолчало и стало обычным.

— Ее кто только не смотрел... — сказал Агат, перекладывая пыльный фолиант на колени Алетиш. Внутри книги были странные символы, переплетенные узором из картинок. Непонятные знаки, какие-то круги, точки, крючки.

— Я оставляю ее тебе... Я пойду... — сказал Агат, поглядывая на задумчивую Чароит. — Кстати, картинки там красивые. Ближе к середине.

Но не картинки заинтересовали Алетиш. Листая книгу, она знала то, о чем написано на каждой странице, но делиться своими познаниями она не стала. Оглянувшись по сторонам, девочка стала читать. Точнее она только слушала, как кто-то внутри нее читал все это вслух.

«Среди камней есть живые камни. Они отличаются ощущением тепла, когда к ним прикасаешься. Если долго держать в руке такой камень, то можно почувствовать пульс. Словно сердце трепещет в руке подобный камень. Он похож на аметист, но по чистоте и твердости не уступает алмазу. Прочностью многократно превосходит. Цвет его колеблется от темно-розового до палевого. Если приказать обычному человеку вытащить его из груды других аметистов, то он никогда не ошибется. Камень любит человеческое тепло и сам тянется к нему».

Алетиш пролистнула несколько страниц и внезапно остановилась. Ее привлекло слово: «слияние». Читая с начала абзаца, она водила пальцем по тонкой странице.

«Камень живой может сливаться с душой человека. Некоторые чародеи, проводившие эксперимент с малыми условно-живыми камнями, наблюдали странные изменения у подопытного. Существуют три формы сосуществования: отторжение, слияние и поглощение. В случае отторжения жертва обречена. Душа отторгает камень, а человек сходит с ума. В случае слияния личность человека частично утрачивается. Черты характера камня накладывают отпечаток на личности человека. Поглощение происходит в случае, если душа оказывается слабее. От личности не остается ничего. Каждый камень уникальный по своему характеру. Он может думать, у него есть память, но он лишен чувств. В случае поглощения он просто забирает оболочку и убивает душу. Живые камни редко преобладают над душой. Такие камни называют Даром. Получив такой Дар, любой Дом становится

сильнее. Дары использовались для выравнивания ситуации, когда нарушается шаткое равновесие в балансе сил. В Темные Времена любой Дом мог рассчитывать на то, что появится существо, созданное из камня и плоти, которому суждено обладать силой и бессмертием. Этот симбиоз приводил к тому, что тело обретало бессмертие, а душа была обречена на вечную битву».

Алетиш прочитала это и задумалась. Она кое-что вспомнила.

«Но есть камень, который является полной противоположностью Живым Камням — Неживой Камень или Мертвая Звезда. Он — один единственный в своем роде. Неживой камень любит мертвые тела. Душа должна покинуть свою обитель, но жизнь должна еще теплиться в новом хозяине. Тогда дух камня освободиться от оправы и станет новой душой. Попытки воссоздать Неживой Камень успешными не были. Неживой камень обладает силой отражать...»

Где-то вдалеке послышался глухой гулкий шум, словно кто-то тащит что-то тяжелое по каменному полу.

А потом в дверном проеме появился Оникс. Он молча схватил Алетиш за руку, швыряя книгу в камин. Огонь лизнул обложку, и книга загорелась, распадаясь огненными страницами.

— Оникс! — возмутилась Алетиш, — Что ты наделал!

— Рот закрой! — грубо перебил ее Оникс, ногой открывая дверь и выталкивая Алетиш в коридор.

— Я не поняла, почему ты так со мной обра...

— Еще одно слово и я тебе пасть закрою! — злобно сверкнул глазами Оникс. — Перебирай ногами!

— Отпусти! — Алетиш дернула руку, и пронзительно закричала.

Оникс схватил ее за руку, притянул к себе и зажал рот.

От такого унижения девочка разозлилась и схватила Оникса за волосы и потянула вниз:

— Пусти, идиотка! — вскричал Оникс, вырываясь.

Алетиш извивалась и тоже пыталась вырваться.

— Идиотка, мы теряем время! Быстро отпустила меня и молча беги за мной! Иначе ты сдохнешь тут, как собака!

— Что ты сказал? — прошипела Алетиш.

— Так! Вижу, что нормального языка ты не понимаешь! — Оникс ударил ее ногой в голень. Ноги девочки подогнулись и она, охнув от боли, упала на руки Ониксу. Тот взвалил ее на плечи и, ругаясь,

двинулся по коридору.

На улице раздались пронзительные крики.

— Кто это? — спросила Алетиш, плача от боли.

— Берилл, — отрезал Оникс.

Оникс бросил девушку на каменный пол какой-то незнакомой комнате, в которую почему-то вело много дверей.

— Она на улице? — спросила Алетиш, — Что случилось? Не молчи!

Она встала, опираясь на стену, и заглянула в узкую бойницу.

— Лучше не смотри в окно... — сказала Чароит, закрывая за собою тяжелую дверь. Агат молча стоял рядом, опустив. Он был страшно бледен и напуган.

И тут Алетиш увидела. На улице стояло человек сорок. Они были все, словно на подбор в одинаковых кольчугах. Пятеро из них были в длинных аскетичных робах, черного цвета. Один из стоящих во дворе так и притягивал взгляд девочки. На нем были черные доспехи и шлем, не в пример богаче, чем у других. Черный Воин отдавал приказы. По двору волокли за волосы перепуганную на смерть Берилл. На ней было серое, мешкообразное платье, в котором она привыкла готовить. Ее швырнули на землю под ноги Темному Рыцарю. Он, наступив ей на руку, вдавливая ее в землю, что-то сказал ей. Берилл, всхлипывая, стала показывать другой рукой на Ракушку. Черный рыцарь в шлеме посмотрел на бойницы. Берилл зарыдала и стала тянуть к Рыцарю руки.

— Кто это? — спросила Алетиш не в силах оторваться от страшной картины. Небо было покрыто тучами, день совсем померк, а чувство смертельной опасности заставляло сердце бешено колотиться о ребра.

— Инвайдеры, — хладнокровно ответила Чароит, — Захватчики!

— Кто эти в доспехах? — спросила Алетиш, глядя, как солдаты вкапывают копье в землю. — Что они делают?

— Это — инфорсеры Черного Дома. Дальше тебе лучше не смотреть. Отвернись, — сказала Чароит, — Оникс! Ты закрыл вход? Сколько у нас времени?

— Я не думал, что они возьмут магов...

Агат сказал дрожащим голосом:

— Берилл вышла на улицу, чтобы промыть уклеек, зачерпнула воды из колодца и почувствовала опасность.

Чароит поджала губы. И тут раздался пронзительный, страшный,

отчаянный крик боли.

Алетиш обернулась, и увидела тот самый момент, когда меч одного из солдат отрубает Берилл кисть правой руки, как раз ту, где блеснул браслет. Кровь брызнула на песок. Песок впитывал кровь, оставляя бурые комья рыхлой грязи. Берилл кричала от невыносимой боли. Браслет содрали и принесли Черному Рыцарю. Он взял его, повертел в руках и отдал одному из магов.

Алетиш стошнило. Голова дико закружилось, а тело обмякло.

— Как они так могут? За что? Они убьют нас всех! Всех!

Еще крик. Алетиш поклялась не смотреть. Девочка закрыла глаза. Но когда раздался глухой стон, то глаза сами открылись, чтобы увидеть обмякшее тело Берилл, насаженное на копьё. Она еще дергалась, а кровь стекала по копьё вниз. Алетиш смотрела, не слыша уже ничего. В ее ушах стоял гул, а в глазах белая пелена. Ветер развеивал волосы мертвой, а обрубок копья выходил из ее шеи уродливым острым концом.

— Мы ведь могли ее спасти? — спросила Алетиш.

— Нет, у нас нет никаких шансов против черных, — отрицательно покачал головой Агат.

— Мне нужно немного времени. Мы сможем его выиграть? — спросила Чароит Оникса.

— Если я немного постреляю... — сказал Оникс, вытаскивая лук и стрелы.

— Не вздумай! Убьешь одного-двух, а потом маги поставят щит, — нервно сказал Чароит, — Нас сразу обнаружат.

Пол вздрогнул так, что Алетиш чуть не упала. Еще раз. И еще раз. А потом воцарилась гулкая тишина.

— Ты должна выйти. Любой ценой. Ясно? За нами не возвращайся и не оглядывайся. Выйди из крепости. Мы откроем тебе проход. Если все получится, то беги в сторону леса. Там тебя встретят, — выдохнула Чароит и на секунду зажмурилась.

— Алетиш, подойди сюда... — сказала она, протягивая тонкую руку вперед, — Вот засада! Я не могу поменять себе личину... Что делать? Оникс! Оникс! Шан, бездна тебя побери, ты меня слышишь? Я спрашиваю, что можно сделать? Они вошли... Мы просто загнаны в угол. Они никого не выпустят!

Агат сжал кулаки.

— С каких пор тебя волнует собственная жизнь? — скептически

проговорил Оникс, сощурившись в бесконечность темного коридора. Нет, еще не время умирать. Или ты уже сдалась?

— Не умничай, — огрызнулась Чароит, — Девочку мы не отдадим. Приказ. Ты прекрасно знаешь, что с нами сделают, если мы ее не убережем. Лорд Шаэсса дал прямой приказ. Мы должны его выполнить. Цена значения не имеет.

Где-то нарастал странный гул. В воздухе повисла угроза. Она заставляла коленки дрожать, а внутренности переворачиваться.

— Кто вы? — выдохнула Алетиш. Она почувствовала, как колени задрожали, а по спине скользнул холодок.

— Заткнись! — хором сказали Серые, и перешли на странный шипящий диалект.

Агат с ужасом смотрел на Чароит, на Оникса и все понимал.

— Итак, — мрачно озвучил план Оникс, — Что бы мы не сделали, тебя это — не касается. Как бы мы не поступили — ты просто должна выйти. Нарисуй на зеркале в большом зале вот такой знак. А потом беги к кухне. Там есть небольшая дверь. Толкни ее и закрой за собой. Она закрывается снаружи, но открывается внутри. Вот знак, что нужно нарисовать на зеркале.

Оникс сделал знак рукой.

— Повтори! — истерично скомандовала Чароит.

— А вы разве не могли? Было столько времени, пока мы стояли тут, а Берилл там... — удивленно сказала девочка.

— Значит, на то были причины!

Алетиш сделала знак в воздухе, Серые переглянулись. Чароит кивнула.

— Тебе должны ответить. Если ответа не последовало, то просто беги к двери. Потом к опушке леса. В лес не заходи. Дойди до устья пересохшей реки. Там ты выйдешь на границу. Дивайн не станет нарушать границы, ибо тогда разразится война. Анвеориты ищут повода, Серый Дом готов им помочь. Дивайн не будет тебя преследовать в пределах других государств.

— А что означает знак? — спросила Алетиш, водя пальцем по воздуху.

— Замолчи, — прошипела Чароит, хватая за руку Алетиш. — Оникс! Сотвори иллюзию! Она должна выйти живой. Мы поставим ультиматум.

Оникс обнял Чароит, и через секунду на ее месте стояла темненькая кудрявая девочка с недовольным выражением лица.

— Сколько? — прошипела девочка, впиваясь ногтями в руку Оникса.

— На пятьсот ударов сердца. Сколько мог. Он ее никогда не видел, поэтому думаю, что мы выгадаем хотя бы немного времени. А еще сомневаюсь, что он лично явится за ней.

— Ей тоже накинь личину. Возьми любую, хоть мужскую. Черные не понимают суть нашей магии, они не смогут разгадать. Данное место сильно резонирует, поэтому есть шанс, что они не поймут.

— Мне трудно! Она отторгает магию! — прохрипел Оникс.

— А ты накладывай личину, не касаясь ее. Просто, как оболочку! — Чароит достала меч из ножен и поставила ногу на стул, проверяя, как на ноге закреплены кинжалы.

Оникс напрягся.

— Агат, я хочу попросить тебя об одной вещи... — сказала Чароит, — Помоги девочке выйти отсюда. Ты ведь знаешь эту крепость лучше других...

— Я не брошу тебя, Чар... — прошептал Агат.

— Дурак... У тебя есть шанс выжить! Мы уже обречены, а ты можешь спастись! — крикнула Чароит.

Послышались шаги, и в воздухе почувствовался запах, который бывает перед грозой...

Дверь с треском выпала, неся на себе следы разрушительного заклинания и обугленную вмятину. И тогда Алетиш увидела их впервые. Черные, одинаковые воины-маги. На них были наплечники, на одном плече, которые по возможности служили то ли украшениями, то ли щитами. Все они были преимущественно темноволосыми, только два из них были со светлыми волосами. Чароит, Оникса, Агата и Алетиш взяли в кольцо.

— Не дергаться, — произнес один из них. — Вы должны дожить до появления Лорда.

Перспектива «дожить» пугала еще больше, чем сам факт плена.

В комнату без окон медленно вошел высокий силуэт. Воины расступились, образуя живой коридор. Высокий рыцарь был закован в латы с ног до головы.

Оникс быстро выхватил кинжал и приставил его к горлу лже-

Алетиш. Настоящая стояла в образе юноши с перебитым носом и короткими соломенными волосами рядом с Агатом.

— Дивайн! — прокричал Оникс. — Ты пришел за девочкой? Но ты ее не получишь. Пока. Стоит тебе или твоим магам дернуться, как я перережу ей глотку, слышишь? У меня есть условие. Дай выйти эти двоим из крепости живыми-здоровыми, и я отдам тебе то, что ты так хочешь получить. Мне ничего не стоит это сделать.

Рыцарь молча сделал жест, означающий, что он согласен на условие.

— Почему ты слишком легко согласился? — подозрительно спросил Оникс.

— Вы, люди, для меня ничего не значите, — глухо сказал Лорд.

Оникс сделал Алетиш знак, и та скользнула в коридор. Агат остался. Алетиш тем временем бросилась по длинному коридору к старинному зеркалу, так и не представляя, что должно произойти, если она нарисует на нем какую-то букву. Петляя коридорами, она добралась до него и, дохнув на стекло, вывела знак.

— Не правильно, — сказал кто-то сзади, хрипло.

Девочка вздрогнула от неожиданности. Сзади стоял человек в простой черной мантии. Один из магов Лорда Дома Тьмы.

— Давай помогу, — сказал он, прикасаясь тонким пальцем к стеклу. Оно загорелось синеватым, померкло и стало матовым.

— Я забираю то, что мне причитается. Если я ошибся — ищи среди трупов, — произнес мужчина, обращаясь к зеркалу.

И зеркало вновь стало прежним.

— Лорд Дивайн обещал, что я могу выйти из крепости... — уверенно начала Алетиш, пытаясь подражать мальчишескому голосу.

— Раз обещал, то — вперед. Только идти тебе некуда.

— А ты не скажешь, что меня видел? — подозрительно сказала Алетиш.

— Кому? — равнодушно бросил маг.

— Дивайну...

— Нет, не скажу, — меланхолично отозвался маг.

— Я пошел, — сказала Алетиш и обернулась к зеркалу...

В зеркале отражались двое. Девочка с испуганным лицом и высокий, холеный мужчина, с черными волосами и розовыми глазами. Он тоже равнодушно смотрел на их отражение. На мужчине были

красивые доспехи, словно застывшее пламя, а на руке, которую он положил на стекло, был виден розовый камень в тяжелом кольце.

— Ты... — простионала Алетиш, оседа на пол, закрывая лицо руками.

— Не только вы умеете играть в эти игры с личиной, — спокойно сказал Темный Мистик и тут же отдал приказ: — Возвращаемся!

Он брезгливо взглянул на грязненькую Алетиш, с нечесаными волосами, в потертой и местами порванной одежде сомнительной чистоты, и поморщился:

— Это вы тоже захватите.

— Мой Лорд, а может было бы лучше, чтобы вы перенесли девочку, — сказал один из магов, не поднимая глаз. — Она может не выдержать пути.

— Я брезгую, — отрезал Лорд и одним ударом разбил зеркало. Тысячи осколков полетели во все стороны и зазвенели по каменному полу.

Он резко ударил рукой, словно рассекая воздух, и исчез в языках тьмы.

* * *

Конь скакал во весь отпор, причиняя седоку нестерпимую боль. Открытая рана кровоточила, а руки почти не слушались, натягивая поводья. Туман пугал коня, и он не хотел заходить в чащобу. Седок медленно сполз с коня и пошатываясь побрел среди мертвых тел.

Агат погиб. Оникс погиб. Берилл погибла. Все погибли. Ветер сорвал капюшон с лица седока, растрепав окровавленные волосы. Это была Чароит. Она нетвердой походкой шла в сторону самого густого тумана.

Агат погиб, заслонив ее собой... Оникс погиб от удара мечом, когда пытался уничтожить Черного Рыцаря.

— Не убивайте меня... — пролепетала лежащая на полу Чароит.

— У меня есть причины не делать этого? — спросил Лорд Дивай, стоя над ней.

— Я хочу купить свою жизнь... — прошептала Чароит.

— Почему вы, Серые, постоянно торгуетесь? Ты должна была

отдать мне девочку. Разве твой хозяин не говорил тебе об этом? — спросил Дивайн.

— Говорил... — прошептала Чароит, корчась от боли.

— Почему ты не выполнила приказ? — спросил Дивайн.

— Потому, что она — мой друг... — сказала Чароит.

— Ложь... Вы должны были отдать мне девочку, так велел Лорд Шаэсса. Знаешь, что бывает с теми, кто ослушался хозяина? — спросил Дивайн. — Их наказывают.

— Шаэсса... Лорд Шаэсса... отменил приказ... Он хочет оставить ее себе...

— И снова — ложь... — сказал Дивайн. — Я просто теряю время.

— Я предлагаю высокую цену! Такую цену не каждый может заплатить... Я предлагаю это, — Чароит сняла браслет, подаренный ей Мертвым Королем, с руки.

— Я могу забрать его и с трупа, — пожал плечами Дивайн. — Откуда он у тебя?

Чароит смотрела в его холодные розовые глаза.

— Мне его подарили... За поцелуй... Последний Доминатор Дома Света, — сказала она, — Браслет должен быть отдан добровольно... Иначе он потеряет силу.

— Дайте ей коня, — сказал Дивайн, — И пусть выметается с глаз моих.

Чароит снова опомнилась. Она стояла, опираясь на дерево и вглядываясь в туман.

— Анфаэль... — прохрипела она, — Я пришла...

Силы ее покинули, но она не упала.

— Я не верил в то, что ты придешь... Кто бы мог подумать, что все будет именно так... — сказал Последний Доминатор Дома Света, обнимая Чароит, — Ты теперь будешь со мной... Тебе больше нечего бояться. Жизнь покидает твоё тело, но взамен ты обретешь вечность... Еще немного... Потерпи... Боль скоро пройдет...

Чароит медленно угасала. Ее сердце билось все реже и реже, а потом остановилось. Она была счастлива. Впервые за всю свою жизнь девушка была по-настоящему счастлива... Она умирала на руках у любимого...

Глава XVI. Унижение

Глава XVI. Унижение

Глава XVI. Унижение

Сначала Алетиш везли на коне, потом посадили в карету, потом снова конь и чья-то спина, и опять карета. В карете ее ждала немолодая женщина. Она критично осмотрела девочку и поджала губы. Алетиш перестала даже смотреть в окно. Ей надоел бесконечный ряд деревьев, какие-то города и небо, которое почему-то всегда одинаковое. Ее удивляло и то, что везли ее преимущественно ночью. Днем все спали. Алетиш было трудно привыкнуть к такому распорядку, и она откровенно грустила. Мысль о том, что ее ждет — пугала, а ощущение безысходности почти сломило ее и без того слабый дух. Раз за разом девочка прокручивала в голове ту встречу с человеком, которого она почему-то помнит. И теперь она точно знала, к кому ее везут.

Много веков прошло со времен Последней битвы. По тем обрывкам, что она знала, Дом Тьмы победил Дом Света. Победил и уничтожил. Так же, как и всех, к кому она только успела привыкнуть. Чароит, где ты? Удалось ли тебе и Ониксу выжить? Что случилось с Агатом? Чароит — хитрая и умная, Оникс и Анат тоже. Лучше об этом не думать, потому, как на душе и так тоскливо. Потому, что то, что ее ждет — гораздо страшнее, чем просто смерть. Интересно, а Чароит и вправду любила Доминатора Дома Света? И встретятся ли они когда-нибудь? А может, стоит лишить Лорда Дивайна, удовольствия пытаться и мучить Алетиш? Ведь есть же способ избавиться от этого унижения...

— Вот мы и приближаемся к последней точке нашего пути... — сказал знакомый голос внутри.

— Опять? — возмутилась девочка, — Снова ты пришел меня мучить?

— На этот раз я просто хочу с тобой поговорить. Просто разговор. Никаких воспоминаний и боли. Я чувствую, что ты что-то задумала. Но мне это не нравится.

— Неужели? — спросила Алетиш, вспоминая выражение лица Доминатора Черного Дома.

— Я бы не хотел, чтобы наше общее тело пострадало от твоей глупости. Ради того, чтобы ты появилась на свет в нынешнем виде, было пожертвовано слишком многое. Ты — бесценна. Точнее бесценен наш с тобой симбиоз. Мы с тобой сможем изменить мир.

— Почему меня никто не спросил, хочу ли я этого? — задумчиво

произнесла Алетиш.

— Ты слишком высокого мнения о своей скромной персоне. Ты — всего лишь сосуд, наполненный силой. А сосуду отводится крайне скромная роль.

— Но ты боишься, чтобы сосуд раньше времени не сломался. Тогда все будет напрасно, не так ли? И тогда, я так понимаю, ничего не получится? — абсолютно серьезно сказала Алетиш. Она взвешивала каждое слово.

— Подожди. Не каждому дано нести такую ношу. И я иногда восхищаюсь твоим мужеством и удивляюсь твоей глупости, что само собой разумеется. Знаешь, я даже начинаю привязываться к тебе. Мне нравится смотреть на мир твоими глазами. Знаешь, я поначалу пытался забить тебя, твои мысли и чувства, но теперь я даю тебе полную свободу. Мне так даже интереснее. Ты тоже это чувствуешь? Мысли не путаются в голове, ты запоминаешь то, что видишь... Конечно, я рискую нашим общим телом, но все — таки хочу посмотреть, что из этого выйдет...

— Я хочу спросить тебя. И должен мне ответить. Где моя память? Где мои воспоминания? Почему ты их от меня прячешь? — спросила Алетиш, заранее зная ответ.

— Потому, что они могут убить тебя... Раньше времени... Но я тебе обещаю, что ты вспомнишь... Я позволю тебе все вспомнить, когда придет время. А пока смотри! Мы въезжаем в Илаад, столицу Дома Тьмы. Удивительное место, не каждому дано здесь побывать...

Это был почти рассвет. Илаад горел тысячами огней. Где-то в самой высокой части огромного города высился дворец, который трудно описать словами. Черный, величественный, он закрывал половину неба. Алетиш взглянула на улицу, по которой ее везли, и увидела... снег. Снега было немного, но на фоне черного камня он выглядел просто невероятно красиво. Тысячи огней отражались в мерцании снежинок. Дворец, который состоял из огромного черного купола и множества тонких, как иглы, черных башен, приближался с неумолимой быстротой. Алетиш не успела рассмотреть ни улицы, ни ее обитателей, настолько быстро неслась карета. Как только первый луч рассвета скользнул по небу, его свет упал прямо на купол, рассеиваясь в разные стороны, тысячи огней стали угасать. Город замирал. Наступал день.

Лорд Шаэсса ударил кулаком о стену. Он стиснул зубы от бессильной ярости. Что это значит? Почему все повернулось именно так? Почему он до сих пор ощущает присутствие ее в крепости? Почему камень еще там? Неужели Дивайн убил ее? Неужели Дивайн уничтожил самое ценное, что было у Шаэссы? Выдохнув, он сжал кулак что есть мочи и ударил в стену. По стене пошли трещины. Сила Доминатора Серого Дома превосходила человеческую во много раз. Он оглядел беспорядок в комнате. Перевернутый столик, разбитые стулья, порванный балдахин, изувеченные лица на фамильных портретах. На подоконнике лежала роза, с которой он играл до того, как зеркало сказало то, что заставило Шаэссу перевернуть комнату вверх дном. Хищно улыбнувшись, Шаэсса подошел к подоконнику и двумя пальцами взял розу. Он провел ею по лицу, словно целуя, отрывая губами лепесток. В осколках зеркала отражались десяток Шаэсс, с розами в руках, а на губах, словно кровь, застыл лепесток. Шаэсса дунул и лепесток полетел. Напряженными пальцами Шаэсса прикоснулся к соцветию. Один рывок и роза рассыпалась кровавыми лепестками. Лорд бросил их в открытое окно.

— Будь ты проклят, Дивайн, если ты убил мою мечту!

Шаэсса поднял с пола книгу в тисненном переплете. На обложке было выгравировано имя «Эссель Хидельбрант». Задумчиво вертя ее в руках, Шаэсса открыл ее на странице и пробежал глазами строки:

В этой войне нет павших и нет побежденных.

В этой войне нет любящих, не влюбленных...

Захлопнув книгу, он бросил ее на пол, заканчивая наизусть:

— Эта война проиграна нами давно... Хм... Но победа будет за мной все равно! — срифмовал Король-Поэт.

Алетиш вытащили из кареты. Она даже не думала убегать. Она смотрела на несколько рядов крепостных стен и лабиринт подходов к замку. «Словно роза» — почему-то подумала девочка. Она стояла почти в самом центре розы, а ветер доносил доселе незнакомый запах

свежести и шум плещущейся воды. Солнце клонилось к закату. От непривычной пищи она чувствовала себя странно. Вроде и хочется кушать, а вроде бы и нет.

Ее вели по ступеням, открывали перед нею двери, а потом завели в комнату, где в полу была какая-то дыра. Ей объяснили, что это бассейн и предложили искупаться. Отрицательно покачав головой, девочка топнула ногою и сказала, что если ее хотят убить, то купать ее перед этим совсем необязательно. Пусть насаживают на копье прямо тут! Не нужно медлить.

Слуги в черных одеждах, молча, отошли от нее.

Ей принесли поднос с едой, но она его перевернула, рассыпав его содержимое по полу.

— Я не буду есть эту гадость!

Она сидела рядом с растекающейся лужей чего-то темного из перевернутого кубка, а в луже плавала какая-то еда. Слуги стояли молча. Потом ее пытались кормить силой, но она вырывалась и выплевывала то, что пытаются засунуть ей в рот.

Отвернувшись ото всех и забившись в угол, Алетиш плакала, обняв колени.

Потом стало как-то подозрительно тихо.

— Что это значит? — спросил хриплый голос, — Почему я должен лично заниматься твоим воспитанием?

Алетиш подняла глаза и посмотрела на того, кто стоял над нею.

Теперь она могла рассмотреть его лицо. Оно было бледным, с правильными чертами лица, словно на портрете. Тонкий нос был, как ей показалось каким-то «свирепым», черные брови хищно сходились на переносице, а глаза были большими, удлинёнными, глубоко посаженными. Их цвет был розовым. Черные волосы были подстрижены по шею, а некоторые пряди отливали серебром. Надменное лицо и холод взгляда. Взгляд, который ранит больше ножа. В крепости он показался ей не таким страшным, но сейчас он выглядел величественно и жутко.

— Я... — начала Алетиш.

— Ты будешь говорить, только когда я тебе это разрешу, — Лорд сощурил глаза. — Если ты не хочешь по-хорошему, то будет плохо. Принесите мне цепь.

Кто-то из слуг мигом подал ему цепь с ошейником.

— Нет! — заверещала Алетиш, когда он сомкнулся на ее шее. Конец цепи оказался в руках Лорда Дивайна. Он резко дернул, и девочка упала на четвереньки.

— Так лучше для цепного пса, — равнодушно сказал Лорд. — Вставай! Если ты не встанешь, то я буду тащить тебя по всему замку.

Алетиш встала, гремя цепью.

Лорд развернулся и дал ей команду следовать за ним. Сгорая от стыда, девочка обвела взглядом слуг, на лицах которых не отразилась ни одна эмоция. Ни жалости, ни злорадства.

Процессия медленно проследовала коридорами замка и вошла в огромный зал с черными колоннами. Лорд Дивайн рукой разомкнул одно из звеньев и пристегнул его к своему трону. Слуги принесли глиняную миску с какой-то похлебкой и поставили ее перед девочкой. Алетиш присела на ступеньки, которые вели к трону, и закрыла глаза. Это — просто сон, дурной сон. Но ошейник впивался в шею, и ей казалось, что он постепенно ее душит. Она просунула руку между шеей и ошейником и почувствовала, как острые края режут пальцы. Там она просидела целый день. Лорд не обращал на нее внимания, и тогда она решила, что он убьет ее быстрее, если она выведет его из себя.

И она стала греметь цепью. Сначала осторожно, с опаской, но Темный Мистик не обращал внимание. Чуть громче. Еще громче. Лязганье цепью становилось все невыносимее и невыносимее. Девочка усердствовала, а черные ступени из камня этому способствовали. А потом поняла, что это — бесполезно. Вывести из себя Лорда Дивайна оказалось не просто. Он принимал аудиенции, выходил, возвращался, но лязганье цепью, казалось, его ничуть не возмущало. Лишь единожды он сказал:

— Тихо! Блохастая шавка.

Алетиш сидела и кусала губы. От сидения на холодном полу ей хотелось в туалет. Ей было стыдно просить Лорда отпустить ее. Но еще более стыдно было оставить лужу посреди церемониального зала. Когда ей стало совсем плохо, она тихо сказала, обращаясь к Лорду Дивайну:

— Простите, могу я... обратиться к Вам?

Воцарилась тишина и Лорд посмотрел на нее в пол оборота.

— Мне плохо... — проскулила Алетиш.

Лорд молчал. — Почему вы так со мною поступаете? — плаксиво спросила девочка.

Лорд молча смотрел на нее равнодушными глазами:
— Я поступаю с тобою так, как этого заслуживает собака.
— Я — человек... — тихо сказала Алетиш, пряча глаза.
— Люди ведут себе по-другому, — равнодушно бросил Дивайн.
— Почему вы не убьете меня? — спросила Алетиш, просовывая палец в звено цепи.

— Всегда успею, — прохрипел Лорд.
— Хватит! Мне не нравится тут сидеть! — истерично крикнула Алетиш.

Лорд Дивайн резко дернул цепь на себя и посмотрел ей в глаза:
— Слушай меня внимательно. Я никогда не повторяю что-то более одного раза. Раскинь своим человеческим умишком и подумай о своем поведении. Если такое еще раз повториться, то будешь сидеть на цепи. Сделай так, чтобы я тебя не видел и не слышал. Уяснила? Если уяснила — кивни.

Алетиш испуганно кивнула.
— Правила простые. Все, что ты делаешь — ты делаешь с моего разрешения. Говоришь — с моего разрешения. Встаешь — по команде. Садись тоже по команде. Никаких звуков издавать ты не должна. Ты не должна задавать мне вопросы и лишний раз попадаться на глаза.

— Я... все поняла...
— Это в твоих интересах...
Дивайн сделал знак и перед ним появился слуга. Слуга стоял на коленях перед тронem, а в руках его была шкатулка.

Лорд Дивайн откинув голову, произнес, растягивая слова:
— А теперь мой приказ. Принеси мне то, что лежит в шкатулке.
Алетиш неловко встала и подошла к слуге. Тот открыл шкатулку, не поднимая глаз. Внутри шкатулки лежал браслет. Девочка узнала его. Это был браслет, который подарил Мертвый Король Чароит.

— Возьми его в руки! — приказал Лорд Дивайн.
Алетиш аккуратно взяла его в руки и тут ее пронзила дикая боль. По всему телу пробежала судорога. А потом была темнота.

* * *

Лорд Шаэсса проснулся среди ночи, задолго до наступления утра.

Он вытер пот с лица и убрал облепившие его волосы. Ему снился сон. Сон, который принес ему столько страданий. Лорд не мог осознать, что реально, а что нет. Он протер глаза и сел.

Шаэссе снилось, что он ослеп. Его вели, словно пленника, куда-то по бесконечным ступням. Потом ступени закончились, а в нос ударил знакомый с детства запах. Запах роз. Он был едва ощутимый, едва уловимый. Но о своих догадках Сумеречный Лорд предпочитал молчать.

Он услышал голос, который подтвердил его опасения:

— Подведите пленника ближе.

Совсем другой голос, более вкрадчивый и более мягкий ответил:

— Мы сделали все, что Вы сказали, Лорд. Надеюсь, награда будет так высока, как и риск, на который мы пошли, чтобы выполнить ваше поручение.

Второй голос Шаэсса тоже помнил. Это — глава премилого семейства, которое некогда радушно его принимало в своем поместье. Он запомнил только огромную библиотеку и очаровательную девочку, с дивными черными волосами и нежным именем — Эланор. Он уже знал, как отомстит, если выберется.

— Вы выполнили все, как вы и просили. Развяжите его и снимите с него повязку.

— Будет сделано... — спешно ответил голос, и Шаэсса ощутил, как чьи-то пальцы ослабляют веревочные путы. Оттолкнув руку, Лорд Теней сам снял повязку.

— Добро пожаловать домой, Шаэсса, — с легкой иронией сказал Лорд Дивайн.

— Как это понимать? — спросил Шаэсса, потирая следы от веревки.

— Посмотри в глаза этих милейших людей, — сказал с легкой улыбкой Лорд Дивайн, опираясь на резной подлокотник трона, — Помнишь, как ты говорил мне о том, что они не способны предать своего короля? Так вот, смотри, как быстро они поменяли свои принципы.

— Сколько ты назначил за мою голову? — спросил Шаэсса с улыбкою.

— Если посчитать в золоте, то по твоему весу. Каждому, — сказал Дивайн, поигрывая перстнем.

— Продешевил. Я — бесценен, — с ухмылкой сказал Лорд Теней.

— А эти люди согласились, — равнодушно пожал плечами Лорд Дивайн. — Я говорил тебе о том, что доверять людям нельзя. Алчность — вот их король. А вы, мои друзья, почему притихли?

Два человека, которые сопровождали бесценный груз, сконфузились.

— Смотри, сын мой, вот еще одна черта человека — доверчивость. Самыми доверчивыми, по моему опыту, оказываются предатели. Они верят, что предав одного, они смогут спокойно служить другому. Ты сам убьешь их или мне сделать это самому?

— Я не хочу убивать! — сказал Шаэсса.

— Шаэсса, сын мой, я не смогу тебя защищать всегда. Ты должен сам научиться убивать. Собственными руками.

— Я не хочу, — гордо ответил Шаэсса.

Дивайн подошел к дрожащим предателям, поставленным инфорсерами Черного Дома на колени, и собственноручно перерезал им горло.

— Дивайн, почему ты обращаешься ко мне, как к сыну? — неприязненно сказал Шаэсса.

— Мне было интересно смотреть в их испуганные лица. Жаль, что ты не видел их выражения. Это была своеобразная издевка, основанная на слухах и сплетнях. Не более, — сказал Дивайн, вытирая нож об одежду одного из убитых. — А они поверили. И испугались, так, как не боялись никогда в жизни.

Сон на этом обрывался, и Шаэсса постепенно приходил в себя. Сон был не так страшен, как реальность. Ведь в реальности крови было больше. Намного больше крови.

Глава XVII. Роза бессмертного принца

Глава XVII. Роза бессмертного принца

Глава XVII. Роза бессмертного принца

Когда Алетиш очнулась первое, что она увидела перед собой — темноту и какие-то огоньки. Протерев глаза, девочка поняла, что это — свечи. Темнота стала принимать очертания мебели, но мебель была черная, резная, поэтому спросонья ей показалось, что вокруг темно.

— Леди хочет принять ванную, — сказала служанка, сидя на небольшом кресле. Это был не вопрос, а, скорее, утверждение.

Алетиш пожала плечами и стала искать свою одежду. Одежды рядом не было.

— А как я пойду, если мне нечего надеть? — раздраженно бросила девочка, натягивая одеяло на грудь.

— Я помогу вам одеться, — сказал служанка, накидывая какую-то черную хламиду на плечи девочке.

— Не надо! Я оденусь сама! — сказала Алетиш, просовывая руку в рукав.

— Лорд приказал вас помыть и привести в порядок, — сказала служанка. Служанкой была девушка с красиво заплетенными волосами и правильными чертами лица. Глаза служанки были антрацитовыми, а губы неестественно алыми. Только взгляд был какой-то отстраненный и равнодушный.

Служанка наклонилась и надела Алетиш на ноги туфельки.

— Зачем ты мне помогаешь? — спросила Алетиш, слезая с кровати.

— Мне приказали. Я всего лишь — служанка, — ровным голосом сказал девушка, — Прошу вас проследовать за мной.

Алетиш лежала в ванной уже целых два часа. Ее терли, умывали, накладывали какую-то смесь на лицо и на волосы. Смесь пахла травами и чем-то молочным. Каждый ее локон был бережно распутан и расчесан, каждый ее ноготь был аккуратно подстрижен и отполирован. Равнодушно глядя, как вокруг снуют слуги, девочка смотрела на черный пол, куда стекала вода. Чтобы не сидеть в тишине она спросила:

— А из чего сделан пол?

— Пол сделан из обсидиана. Его добывают в горах. Это очень древний камень, который ценится гораздо дороже всех прочих. Ему много миллионов лет, — ответил кто-то из слуг.

— Красивый... — сказала Алетиш, глядя на темные разводы.

— А весь дворец построен из него? — девочка нарочно упустила название, так как не запомнила, как оно правильно произносится.

— Нет. Здесь есть колонны из черного мрамора и других не менее ценных материалов. Мебель сделана из редких сортов дерева, прошедших специальную обработку.

— А его строили при помощи магии?

— Нет. Он был построен руками людей. Все, что делается с помощью магии можно легко разрушить магией. А то, что делается людьми гораздо долговечнее.

— Я могу сама вытереться! — сказала Алетиш, потянув на себя черную ткань, — И вообще! Хватит меня истязать! Это пытка такая, когда волосы выдергивают?

— Это для того, чтобы быть красивой, — сказала служанка с алыми губами.

— А если я не хочу быть «красивой»? — раздраженно бросила Алетиш, глядя, как ей на голове пытаются соорудить прическу.

— Вам придется. Иначе Лорд рассердится.

Когда девочке вплетали в волосы заколки с драгоценностями, она вздрогнула.

— Ты молодец! У тебя уже есть определенные успехи на поприще светской дамы. Многие тебе позавидовали бы. Ты сумела заинтересовать Лорда Дивайна. — сказал внутренний голос. — За это тебе полагается вознаграждение. Я дарю тебе кусочек твоего воспоминания.

Алетиш смотрела в зеркало, но вместо собственного лица она видела белые ступени, ведущие к мраморному постаменту. На постаменте лежит женщина с закрытыми глазами. Женщина просто невероятно красива. В ее волосах вплетены драгоценности, которые ослепительно сверкают на солнце. Тонкие, нежные, никогда не знавшие работы, руки покоятся у мертвой на груди.

Алетиш видела, как появляется ее собственная рука, грязная, с обгрызенными ногтями и кладет цветок на грудь Мертвой Королеве. А потом она видит человека, который почему-то даже не взглянул на нее, а молча стоит рядом. Если Алетиш не знала, кто лежит на постаменте, то это человек явно знал. И мертвая была ему очень дорога. Лишь один раз Алетиш удалось взглянуть в глаза этому человеку и... она отпрянула от него, словно он был проклят.

— Прошу вас, не дергайтесь... Мы уже заканчиваем. Вам нравится? — спросила служанка, поправляя последний локон.

— Не знаю, — сказал Алетиш, разглядывая свое лицо в зеркале. Честно признаться, она была разочарована, — Ей показалось, что по сравнению с той Мертвой Королевой, она была лишь жалким подобием. Ни одна прическа не способна сделать ее прекрасной. Ни одно платье не способно сделать ее красивой. Даже искусственно наложенные каким-то порошком тени на глазах не способны сделать ее красавицей. Она, наверное, даже заплакала бы, если бы не то воспоминание, которое

внезапно нахлынуло на нее при виде драгоценностей в волосах.

Ее уже вели в зал, где на троне восседал Лорд Темного Дома. Бросив мимолетный взгляд на присевших в поклоне слуг и разукрашенную, как кукла, Алетиш, он сдвинул брови. Губы его скривились при виде девочки.

— Нет, — отмахнулся Лорд Тьмы. — Мне противно на такое смотреть.

И Алетиш увели переодеваться. Из платья с глубоким декольте ее вытряхнули. Вместо него надели глухое, без лишних украшений платье, заколотое брошью с розовым аметистом под самым горлом. Все, что было на лице, аккуратно смыли и стали рисовать снова.

Лицо ее стало хищными, злым и усталым. Локоны собрали и сделали скромную, но в то же время роскошную прическу.

Лорд Дивайн раздраженно посмотрел на все это и покачал головой, сделав запрещающий жест рукою.

И все повторилось опять. С лица Алетиш снова все смыли и больше ничего не нанесли, кроме легких теней над глазами. Алые губы снова стали бледно-розовыми, а волосы распустили и украсили отдельные пряди заколками.

— Неужели весь день принцессы проходит в подобных приготовлениях, — подумала Алетиш, когда ее одевали в платье. Это платье было по-своему забавным. Юбка была пышной, а корсет был заменен на пояс под грудью:

— Это называется «высокая талия», — сказал служанка, завязывая бант. — Такой фасон платья носят юные девушки, стремясь подражать ребенку.

Ткань на платье была черной с палево-розовыми узорами, а само платье было украшено обилием кружев и бантов.

— А почему меня одевают всегда в черное? — возмутилась Алетиш. — Почему здесь все носят темные цвета?

— Это — цвета Дома Тьмы. Палево — розовый — цвет Дома Эндор, Правящего Дома. У каждой благородной семьи свой цвет. Черный цвет — доминирующий цвет. Он присущ всему Дому Тьмы. А второй цвет меняется в зависимости от цвета той семьи, которая сейчас находится при власти.

— И как часто он меняется у Вас? — спросила девочка, трогая пальцами бантик.

— Он не меняется более двух тысячелетий.

Ее привели в зал прямо под ступени трона. Лорд Дивайн жестом отпустил слуг, и Алетиш выдохнула с облегчением. Больше этой пытки красотой она не выдержит.

— У меня к тебе есть разговор. Садись! — хрипло сказал Лорд Дивайн, указывая ей место на ступенях, — Я понимаю, что придворному этикету ты не обучена. Но это не значит, что его не нужно соблюдать. Вопрос первый: почему ты не кланяешься, заходишь? Ты проявляешь ко мне неуважение. За такое гордецам ломали спины. Это первое. Второе: зачем ты вступаешь в разговор со слугами? Я понимаю, когда ты даешь им указания, но не когда ведешь бесполезные беседы. Разрешаю говорить.

— Во-первых, я никогда не имела дел со слугами! Во-вторых, ты... Вы сказали, чтобы я пореже попадалась Вам на глаза. Вот я и решила, что слуги ответят мне на вопросы, — обиженно сказала Алетиш.

— Ты абсолютно не знакома с элементарными правилами поведения? — раздраженно спросил Лорд Дивайн.

— А вам какая разница? Я никогда не жила при дворце! У меня никогда не было слуг! Если вы считаете, что я веду себя не так, как подобает, закройте меня в самой темной башне! Да лучше бы меня пытали, чем целыми днями наряжали! Не нужно мне ваших платьиц — заколочек, — девочка вытащила из головы одну из них и швырнула на пол.

— Подними, — произнес Лорд Дивайн холодно.

— Нет, — сказала Алетиш дрожащим голосом.

Лорд Дивайн промолчал.

— Это новая пытка? Вы снова посадите меня на цепь? — с вызовом спросила осмелевшая Алетиш.

— Я отношусь к людям так, как они этого заслуживают. Если я решил с тобой говорить, значит, у меня на это есть причина. Я не собираюсь заниматься твоим воспитанием.

— Я не могу понять одной вещи! Зачем все это, если Вы собираетесь меня убить? — спросила Алетиш, — Или это доставляет удовольствие?

— Ты умрешь, но позже. Тебя такой ответ устроит? — насмешливо спросил Лорд Дивайн, — А теперь оставь меня.

И Алетиш медленно, неуверенно ступая в новых туфлях, побрела, куда глаза глядят. Она петляла темными коридорами, а потом вышла в сад. Осмотревшись, что никого в округе нет, она ловко сняла туфли и едва слышно пошла прямо босиком по аллее. Аллея должна где-то заканчиваться. И выход из замка где-то есть. Если никто не заметит, то можно тихонько улизнуть. Тут она услышала гул и плеск.

— Река! — прошептала Алетиш и бросилась на звук. Она замерла только на самом краю крутого обрыва.

— Ого! Сколько воды! Это — ...

— Море, — подсказал внутренний голос. — Ты же не думаешь прыгать вниз?

— Я... — смутилась Алетиш, — Я...

Она как раз об этом подумала.

— Это будет стоить тебе жизни. Прибрежные скалы растерзают твоё тело, но ты не почувствуешь боли, так как утонешь намного раньше. Представь себе утопленника. Набухшее от воды бледное тело, неприятный вид разлагающихся ног и рук, выеденное крабами лицо. Зрелище — отвратительное. Да и зачем тебе это делать? Мотивы? Тебе не нравится, как с тобою обращаются тут? Тебя обижают?

— Он разговаривает со мною, как с.... Слово не могу подобрать, — сказала задумчивая Алетиш.

— Как с вещью? — спросил голос.

— Да. Как с вещью. Я для него — не человек. Какой-то мусор на дороге! — в отчаянии выкрикнула Алетиш.

— Он ко всем людям относится, как к мусору. Это — его характерная черта. Лорд Дивайн — это правитель, который привык к послушанию. И попытка перечить ему или нарушать его правила — карается смертью. Поверь мне, он убивал людей и за меньшие провинности. После того, как ты обращалась с ним — просто чудо, что ты осталась жива.

— А почему ты вдруг стал таким любезным? — с недоверием спросила девочка.

— Просто не хочу, чтобы ты наложила на себя руки. Это — крайне глупо. А ещё мне показалось, что Он тебе понравился. Не так ли?

— Ничего подобного! — пылко заверила Алетиш.

— Тогда почему, при упоминании его имени, твоё сердце бьётся чаще, чем обычно?

— Это — страх. Я его боюсь, — уверенно сказала девочка.

— Страх, так страх... Не буду спорить...

— А еще он похож на... — осторожно начала Алетиш.

— Похож?

— Глазами. Только там — красные с синим, а тут — розовые с серым, — смущаясь, сказала Алетиш. — Но взгляд. Что — то есть похожее, только не пойму что...

— Ах, женщины. Как у вас все сложно. И все потому, что глаза у них «чем-то похожи». Не обольщайся сходством. Но могу сказать тебе, что они — одного поля ягоды. Лорд Шаэсса — король Дома Тени, а Лорд Дивайн — принц Дома Тьмы.

— Неужели Шаэсса и вправду — король? — удивилась девочка.

— Да. Он — один из самых влиятельных людей этого мира.

— Ничего себе! А похож на простого менестреля! Он слишком добрый для короля!

— Не верь улыбкам королей. Так написал один поэт.

— А где Король Дома Тьмы? — спросила Алетиш.

— Его нет. Просто прими, как факт. Это — нюансы престолонаследия. Ритуал предусматривает передачу власти из рук старого Доминатора — новому. Если старый Доминатор почил безвременно, то титул Короля «умирает» вместе с ним. Новый властитель становится Доминатором. Но по титулу он — Принц. Это всего лишь фикция, однако, некоторые люди придают этому особое значение.

— Неужели отец Лорда Дивайна умер, не передав ему, титул короля? — удивилась Алетиш.

— Спроси у него сама. Если осмелишься...

— А для чего я ему нужна? Почему он не убил меня? Что будет со мною, если я тут останусь? — спросила Алетиш, нервно теребя бантик.

— Не заглядывай в будущее... Просто живи сегодняшним днем. Я даю тебе свободу действия. Только при одном условии — ты не помышляешь о смерти. Идет?

— Мне нужно согласиться? Лорд Дивайн говорит, что я не умею себя вести... — обиженно сказала Алетиш.

— Могу помочь. Если нужен мой совет или подсказка — я к твоим услугам. Я так понимаю, что скоро тебе совсем не захочется умирать... А пока — обернись. Тебе понравится.

Алетиш резко обернулась и увидела Лорда Дивайна, сидящего на резном троне. Он смотрел прямо на дворец. Девочка вздрогнула от неожиданности и медленно пошла к нему, готовясь к очередному наказанию.

Но Дивайн не обращал на нее никакого внимания. Его не волновал шум ее шагов. Ничто не заставило его повернуть голову. И тут Алетиш начала догадываться. Это был не Лорд Дивайн, а его статуя. Волосы у каменного Дивана были такие же черные, но намного длиннее, да и одежда на нем была немного другая. Подойдя ближе, она увидела, что ткань одежды, волосы и сделаны из камня. Была видна каждая складка его плаща, каждая линия узора его доспехов. Его глаза были сделаны из розового драгоценного камня, волосы были тоже каменные, однако при более детальном рассмотрении была видна каждая волосинка.

— Как он красив... — выдохнула Алетиш, прикасаясь к ледяному мрамору. Она была настолько очарована, что осмелилась прикоснуться к мраморной щеке Темного Лорда. Лед его взгляда заставлял, даже осознавая, что он — неживой, опускать глаза.

Она положила руку поверх его руки. Мрамор проще согреть, чем его сердце. Такое чувство, что его сердце из камня. Наверное, у него в груди кусок черного мрамора.

На небе горели золотой россыпью звезды, отражаясь в море. Черные силуэты деревьев, словно кружево вплетались в небо. Мир тут был настолько необычным, что девочка чувствовала себя чужой.

Алетиш протянула руку к сверкающей звезде, но звезды были высоко.

— Извини, Шаэсса, я вряд ли смогу достать тебе звезду с неба, — тихо сказала девочка, бессильно опуская руку.

Ей было откровенно скучно, и она уныло поплелась в свою комнату. Алетиш сидела на кровати, сложив руки, и думала, что раньше ее жизнь была гораздо интересней. Ей принесли еду, которую она покорно съела. Девочку терзало странное чувство ненависти. Ей ненавистна комната, ненавистен дворец. Служанка презрительно улыбалась, но ради приличия предлагала свои услуги:

— Миледи не хочет вина?

Алетиш взглянула в ее наглые глаза, и у нее созрел хитрый план. Это — способ немного развлечься. И отомстить. Почему-то ей казалось, что именно эта служанка с красными губами донесла Лорду Дивайну о

всех действиях девочки, чем вызвала его недовольство. Никогда раньше Алетиш не помышляла о том, чтобы сделать кому-то плохо. Но всех обитателей дворца она воспринимала как врагов, несмотря на их любезность и подобострастие. Эта служанка раздражала ее своей высокомерностью и презрением, с которым она относилась к девочке. В каждом ее жесте, в каждом слове чувствовалась издевка. Может, это — зависть? Хотя, чему тут завидовать...

— Да. Я бы хотела вина. Принеси мне полный кубок, — негромко сказала Алетиш, равнодушно глядя на служанку.

— Хорошо, — неприятным голосом отозвалась служанка и удалилась.

Алетиш вытащила несколько шпилек из волос и бросила их в пушистый ковер. У комнатных слуг очень мягкая обувь...

— Молодец, — сказал внутренний голос, — Только положи одну левее, а вторую ближе к себе. И сделай вид, что ты чем-то занята. Было бы здорово посмотреть, как содержимое кубка прольется тебе на платье.

Через несколько минут появилась служанка, неся на подносе полный кубок вина. В сноровке ей было не занимать. Алетиш сделала вид, что занимается своими волосами и даже не замечает, что ее просьбу выполнили.

Во взгляде служанки читалось: «Да кто ты такая, чтобы я тебе прислуживала?»

Но внезапно девушка побледнела, и поднос в ее руках дрогнул. Алетиш замерла, глядя на то, как хрустальный кубок, проехав по подносу, упал прямо ей на колени, а сам поднос острым краем едва не оцарапал руку. Служанка покачиваясь, с растерянным взглядом, полным боли и осознания того, что она совершила, бегала глазами по комнате, а Алетиш наслаждалась ее болью. Впервые она получила наслаждение от того, что кому то было больнее, чем ей. Оно того стоило. Служанка дергалась из стороны в сторону, не зная, как поступить. А потом встала на колени перед Алетиш и заскулила. От бывшего презрения не осталось и следа. Теперь она унижалась, словно от одного слова девочки зависела ее жизнь:

— Прошу Вас, не говорите Лорду Дивайну... Я Вас умоляю... У меня — семья... И меня — ребенок... Его пожалейте, Миледи... У Вас глаза добрые... Я по-глазам вижу, что Вы не расскажете Лорду Дивайну об этом.

— Я подумаю... — мягко сказала Алетиш. Где-то внутри что-то ликовало. От того, что ее маленькая гадость удалась. А еще от того, что месть оказалась такой сладкой.

— Я Вас умоляю... — глухо сказала служанка, заглядывая девочке в глаза.

— Хорошо, я не скажу. А теперь убери все и раздень меня. Я хочу спать.

Служанка выдохнула с облегчением и радостно раздела девочку и даже взбила ей подушку.

Алетиш сладко проспала целый день и снова встала к закату. Ей принесли новое платье, лишь незначительно отличное по фасону от предыдущего. Она приняла ванну. Еду ей принесли прямо в комнату. Алетиш пробовала все, что ей понравилось, а потом изъявила желание погулять.

Никто не стал ей перечить. Она вышла и отправилась в сад. Ей начинала нравиться новая жизнь.

— О! Я вижу, ты освоилась! — сказал внутренний голос. — Мне так нравится наблюдать за вами, людьми. Вы так быстро привыкаете к хорошему. Кто бы мог подумать, что ты еще недавно грызла сухарь и стирала.

Алетиш не ответила.

— А ты не без червоточки. В тебе тоже есть лень, злость, гордыня... А ведь еще недавно, я не замечал в тебе этих качеств. Из тебя бы получилась настоящая принцесса.

— Знаешь, ты начинаешь мне нравиться. Мне скучно, а с тобой можно поболтать... — сказала Алетиш, немного польщенная.

— Лицемерка. Обычно я не имел дела с простыми смертными, вроде тебя. Знаешь ли, я всегда был спутником сильных мира сего. Помнишь, я тебе говорил, что ты не захочешь умирать? Я больше не чувствую в тебе этого желания. Зато я чувствую нечто другое...

— Замолчи! — сказала Алетиш.

— Так и быть, я умолкаю, — сказал внутренний голос, — Не буду мешать тебе наслаждаться жизнью.

На небе уже загорались первые звезды. Осеннее небо было покрыто черными полосами туч, а ветер приносил сладкий запах каких-то цветов. Пойдя по дороге, Алетиш увидела их. Розы... Это были тысячи и тысячи цветов. Все они были серо-розового цвета. Некоторые были

темнее, некоторые — светлее. Алетиш подошла к одному кусту и прикоснулась к сочному бутону. Ей безумно захотелось его сорвать, и она ухватила за колючий стебель. Потянув бутон на себя, она сорвала его. А потом, развернув ладонь, она увидела кровь. Как странно, но боли она не почувствовала. Некоторые шипы прямо глубоко вошли в кожу, но ей было совсем не больно. Девочка пальцами одной руки вытащила шип из ладони и стала рассматривать его. Кровь сочилась и бурными каплями падала на землю.

Она текла по запястью, и девочка попробовала ее на вкус. Такая же, как ей давали пить в Храме Анвеора.

Она пошла по дороге, сжимая руку в кулак. Ей не хотелось испачкать платье.

— Ах, вот вы где, Миледи, — подобострастно сказала служанка, — Лорд Дивайн искал Вас.

Алетиш пошла в большой зал, пряча окровавленную руку за спиною. Дивайн сразу заметил, что что-то не так.

— Покажи руку! — приказал Дивайн, делая пригласительный жест.

Девочка молчала, продолжая прятать руку за спиною. Она поняла, что он убьет ее, если узнает, что она обрывала розы в его саду.

— Руку! — прохрипел Дивайн. Его глаза сузились.

Алетиш испуганно пятась, покачала головой.

— Я тебе последний раз повторяю. Или я убью тебя на месте! — прошипел Лорд Дивайн.

Алетиш сглотнула и медленно развернула ладонь.

Глава XVIII. Гордость и предубеждения

Глава XVIII. Гордость и предубеждения

Глава XVIII. Гордость и предубеждения

Глаза Лорда Дивайна расширились, а рука застыла, словно сжимая что-то невидимое. По его приказу прибежали слуги, привели целителей, которые добрый час извлекали шипы из ладони дрожащей девочки. Потом один из них попытался затянуть рану, и Алетиш взвизгнула от боли. Целитель вопросительно посмотрел на Дивайна, который нахмурился и вышел из зала. Когда он вернулся, то дал указание слугам, которые что-то колдовали над повязкой, которой туго перебинтовали девочке ладонь.

— Ты — наказана... — глухо сказал Дивайн, бросая ей

убийственный взгляд.

— Простите... Я не хотела рвать ваши розы... Я сорвала лишь маленькую... Хотела взять себе на память... — оправдывалась Алетиш, теребя повязку. От повязки шла странная боль, но она была не сильной, а скорее какой-то ноющей и неприятной.

— Убирайся с глаз долой! — с нажимом сказал Лорд Дивайн.

— Я... — тихо мямлила Алетиш.

— Убирайся... — прошипел Лорд Дивайн, сузив глаза.

И девочка, глотая обиду, вышла из зала. Она чувствовала себя, словно «оплеванная». Гордость, которая проявилась так некстати, требовала мести. Протеста. Алетиш села на каменную скамью и решила, что ни при каких обстоятельствах не пойдет в свою комнату. Принципиально. Скрестив руки на груди, она смотрела на носки твоих туфель, а потом переводила взгляд на море. Море успокаивало, а ветер шептал слова утешения.

— И все-таки он ранил тебя? — сказал внутренний голос. — Обидно? Обидно спускаться с небес на землю? Болезненное падение — наказание за гордыню. Но ведь боль причинили не шипы... А его слова, не так ли?

— Не твое дело! — буркнула Алетиш.

— О! Мы снова враги... Кстати, скоро будет дождь... Переступи через себя и иди в тепло. Так и заболеть не долго...

— Какой ты заботливый... — горько бросила девочка.

— Просто этим ты ничего не добьешься.

— А я и не хочу чего-то добиваться! Я просто не хочу, чтобы на меня кричали, шипели...

— Какая прелесть! Ты хочешь, чтобы сам Лорд Дивайн ползал перед тобой на коленях? Вымаливал прощение? Даже не мечтай. Ты ведешь себя не правильно. Гордость — это, конечно, хорошо. Но только в легендах. Ах, как романтично, когда рыцарь пройдет все круги ада, не склонив головы перед злом. Но этими детскими выходками Лорда Дивайна тебе не разжалобить. И вряд ли он станет тебя уважать за это.

— Отстань! — прошипела Алетиш, — Я хочу подумать!

— Ах, а чему будет посвящено твое «думанье»?

— Сгинь! — резко сказала Алетиш, и голос замолчал.

Странно... Наверное у Лорда Дивайна совсем нет сердца. Да, она сама виновата, но за одну треклятую розу он готов был незаслуженно ее

четвертовать. Не слишком ли жестоко за какую-то малюсенькую розочку? Или его сердце это — камень. А разве бывают люди, у которых сердце — камень? Если цвет Черного Дома не менялся несколько эпох... А кто изображен был на портрете в комнате монастыря? И кого я видела, когда видела во сне битву? Может ли такое быть, что это — один человек? Но как человек может жить так долго? А если его сердце — камень? Тот камень, о котором она читала... Камень, который сплетаясь с душой, дает ему бессмертие? Интересно... Как такое возможно?

Девочка не заметила, как по ее рукам, непокрытой голове забарабанили крупные капли ночного дождя. Она подняла голову и посмотрела на небо. Ей прямо на лицо обрушился ледяной поток.

* * *

— Так все-таки она — живая? — с облегчением в голосе выдохнуло зеркало.

— Пока еще, — мрачно сказал Лорд Дивайн, восседая на любимом кресле.

— Рана как? — спросило зеркало, с тревогой в голосе.

— Не серьезно. Мы приняли меры, — раздраженно сказал Лорд Дивайн.

— Как ты мог допустить такое? У меня в голове не укладывается мысль о том, что ты мог ее угробить! Я начинаю волноваться за ее жизнь!

— И не напрасно...

— Ты готов убить ее?

— Нет. Пока что — нет. Но попытки сесть мне на голову будут строжайше пресекаться, — отчеканил Доминатор Темного Дома

— Как именно, если не секрет? — ехидно спросил голос в зеркале.

— Увидишь, — многозначительно, с легкой угрозой в голосе бросил Лорд Дивайн, вращая на указательном пальце кольцо с розовым камнем.

— А сейчас она где? — осторожно спросило зеркало.

— Сидит на улице, — равнодушно сказал Дивайн.

— А ей не холодно?

— Мне все равно. Там — гроза.
— Дивайн! Ты смеешься?
— Нет, я говорю правду. Я всегда говорю правду.
— Ты чем думаешь, старый змей? Ты хочешь ее в могилу свести раньше времени? — вспыхнуло зеркало.
— А что мне с ней в куклы играть? — презрительно бросил Дивайн.
— Если надо будет, то и в куклы, и в прятки играть будешь! Страсти определенно накалялись...
— Ты забываешься! — резко оборвал Лорд Дивайн.
— Из-за твоих замашек, дражайший мой друг, все пойдет прахом! Только из-за твоей спеси и гордыни. С девочкой можно нормально разговаривать. К девочке можно найти подход. Только ты его не ищешь!
— Зачем мне его искать? — пожал плечами Лорд Дивайн.
— Странно получается! Мне всегда казалось, что мудрость приходит с годами. Пожалуй, я ошибался. Ты никогда не видишь очевидного и упрямышуешь в своей неправоте. Ты привык к одному выходу, хотя их может быть больше. У тебя никогда не бывает вариантов решения проблемы. Только один. Помни, Дивайн, смерть — это то, что ни ты, ни я не можем изменить. Дивайн, если девочка умрет... По твоей вине... Или мне так покажется... Я тебе отомщу. Я буду просыпаться с мыслью, как бы тебе отомстить. И, поверь, кто ищет, тот всегда находит способ.
— Не тараторь, — с издевкой сказал Дивайн.
— Когда я буду мстить, я буду мстить молча. Всего хорошего.

* * *

Алетиш сидела в беседке. Она промокла до нитки и страшно замерзла. Ноги она подобрала под юбку, не замечая, как грязные туфли пачкают кружева.

«Бессмертный Лорд... С каменным сердцем... Да кем он себя возомнил? Богом? А если это — правда? А если и у Бога сердце из камня? Теперь понятно, почему он так спокойно смотрит на все страдания людей. Значит поэтому у Дивайна такие глаза. Розовые. У

Шаэссы тоже глаза необычные. Может ли оказаться так, что Шаэсса — тоже не человек? Нет! У Шаэссы есть сердце. Интересно, что бы он сказал, если бы узнал, что я сижу тут, вся промокшая до нитки? Да у меня зубы стучат громче, чем капли о крышу. Может, внутренний голос прав? Я этим ничего не добьюсь? Только зря буду мерзнуть? Ой, глупая я! Ну зачем я так! И стыдно теперь. Если я сейчас просто вернусь во дворец, то мне будет тепло и сухо. Но как я посмотрю в глаза Дивайну? Я вернусь, только, если меня притащат силой! Гордые герои легенд именно так и поступают! Злу никогда не поставить их на колени! Но ведь я не герой... Было бы здорово, если бы я им была. Я бы вызвала Лорда Дивайна на поединок и навсегда избавила мир от зла!»

— Ах, какие мы смелые... — сказал внутренний голос, — Браво! Такой мужественности стоит позавидовать! А совсем недавно ты мечтала, чтобы он убил тебя поскорее... Ненавидишь? А кого именно ты ненавидишь? Его?

— Да! — гордо сказала Алетиш.

— Ты ненавидишь не его. А собственное отражение в нем. Каждый человек — зеркало. Все отражаются друг в друге. Ты, отражаясь в нем, видишь свою «недостойность» и «уродство». Но почему? Потому, как ты сама себя видишь такой. Ты считаешь себя некрасивой. Твое мнение. Ты себя не любишь. За что другие должны полюбить тебя?

— Мне не нужна его любовь... Мне нужна свобода!

— А что ты будешь с нею делать? Ты к жизни не приспособлена. Жить тебе негде, работать ты не умеешь. Когда ты последний раз стирала? Те жалкие попытки намочить простыню я не считаю. А кушать готовила? А дрова колола? Чем на жизнь будешь зарабатывать? Ты и зимы не переживешь. Представь себя — рано постаревшую, с огромным ведром с ледяной воды, прачкой у какого-то дворянина. Или посудомойкой. Да и в земледелье тебе путь заказан. Так что ты предпочитаешь? Голодную свободу или сытое рабство? Как по мне — сытое рабство вполне неплохая альтернатива. Научиться заглядывать в глаза хозяину, подносить мелкие вещички, выслушивать все прихоти, покорно прятать взгляд, вовремя кивать, развлекать, когда скучно и терпеть, когда на тебя срываю гнев. Любой дурак может этому научиться. Тут особой науки не надо.

— А я не хочу заглядывать хозяину в глаза. Не хочу, чтобы на мне срывали гнев. Я не хочу быть вещью! Даже дорогой! И прислуживать не

хочу!

— О... Трудно тебе в жизни будет... Почему ты не умеешь учиться на ошибках?

— Потому, что я их не вижу. Я не вижу ошибки в том, что не хочу никому прислуживать! Я не вижу ошибки в том, что не хочу заглядывать в глаза и угадывать настроение! — огрызнулась девочка.

Внутренний голос молчал.

— Я поняла! Ты приходишь, когда мне больно. Ты питаешься моей болью. Если боли не будет, то ты уйдешь навсегда!

— Бесполезно, — грустно сказал внутренний голос, — Боль так не убить. Сколько раз не переживай свои воспоминания, сколько раз не испытывай боль, от этого она не станет слабее. А вот дождь почти прекратился. Что ж... Поздравляю. Твоей гордости стало легче?

— Я не хочу отвечать на твои вопросы... — с внезапной улыбкой сказала девочка, медленно шагая по аллее в сторону дворца.

— Гордость — это странное чувство? Не правда ли? Гордость — это стиснутые зубы, прямой испепеляющий взгляд исподлобья, зажатые кулаки... Или гордость — это слезы обиды за несправедливое наказание? Какой бы она не была она — опасна! Избавься от гордости, и сможешь жить дальше.

— Мне не нужны советы... — сказала Алетиш.

— Я еще никогда не видел мир глазами женщины. Это — просто удивительно! Как ловко ты умеешь придумывать проблемы, героически их преодолевать, а потом гордиться собой. Внутри тебя столько накручено, что даже мне, сложно понять ход твоих мыслей. Нет, из всех людей, которые мною владели в свое время, ты — самый экземпляр. Продолжай в том же духе!

Алетиш внезапно остановилась напротив старинной фрески на стене. Это было нечто неопишимо красивое. Она уже видела фрагменты этой картины в Храме Анвеора и в Улитке, а здесь она видит ее целиком. Художник, который в поздние века срисовывал ее, очевидно, рисовал ее по памяти, так как многие детали на оригинале заметно отличались от копий.

На картине было изображено сражение. Она состояла из четырех частей, объединенных одной цветовой гаммой и настроением. Первое, что бросалось это — небо. На одной картине оно было рассветным, на второй — солнце пробивалось сквозь тучи, роняя широкие полосы света

на истерзанную войной землю. На третьей были отчетливо видны сумерки. Серое марево и первые звезды создавали ощущение, что это некое переходное состояние от Света к Тьме. Это и была Тень. А на последней картине была Тьма, мерцающая тысячами звезд.

На Светлой части картины был изображен мужчина со светлыми, отливающими серебром волосами. Он был закован в светлые латы, с геральдическим рисунком. В руках у него был широкий двуручный меч. Его плащ терзал невидимый, но пойманный кистью неизвестного художника, ветер. Лицо у мужчины было странным. Вместо доброй улыбки и страдальческого блика в глазах обреченного, было холодное, высокомерное и презрительное выражение лица надменного, самовлюбленного аристократа. Губы были четко очерчены, изгибаясь в брезгливой усмешке. Серые глаза, с небольшой зеленью, были презрительно холодны. И небесной красоты корона венчала его чело. На щеке его красовалась кровавая царапина. Покойник, которого видела Алетиш был лишь жалким подобием, сохранившем лишь тень бывшего величия.

«Так вот каким был, Доминатор Светлого Дома Анфаэль Раиль? На фресках в Храме его лицо было преисполнено страдания, отваги, мужества... Мне было его жаль. Могу ли я жалеть его таким, каким он нарисован здесь?»

На следующей фреске стоял другой Король. Его лицо было отстраненным, с тонкими чертами лица. Если лицо Светлого Короля было мужественным, то это лицо казалось утонченным. Большие глаза, цвета янтаря и золотые волосы невольно располагали бы зрителя к изображенному на портрете мужчине, но неприятная улыбочка и странный блеск в глазах отталкивали. Нечто коварное и хитрое было в той улыбке и в той позе, в которой художник запечатлел второго Короля. На нем не было ни тяжелых доспехов, ни панциря, ни плетеной кольчуги. На нем вообще не было доспехов, словно он пришел не воевать, а вести переговоры. При себе у него был длинный меч с волнообразным лезвием, на рукоять которого он многообещающе положил руку в перчатке.

«Король Дома Теней. Но не Шаэсса. Шаэсса, значит, простой человек. А это — его предок. Мимолетное сходство. И как все-таки красиво нарисованы его глаза...»

На третьей картине был нарисован Лорд Дивайн. В отличие тех

картин, которые она видела раньше, здесь Лорд Дивайн выглядел намного человечней. Он был скорее грустным, чем злым. Он хмурил брови, глядя исподлобья. Длинные волосы разметались по плечам. На его наплечнике был отпечаток окровавленной пятерни, а под его ногами лежали мертвые тела. Шлем с клыками он держал в руке, а во второй он сжимал древко исполинской алебарды, поднять которую простому смертному было бы просто не под силу.

На четвертой картине был изображен невероятный, сияющий и почему-то ничем не примечательный мужчина. Черты его прекрасного лица были бездушными. Не было в них ни зла, ни добра. Не было в них ни ненависти, ни любви. Он был, словно статуя с холодным взглядом глаз-драгоценностей. Такое лицо трудно было запомнить. Не было в нем такой черты, которая бы бросалась в глаза, цепляла за душу. Возникало такое чувство, что он — неживой.

— Анвеор? — тихо сказала Алетиш, — пытаюсь найти белую Ладью, с которой его неизменно изображали.

— Нет, — сказал хриплый голос за спиной.

Девочка вздрогнула от неожиданности, но постаралась не подать виду, что очень испугалась.

— Кто это? — спросила Алетиш, — чувствуя, как тяжелая рука легла ей на плечо.

— Это — Абсолют. Бог, по Вашему.

— Он — справедлив? — спросила девочка, вспоминая истории про Анвеора.

— Нет такого понятия, как справедливость. У каждого справедливость своя. Он — наш судья, и у него справедливость, которая отличается от той, которую проповедую я, — спокойно ответил Лорд Дивайн.

Он был одет в черный длинный камзол, с серебряными застёжками. По камзолу серебристыми змеями вился рисунок. Он заканчивался искусной вышивкой на воротнике-стойке. На ногах у него были черные невысокие сапоги, в которые были заправлены черные штаны. На одном плече у Лорда Дивана была удивительная брошь, скалывающая плащ, подбитый черным мехом. На его руках были перстни, среди которых Алетиш заметила черным перстень со странным знаком, похожим на сплетение нескольких букв в черной розе.

— Какая может быть у зла — справедливость? — искренне

удивилась Алетиш.

— Опрометчиво судить людей, разделяя их условностями на два лагеря, — Лорд Дивайн посмотрел на девочку, которая продолжала рассматривать картину, открывая для себя все новые и новые детали.

— Зло и добро — это условные понятия. Приведу пример. Человек — убил другого человека. Это — зло?

— Наверное... Не ты давал этому человеку жизнь. И не тебе забирать ее, — задумчиво сказал девочка.

— Хорошо. Это — зло. Ты так решила. А если я скажу, что человек убил другого из жалости? Бывает такое, что уже очевидно: человек умрет. Но либо он будет мучиться от боли смертельной раны, либо умрет сразу? Это — зло?

— Я не могу ответить на этот вопрос. Но если бы Вам интересно мое мнение, то я скажу. Как может бессмертный говорить о смерти? Вам хорошо, ведь вы никогда ее не встретите. Я видела смерть. В ней нет ничего хорошего.

Лорд Дивайн рассмеялся.

— Ты способна почти грамотно излагать свои мысли! Поверь, я удивлен. Поэтому решил дать тебе урок. Он пойдет тебе на пользу.

Лорд Дивайн поднял руку, и под его пальцами загорелось черное пламя. Когда оно рассеялось, то в руках у Лорда была роза. Белоснежная, с капельками росы на лепестках и зеленым, свежим, покрытым шипами, стеблем.

Лорд Дивайн прикоснулся к ней губами и поднес ее к лицу Алетиш, сердце которой вздрогнуло. Он провел розой, словно кистью по щеке девочки, а она широко раскрыв глаза, пыталась понять, зачем он это делает.

— Красивая? — спросил насмешливо Лорд Дивайн.

— Да, — шепотом ответила девочка, стараясь чтобы ее голос не выдавал предательской дрожи.

— Белоснежная, прекрасная роза... Чем не воплощение добра? — улыбаясь, сказал Дивайн, отдавая розу девочке.

Алетиш повертела ее в руках, наклонилась и вдохнула ее нежный аромат.

— Да. Она не похожа на зло...

— Но я не предупредил тебя. Роза и впрямь необычна. Это — такой сорт. Их выращивают специально, чтобы они были самыми

прекрасными. Чтобы, получив их в подарок, человеку захотелось прикоснуться к ним, вдохнуть их аромат. Но, вдохнув, ты — обречен. У нее очень тонкий яд, от которого нет противоядия... У тебя сначала немного закружится голова. Совсем чуть-чуть станет больно где-то в груди... Потом по телу растечется слабость... Это — яд устремляется в твое сердце.... Сердце начинает испуганно биться... Воздуха перестает хватать и... Наступает смерть... Пойми, ты мне надоела, поэтому я решил избавиться от тебя таким нетривиальным способом. Согласись, что это намного лучше, чем многочасовые пытки и мучительное ожидание казни. Гораздо гуманнее, чем просто отрубить тебе голову или посадить на кол. Согласись, эта смерть — лучше, чем те, которые тебе пришлось видеть...

Алетиш вздрогнула, вспомнив, как умирала Берилл. Картина смерти так ясно встала перед ее глазами, что она испытала нечеловеческий страх.

— Я Вам не верю... Вы не можете так со мною поступить... — ее язык заплетался. Девочке показалось, что ее руки стали ледяными, а дышать стало все тяжелее и тяжелее. Комок подкрался к горлу, не давая сглотнуть. Губы задрожали, и в глазах все поплыло и завертелось. Роза упала на пол, Алетиш покачнулась.

Лорд Дивайн смотрел на нее с усмешкой.

— Неужели так быстро? — сказал он с неприятной улыбкой, — Интересно, что чувствуешь, когда умираешь? Я всегда спрашиваю об этом у каждого, кого убиваю. Но за две тысячи лет, не один человек мне так и не ответил... Но я продолжаю убивать, чтобы узнать единственную тайну, сокрытую от меня навсегда. Что ты видишь?

Но девочка уже не могла говорить. Она лежала в его ногах.

— Достаточно! — лицо Дивайна снова стало холодным и отстраненным, — Это — обычная роза. Никакого яда нет. Поднимайся!

Алетиш слышала его голос, словно из-под толщи воды. До нее долетали отдельные слова, но смысл их терялся. Вроде она и понимает сказанное, но не осознает. Смысл его слов стал постепенно доходить до нее, и внезапно она почувствовала облегчение и злость. Подняв голову, она посмотрела на Лорда с непониманием.

— Я чувствую боль... В груди все горит... Мне трудно дышать... — прошептала она.

— Потому, что я сказал тебе, что тебе будет трудно дышать. Урок

первый. Нельзя судить поверхностно о вещах. Тебе понравилась роза. Ее цвет — белый. В человеческом сознании «белый» ассоциируется со светом. А свет — с добром. И это тебя погубило. Человек, защищающий принципы добра вынужден убивать то, что он, по определению считает злом. Убийство — зло. Как можно назвать человека «добрым», если он творит зло? Урок второй. Вера. Вера — это то, на чем зиждется любое заблуждение. Вера — вот то, что является самым опасным. Ты поверила в то, что я тебе сказал. Ты поверила в то, что роза — опасна. И твой организм подстроился под твое сознание. Ты почувствовала недомогание. Если бы я тебе сказал, что от этой розы ты ослепнешь, то ты бы почувствовала, что теряешь зрение. Тебя так легко обмануть. Мир не такой, каким ты себе его представляешь. Здесь нет «добра» и «зла». Здесь нет «справедливости». Здесь есть только правда. И у каждого она своя.

— Зачем Вы мне это говорите? — спросила Алетиш.

— Потому, как твое неведение, твое упрямство в заблуждениях вызывает у меня большее презрение, чем твои отвратительные манеры.

— Поэтому вы не хотите со мною разговаривать и все время прогоняете меня? — спросила Алетиш, прикасаясь рукой к фреске, — Поэтому я вынуждена бродить по вашему мрачному саду, разговаривать со слугами... Словом, искать способ скоротать еще один день... Точнее — ночь, потому, как солнца я не вижу.

— Для того, чтобы разговаривать, нужно иметь что-то общее. У нас с тобой нет общих тем для разговора. Я не собираюсь развлекать тебя. Если у тебя есть голова на плечах, то ты сделаешь выводы, — растягивая слова, произнес Лорд Дивайн и удалился.

Глава XIX. Любимая игрушка

Глава XIX. Любимая игрушка

Глава XIX. Любимая игрушка

Алетиш долго и пристально смотрела на фреску. Она думала о том, зачем она вообще завела разговор на эту тему.

Девушка двинулась за Лордом. Ей было нужно кое-что узнать.

— Мой Лорд, можно к Вам обратиться? — кротко спросила Алетиш, присаживаясь на ступеньку.

Лорд Дивайн кивнул.

— Мне хотелось бы узнать правду про Анвеора. Когда-то давным-

давно мне рассказали, что его убил Дом Тьмы... Правда ли это?

Лорд Дивайн задумался и ответил:

— Странно, что за правдой ты пришла ко мне. Зло, коим ты меня считаешь, просто по определению обязано говорить ложь. Таков его архетип. А впрочем, ты даже слова такого не знаешь... — Лорд Дома Тьмы задумался — Я расскажу тебе о Анвеоре. Но от тебя зависит, сможешь ли ты принять то, что услышишь. Приблизительно четыре эпохи назад случилась катастрофа. Мир, который существовал на тот момент, исчез в одночасье. Выжившие воззвали к Богам. И Боги ответили. Тогда Боги были другими. Они чувствовали вину за то, что позволили миру умереть. Боги подарили людям надежду. Они преподнесли людям в дар магию, в обмен на обещание никогда не изобретать ничего сложнее колеса. Книги, которые хранили старые знания, были уничтожены, вместо них были написаны новые, которые учили людей пользоваться новыми знаниями. Техническое эмбарго... — тут Лорд Дивайн подумал, и пояснил, — полный и строжайший запрет на технический прогресс. Тогда и появился Великий Дом, которому доверили знания и силу. Продолжительное время Великий Единый Дом хранил силу, приумножая знания и не нарушая запретов. Но однажды мои предки почувствовали, что их слово уже ничего не решает. Тогда они подняли вопрос о разделении магии. Некоторых храбрецов казнили, а некоторые все-таки осуществили свой план, забрав часть знаний с собою. Тогда началось противостояние, подкрепленное негласными правилами. Но не всем хотелось воевать. Кому-то хотелось посмотреть на все это со стороны. Так возник Серый Дом. Серый цвет получается, если смешать Черный и Белый цвета. Так возник Дом-арбитр, который не ввязывался в войну, а лишь наблюдал со стороны. Серые были слабы. Изначально. Они не любили НАШУ магию, но дух авантюризма был присущ им в полной мере. Но нас еще объединял Великий Совет. Главы трех Домов собирались не только для обмена любезностями, а и для того, чтобы решать судьбу мира. И на одном совете выступил человек, из числа Светлых, что было самым удивительным. Он сказал, что наш мир — порождение зла, и мы обречены. Нам показалось в тот момент, что Боги и впрямь забыли о нас, но уже потом мы узнали, что они покинули нас. Тогда из десяти новорожденных выживал один. Был голод, умирала земля, вода наступала, поглощая сушу. Начались эпидемии, мор. Мы — вырождались и умирали. И многим идея,

впервые прозвучавшая на Совете, оказалась очень заманчивой. Человека, который выступил, звали Анвеор. Кому-то его речи показались мудрыми, кто-то посчитал это дерзкой шуткой, а кто-то решил для себя, не верить ни единому слову. Анвеор говорил об умирающем мире, о том, что мы должны искать себе другой дом. Он показывал старинные карты звездного неба, удивляя всех присутствующих, а потом показал небесную Ладью, которую собирался починить, для того, чтобы отправится к звездам. Совет, увидев Ладью, испугался. Они говорили о запрете, но Анвеор возразил им, говоря о том, что формально запрет не нарушается. Он собирается объединить магию и технику. Но для этого ему нужны были артефакты. Великие реликвии Домов, которые передавались из поколения в поколение. Многие согласились отдать свои сокровища. Светлый Дом был первым, кто положил на стол Божественные Дары. Серые положили только один Дар, сославшись на то, что остальные были утеряны. Мы не дали ничего. Слишком фантастичной была идея выскочки-Анвеора. Анвеор красиво благодарил, обещая вернуть Дары после того, как осуществит задуманное, но... Время шло. Те, кто согласился пойти с Анвеором, исчезли из поля зрения на несколько десятилетий. Никто ничего больше не слышал ни о Ладье, ни о звездах... А потом мы увидели новое государство, во главе которого стоял Анвеор. Они именовали себя людьми Анвеора, проповедуя свою философию и свою магию. Но помимо этого они негласно использовали запрещенные технологии. Их маги платили тем, кто приносил осколки прошлого, раскапывая старинные города. Все Дома возмутились, по поводу обмана, но Анвеор отказался разговаривать с Главами Домов. Дом Тьмы сразу и однозначно высказался против дальнейшего сотрудничества с людьми Анвеора, прокляв его и весь его род, объявив их своими врагами. Причиной этому была попытка похитить нечто важное для Темного Дома. Анвеор, упиваясь властью, хотел стать самым могущественным человеком в мире, но мы просто посмеялись над ним. Анвеор поверил в свое могущество, и уже ничего не боялся. А потом он пропал. Просто исчез. И Темный Дом не был причастен к убийству этого проходимца. Мы никогда не опустились бы до этого.

— Анвеор — мертв... — задумчиво сказала Алетиш, — Я видела его смерть. Он убил себя. Я это увидела, когда прикоснулась рукой к картине, где был он изображен. Я иногда так вижу то, что было... Или

то, что будет... Чаше всего я забываю о том, что вижу, но кое-что помню... Вы мне не верите? А еще мне рассказали, что Анвеор не летал к звездам. Это был обман. Он просто обманул всех, чтобы заполучить власть. Мне это рассказал Агат... Я хотела спросить... А что случилось с остальными? С Чароит, Агатом, Ониксом? Вы их убили?

— Если ты говоришь, что можешь видеть вещи, которые происходили или происходят, что тебе мешает увидеть это? — усмехнулся Лорд Дивайн. Ему самому стало интересно. Шаэсса предупреждал его, что девочка необычная. Лорд Дивайн знал о магии все, но еще ни разу, ему не удалось получить доказательств того, что кто-то способен видеть будущее. Пожалуй, это явление его сильно интересовало. Если и существует такая магия, то ему нужны доказательства. И он будет удивлен, если получит их прямо сейчас.

— Я не верю в то, что можно увидеть будущее, прикоснувшись к чему-то. Я вообще не верю в то, что его можно увидеть. Это — дешевые трюки, — презрительно отозвался Лорд Дивайн.

— Почему — то я вижу только смерть и боль... Боль — это хуже всего... — сказала девочка.

— И что с этого? Что такое боль? Я не чувствую боли. Никакой. Человеку причиняет боль острое лезвие? Я могу сломать его пополам, так и не почувствовав боли. В моем присутствии можно пытаться детей, женщин, стариков, но я не чувствую боли, — равнодушно пожал плечами Лорд Дома Тьмы, — И что Анвеор?

— Я же сказала, что он убил себя! — вспыхнула Алетиш, — Блеснуло лезвие и драгоценный камень... Он висел на шее у Анвеора. Камень, упавший с неба.... Мертвая Звезда... Кто-то назвал его предателем, который не выполнил обещание...

Она осеклась и посмотрела на Лорда, который разглядывал перстни на руках, с абсолютно отстраненным видом.

— Я пойду. Вы правы. Нам не о чем разговаривать! Вряд ли могу рассказать то, о чем Вы сами не знаете, — обиженно сказала Алетиш. Она была зла на себя. Если бы у нее была вечность, то она знала не меньше. Но у нее в запасе только одна короткая жизнь.

— Я не позволял тебе удалиться. И не давал разрешение прерывать разговор, — сказал спокойно Лорд.

Девочка послушно села на место. Лицо у нее при этом было ужасно недовольным.

— Вижу, что тебя заинтересовала история. Это похвально. Я дам тебе задание. На выполнение его я дам тебе только день. Назови мне имена людей, которые изображены на фреске. Если ты сможешь рассказать мне об этой битве, то я дам тебе нечто интересное, что развеет твою скуку. Разрешаю пользоваться любыми источниками. В том числе и библиотекой. Если умеешь читать. Свободна! — Лорд Дивайн махнул рукой.

Алетиш не двинулась с места. Она вспомнила волшебную доску, которую показывал ей Шаэсса, и призрачную битву, которую она видела.

— На картинах изображены Доминаторы. Все, кроме одного. Один из изображенных — не доминатор. Он — Божество. Доминатор Дома Тени носил имя Шарон. Доминатор Светлого Дома — Анфаэль Раиль. Третий — Принц Дивайн Эндор. Вечный принц Темного Дома, — с расстановкой сказала Алетиш.

Девочка помолчала, но потом продолжила:

— Сначала Темный Дом одерживал победу, но когда Светлый Дом убил всех магов, появилось Божество. Этот сияющий человек сказал, что в битве победил дом Света. Он появился после того, как Король Анвеоритов отдал жрецам какую-то штуку, похожую на браслет. Она засветилась, и тонкий луч света поднялся в небо...

— Хорошо, — Лорд Дивайн сощурил глаза.

— Я не знаю, что это было, но после этого Вы и еще трое подошли к этому сияющему человеку. А потом... Потом я не помню...

— Хорошо. Есть вопрос, ответ на который я хочу получить. Он позволит прояснить некоторые моменты, — сказал Лорд Дивайн, сплетая пальцы, — Точнее испытание. Возможно, оно будет стоит тебе жизни...

Алетиш испугалась. Но потом девочка поняла, к чему клонит Лорд Дивайн. Он сделал странный жест, и из темноты на девочку бросилась огромная черная тварь. Алетиш не ожидала такого поворота событий и даже не успела отскочить. Острые зубы твари коснулись ее руки. Тело на месте укуса пронзила боль, похожая на боль от ожога. По телу пробежала дрожь, Алетиш зажмурилась и закричала. Тварь отскочила от девочки и стала приближаться к Лорду Дивайну. Она приготовилась к прыжку и тут же исчезла по знаку его руки. Даже таким способом она умеет повернуть чужую магию против нападающего.

Алетиш пришла в себя быстро. Она внимательно посмотрела на руку, но никаких следов не обнаружила.

— Слуги отведут тебя туда, куда нужно. Все, что ты там увидишь — мой подарок. А теперь оставь меня. Тебя ждет бесполезная трата времени, а меня — государственные дела. Иди! Или я передумаю. Отведите ее в северное крыло и откройте комнату Леди Девоны, — сказал он слугам, — Теперь это ее покои.

Лорд Дивайн долго думал над тем, что произошло. Больше всего его занимали слова девочки. За минуту до появления Шаграта, он тоже видел свет, ударяющий в небо.

* * *

— Я просто не знаю, что сказать! Они как настоящие! Откуда они тут? — ликовала девочка, глядя на старинных кукол ручной работы, которые в роскошных платьях сидели в комнате. Слуги молчали, глядя на то, как девочка рассматривала игрушки.

Алетиш взяла одну из них, и кукла закрыла глаза. Девочка от неожиданности вздрогнула. Какое-то странное чувство подкралось к сердцу и то сжалось. Куклы были словно живые...

Она долго переставляла их, расправляла платья, расчесывала маленьким гребнем локоны. Гребень был серебряным с красивым рисунком, а локоны настолько были похожи на настоящие, что девочка подумала, сколько стоят такие куклы.... А платья... Тройные юбки, нижние из тафты и кружева, а верхние из атласа, бархата, шелка. Куклы все были разные. Светловолосые, темноволосые, рыжие, каштановые. Они смотрели разноцветными глазами на новую хозяйку.

— Интересно, а кто такая леди Девона? — подумала Алетиш, разглядывая свое сокровище.

* * *

Когда Лорд Дивайн вышел на террасу то увидел, как девочка в черном полушубке, сидя на корточках, играла с куклами прямо среди розовых кустов.

Он уже видел это. Словно видение из прошлого, словно призрак... Девона... Темноволосая девушка с куклами... Черный цветок Дома Тьмы. Это имя принадлежало матери Дивайна. В эпоху мертвых детей не каждая семья могла обзавестись наследником, его дед, доминатор Дома Тьмы, решил получить наследника чистейшей крови. У него самого было двое детей. Сын, которому было около двадцати и дочь, которой было двенадцать. Они были очень похожи — чистокровные наследники престола. Большие темные глаза, черные волосы и правильные черты лица. Они считались эталоном красоты. Особенно Девона... В свои двенадцать она была красивее всех, за что и была прозвана Черным Цветком. Для нее были заказаны самые прекрасные платья, самые роскошные наряды, самые дорогие куклы. Тогда был великолепный кукольный мастер — маг. Он создавал волшебных кукол, которые были как живые и не ломались никогда. Старый доминатор уговорил сына, чтобы тот соблазнил сестру, и их поженили по обычаям Дома Тьмы. В случае Дома Тьмы браки между братьями и сестрами не приветствовались, но ради чистоты крови допускались. Во время церемонии девушке стало плохо, и ее вынесли из зала. Промаявшись несколько дней, она родила в муках страшного ребенка. Несколько месяцев она не могла прийти в себя. На собственного сына она смотрела, как на живую куклу. Девона играла с ним, двигала его ручки, ножки, а потом теряла к нему интерес. Ребенок, каким бы он не был, был ей не нужен. Сколько ее помнил Лорд Дивайн, она играла в свои куклы. Иногда она со смехом брала за ручку ребенка и играла с ним в саду. А потом оставляла, как надоевшую куклу. Когда-то давно маленький Лорд знал всех кукол по именам, потому как его мать уделяла им гораздо больше времени. Он помнит, как Девона кричала, чтобы ей дали «поиграть» с Дивайном, а потом завела его в сад и забыла его среди аллей, вспомнив о других своих игрушках. Дивайн был для нее куклой. И теперь ее призрак играл в саду. Странная меланхолия закралась в его сердце. Удивительно, но он не умел жить настоящим. Лорд Дивайн жил прошлым. Он часто вспоминал, анализировал, проживая снова и снова каждый момент своей жизни. В этот момент он почувствовал слабость. Странную слабость, которую раньше за собою не замечал. Если она сейчас подойдет и возьмет его за руку, он послушно пойдет за ней. Куда бы она его не вела. Если она это сделает, то что-то в мире перевернется. Такого не бывает, чтобы что-то

повторялось. Если он этого не видел, то это невозможно.

Но девочка не догадается так сделать. Она боится его. Она боится даже смотреть в его сторону. Он сам виноват в том, что она видит в нем зло.

И тогда Лорд Дивайн решил. Он подошел к девочке, которая была занята игрой, и положил руку ей на плечо.

— Возьми меня за руку, — сказал Лорд Дивайн, как можно мягче.

Девочка послушно взяла, и ее лицо искривилось судорогой боли. Он видел, как ей больно, чувствовал ее боль, но она постаралась взять себя в руки.

Дивайн знал, что прикосновение принесет ей боль. Слишком велика была его сила... Но и Лорд чувствовал боль. Точно такую же, как чувствовала девочка. Боль была сильна, словно держишь руку над огнем.

— Это не пытка и не наказание, — сказал Доминатор Дома Тьмы. — Это ответ на вопрос. Вопрос, который ты хотела мне задать. Я не побрезговал тогда перенести тебя сюда при помощи магии. Просто знал, что боль в таком случае может убить тебя.

— Я привыкла к боли... — слабо сказала девочка.

— Пойдем, я хочу кое о чем тебя попросить.

И они прошли аллеями сада и подошли к обрыву. Лорд Дивайн снял перстень с руки и отдал его Алетиш.

— Брось его в море... — сказал он, глядя на то, как волны разбивались о скалы.

— Это что-то означает? — спросила девочка, рассматривая перстень.

— Это значит очень многое. Бросай.

Лорд на секунду увидел тот день, когда судьба выбрала его. Перстень лежал на руке его матери, которая бросила его в бушующее море. Порядок наследования должен был решить случай. Справа стоял его дед и отец. Слева она. Он помнит перстень в руке матери, а потом, как он исчез в морской пучине.

— Я просил тебя бросить перстень в море.

— Но... — неуверенно сказала девочка.

— Если я сказал, то нужно выполнять.

И девочка размахнулась и бросила его в волны.

Лорд Дивайн рассмеялся. Он выставил руку вперед, и сквозь его

пальцы потекла тьма. Пучина морская разверзлась, и темные нити, сплетаясь, ринулись вниз. Лорд Дивайн закрыл глаза и сжал кулак, а когда раскрыл его, то перстень лежал на его ладони.

— Я вспомнила! — выкрикнула Алетиш, — Сказку! Сказку про Зверя! Так это Вы — тот Зверь, который сумел вытащить перстень из бушующего моря! А ваш дядя обманул всех, показав точно такой же перстень! А потом вы захватили власть и убили всех! А ваша матушка сидела в темнице!

— На самом деле все было немного по-другому. Я знаю эту сказку. Ваши сказки всегда далеки от истины. Они показывают мир так, как хочется видеть мир сказителю, а не так, как все было на самом деле. Я достал перстень, хотя был юн. Я унаследовал престол, хотя не должен был. Мой дядя, не сумел достать перстень, поэтому заранее изготовил поддельный. Это — правда. Но это не значит, что я, приняв власть, убил всех, кто мне мешал. После этого испытания, когда было принято решение, что следующим доминатором стану я, мой дядя решил убить меня. Он не рассчитывал на то, что у меня получится достать перстень и стать следующим доминатором. С одной стороны он был прав. Такого раньше не было, чтобы трон переходил через поколение. Дядя решил убить меня и для этого подговорил мою мать дать мне отравленное питье. И она принесла его мне. А потом опрокинула на пол. Я навсегда запомнил ее глаза. Она не могла поступить иначе. Ей тогда было девятнадцать, но она продолжала играть в куклы. Ее не интересовала политика, я, вопросы престолонаследия... Ее интересовало какое платье больше идет к ее волосам и где она потеряла алмазную заколку. А через неделю ее не стало. Мой дед, от горя, просто почернел, ведь он любил дочь. А дяде было уже все равно, так как после смерти матери он пропал без вести. Его тело никогда никто не найдет, поскольку море умеет хранить тайны. И тогда доминатор Черного Дома решил провозгласить меня наследником, но он умер за час до церемонии. Единственное, чья кровь была на моих руках — это кровь дяди. Остальное — простое совпадение. Маги могли бы поднять мертвого, чтобы провести церемонию, а потом, как и полагается, он обрел бы вечный покой. Но я запретил это делать. Поэтому я так и не стал королем. И никогда им не стану.

— Я уже совсем не чувствую боли... — сказала девочка, прикасаясь к его руке.

— Это уже не имеет значения, — тихо сказал Лорд Дивайн.

Он взглянул в лицо девочки. Нет, она не похожа на его мать. Почему тогда, в саду ему показалось, что это — ее призрак. Призрак единственного человека, который по-своему был ему дорог...

Проснувшись следующей ночью, позавтракав, Алетиш решила выйти в сад. Впервые у нее появилось странное чувство. Голос был хриплым, а правая рука двигалась с трудом. Разминая руку, Алетиш думала, что такого раньше не было. Почему рука отказывается двигаться? Это, наверное, из-за вчерашней прогулки.

В саду было темно и прохладно. Луне не хватало совсем немного до полнолуния, а в воздухе роились белые, глупые бабочки в поисках света. В лунном сиянии, в беседке сидел Лорд Дивайн. В его руках была книга. Он неотрывно смотрел в нее, периодически переворачивая страницы. У его уха трепетал огонек, который освещал часть его лица и страницы книги. Алетиш смотрела на то, как он с лицом мраморной статуи, склонился над своей книгой. На нем была длинная черная туника с серебряным шитьем и широкими рукавами, широкие штаны, зауженные внизу и изящные сапоги. Девочка стояла во тьме, понимая, что не стоит даже пытаться подойти к нему. Это — его мир. И она в нем явно лишняя. Это Лорд уже дал понять ей.

Книга, которую он держал в руках, была в темном переплете с серебристым тиснением. Интересно, о чем она? Почему только она вызывает жалкую тень улыбки на его бледном лице? Очевидно, что он читает ее не в первый раз, периодически пролистывая несколько страниц. Дочитав ее до определенного места, Дивайн, встал и двинулся в сторону крытой колоннады. Ночной ветерок развеивал его волосы, а глупые ночные белоснежные бабочки, порхали над его головой, как в лунном сиянии блестели его браслеты и драгоценные камни на одежде. Он постепенно исчезал в ночном мраке дворца...

Девочка подошла к беседке и подняла книгу, пытаясь прочитать ее название, но там было написано только «Эссель Хидельбрант». Это имя было выгравировано серебром. На первой странице было написано: «Я знаю все ответы».

Открыв страницу наугад, Алетиш, прочитала:

Не верь улыбкам королей,

Не верь, прошу тебя, мой друг...

Ведь им всегда, по всей земле...
Предательства сходили с рук...
Она открыла еще одну страницу и прочитала:
Бессмертным страшно умирать,
Бессмертные не знают боли,
Бессмертным проще убивать,
Им не понять людской юдоли...
Им чужда горечь и любовь,
В них нет сомнений и терзаний...
Я повторял им вновь и вновь,
Что им — бессмертье в наказание.

Это были стихи. Непонятные, странные, витиеватые и какие-то...
горькие. Захлопнув книгу, Алетиш решила спросить судьбу, а потом
открыть на любой странице и прочитать ответ.

Закрыв глаза, она подумала о вопросе, на который ей безумно
хотелось получить ответ. Раскрыв книгу, она прочитала:

Смерть — свобода из вечного рабства,
Смерть — награда за боль и мытарства...

Девочка перечитала отрывок еще раз, пытаясь понять его смысл, но
слова неизвестного поэта так и оставались для нее загадкой. Алетиш
решила попробовать задать другой вопрос. Открыв на первой
попавшейся странице, она прочитала следующее:

... Кто в смерти ищет, тот найдет.
Любовь в отраду, в утешенье...
И даже Бог тогда придет...
У мертвых попросить прощенья.

Туманные слова, но что-то в них есть. Стоит попробовать задать
последний вопрос. Книга, словно живая открылась на нужной странице:

В небе над степью парил дивный Сокол.
Но в радости неба ему одиноко...
Ему, позавидовав, молвит Змея:
— Спустись! И увидишь, что видела я!
Когда ты летаешь, паришь в высоте,
Ты даже не знаешь о всей красоте!
И Сокол поверил, и Сокол спустился,
Восторгом открытий с Змеей поделился:
— Спасибо, что ты мне открыла глаза.

Ведь с неба увидеть все это нельзя.
Но Соколу небо милее земли,
Он хочет взлететь, чтоб не ползать в пыли.
— О, мой милый Сокол... Тебе ли не знать?
Пока ты ходил — разучился летать!
— Но я ведь без неба не смог бы прожить!
— А мне не охота с тобою дружить...
Я понимаю, что мир — очень тесен,
Но Сокол без крыльев мне неинтересен...

Странная книга, которая отвечает на вопросы, но ее ответы настолько туманны, что, слова пророчества становятся понятными лишь тогда, когда сбываются.

Что-то внутри проснулось и слегка коснулось сознания:

— Ты терзаешь себя, многократно думая, а «правильно ли ты поступаешь?» Что изменится, если я скажу, что неправильно?

— Хватит говорить загадками. Я все равно не понимаю ничего, — ответила Алетиш.

— Ты уже ступила на дорогу без возврата. Каждый твой шаг ведет тебя к неминуемому. Ты знаешь, о чем я говорю... — пропел голос, угасая.

— И что интересного ты узнала из книги? — спросил насмешливый голос, выводя Алетиш из состояния задумчивости

— Я знаю, что вы пришли сюда за книгой. Красивые, но бесполезные стихи, — сказала Алетиш, не оборачиваясь. — Я просто ее спросила о своем. Надеюсь, это — преступление?

— Я знал поэта лично, — растягивая слова, произнес Лорд Дивайн. — Он не был великим мыслителем, чтобы спрашивать у него совета. Он — ренегат из дома Тени.

— У него странное имя...

— Существует традиция. Имена детей из Дома Тьмы начинаются на «д». Имена детей из Дома Тени начинаются на «ш», а имена Дома Свтеа начинаются — на «а». У Анвеоритов такой традиции нет, — ответил Лорд Дивайн.

— Так он был Анвеоритом? — спросила Алетиш.

— Нет. Буква «э» говорит о том, что предки человека пришли из других домов. На букву «э» начинаются имена тех, в чьих жилах течет кровь нескольких домов. Подобные браки запрещены, но случаются. —

хрипло сказал Черный Принц, элегантно присаживаясь на каменную скамью. — История этого человека достаточно любопытна. Эссель Хидельбрант — выходец из благородной семьи... Настолько благородной, что его кровь течет в жилах всех доминаторов Дома Теней. Но однажды его стихи очень не понравились доминатору. И из-за каприза короля и собственного длинного языка, поэт вынужден был искать политического убежища. Он сменил имя и отправился в Дом Света. Но Дом Света не оценил его таланта, и стихи были запрещены и осмеяны. Удивительно, но он бежал к людям Анвеора, которые чуть не сожгли его, как еретика, когда тот вздумал утверждать, что Анвеор — это просто ловкий проходимец, и сочинить отнюдь не героическую поэму о происхождении людей. Но и снова судьба оказалась благосклонна к нему, и Эсселю снова удалось бежать. Тогда он пришел к Дому Тьмы, где мы с ним и познакомились. Он долгое время развлекал меня своим творчеством, но однажды мне не понравилась некая аллегория и сравнение меня с пресмыкающимся, и он оказался в тюрьме, приговоренный к смертной казни. Но я решил затянуть процесс и тогда, находясь в переходном состоянии души, между сумасшествием и здравомыслием он стал писать очень интересные вещи. Мне приносили наброски, которые удавалось у него отнять...

Дивайн вспомнил свой давний разговор с Эсселем.

— Твои стихи становятся все хуже и хуже, — заметил Лорд Дивайн, откладывая рукопись.

— Знаешь, иногда мне кажется, что я все видел в этой жизни. Я чувствовал все, что может почувствовать человек, — согласился поэт. — То, что раньше вдохновляло меня, теперь больше не вдохновляет.

— А что тебя вдохновляет? — спросил Лорд Дивайн.

— Ничего... Мне кажется, что я схожу с ума... Или это происходит на самом деле? Я смотрю на мир, и он постепенно становится серым, — грустно ответил поэт, — Я не знаю, способен ли кто-то заставить взглянуть меня на мир иначе...

— Это вполне возможно... — ответил лорд Дивайн.

— И ты способен на это? — удивился поэт.

— Да, это в моей власти... Я научу тебя ценить жизнь...

Это была не простая камера. Это была роскошная клетка для безумца. Сначала Эссель мирился со своим одиночеством сидя в

крошечной темноте, но постепенно тьма начала сводить его с ума. Он Эссель рвал покрывала ручной работы, но ему приносили новые. Он метался, словно обезумевший, рано поседевший, но по-прежнему красивый, большеглазый с нежными чертами лица... Безумец. Он то сидел, глядя в зарешеченное окно, изучая небо, то ходил по комнате, ударяя руками по всему, до чего мог дотянуться. Было такое, что он выл, свернувшись на полу, а потом ходил, держась за стены, боясь выйти на середину комнаты. А потом писал.

Дивайну нравились его новые стихи. В них было столько боли, что казалось каждая строчка резала душу, словно острый меч.

Лорд Дивайн мысленно улыбнулся, вспоминая бедного поэта.

Эсселя вывели на казнь на рассвете Дня Весеннего Равноденствия. Эту смерть он предчувствовал. Тем более, что уже больше месяца он не написал ни строчки. В тот день был страшный ветер. Эссель сидел в камере и пристально смотрел на свои руки. Его подняли, хотя он даже не сопротивлялся. Его повели, хотя он мог идти сам. Он шел, словно ребенок впервые, неуверенно ступая на землю. Его глаза расширились от удивления, восхищения, и от глупого детского восторга. Вот какое настоящее лицо мира, который больше тебе не принадлежит. Эссель пытался вдохнуть, как можно больше ветра, поймать, как можно больше солнца. Он водил рукой по траве, а потом вдыхал ее запах. Тьма в его душе отступила. Она пощадила и покинула глупого поэта перед лицом неизбежности. Его сердце было чисто, а душа уже прощалась с телом. Поэт ждал этого дня всю свою жизнь. И в последний миг он понял, что стихи не могут передать всего. Слова просто бессильны. И солнце выжгло остатки Тьмы в его душе. Той тьмы, что вдохновляла его ранее, доводила до иступления и изнеможения, заставляя писать только от боли, вдруг не стало. Нет, нельзя писать от боли и страдания. Нужно писать от счастья. Но слова и рифмы давно утеряны, заброшены. Не нужно писать. Нужно просто жить...

— Я же говорил тебе, что научу тебя ценить жизнь, — сказал Лорд Дивайн.

Казнь отменили. Эссель был помилован. Но он уже никогда не стал прежним. Никогда. Лорд Дивайн сломал свою любимую игрушку. Так почему-то происходило со всеми любимыми игрушками Дивайна.

«Алетиш... А-ле-тиш... — думал Лорд, — Игрушка. Бесценная игрушка в руках Лорда Шаэссы. Он поиграл ею и отдал ее мне. Но он

возьмет игрушку обратно. Заберет ее у меня. Потому, что он привык делать все чужими руками. На кону стоит очень многое. И у меня есть все шансы проиграть. Я никогда не исключаю такой возможности. А вдруг у него получится то, что он задумал? Тогда миру наступит конец. Но сначала умрет она. Знает ли девочка, что умрет? Знает ли она, что она — уже мертва? Что она всего лишь кукла, сломанная кукла? Знает ли она, для чего ее вернули в этот мир? Наверное, нет. Она — не цель. Она — средство. Что руководит ею? Что диктует ей поступки? Откуда эти слабости, присущие человеку? Неужели она не замечает то, как она смотрит на меня? С преданностью собачки, которую стоит только позвать, как она оближет тебе руку? И знает ли она, что она для чего она мне нужна? Изменилась бы она, узнав об этом? Или осталась прежней? Время покажет».

Глава XX. Принцесса Дома Тьмы

Глава XX. Принцесса Дома Тьмы

Глава XX. Принцесса Дома Тьмы

В ту ночь Лорду Дивайну приснился странный сон. Это было одно из воспоминаний, которое ему не давало покоя. Несколько лет назад, он ехал на встречу с Орденом Людей Анвеора дабы не допустить глупого кровопролития и бестолковой войны, подогреваемой Шаэссиным энтузиазмом и амбициями. Он тогда еще не знал, что задумал Шаэсса, а тот не спешил делиться своими планами. В тот момент ему показалось, что Доминатор Дома Тени решил уничтожить Анвеоритов руками Дома Тьмы. Анвеориты решили организовать встречу с Доминатором Дома Тьмы, втайне от Шаэссы.

Дивайн не любил эскорты, тем более визит должен был быть неофициальным. При помощи магии Лорд мог перемещаться только в границах своих владений, поэтому в тот день он скакал верхом в сопровождении нескольких инфорсеров и одного пасфайндера. Стоило ему покинуть свои владения, как возле какого-то поселка под ноги лошади бросилась нищенка. Лорд едва успел притормозить коня. Это досадное недоразумение чуть не стоило ей жизни. Она держалась уверенно, так и не понимая, кто находится перед ней. Нищенка попросила Дивайна спешиться и протянула ему сверток, в котором находился младенец. Крестьянка рассказала, что у них, людей Анвеора

есть обычай назначать Хранителя Души новорожденному ребенку. В ее селе все считают ее ведьмой, поэтому никто не согласился стать Хранителем души новорожденного дитя. Это означает, по традиции, что нужно выйти с ребенком на дорогу и первый встречный просто обязан стать Хранителем Души, вне зависимости от других обстоятельств... Дескать, судьба сама приведет нужного человека. И этим человеком она видит его, благородного рыцаря. Дивайн предложил одного из сопровождающих, но она категорически отказалась. Тогда она встала на колени, и протянул ему этого ребенка. Она умоляла взять его на руки, иначе удача отвернется от рыцаря навсегда. Женщина сказала, что взамен предскажет его судьбу, ибо она, ведьма, умеет это делать. Это становилось забавным, и Лорд согласился. Он держал в руках ребенка, укутанного в грязные тряпки, а мать что-то шептала. А потом, когда брала его из рук Лорда, внезапно побледнела. Она сказала, что начнется война. И на свое горе и горе дитя она повстречала на его на пыльном тракте. Она смотрела Дивайну в глаза и говорила странные вещи. Вещи, о которых не могла знать. «Он думает, что сможет все сам, но он слишком юн. Скоро он придет к тебе и попросит помощи. Он раскроет тебе свой замысел. Сначала ты подумаешь, что это — невозможно, но все будет так, словно кто-то невидимый давал вам подсказки. Ты захочешь отомстить, а он обрести невероятное могущество».

А потом нищенка заплакала, прошептав: «Она придет к тебе, не помнящая родства, ни мертвая, ни живая... Ты назовешь ее розой, но она рассыпется в прах на твоих руках. Она — пешка в игре между тобой и другим. Каждый ход сокращает ей жизнь. Она погибнет, но на закате умрет один из вас».

Дивайн пытался найти эту нищенку, чтобы понять, как она могла знать о том, что произойдет. Теперь он понял, что имела в виду нищенка, случайно встретившаяся ему на пыльном тракте.

Он должен знать точно. Он не должен ошибиться. Если это та девочка, то...

* * *

Алетиш стояла посреди черного зала. Рядом стоял Лорд Дивайн. Он положил свою руку ей на плечо и тихо сказал на ухо:

— Смотри, девочка, перед тобой сейчас появятся три человека. Их приведет стража. Среди них — два преступника и один невиновный. Всем им грозит смертная казнь. На столе лежат три карты. Алетиш мельком взглянула на карты. Черные вензеля, черепа пронизанные шипами роз. Все карты — одинаковые.

— На них нет имен, есть лишь символ, который означает конкретного человека. Точно такой же символ есть на теле каждого из обреченных. Готова ли ты вершить судьбы этих людей? — с насмешкой сказал Дивайн.

— Если так нужно... — тихо сказала Алетиш.

— Мне нужен конкретный ответ! — повысил голос Лорд Дивайн. Ему начинала нравиться эта игра. В ней была некая новизна, и ему было интересно, чем она закончится.

— Да, — твердо сказала Алетиш. В душе она чувствовала смятение, ибо понимала, что ценой ее ошибки будет человеческая жизнь. Лорд Дивайн не умел играть по-другому, — Я сделаю это.

— Не обольщайся, это только начало... — улыбнулся Лорд Дивайн, предвкушая зрелище. — Если ты пройдешь все испытания, то сможешь попросить меня о чем угодно, и я даю слово, что выполню это, если это окажется в моих силах. Так или иначе, человек, которого ты выберешь, будет жить. Даже, если это — преступник... Твоя цель — найти невиновного.

— Я готова, — кивнула Алетиш.

Дивайн дал знак, и в зал ввели трех человек.

— Да... Я хочу сказать тебе только то, что ты не имеешь права разговаривать с обреченными, — улыбнулся Лорд Дивайн.

В зале раздались многократным эхом звуки шагов, и под конвоем привели троих. Один из них — мужчина средних лет, преисполненный благородства. Он равнодушно смотрел впереди себя, казалось, не замечая происходящего. Второй, как ни странно, оказалась девушка. Она была очень мила. В ее огромных глазах застыла немая мольба. Третьим был молодой человек с довольно неприятным лицом. На его лице играла зловещая ухмылка.

— Итак, моя провидица, что ты скажешь, — улыбнулся Дивайн.

— Разрешите к ним прикоснуться... — негромко сказала Алетиш.

— Разрешаю. Только помни, что если ты скажешь им хоть слово, или они произнесут хоть слово, то я казню всех. А тебя будет ждать

наказание.

Алетиш, подобрав подол платья, спустилась к обреченным. Первым она взяла за руку немолодого мужчину. Она постояла так с минуту, закрыв глаза, а потом медленно перешла к девушке. Та, протянула ей свою холодную, дрожащую руку. Алетиш посмотрела ей в глаза и взяла за руку молодого человека. Тот пристально посмотрел на нее, но Алетиш не отвела взгляда.

Она молча подошла к столу и ей завязали глаза черной шелковой лентой. Было видно, как она улыбается. Она вытащила карту и подала ее Лорду Дивайну.

— Как это мило, но ты ошиблась, — снисходительно сказал Лорд Дивайн. Он поднял карту вверх. На карте была изображена белая роза. Стражник сдернул одежду с груди девушки и все увидели белую розу.

— Ты оправдала убийцу своего отца, — страшно засмеялся Лорд Дивайн.

— Подождите, выслушайте меня, — дрожащим голосом сказала Алетиш. — Мужчина, который стоит слева, тот который постарше, барон. Он обманом заманивал к себе в поместье красивых девушек, обещая им место служанки, потом истязал и убивал их в своем подвале. Я вижу семнадцать тел. Одной девушке удалось вырваться. Она, изувеченная, и рассказала о его злодеяниях. Правосудие найдет его завтра, в полночь. Девушка, которая стоит посередине, обвиняется в убийстве своего отца. Она отравила его. Но... Отец, от горя сошедший с ума, регулярно измывался над ней после смерти матери. Он избивал ее каждый день. Однажды она встретила человека, которого полюбила. Но ее отец убил его. И тогда она, пытаясь вырваться, нанесла удар, который стал смертельным для сумасшедшего старика.

Молодой человек, которого правосудие посчитало невиновным, и который является Вашим верным слугой, семь лет назад, будучи еще подростком, оклеветал женщину, обвинив ее ужасных вещах, которые она не совершала. Ее казнили. Вот оно — мое правосудие. Я не знаю Ваших законов, но он заслуживает смерти гораздо больше, чем девушка, которая убила своего отца.

— Это правда? — спросил Дивайн, обращаясь к своему слуге.

— Я... я... не виновен... Мой лорд, вы обещали....- молодой человек побледнел.

Лорд Дивайн застыл на месте, словно каменное изваяние. Он

сделал жест, чтобы осужденных увели. Увели всех троих.

— Я выполню свое обещание. После того, как все сказанное тобой будет проверено. У меня есть свои методы. Думаю, что мы обойдемся одним испытанием, — задумчиво сказал Лорд Дивайн. — Каково будет твое желание, в случае, если ты оказалась права?

Алетиш сглотнула. Она поняла, что не может сказать его. Она не может даже вымолвить то, о чем хотела попросить.

— Я не люблю ждать, — бросил Лорд Дивайн.

Алетиш набралась смелости и произнесла его. Она покраснела и опустила глаза.

Что творилось в тот момент в душе Лорда Дивайна, описать было невозможно. С одной стороны, его держало, данное слово, которое, между-прочим, значит гораздо больше дворца из золота, с другой стороны желание казалось абсурдным, невыполнимым, невозможным. Он даже узрел в этом некую насмешку. Оставшись один, Дивайн рассмеялся. А потом, взяв себя в руки, задумался.

— Я не могу дать тебе то, о чем ты просишь... Но я дам тебе нечто другое. Знаешь, что это такое? — спросил Лорд Дивайн, показывая ей перстень с черной печаткой.

— Кольцо... — едва слышно сказала Алетиш.

— Это — перстень Дома Тьмы. Моей семьи. Моего рода. Владелец такого перстня сможет отдавать приказы наравне со мною. Владелец этого перстня будет взят под мою защиту. Но ты обязана подчиняться мне, как главе Дома Эндор. Я жалую точно такой же перстень тебе. Если ты примешь тьму.

Девочка растерялась:

— Я не уверена, что стоит это делать... Свет есть во мне! И Тьме закрыт путь в мою душу.

— Ты присягнешь мне на верность? — величественно спросил Лорд Дивайн, глядя на девочку.

— Я не знаю, как это делается...

— Просто встань на колени и скажи: «Я присягаю на верность Дому Тьмы».

— Пойдите! Если я присягну на верность Дому Тьмы, то все остальные станут моими врагами? Не так ли? Дом Тени станет моим врагом? Если будет война... — начала девочка, порываясь снять перстень.

— Войны не будет! — с нажимом сказал Лорд Темного Дома, — Война — это когда скрестились два меча. Каждый меч — это меч правды. У каждого она своя. Правда подкрепляется верой. Чем фанатичнее вера, тем крепче сталь. Но, правда, она на то и правда, что у каждого своя. В войне Домов, когда два меча правды готовы лязгнуть друг о друга, появляется еще один меч. Меч истины. Тогда, чаще всего, мечи правды ломаются о меч истины, — Лорд Дивайн задумчиво улыбнулся, — Лорд Шаэсса хочет сломать меч истины, чтобы обрести небывалое могущество. Но для этого нужно, чтобы я тоже вытащил свой меч.

Лорд Дивайн вспомнил слова нищенки и задумался. Умрет один из бессмертных.... Он или Шаэсса...

— Значит, вы друг друга ненавидите? — обреченно спросила Алетиш.

— Не меряй наши чувства человеческой меркой. Ты много не знаешь. Тебе знать это не обязательно. Но я сделаю все, чтобы не допустить войны. Я нашел способ.

— Что будет, если я присягну? — спросила девочка.

— Ты будешь под моей защитой. Возможно, тебе удастся спасти тысячи жизней. А еще я скажу тебе то, что ты хочешь знать... — ответил Лорд.

— Я согласна... — сказала девочка.

* * *

— Как ты мог? — голос Шаэссы дрожал от гнева. Он задыхался, пытаясь опереться на спинку кресла.

— Я пожаловал ей перстень своего дома, — насмешливо сказал Дивайн, — А тебе знакомы законы. Теперь девочка вне твоей досягаемости. Ты проиграл. Осознай это и успокойся.

Шаэсса поднял свои прекрасные глаза, и в них появились слезы.

— Можешь топтать ногами, можешь кричать, но ты уже проиграл.

— Значит, проиграл.... - сказал Шаэсса, с горечью в голосе.

— Ты всегда был таким наивным и глупым мальчиком, — снисходительно произнес Лорд Дивайн, упиваясь чужой болью, — Тут ситуация безвыходная. Признай свое поражение. Ты проиграл, Сокол!

— Нет, это — невозможно, Змей.

— Гордость? Интересно, откуда она взялась? Ну что ж... Дело за малым... До скорой встречи, Сокол, — сказал Дивайн, понизив голос, и зеркало потухло.

Шаэсса моментально вытер слезы и неприятно улыбнулся. Хороший ход. Я бы даже сказал, что он — лучший при всех раскладах. Браво! Дивайн! Браво! А судя по последнему представлению — ты окончательно убедился в моем проигрыше. Откуда у тебя такое горячее желание держать меня под колпаком? Хочешь мною манипулировать? Как марионеткой? Я буду подыгрывать ровно столько, сколько нужно, чтобы отвлечь твоё внимание.

* * *

— Мир меняется, лишь луна неизменна. Его видели тысячи поколений. Я вижу ее уже почти две эпохи. И она не изменилась. Она смотрит на нас с небес и ей все равно. Ее видит нищий, ночующий под открытым небом. Ее видит король, вышедший на балкон роскошного дворца. Она для всех одна. Луна не знает ни справедливости, ни любви. Она лениво и равнодушно смотрит из вечного черного холода небесной тверди на твердь земную. Думаешь, она запоминает наши лица? Отнюдь. Они давно слились для нее в одно мутное пятно. Я смотрю на мир два тысячелетия. Вокруг изменяется все, а я уже и не замечаю этого. Мне служили прапрапрадеды нынешних слуг. Я даже не помню всех лиц. Сначала я запоминал, а потом понял, что это бессмысленно, — лорд Дивайн провел рукой по волосам девочки и жестоко улыбнулся, — Удивительно, не правда ли? У меня есть вечная жизнь и сила. У меня есть власть и знания. У тебя — жалкое подобие жизни. Угасающее тело и тлеющая в нем чужая душа. Вот то. Что ты из себя представляешь... Ты идешь к своему неизбежному концу. Ты — жалкое создание. Ты шагаешь по лезвию меча без смысла и без цели. Ты боишься смерти, но идешь ей навстречу. Тебя создали, чтобы с твоей помощью уничтожить старый мир и создать новый. В твоё полумертвое тело вложили новую душу, но она не убила тебя. Но когда-нибудь это обязательно произойдет... Но твоя борьба удивляет меня. Не каждому дано сохранить себя в такой ситуации. Многие, даже более сильные люди,

теряли себя. Но ты борешься. Ты сражаешься за свою никчемную жизнь. А это заслуживает уважения. Я забуду твоё лицо, как только ты уйдёшь. Я забуду цвет твоих глаз, как только ты их закроешь. Я забуду твой голос, как только уста твои смокнутся. Вы для меня, словно розы в моем саду. Вы все чем-то похожи. Завянет одна — появится другая. Нет пустоты, которая заставляет запоминать каждый лепесток, каждое соцветие, а потом воскрешать в памяти призрак розы, которая отцвела много лет назад.

— Я для Вас тоже роза? — спросила девочка, положив голову ему на колени. Её юбка черными волнами легла на древние обсидиановые плиты.

— Как ты хочешь, чтобы я ответил?

— Я хочу услышать правду.

— Она тебе не понравится, Алетиш, — лорд Дивайн тонкими пальцами поправил прядь её волос. А потом, склонившись низко над её ухом, прошептал:

— Лучше я солгу. Тебе будет приятнее это слышать. Для меня — ты бутон. Я ждал, что он раскроется, но ему не суждено оправдать мои ожидания. Сколько бы я не держал его в руках, сколько бы я не поливал куст, на котором он появился — все бесполезно. Бутон просто засох. Я боюсь протянуть руку, потому, как знаю, что он от моего прикосновения рассыплется в прах. Но однажды, я все-таки коснусь его. Если у меня не хватит сил это сделать — это сделает ветер. Но я буду помнить. С чувством странного сожаления.

— Я боюсь рассыпаться в прах... — Алетиш прикрыла глаза, вспоминая странный сон. — Я так боюсь... Это так страшно... Рассыпаться в прах, так ничего важного в жизни после себя не оставив...

— Громко сказано. У людей есть странная потребность оставлять что-то после себя. Можно оставить память. А можно следы... Это тоже самое, что ты сейчас возьмешь в руки камень и будешь с усердием, достойным лучшего применения, не жалея маленьких ручек, царапать поверх старинной фрески свое, ничем не примечательное, имя. Шесть корявых букв — это следы. Фреска — это память. Кто не может оставить память — оставляет следы, — в голосе лорда Дивайна прозвучала насмешка.

— А Вы не хотели бы сами остаться в истории? — Алетиш

потерлась щекой о его бархатную перчатку.

— Мне нет смысла это делать. Я ведь никуда не ухожу, — равнодушно сказал Темный Принц.

— Вы говорите это с гордостью или сожалением?

— Не ищи скрытого смысла там, где его нет. Я не люблю иносказаний и витиеватостей.

— Вы всегда будете рядом? — спросила она, целуя его ладонь.

— Только лишь до твоей смерти... Твоя жизнь принадлежит мне... Даже по вашим законам, — глаза Лорда Дивайна смотрели безотрывно на розы. На его глазах одна из роз роняла лепесток за лепестком.

— Значит, умирая, я буду знать, что мы расстанемся? Навсегда? — девочка смотрела на звезды, и они смотрели золотыми глазами ей в душу. Она ждала ответ.

— Да, — холодно и равнодушно ответил доминатор Дома Тьмы

— Ты никогда не найдешь себе королевы, Лорд Дивайн. Такой же бессмертной и жестокой, как ты, — прикрыв глаза, прошептала Алетиш.

— А ты никогда не будешь любима. Это правда. Ты не заслуживаешь любви. Как и многие в этом мире. Любовь — это странный подарок, который судьба дарит немногим. И всегда — просто так. Ты его никогда не получишь. Так же как и я.

— Скажи мне, Лорд, знаешь ли ты свою судьбу? — спросила Алетиш, положив свою руку поверх его.

— Нет. Я не хочу ее знать.

— Что будет дальше?

— Тебе виднее. Не стоит об этом думать. Все равно это ничего не решит. Я все решу за тебя.

— Если скажешь мне умереть — я умру... Если скажешь жить, я буду жить. Но если скажешь уйти, то я...

— Не сомневаюсь.

— Жаль, что люди не бессмертны... — вздохнула Алетиш.

— Зачем вам бессмертие, если вы свои жизни тратите впустую? Если бы вы хотели — вы бы успели сделать все, что вам нужно еще при жизни. Думаешь, что благодаря бессмертию появились бы великие картины, великая музыка? Вовсе нет. Вы бы сидели, сложа руки, думая о том, что вы с тем же успехом сделаете все завтра. Вам некуда торопиться. Вас ничто не подгоняет. Вы знаете, что впереди — вечность. Прогресс был бы потерян навсегда. Бессмертные люди быстро

побежали бы плодиться, заселяя землю себе подобными. Постепенно мир наполнился людьми, которых не в силах прокормить. А дальше — голод, нищета. А это — уже не жизнь, а существование. Потеряется смысл жизни... Как бы тебе это объяснить? Перед тобою тарелка с едой. Ты прекрасно знаешь, что скоро ее у тебя отберут. Что ты делаешь? Ты постарайся съесть все, как можно быстрее. Это логично. А если ты знаешь, что у тебя ее не отберут никогда? Разве ты будешь торопиться?

— Если я голодная, то — возможно, — пожала плечами Алетиш.

— Хорошо, ты насытилась, но еды еще очень много... Ты будешь есть медленно, пытаясь распробовать, найти новые оттенки вкуса... А потом тебе будет просто скучно, и ты будешь ковырять ее столовым прибором, размазывать по бортикам тарелки... Вот на таком глупом примере легко показать, чем отличается вечность от мига.

— Но наверняка в мире есть еще бессмертные? — задумчиво проговорила Алетиш.

— Шаэсса Харцблайнт. Серый Король. Он тоже бессмертный, как и я, — сказал Дивайн, откидывая голову.

— Я думала, что все бессмертные одинаковы. Это все из-за камня, который бьется внутри вас вместо сердца? В Улитке была книга, в которой я прочитала о бессмертных. А еще кто-то есть?

— Ты не перестаешь меня удивлять, девочка моя, — улыбнулся Лорд Дивайн, прикасаясь к ее руке, — Да, есть еще один бессмертный.

— Кто? — удивилась девочка.

— Я не знаю, но очень хотелось бы знать, — спокойно пояснил Лорд Дивайн.

— А откуда тогда известно, что есть еще один бессмертный?

— Просто, согласно древнему закону распределения сил, мир способен вынести присутствие не более трех бессмертных. Всегда три. Хотя нет, иногда появляется четвертый, но это означает, что один из нас должен умереть. Мать Шаэссы была бессмертной. Потом она дала жизнь сыну, подарив ему бессмертие. Тогда мы почувствовали, что баланс сил нарушен. Тогда мы почувствовали присутствие четвертого. Мать Шаэссы просто хотела иметь ребенка, поэтому не задумывалась о последствиях. Пока Шаэсса не вступил в полную силу, мир терпел присутствие четвертого, но как только сила Шаэссы проявилась, стало понятно, что кто-то должен был умереть. Шализ, мать Шаэссы, хотела найти этого таинственного бессмертного и уничтожить его при помощи

одной древней реликвии, но судьба распорядилась иначе. Когда она почувствовала, что сын вступает в полную силу, она подставила себя под удар, поскольку из всех нас он был самым слабым, и умереть должен был бы именно он. Она дала ему вторую жизнь, отдав свою. Я никогда этого не понимал.

— А у тебя есть наследники? — спросила Алетиш, отчего-то сильно смутившись.

— Зачем иметь наследников, если ты — бессмертен? Бессмысленно, — пожал плечами Лорд Дивайн.

— Зачем нужна эта война, о которой все говорят? — спросила Алетиш.

— Мне она ни к чему.

— Ты ненавидишь Шаэссу? Презираешь?

Дивайн не ответил. Он думал о том, что звезды такие же, как были тысячу лет назад.

— Ты видишь мое будущее? — спросил Лорд.

— Нет... Это получается только тогда, когда я чувствую боль... — грустно ответила девочка.

Глава XXI. Месть Черной Принцессы

Глава XXI. Месть Черной Принцессы

Глава XXI. Месть Черной Принцессы

Лорд Дивайн только что вернулся из пыточного зала. Он чувствовал себя так, словно ему только что плюнули в лицо. Хотя никому и никогда еще не удавалось это сделать, он явно чувствовал себя отвратительно. Где-то в глубине его души закралось сомнение. Он даже предположил, что кто-то разболтал девочке тайну, но он понимал, что это — невозможно. Девочка всегда была при нем, и он не спускал с нее глаз. Дивайн вспомнил нищенку на пыльном тракте, вспомнил, как она коснулась его руки, вспомнил, ее слова и завернутого в грязное тряпье ребенка. Тогда никто не спросил, хочет ли он, Дивайн, знать свое будущее?

Дивайн стоял на балконе, опираясь руками на перила из черного мрамора.

Если это — правда, то жаль было бы ее терять... Дар делает девочку бесценной. Откуда у нее это? Он молча смотрел, как Алетиш гуляет в саду, как она положила руку на его мраморное изваяние.

«Только тогда, когда я чувствую боль...»

Лорд Дивайн вспомнил ее слова. Он знал, что причинит ему боль. Возможно сильную, несравнимую с другой болью. Это причинит боль и ему. При других обстоятельствах он бы просто убил ее на месте, но в этом случае, ему придется выбирать.

Алетиш вздрогнула, когда ей на плечо легла его тяжелая рука.

— Вы узнали правду? — спросила Алетиш, глядя ему в глаза.

— Да, — ответил Дивайн, беря ее за руку.

— Я была права? — спросила Алетиш. В ее голосе прозвучала насмешливая нотка. Она ничуть не сомневалась в своей правоте.

— Да, — ответил Лорд Дивайн, — Помнишь, ты загадала желание, в обмен на награду за испытания?

— Я освобождаю Вас от выполнения данного желания, потому, что вижу, по Вашему лицу, насколько оно противно Вам, — насмешливые нотки сменились невыразимой грустью, — Вы мне ничего не должны. Вы итак сделали для меня очень многое. Я освобождаю Вас от данного мне слова.

Лорд Дивайн молча смотрел в ее глаза. Он почувствовал, что девочка тоже играет. Играет в свою игру. И ей удалось на секунду подчинить его себе, победив Дивайна, его же оружием. Она, словно приставила меч к его горлу. Он почти физически ощутил его лезвие. А потом милосердно убрала его и спрятала в ножны. В этот момент ему хотелось взять ее шею рукой и сжимать до тех пор, пока она не задохнется... Он смотрел в ее глаза, в которой отразились боль, ужас и печаль. Дивайн словно очнулся. Он не заметил, как схватил ее за шею. Его пальцы сдавили ей горло. Черный Принц понял, что отступать некуда. Он не будет играть в ее игру. Хотя, при любом раскладе, это — ее игра. Значит, награда, должна быть похожей на наказание.

Он притянул ее к себе, слегка ослабив хватку, наклонил голову и поцеловал. Он почувствовал, как все его тело охватывает боль, словно к его губам приложили раскаленный меч. Наслаждаясь мыслью, что ни он один чувствует тоже самое, Лорд Тьмы, впился губами в ее губы, чувствуя, как дрожит ее тело. Эта невыносимая боль, которая разливалась между ними, эта пытка, которую трудно сравнить с чем-либо. Черный Принц не хотел прекращать ее. Он просто не мог понять, что с ним происходит. Он впервые почувствовал собственное могущество. Чем сильнее была боль, тем страшнее его сила. Сейчас он

просто упивался каждой каплей своей боли. Его магия возвращалась к нему, и он хотел узнать, есть ли у нее предел. В мире существовал только он и его сила, с которой он боролся, которая заставляла его сердце наполняться кровью. И тут он понял, что еще немного и поцелуй из пытки превратится в казнь. Лорд Дивайн отпрянул и почувствовал, как тело девочки бессильно оседает на землю. Он подхватил ее.

— Удивительная игрушка... — с наслаждением подумал Дивайн, — Лучший подарок, который могла бы подарить мне судьба. Она — лишь зеркало, которое отражает меня самого.

Внезапно его мысли омрачились тем, что наступит время и с игрушкой придется расстаться... Теперь он ничуть не жалел, что сделал ее частью своей семьи.

Внезапно он услышал ее голос:

— Послушай меня, Темный Принц. Смерть склонилась над Вами, бессмертными, выбирая свою жертву. Исход не ясен, но прольется много крови... Война будет. Каждый получит то, что хочет, но никто не будет счастлив.

— Нет, Шаэсса, — сказал сам себе Лорд Дивайн с улыбкой. — Ты ее не получишь! Она — моя, и мне плевать на твои планы и амбиции. Это удивительное создание будет моим до самой смерти. Она будет принадлежать только мне.

* * *

Это было больше похоже на странный сон. Когда Алетиш очнулась, ей показалось, что все произошедшее было сном. Девочка чувствовала слабость в теле, отголосок боли, но она привыкла к этой боли. Значит, это был совсем не сон. Это было наяву... Все вдруг изменилось. Впервые глядя в зеркало, она не испытала чувства ненависти к своему отражению. Алетиш с любопытством разглядывала себя, пытаясь понять, почему Лорд Дивайн так поступил. Неужели в ней есть что-то такое, что заставило его смягчиться? Ее сердце дрогнуло. Но кроме этого странного чувства в ее душе была острая боль, жгучий стыд, стоило только подумать о перстне, новом статусе и о своем желании. Шаэсса... Его имя заставляло шевелиться осколок боли в сердце девочки. Если бы он предложил ей стать частью его дома, то она

бы согласилась? Рядом с Лордом Шаэссой нет ощущения того, что он ни во что ее не ставит. Рядом с ним она могла забыть обо всем на свете. Рядом с Лордом Дивайном она всегда знала свое место.

Алетиш подошла к зеркалу и посмотрела в глаза самой себе, поправила локон и скривила губы в улыбке. Ей впервые она себе очень понравилась. Она была похожа на холеную, бледную аристократку с утонченными чертами лица и немного грустными, но глубокими глазами, изящно подчеркнутыми макияжем. А потом, немного раздумав, дохнув на зеркало, она стала рисовать символ. Ее давно терзала загадка, что означает таинственный знак, которому ее научили Оникс и Чароит. Теперь, когда рядом не было никого, она решила попробовать нарисовать его на зеркале. Зеркало засветилось так, что Алетиш зажмурилась и сделала шаг назад. Она совсем не ожидала, что что-то случится. И тут она услышала голос:

— Я немного удивлен, — сказала зеркало. Оно уже не отражало комнату в черных тонах. Она увидела алые гобелены и резное кресло. На кресле сидел, закинув ногу на ногу, Лорд Шаэсса. Девочка потеряла дар речи.

— Или тебе удобнее разговаривать, не видя моего лица? — немного насмешливо спросил Шаэсса, — Что ты хотела, девочка моя?

«Он не знает! Он ничего не знает! Правда, вся роскошная обстановка за мною, драгоценности на мне не соответствует статусу пленницы! Он поймет! Перстень! Я не буду его показывать!»

— Я... я... случайно... — проговорила Алетиш, пряча руку за спину.

— Не бойся! Об этом никто не узнает. Кстати! Прими мои самые искренние поздравления! Твоя молниеносная карьера при дворе Темного Дома достойна аплодисментов. Такое еще никому не удавалось! Как тебе удалось покорить Лорда Дивайна... А! Впрочем, неважно! Итак, как правильно к тебе обратиться? Алетиш Эндор? Принцесса Черного Дома?

— Разве? — удивилась девочка, поворачивая на пальце перстень.

— Разумеется. Тебе жаловали больше, чем просто колечко, но и титул, власть, как члену правящего дома и благосклонность его главы. Почему у тебя отдельные покои? Да, кстати, хотел уточнить, кем ты теперь ему приходишься? Дочерью? Женой? Сестрой? — глаза Шаэссы насмешливо смотрели на Алетиш, которая уже сожалела о том

необдуманном шаге, который совершила, рисуя знак на стекле.

Девочка молчала. Она вдруг похолодела и протянула руку, чтобы стереть символ, но Шаэсса улыбнулся.

— Но я не обиделся, — мягко и немного грустно сказал Шаэсса, — Я просто удивлен. Как быстро крестьянская девочка, дочь ведьмы, стала принцессой Дома Тьмы...

— Что ты сказал? Ты знаешь мое прошлое? Ты знал и молчал? — воскликнула Алетиш.

— Какое у тебя первое осознанное воспоминание? Оно совсем недавнее, не так ли? А ты никогда не думала, что было с тобой, раз ты даже имени своего не помнишь? А-ле-тиш... Это имя я придумал тебе за неимением другого. Просто оно мне нравилось. Я мог назвать тебя Изабель, но Алетиш мне понравилось больше. Алетиш — это искаженный вариант Летиции. Летиша — вот звучание этого имени в некоторых провинциях. Я просто переставил букву «а» из конца в начало. Получилось красиво. Но раньше тебя звали Блисс. Тебе ничего не напоминает это имя?

Блисс! Блисс! Маленький колокольчик в лесу! Кто — то зовет ее «блисс-блисс». Капает маленькая капелька со старой крыши. Блисс — листик плавает в разохшейся бочке... Блисс....

Девочка дернулась и присела на ковер.

— Помнишь, как ты рассказывала сказку? Теперь я расскажу тебе сказку... Жила-была девочка, вместе со старой и больной матерью.

Алетиш упала на колени перед зеркалом. Картинки, словно листья, поднятые ветром, промелькнули перед ее глазами. Мама! Мамочка! Больно!

— Однажды ее мать обвинили в колдовстве и вместе с дочерью вытащили на опушку леса, — продолжал Лорд Шаэсса.

«Мама! Не трогайте маму! — шептала Алетиш, корчась на полу.

— Женщину убили, а девочку истязали до полусмерти и бросили умирать, — сказал Шаэсса с горечью.

— Где это было? — девочка подняла взгляд, — Отвечай мне! Как называется селение?

— Я все скажу, моя принцесса. Ты навсегда останешься самым дорогим, что есть у меня. Это — небольшая деревенька в приграничной полосе. Отсюда — пять часов езды. Сначала — по великому тракту, а потом можно свернуть к Улитке. Там у мертвого озера поверни направо,

а дальше нужно ехать по прямой.

Алетиш молча думала.

— Вот как оно бывает... Ты нежишься в мягкой постели, а твоя мать лежит в сырой земле, а мучители плюют на ее могилу... — продолжал Шаэсса. — Но ведь месть — это не выход. Пусть мучители и дальше живут спокойно, а твоя мать, которая подарила тебе жизнь, которая любила тебя больше всех на свете, лежит на деревенском погосте, забытая всеми. Даже родной дочерью.

— Я... хотела бы увидеть ее могилу... Но... Я не смогу сбежать... — ее мозг лихорадочно соображал. Девочка вертела кольцо.

— Это кольцо — не простое украшение. Покажи его инфорсерам. Я бы на твоём месте не стал бы ехать в одиночку.

— Но Лорд Дивайн меня не отпустит... Но я очень хочу туда поехать! Очень.... — в сердцах воскликнула девочка.

— Могу тебе помочь. Я просто обязан тебе помочь, моя принцесса. Я немного отвлеку его внимание. Я желаю тебе удачи, — сказал Шаэсса, посылая девочке воздушный поцелуй.

— Он просто пожаловал мне кольцо! Я... я... — задыхаясь, сказала девочка, нервно теребя подол платья.

— Я знал, — улыбнулся Шаэсса, — Я знал, что ты — моя, принцесса. Я люблю тебя, Алетиш. Больше всех на свете. И желаю тебе только добра. А теперь слушай меня внимательно. Прикажи инфорсерам ждать тебя у восточной границы и у южной. Сама поезжай к южной. Ты умеешь ездить на коне?

— Нет... — задумчиво сказала Алетиш.

— Тогда возьми карету. Покажи перстень, и они дадут тебе ее. Если возникнут вопросы, то скажи им, что они обязаны подчиняться тебе. Не бойся. Дивайна в замке не будет. Как только он покинет замок — действуй. Я найду тебя. До скорой встречи, моя принцесса. Главное, ничего не бойся!

* * *

— Мой лорд, — прошептал слуга, задыхаясь, — на нашей границе стоит отряд Серых.

— Шаэсса... — улыбнулся Дивайн, — Неужели ты так нетерпелив?

Сколько их?

— Не знаю... С ними много магов, — сказал слуга, пригибаясь.

— И что?

— Они требуют Вас, — сказал слуга, понимая, что гонец, принесший плохие вести — обречен.

— Хорошо. Так даже интересней, — улыбнулся Дивайн, погладив по голове, сидящую рядом девочку.

— Я вынужден покинуть тебя. Наш общий знакомый немного расстроился и требует сатисфакции. Он решил пойти самым примитивным путем. Ну что ж...

— Не уезжайте... — прошептала Алетиш, целуя его руку. Она уже жалела о том, что ничего не рассказала Лорду Дивайну.

— Не нужно... Это... — слова застряли в ее горле. Он убьет ее, узнав о том, что она собирается сделать. Но, возможно, она не делает ничего плохого? Он сам учил ее принимать решения и отвечать за свои поступки. Если она обратиться к нему за помощью, то он посчитает ее слабой, недостойной.

Лорд Дивайн уже уходил, а она смотрела ему во след, понимая, что ей тоже предстоит принять решение.

* * *

Карета стучала колесами по разбитым дорогам. Еще немного. Алетиш дрожала от нетерпения, переворачивая на пальце кольцо. Инфорсеры знали дорогу. Ей было как-то беспокойно. Она до конца не была уверена в том, что поступает правильно. Но душа ее требовала мести.

— Решила отомстить? — спросил внутренний голос.

— Да, — грустно сказала Алетиш.

— И боишься гнева Лорда? — спросил голос.

— Не знаю... — сказала Алетиш, поворачивая кольцо в сотый раз.

— Мсть — это самое сладкое, что можно себе представить. Думали ли они, когда мучили тебя, о том, что ты приедешь в роскошной карете? Думали ли они, когда убивали твою маму, что ты приедешь с инфорсерами? Поиграй с ними. Не убивай их сразу. Насладись. Они должны запомнить этот день, но перед этим пускай вспомнят тот. Не

бойся. Такое бывает раз в жизни. После этого тебе будет все равно.

— Неужели? — удивилась Алетиш.

— Поверь мне... Мы уже почти у цели.

* * *

Лорд Дивайн стоял на границе, скрестив руки на груди. Войско должно было прибыть позже. Хотя с отрядом магов он разберется быстрее, чем понадобится помощь.

По ту сторону границы стояли маги. Они молчали, словно ждали того момента, когда Лорд заговорит сам. Территориально граница нарушена не была и маги стояли на приличном расстоянии. Магией их достать будет непросто. Шаэссы среди них не было. Лорд Дивайн и не ожидал его увидеть, так как прекрасно знал, что Шаэсса — не самоубийца. Но смысл данного поступка оставался для него загадкой. Он мог перемещаться в любую точку своего королевства за несколько секунд, поэтому данное путешествие ничуть его не измотало, скорее наоборот, Дивайн чувствовал некий азарт. Ответный ход. Лорд знал, что стоит им нарушить границу, как он убьет их, не раздумывая. Но пересекать границу они не собирались. Они чего-то ждали.

— Ну что ж... — медленно сказал Дивайн, — Я не собачка, чтобы бегать туда-сюда. Выкладывайте то, что вы хотите сказать и проваливайте.

— Мы хотим перейти на сторону Тьмы, — наконец сказал маг Серых, — Нас не устраивает нынешний порядок вещей. Мы хотим, чтобы ты принял нас. И мы будем служить тебе, как своему королю. Шаэсса слаб. Он не достоин трона.

— Для таких вещей существует аудиенция, — лениво сказал Дивайн, — Вы могли пройти ко мне во дворец. И мы бы урегулировали данный вопрос.

— Нет, мы не настолько глупы и безрассудны, — сказал маг.

— Перед тем, как говорить со мной ты обязан представиться, — прохрипел Дивайн.

— Мое имя Шаив. Я из древнего рода. И моя сила может послужить тебе, Лорд. Мы — наемники. Мы готовы встать под твои знамена.

— Мне не нужны слабые союзники, — бросил Лорд Дивайн.
— Почему ты решил, что мы слабы? — спросил Шаив.
— Потому, что я не вижу связанного Шаэссу у своих ног. Разговор окончен, — сказал Дивайн и махнул рукой, исчезая на глазах магов.
— Задание выполнено, — сказал маг, тому, кто появился из тени.
— Значит, теперь моя очередь... — сказала тень, седлая коня, — Лорд Дивайн, это еще не конец. Гарцующая лошадь была окутана серым туманом, и через секунду она появилась в тени другого дерева...
— Магия тени так многогранна... — улыбнулся всадник и скрылся.

* * *

Карета въехала в деревню и остановилась. Из маленьких домишек стали высыпать люди. Инфорсеры сидели, словно каменные изваяния в ожидании приказа. Дверь кареты не открывалась. Алетиш собиралась с мыслями. А потом дала приказ открыть ей дверь и помочь спуститься.

Солнце ударило в глаза, и она на секунду зажмурилась. Запах был ей знаком. Запах леса, дыма, домашней живности. На холме росло Неприкаянное дерево, а в голове уже звучал призрачный голос матери и собственный, такой виноватый, такой напуганный. Алетиш молча рассматривала поселок. А потом — лица. Лерина, Шали... Мать Аники.... Как они могут жить после того, что сделали? Лерина держала в руках нож, на ней был фартук. Очевидно, она бросила все домашние дела, чтобы увидеть того, кто выйдет из кареты. А потом первой рассказать всем, о том, что увидела и услышала. Когда-то Алетиш боялась поднимать на нее глаза. А теперь смотрела абсолютно спокойно. Люди казались ей жалкими и нищими. По сравнению с ее роскошным платьем даже самое дорогое платье в деревеньке было просто тряпкой. Алетиш, медленно поняла подол платья и двинулась по дороге, по которой когда-то бегала ребенком. Она помнила каждую кочку, каждое дерево. Девочка идет по дороге, по которой когда-то бежала с ягодами в тот злополучный день. Знала ли она о том, что когда-то станет настоящей принцессой? Дойдя до старой, почти полностью развалившейся хижины, Алетиш остановилась. Инфорсеры и толпа следовали за ней неотступно. Инфорсеры окружили ее, не давая подойти к ней черни. Медленно девочка прошла по заросшей тропке,

увидела остатки разохшейся бочки, заглянула внутрь дома. Ветер замел листья, тряпки на ложе были покрыты пылью. Алетиш спряталась от ветра в черном манто, которое ей подал слуга. Она опустилась на колени перед ложем, на котором всегда лежала ее мать и, уткнувшись в грязные тряпки, заплакала:

— Мамочка... Прости меня... Мне тебя так не хватает... Почему ты бросила меня? Почему? — плакала она, пытаясь вдохнуть запах дома. Слезы текли по ее лицу, а она представляла, что прячет голову в подоле своей матери, — Почему ты меня так ненавидела?

— Она тебя любила... — сказал внутренний голос, — Больше всего на свете... Она пыталась спасти тебя....

— Она отказалась от меня... — прошептала, всхлипывая девочка.

— Вовсе нет. Она хотела спасти тебя. Ради тебя она была готова умереть. Она солгала. Оттолкнула. Это — самое большое проявление любви, которое только можно себе представить.

— Она всегда меня ругала. Всегда унижала... — задыхалась в рыданиях Алетиш.

— Она боялась, что ты уйдешь и бросишь ее. Кроме тебя у нее никого не было. Ты была единственным смыслом ее жизни...

— Мне больно! Лучше бы ты не говорил мне этого! Лучше бы она меня ненавидела! Мне больно! Мне ужасно больно! Такое чувство, что из груди вынули сердце, и теперь вместо него поселилась пустота.

По лицу Алетиш текли кровавые слезы.

— Пустоту можно заполнить. Кровью... — сказал голос.

Алетиш встала и успокоилась. Медленно и гордо она вышла. На ее лице две кровавые реки, стекали по щекам и капали с подбородка. Она была страшна.

— Где вы похоронили ведьму? — спросила она хрипло.

Толпа зашевелилась. Никто не мог понять, почему именно ведьма вызвала такой интерес у приезжей дамы. Но гербы на карте не вызывали сомнения. Ведьма была связана с Домом Тьмы.

Алетиш провели на место, где на маленьком кладбище за оградкой были две могилки. «Нарин» — было написано на одной. И «Блисс» было написано на другой.

— Оставьте меня! — скомандовала Алетиш и села на колени перед могилой матери.

— Мамочка... Прости меня за все... Я так хотела попросить у тебя

прощение. Мне так плохо без тебя... Нет даже цветов, чтобы положить на могилу, но я почту твою память...

Алетиш водила рукой по серой траве.

— А это — я. Я — умерла. Умерла в ту ночь, чтобы воскреснуть и вернуться.

— Кто похоронен в этой могиле? — спросила Алетиш, обводя взглядом толпу.

— Дочь ведьмы, — сказал кто-то.

— А что с ней случилось? — вкрадчиво спросила Алетиш.

— Они умерли от чумы, — спешно ответила Шали, — Мать лечила людей, а потом заразилась и умерла. Дочь умерла спустя три дня. Мы похоронили их тут.

— Правда? — спросила Алетиш, поднимая голову.

— Клянусь Анвеором! — подтвердила Шали.

— Подойди сюда... — тихо сказала Алетиш.

Шали шагнула к ней навстречу.

— Врать нехорошо, тетя Шали, — сказала Алетиш ей на ухо.

— Откуда? — испуганно отшатнулась Шали, расширив глаза от ужаса.

— Лерина, а Лерина? Может ты, тетя Лерина, расскажешь мне о том, как умерли ведьма и ее дочь? Или ты тоже готова поклянутся, солгав?

— Кто расскажет мне правду, тот останется жив, — сказала Алетиш, поднимаясь с колен.

— Мы убили их, — сказала Шали, бледнея, — Ведьма дала зелье Анике и та умерла при родах... Мы наказали их за смерть...

— Но я просто пообещала. Я не поклялась, — сказала Алетиш, давая команду инфорсерам. Они выстроили весь поселок, который с ужасом понял, что ничем хорошим это не обернется. Бежать было некуда. Трое инфорсеров стояло наготове с луками. Жители деревни с ужасом смотрели на девушку. Алетиш прошла мимо них, заглядывая в их лица. Она поравнялась с одной женщиной и дала знак. Ее вытащили из толпы.

— Кто ты? — кричала Шали, пытаясь вырваться из рук инфорсера.

— Меня зовут Алетиш... Я — принцесса Черного Дома. Но вы меня помните, как Блисс.... Или уже забыли? У тебя самый длинный язык, поэтому ты сама мне все расскажешь... — сказала Алетиш,

проводя рукой по щеке Шали, глаза которой выражали ужас.

— Итак! Где Далья? — улыбнувшись, сказала Алетиш.

— Она умерла... Сразу после Вашей ма-ма-матери... То есть... после....

— Жаль... — поджала губы Алетиш, — Очень жаль... Не дождалась... Приведите ее сына. Где этот боров?

— Посадите его на кол... Пусть помучается... — сказала Алетиш, глядя, как инфорсеры тащили верещащего юношу по земле.

— Не надо... Я умоляю... — орал он, вырываясь.

— Как он противно орет. Перережьте ему горло!

Глухой, хлюпающий звук, и у ее ног растеклась лужа крови.

— Лерина... Почему ты так бледна? Тебя снова сглазили?

— Прости, Блосс... Я... и... правда раскаялась.... Я молилась... Прости, дорогая моя... Прости..... Это получилось случайно... Не знаю, что на меня нашло... — лепетала Лерина, валяясь в ногах Алетиш.

— Вырвать ей язык! — взвизгнула Алетиш, отталкивая ее руку.

Нечеловеческий крик возвестил о том, что приказ был выполнен.

— Что бы еще придумать? — Алетиш нервно рассмеялась, — Как это я раньше не догадалась? Соберите их всех в кучу... Только Шали оставить и еще вот этих трех человек. Остальных — свяжите их и сожгите у неприкаянного дерева.

Воздух наполнился запахом горелого мяса, а в небо улетали ужасные крики боли.

— От Вас останется лишь пепел... — равнодушно сказала Алетиш, глядя, как пламя взмывает над головами.

— Шали... Ты думаешь, что я о тебе забыла? — Алетиш покачала головой.

Шали скулила, ползая по земле.

— Выколоть ей глаза, — скомандовала Алетиш, и приказ ее был незамедлительно выполнен.

— Остальным — вспороть животы и отпустить. Пусть собирают внутренности в грязи. Грязь к грязи.

Алетиш истерично рассмеялась.

Она кружилась в летящем пепле, танцевала под музыку смерти и смеялась. До слез.

Глава XXII. Бессмертные

Глава XXII. Бессмертные

Глава XXII. Бессмертные

В пограничных землях находились Ничейные Владения, которые представляли собой узкую полоску суши, со скудной растительностью и еще более скудным животным миром. Ничейными Земли были, как можно было догадаться, не просто так. Просто никого они не интересовали. неплодородные. Это — раз. Лишенные полезных ископаемых. Это — два. Неудобные для строительства. Это — три. Их никогда не рассматривали иначе, чем пятно на карте земель в форме стручка фасоли. И даже самый жадный доминатор, брезговал ими, так как находились они на стыке сразу трех владений. Эдакое — пустынное пограничье. Во времена войн, переворотов и прочих развлечений Домов на эти угрюмые земли стекались неугодные. Доминаторы смотрели на все это сквозь пальцы, поскольку разобщенные, разноцветные, поставленные на грань выживания, ренегаты не представляли никакой угрозы монархиям. Давным-давно была осуществлена попытка построить на этом месте город — крепость, но, увы, она провалилась. Вместо нее выросла странная деревенька с лесом кольев и шатким забором. Понимая, что выжить в таких условиях будет на редкость трудно, ренегаты немного одичали, построили свой общественный уклад на животных принципах стаи. Были, конечно, попытки привнести луч света в царство озлобленности и отчаяния, но как бы ни были сладки речи, мясо проповедника оказывалось намного вкуснее. А из его кожи получались вполне сносные куртки. Потеряв связь с цивилизацией, ренегаты стали опасны. Несколько прилегающих деревенок вымерло, как только Бесцветные Охотники, как они решили себя именовать, показали свои зубы. Удовлетворившись содеянным, отмывая котлы от прилипшего жира, Бесцветные почувствовали себя в безопасности. Некоторые навыки магии они не утратили, а некоторые навыки убийства приобрели. С тех пор с ними начали считаться. Никому не охота была лезть туда по доброй воле, однако сотрудничать с ними в исключительных случаях было можно. Но все же, лучше обходить их владения стороной, ибо где-то в старой заброшенной крепости, все еще сохранилась Черная Карта, на которой отмечены все гиблые места, а этому месту была оказана особая честь. Живыми отсюда не возвращались.

Но человека, который спешил, свернув с дороги, это не сильно

волновало.

Он долго скакал на пегой кобыле по серой, пыльной дороге, а его плащ разлетался крыльями за спиной, и казалось, что сам ветер дует ему в лицо, пытаясь предупредить об опасности, которая таится здесь. Спешившись одним прыжком, человек в капюшоне уверенно пошел по окольной тропинке. Он смотрел из-под капюшона на забор из старых, грубо сработанных кольев, на ров, усеянный обломками костей. Он шел мимо больших костров-могильников, где на обломках копий сидели оскалившиеся черепа. Ему в нос бил приторный, тошнотворный запах жареного мяса. Иногда он думал, куда ступать, глядя на нарушенный узор листвы или примятые травинки. Он чуял тысячу ловушек, которые затаились на пути. Иногда он останавливался, закрывал на несколько секунд глаза и прислушивался. Однажды, услышав странный шум, он резко дернулся. В его руке была сломанная стрела.

— Хоть не ядовитая? — с издевкой спросил путник.

— Зачем портить ужин? — сипло ответили путнику.

— Ну раз так, то я здесь не просто, как перспективный ужин, а как посланник. С важным сообщением для вашего нынешнего главы. Кто сейчас у вас главный? И как поживает старик Глодарь? — спокойно сказал путник.

— Череп Глодаря уже и облезть успел, словно его на муравейник бросили. Зимы три назад его бездна сожрала и не подавилась! А тебя кто послал? — сиплый голос усмехнулся, — Не вздумай дергаться. Иначе дырявить тебя придется.

— Меня послал Серый Дом. У меня есть сообщение от Лорда Шаэссы вашему нынешнему главе.

— Не боишься идти в Угодья, гонец? Знай же, что если послание не понравится или вид у тебя будет слишком аппетитный, то не серчай.

— Ведите, — спокойно и уверенно приказал гонец.

Из-за деревьев бесшумно появились люди. Они были одеты в бурые куртки, и бурые штаны. Их волосы были сострижены почти полностью, а лица были разукрашены углем и, судя по виду, ореховым соком.

Один из них улыбнулся, показав заточенные зубы. Зрелище было неприятное. Особенно, если представить, что эти зубы способны разгрызть любую кость, растерзать любую плоть.

— Сдай оружие! — скомандовал сиплым голосом зубастый.

— Вот. Возьмите меч и кинжал. Больше у меня ничего нет с собой. Только, если я сдам оружие, то какие гарантии будут у меня уйти живым? — поинтересовался гонец, отстегивая ножны.

— Никаких, — ухмыльнулся зубастый.

— Что ж. Дипломатия требует жертв. Прошу!

Ножны с мечом и кинжал переключевали в руки Охотников.

И процессия двинулась в сторону города.

За бревенчатой стеной было грязно и уныло. Деревянные хибары, кучи мусора, грязные, тощие, хищные дети. Женщины со спутанными волосами и грязной одежде. У всех женщин были закатаны рукава, а кожа блестела от жира. Особым шиком для молодых девушек считалось — блестящие от жира губы. Это означало то, что семья у девушки — сытая. Заметным было то, что в отличие от фермеров и земледельцев, которые стараются возделывать как можно больше земли рядом с домом, Охотники не приветствовали саженцы. Изредка у какой-либо хибары попадалась хилая поросль. На центральной улице, на земле, был черный ожог от огромного кострища, а из серого пепла торчали ребра, бедренные кости и прочие объедки.

Гонца проводи в широкую и длинную хибару. Она единственная была каменной. Очевидно, что ее построили на фундаменте недостроенной крепости, наскоро надстроив и настелив крышу.

Посреди дома был очаг, обложенный обугленными булыжниками. Топилось тут по-черному, а сажа и копоть оседала на стенах, на которых были развешены трофеи.

Это было оружие разных эпох и разных Домов в отличном состоянии. Тут были какие-то тряпки, с полинявшим узором. А еще черепа. От самого маленького до огромного, который был больше обычного раза в два. Черепов было около сотни.

— Кого привели? — спросил звучный голос из темноты.

— Посланника Серого Дома! — сипло ответили Охотники.

— И что хочет нам сказать Серый Дом? — тихо спросил голос.

— Серый Дом хочет говорить без свидетелей, — ответил гонец.

— Все вон! — скомандовал голос. Из темноты вышел мужчина, узкоплечий, немного сутулый. У него единственного, были длинные, чистые волосы и вполне чистое лицо. Он не был старым, но и молодым его тоже трудно было назвать. И, если присмотреться, то у него не было части правого уха. Его манера держаться, одеваться выдавала в нем

мага. Он по определению не мог быть воином, так как имел еще один ощутимый дефект. Он заметно подволакивал левую ногу.

На нем была черная мантия, множество золотых украшений. На каждом пальце у него было минимум по три кольца.

— Я выполнил твою просьбу, гонец? — спокойно сказал Маг.

— Да, — спокойно ответил гонец, очевидно надеясь на дипломатическую неприкосновенность.

— О! Я вижу тебе нравится моя коллекция черепов? — ухмыляясь, сказал Маг.

— Впечатляет. Сколько их тут? — кивнул гонец на скалящиеся трофеи.

— Сотня! От младенца из утробы до старика. Я бы закончил коллекцию, если бы получил череп бессмертного. Вот любопытно было бы взглянуть на него. Но вряд ли Лорд Шаэсса разрешит его взять.

— А чем тебе череп Дивайна не нравится? — нахально поинтересовался гонец.

— Хы-хы-хы... У нас есть такая поговорка. Из двух зубастых выбирай того зверя, у которого зубы поменьше. У Шаэссы зубы — маленькие. Он слишком юн. Тем более Дивайн — это не только возраст, опыт, но еще и магия. К такому подобраться — себе дороже. А Шаэсса вполне подойдет, — Маг сделал рукою жест, словно ощупывал череп.

— Не думаю, что Шаэсса, добровольно согласится расстаться с головой.

— А кто его спросит? Он настолько слаб, что моя сила превосходит его силу во много раз. Кстати, гонец, ты же не беседы беседовать приехал? Говори, что Шаэссе от меня нужно, и я подумаю над тем, отпустить тебя или оставить. На зиму. В бочках. По частям. Не подумай, что я имею что-то против Серых или Черных... Не подумай, что меня интересует политика. Нас не трогают, и мы не лезем. Не подумай, что я имею лично что-то против тебя. Зима близко... Хы-хы-хы...

— А! Совсем забыл! Лорд Шаэсса просил передать вам о том, что вы скоро умрете. Не подумайте, что его волнуют ваши земли. Вовсе нет! Не подумайте, что он решил поквитаться с вами! Вовсе нет! Не подумайте, что вы лично как-то насолили Королю Теней! Просто вы стали пешкой в его игре. И вас совсем-совсем не жалко! — участливо улыбнулся из-под капюшона гонец.

Маг смотрел на него с изумлением:

— И вот после таких слов ты планируешь выйти живым? Где войско Серого Дома? Где тысячи храбрых солдат? Пустые угрозы.

— А ведь мне и вправду очень-очень жаль... — медленно произнес гонец, откидывая капюшон.

— Не ожидал! Но сюрприз воистину приятный, ваше королевское Величество! Вот только ни меча, ни щита... Даже палки у вас нет! Чем планируете отбиваться? Кстати, мне всегда было интересно, правда ли в жилах королей течет голубая кровь? И правда ли королевское мясо нежнее обычного?

Маг, неприятно скалясь, метнул в Шаэссу заклинание. Но цели оно не достигло. Оно рассыпалось на тысячу искр о щит, выставленный перед лицом Лорда Теней.

— Почему люди не понимают с первого раза? — развел руками Шаэсса, — Если я сказал: «умри!», значит нужно умереть.

Лорд Теней глубоко вздохнул, сжимая руку. По телу ничего не понимающего мага-каннибала пробежала судорога. Тени переплелись и ворвались внутрь конвульсивно дергающегося тела. Они выедали мага изнутри. Вскоре его глаза стали бессмысленными, и тогда Шаэсса отпустил его.

— Нет! Так все-таки скучно. Тем более я столько лет не применял магию, не считая мелких заклинаний, что как-то даже непривычно... Все это время, пока камень находился на мне, я не мог колдовать. Слишком опасно применять магию, когда на шее у тебя абсолютный щит. Чтобы носить его, я изгнал из себя все, что связано с магией. И даже память об этом. И ощущение какой-то ущербности до сих пор живет где-то глубоко во мне. Но с другой стороны, покуда камень был на мне, даже гнев Богов был мне не страшен. За все нужно платить. И это — высокая цена. Это — тоже самое, что учиться ходить снова. Ничего. У меня будет много времени и много мишеней. Ах, где тот охотник, у которого мой меч?

* * *

— Шаэсса, — прохрипел Дивайн, шагая по центральной площади безлюдного поселка, — Как это понимать?

— Просто, — сказал невидимый голос, — Обернись, Дивайн. Я тут!

Дивайн свел брови и медленно повернулся. На подоконнике опустевшего дома сидел Лорд Теней. На нем был темный, местами продранный плащ. Светлые волосы спутались, и на них отчетливо была видна кровь. Лицо Доминатора Серого Дома было в крови, которую он слизывал. Рядом, прямо в землю был воткнут меч, с рукояти которого тоже стекала кровь. Плащ сполз, обнажая пыльный сапог и черные штаны.

— Где она? — отчеканил Дивайн, хмурясь.

— Кто? — наигранно ответил Шаэсса, демонстративно оглядываясь по сторонам.

— Не ломай комедию, — голос Дивайна не предвещал ничего хорошего.

— А... ты про девочку... Ну так бы сразу и сказал, а то я было подумал, что ты потерял что-то важное...

— Странно ждать соблюдения правил игры от того, кто привык их нарушать на каждом шагу, — прохрипел Дивайн.

— Странно ожидать честности от другого, после того, как сам нарушил их. Мы — квиты. Но сейчас я не об этом. Ты нарушил, я нарушил. Мы не умеем играть честно. Даже люди не умеют играть честно. И Боги тоже. Просто ты слишком долго думал, прежде чем сделать заранее оговоренный ход. И мне даже показалось, что ты сейчас бросишь игру... Твоя рука зависла над пешкой, которой ты никак не мог походить. Почему именно на этой пешке она дрогнула? Ведь в мире тысячи таких. Мне надоело ждать, пока ты передумаешь, и я решил немного подтолкнуть тебя к выбору. Прости меня за то, что я решил все за тебя.

— Ничего ты не решил, Шаэсса, — с нажимом сказал Дивайн.

— О! Как все замечательно получается! — хихикнул Шаэсса. — Надо думать, что ты ее не чувствуешь. Плохо... Она для тебя, как камень на дороге. И ты решил искать ее, там, где я. Мудро. Тут по-другому и не придумаешь. Но ты ошибся... Ее здесь нет. Здесь уже два часа, как я один.

— Она была тут?

— Слава Богам — никогда. Ее тут никогда не было.

— Шаэсса, — улыбнулся Дивайн, — А детей тебе зачем было

убивать? Неужели в тебе проснулась кровожадность?

— Один человек меня учил — если ты взял оружие в руки, то ты не сможешь считаться «мирным населением». Любой, взявший меч в руку — боец, вне зависимости от возраста. Но ты прав, что-то внутри меня сломалось, — сказал Шаэсса, облизываясь, — Я понял, что такое убивать. Это — словно танец, но вместо лепестков розы, вокруг тебя капли крови. Жаль, что это не проснулось во мне ранее. Все было бы просто. Меня бы боялись и ненавидели, но... слушались сразу и беспрекословно. Почему-то проявление доброты и искреннего желания помочь расценивается многими, как слабость.

— Я не получил ответа на свой вопрос, — сказал Дивайн.

— И не получишь. Я тебе его просто не скажу.

— Я заставлю тебя сказать. Под страхом смерти. Где девочка? И что означает все это?

— Не угрожай мне. Присаживайся поудобнее. История будет длинной. Постараюсь рассказать тебе мотивы моего поступка. Вкратце. Жаль, если ты так и не понял, что я хочу. Вспомни нашу встречу. После моей коронации. Когда все началось.

Лорд Дивайн задумался. Все дни для него были похожи, поэтому он старался сконцентрироваться и вспомнить все, до последнего сказанного слова. Лорд Темного Дома закрыл глаза.

* * *

Дивайн полулежал на софе, подножие которой изображало лежащую кошку огромных размеров. На Дивайне были черные, просторные штаны, с расшитым поясом, а поверх всего это была надета черная туника с широкими рукавами, расшитая розовыми узорами. Мягкие туфли с закрученными носками были инкрустированы розовыми камнями. Но Дивайну было плевать, чем инкрустированы его туфли, и его ужасно нервировала ниточка, висящая на рукаве, которую он тонкими пальцами скручивал и раскручивал, постепенно распуская узор.

Сквозь решетчатое окно-арку пробивались скудные лучи света. Часть комнаты была задрапирована тканью, а угол комнаты был сделан ступеньками, покрытыми бархатом и разбросанными черными

расшитыми подушками. Рядом с софой стояла ваза, в которой лежали огромные, зеленый яблоки, но Черный Принц не притронулся ни к одному из них. Внезапно в дверь постучались, и вошел человек в черном плаще, скованном на груди роскошной брошью в форме розы. Он молча снял плащ и бросил его под ноги на пол. На госте был черный с розовым длинный камзол, узкие брюки, черного цвета с вышивкой по шву, и низенькие сапоги с отворотами. Длинные светлые волосы гостя были собраны в высокий хвост.

С каких пор ты носишь цвета моего дома? — поджав губы, спросил Дивайн.

С того момента, как въехал в границы твоего государства. Мне так спокойней. Легче потеряться. Мне не нужны проблемы, — сказал гость, бесцеремонно усаживаясь на ступеньки. — Знаю, что мне не идет, но положение обязывает. Не хватало, чтобы мои подданные пронюхали о вылазках.

И что у нас на это раз? — закатывая глаза, спросил Дивайн.

Дивайн, будь так любезен, кинь яблочко, я их только заметил.

Яблочко медленно поплыло в руки гостя.

— Не отравленное? — поинтересовался гость, отрывая листик.

— Обижаешь. Я же не вы, чтобы присылать отравленные гребни, кольца с иголкой внутри, которая впрыскивают яд, отравленные короны-тиски, ожерелья-удавки, пропитанные ядом ткани и прочие прелестные безделицы из моей коллекции, которую с вашей помощью я пополняю веками.

— Ну, значит, тебе понравится. Вот тебе новый образец, — гость достал серебряный кубок с рубинами. — Этот очаровательный кубок крайне полезен для длительных застолий. Внутри он покрыт эмалью. Если пить холодные напитки, то нечего не произойдет, если налить их туда горячими, то эмаль растворяется и... противоядия нет.

Чаша медленно поплыла по воздуху и опустилась в руки Дивайна. Он ее внимательно рассмотрел и поставил на пол.

— Пойдет. Так что насчет другого дела? Ты ведь не просто повидать меня скакал через две страны? — спросил Черный принц, проводя пальцем по ободку чаши.

— Мне не хватает информации. Я прошу позволения посетить архивы Черного Дома, — сказал гость, обгрызая яблочко.

— Прямо сейчас? — удивился Дивайн, делая знак пальцами, и

следующее яблоко медленно двинулось через всю комнату.

— Какой ты заботливый, — умилился гость, сжимая кулак, уничтожая остатки предыдущего. — Нет, я сначала отдохну. Ты не поверишь, но только тут я могу спать спокойно, зная, что меня не убьют ночью тихонечко. Если бы у тебя и у меня была интуиция, то жить было бы проще. А так — это еще одна существенная разница между нами и ими. Я поначалу не верил в то, что внутри человека есть что-то способное предупредить его, но иногда сталкивался с необъяснимыми фактами. Это — невозможно просчитать и продумать. Какая-то человеческая магия, призванная сохранить им жизнь. Но мы с тобой ее напрочь лишены и вынуждены полагаться только на свой опыт и знания. Как она мне нужна...

— Шаэсса, я тебя не понимаю. Неужели у тебя нет гордости? Неужели ты не можешь навести порядок в своем королевстве? Неужели не можешь схватить за горло каждого второго, казнить каждого третьего? — раздраженно сказал Черный Принц.

— А работать кто будет? — спросил Серый Король.

— Не бойся. Они плодятся быстро. Через полсотни лет получишь тихих, безмолвных слуг, которые бояться на тебя глаза поднять, — сказал Дивайн.

— А потом мне ни съехать, ни уехать. Толпа тупых и бесполезных рабов, которым нужно постоянные приказы, пинки и тычки. Которые просто не смогут и дня продержаться без моего присутствия. И буду я, как ты, привязан к своему королевству, — констатировал Шаэсса, перекатывая яблочко по рукам.

— А ты что хотел? Хочешь спать спокойно? Казни! Пытай! Наказывай! Тот кто обнажил меч против тебя не может считаться мирным населением! — повысил голос Дивайн. Его глаза на секунду вспыхнули, а потом снова превратились в розовые льдинки.

— Ага, — согласился Шаэсса, — А потом спустя пару месяцев, лет, тыловишь за руку очередного идиота с отравленным кинжалом. Спрашиваешь: «А тебе-то я чем не угодил?». Тот, в свойственной всем горе-убийцам, пафосной манере рассказывает, как ты умертвил его папу, маму, брата, сестричку и прочую родню. Обидно. Не так ли?

— У меня все проще. В случае проступка одного человека, умрет вся его семья и род. Все родственники. Чтобы не тосковали.

— Дивайн, твоей кровожадности можно позавидовать.

— Завидуй, — пожал плечами Дивайн.

— Не собираюсь... Так даже интересней. А твое скучное существование становится скучнее от той мысли, что у тебя каждый день — точное повторение предыдущего. Живешь себе, как крыса в норе. Сидишь во дворце безвылазно... — Шаэсса бросил взгляд на окно. — Ну в сад выходишь. И в окошко смотришь... Нет, как я мог забыть! Ты еще философствуешь, вспоминаешь прошлое, сравниваешь с настоящим.

Дивайн бросил на Шаэссу испепеляющий взгляд.

— На правду не обижаются... — добродушно сказал Шаэсса, откусывая яблоко. — Съедобное...

— Так что ты хотел? — раздраженно сказал Дивайн.

— Я хотел порыться у тебя в библиотеке. Не из праздного любопытства, а ради общего дела. Я собираю мозаику, о которой тебе рассказывал.

— Бесплезная трата времени... — прохрипел Дивайн, — С каких пор тебе стала нужна моя помощь? Ты же уже договаривался с Людьми Анвеора...

— Не путай теплое с мягким. Они ни за что не согласятся на то, что я задумал. Поэтому мне и нужна твоя помощь, поддержка и знания. Ты же обещал моей бедной мамочке помочь мне в трудную минуту? — Шаэсса потупил взор.

— Хватит паясничать. Выкладывай. — мрачно сказал Дивайн, и Шаэсса заметно оживился.

— Так вот, я хочу исполнить мечту моей драгоценной мамочки... И твою тоже... У меня тоже есть мечта. И все три мечты можно осуществить одним путем. Раз! И всем стало хорошо! — улыбнулся Шаэсса.

— О чем мечтать? О власти? Она у меня есть. О бессмертии? Глупо мечтать, когда в твоей жизни есть все.

— Любовь, например? — спросил Шаэсса, прожевав.

— Любовь, Шаэсса, — понятие абстрактное. Не обобщай. Любить нужно то, что тебя никогда не покинет. Я не хочу узнать, что такое боль утраты. Мои слуги безлики, мои придворные — безмозглые интриганы. Меня иногда забавляет смотреть на то, как они стараются выше головы. Как они сражаются за мое внимание. А мне все равно. У меня нет фаворитов и любимчиков. Я могу отправить их как скот на убой.

Меньше их не станет. Одна смерть ничего не решает. Сто смертей ничего не решают. Сто тысяч смертей тем более.

— А женщины? Женщины, Дивайн? — Шаэсса сощурил глаза.

— Женщины? — пожал плечами Доминатор Черного Дома. — Я еще не встретил ни одной, которая была бы достойна меня.

— Тут дело не в «достойна» или «недостойна». Тут дело в желании обладать, желании стать для нее единственным человеком на Земле. Я знаю, что такое «любовь». Пусть не к женщине, в самом распространенном смысле этого слова, а к матери, например. Ты ведь тоже по-своему любил мою мать, не так, Дивайн?

— Это тебя не касается, — отрезал Дивайн, делая взмах рукой. — Библиотека в твоём распоряжении. Комнату тебе выделяют. Если что-то нужно — скажи слугам. Они выполнят любой твой приказ.

— И снова — гнев! Теперь я могу рассказать тебе кое-что, что я узнал из своих источников, а ты быстро подскажешь мне, где найти еще ответы. Я сто раз был в твоей библиотеке, но не знаю, где искать. Но ты знаешь каждую книгу от корки до корки, — сказал Шаэсса, ловя взгляд Дивайна.

— Если я тебе расскажу то, что ты хочешь, что мне будет за это? Неужели хочешь купить меня дешевой игрушкой? — с презрением произнес Лорд Дивайн.

— Сначала расскажу я. И ты сам поймешь что будет если все получится. Ты думал о том, что такое мир без Бога? Нас называют его детьми... Но что-то отец не испытывает к нам никаких отческих чувств. Его трон где-то среди звезд, и ему плевать на нас, так же как плевать на этих людей. Я знаю, что ты его ненавидишь... Но ты — бессилен. И я бессилен... Но... Ты ищешь мир без Бога. Скажи, разве ты не хотел бы стать Богом? Сам? Я знаю, что можно просидеть всю жизнь на черном троне, меланхолично созерцая смену эпох. Но Бог — это свобода. Даже если нам удастся создать мир без Бога, то все равно это — свобода! Но Бог силен. Ни один из нас не победит его. Он не сойдет просто так с небес на землю. Его нужно выманить. Я не знаю, как это сделать. Допустим, у нас это получилось и можно попробовать победить его в честном поединке. Обрушить на него всю мощь, но он выстоит. Глупо, я согласен. Но есть вот эта вещица, — Шаэсса улыбнулся, подняв пальцем цепочку.

— И что? Рискнешь напялить амулет и вызвать Бога на поединок?

Я предпочту посмотреть со стороны, — усмехнулся Дивайн.

— А ты не хочешь? Я могу дать его тебе... — с издевкой ответил Шаэсса, — Но вижу по глазам, что ты трусил. Так же как и я. Я не хочу умирать так. Значит, нужно сделать еще хитрее. У меня есть книга Альвенца. Он воскрешает мертвых при помощи артефактов. Мы найдем человека, точнее — тело. И подселим в его тело паразита — камень. Мой камень. Это тело будет послушным и безмозглым. Наше дело — вызвать Бога на землю. Для этого нужна война. Он приходит каждый раз, когда мы воюем. Некогда завещав трем домам жить в мире, он сильно огорчился, узнав, что ты проредил и обезглавил Дом Света. И он сошел с небес. Когда два дома сойдутся в битве, Бог тоже обязан сойти. Мы будем воевать до тех пор, покуда он не явится. Мы подключим Анвеоритов и тогда будет совсем интересно! Нужно сделать так, чтобы весь свой гнев Бог обрушил на наше тело, которое мы обязаны подготовить. Удар вернется к нему обратно. Этого хватит, чтобы убить Бога.

— Бред! Бог не такой глупец, чтобы согласится на верную смерть! — хмыкнул Дивайн, скривив губы, — Тем более, что ты сам озвучил ему свои планы, только что. О, Шаэсса! Тебе далеко до твоей матери. Она хотела использовать камень, чтобы уничтожить бессмертного, чтобы спасти тебе жизнь, а ты замахнулся слишком высоко.

— Ты меня немного не понял. Ты знаешь, кто третий бессмертный? Ты когда-нибудь его встречал? Но ты его чувствуешь. Везде и нигде. Так же как и я. У меня есть подозрения, что Шаграт, Аграшт и прочее — давно мертв. Что некто просто занял его место. Дело за малым. Нужно, чтобы Некто сошел на землю. Тогда мы будем знать наверняка.

— Хорошо, — сказал Лорд Дивайн, переплетая пальцы, — Я скажу тебе одну вещь, которая, возможно, тебе пригодится в будущем. Последний раз я чувствовал бессмертного во время последней войны. Я почувствовал его не сразу. Но я знаю, что он был там. Ты можешь ошибаться, относительно Шаграта.

— Ты уничтожил Дом Света, но ни один из магов и правителей не оказался бессмертным. Поэтому ты стал пристальнее всматриваться в Людей Анвеора. И в Серый Дом... Я прав? — спросил заинтригованный Шаэсса.

— После появления на свет твоей матери, а затем тебя, я сузил круг

поисков. Три камня достались Трем Домам. Так что выбор очевиден. Либо бессмертному из Светлого Дома удалось спастись, либо это кто-то из Анвеоритов.

— А вот это мне нравится... — Шаэсса склонил голову на бок.

— Мне все равно, нравится тебе это или нет, — скривив губы сказал Дивайн, — Тебе нужна книга Делерии «Оковы тела».

— И на этом благодарствую, — легко сказал Шаэсса, бросив взгляд на задумчивое лицо Дивайна.

* * *

— Как давно это было. Я уже и забыл... — протянул Шаэсса, вытирая меч.

— Коротка же у тебя память... Но вернемся к теме. Убить Бога. Не так ли? — сказал Дивайн, — На тот момент это был всего лишь набросок плана, заранее обреченного на провал. Но тебе везло. Твой индивид оказался не безмозглым. Уже радуется. Вместо того, чтобы нянчиться с ним сам, ты свалил обязанности на меня. Не мудрено, что девочка, которую мне пришлось забрать к себе, оказалась живым трупом, с полным отторжением магии, несвертываемостью крови, небольшими психическими отклонениями. Но было в ней что-то, что зацепило меня. Мне захотелось поиграть с нею. Просто так от скуки. Она оказалась интересной игрушкой. Игрушкой с загадкой, которую я до сих пор не смог разгадать. Я передумал ее отдавать, решив оставить себе, а ты потянул к ней свои руки? Учти, Шаэсса, ее время подходит к концу. Я чувствую это. Но ты потерял контроль над нею. Она — моя. Моя.

— Увы, пока ты мне рассказываешь о правах собственности и перечисляешь ее недостатки, мы плавно перешли ко второму этапу нашей игры, — Шаэсса мечтательно посмотрел в небо, — Война уже объявлена. Так что дело за малым. Тебе придется играть дальше.

Дивайн гортанно рассмеялся.

— Только что твои войска вторглись на границу людей Анвеора, перебили там целое поселение, а им на встречу уже маршируют войско Анвеоритов. И она совсем одна. Вместе со своим горем, которое ты так и не смог увидеть в ее душе. Горести людей для тебя — ерунда.

Любовь, ненависть — для тебя пустые слова. Но для людей они значат многое. Ты не стал копаться у нее в душе. Тебе было достаточно, что при виде тебя она виляла хвостом. Она решила навестить родные края и свести старые счеты. А я надоумил ее и отвлек твоё внимание. Не более, — сказал Шаэсса, выхватывая меч.

— Шаэсса, я хочу посмотреть, как твой труп будет валяться в моих ногах. Разговор окончен, — вкрадчиво сказал Лорд Темного Дома, растворяясь во тьме.

— Думаю, что они не причинят Алетиш вреда! — крикнул вслед Шаэсса, улыбаясь, — Как-никак принцесса Черного Дома!

Глава XXIII. Глупый король

Глава XXIII. Глупый король

Глава XXIII. Глупый король

Алетиш сидела прямо на земле среди мертвых тел, молча глядя в одну точку.

Инфорсеры, воспитанные в традициях Черного Дома, не двигались, стоя кольцом вокруг нее. Они выполняли любой приказ беспрекословно. Каким бы он ни был. Они не двигались без приказа, не заговаривали с хозяином, поскольку были дрессированы для личной охраны Лорда. Единственное, что они могли сделать без приказа — защитить жизнь господина, если ему что-то угрожает.

Алетиш качалась, глядя в небо стеклянными глазами, по ее щекам текла кровь, оттеняя бледность лица.

Она не видела того, как подошло войско в светлых доспехах. Она не слышала, как кто-то предложил сложить оружие. Ей было все равно, когда рядом падала мертвой ее охрана, защищавшая хозяйку до последней капли крови, утаскивая за собой на тот свет дюжины врагов. Когда ее грубо подняли, Алетиш равнодушно посмотрела в глаза солдатам. На ее лице замерла безразличная маска. А еще она знала, что Он ей никогда не простит. Никогда. И месть не приносит ничего, кроме пустоты.

Эмиссаром Черного Дома оказалась женщина с удлинённым лицом и черными туннелями глаз. Она сидела за столом в большом, зале с куполообразным потолком. Ее почти не интересовали роскошное убранство, гобелены ручной работы, стол из редкого сорта дерева и

белоснежный трон на возвышении, уходящий спинкой прямо в потолок. На его спинке были резные фигуры героев древности, покрытые позолотой, а центр венчало отверстие, со сверкающей в преломленных лучах солнца короной. Ее интересовали переговоры, которые начинали затягиваться, ибо король Анвеоритов не умел принимать решение без посторонней помощи, а помощников выискалось предостаточно.

— Ваше Величество, это возмутительно! Они пытаются откупиться! — бубнил старик с заплывшими глазами, — Ваш отец никогда бы не согласился!

— Девочку отдавать нельзя! Такое бывает не часто, что дочь Лорда Дивайна попала к нам в руки! — сказал второй советник — толстяк с жидкой растительностью на лице.

— Вы так и не выслушали предложение, — спокойно сказала эмиссар. Ее специально обучали тактике ведения переговоров, дипломатии и настойчивости. Она никуда не уедет без девочки. Таков приказ! Лорд Дивайн убьет ее, если она вернется ни с чем. Эмиссар понимала, что просто так Лорд не стал бы вести переговоры, что девочка представляла определенную ценность. Она допускала мысль о том, кем могла приходиться девочка Лорду, ее внезапное появление в Черном Доме, ее возвышение, не снисшедшее никому. Никогда никто из других домов не мог стать членом семьи Лорда. У эмиссара было всего три версии, относительно девочки, чьего имени она даже не знала. Это — дочь Лорда, воспитанная где-то далеко, о которой он узнал спустя время. Возможно, что он сам ее спрятал от людских глаз. Для чего ему это делать? Есть вторая версия — девочка — это его возлюбленная. Эта версия удивляла еще больше, чем предыдущая. О вкусах, конечно, не спорят. Девочка определенно — красива, но... Откуда тогда она взялась? Есть еще третья версия. Очевидно, существуют веские причины, чтобы ради нее быть готовым отдать столько, сколько не снилось этим Анвеоритам. Эмиссар склонялась к третьей версии.

— И что может предложить Зверь? — спросил старик с издевкой.

— Золото, — сказала Эмиссар, глядя в глаза старику.

— Я понимаю, что золото! Сколько?

— Он заполнит эту комнату золотом от пола до потолка, если девочку отдадут сейчас же, — сказала Эмиссар. Она могла бы торговаться, поднимая цену постепенно, но тут стоит сыграть на жадности.

В зале воцарилась тишина. Каждый из советчиков и советников невольно осмотрел комнату, чтобы представить золото, которое поместиться в ней.

— Воистину богатство Зверя не знает границ! — охнул старик.

— Это было бы мощным подспорьем в грядущей кампании! — сказал толстяк.

— Я не согласен! — внезапно подал голос король. Все изумленно уставились на него.

— Вы что-то сказали, Ваше Величество? — спросил шепотом старик.

— Да. Я только что сказал, что девочку не отдам. И пусть он хоть весь дворец мне вызолотит. Девочка остается здесь. Так и передайте, — сказал король, жестом показывая, что переговоры окончены.

— Ваше... Ваше В... вели... — советники бежали, что-то пытаясь доказать выходящему из зала королю.

Эмиссар стиснула зубы. Она допустила какую-то ошибку. Но это не значит, что она уедет с пустыми руками.

Алетиш не знала, что происходит в зале. Ей было все равно, что с нею будет дальше. Во рту была горечь. Невыразимая боль была в сердце. Месть не вернула маму. Месть не вернула никого. И чувство боли не стало меньше, а воспоминания — другими. Все точно так же. Только она потеряла нечто другое. Нечто не менее важное. И эта потеря ее удручала. Она потеряла доверие. Она закрыла глаза, тяжело дыша, чтобы снова не заплакать.

Девочку вывели из комнаты, и повели куда-то, где пахло пылью и плесенью. Один из тех жрецов, кто вывел ее из комнаты, усадил Алетиш в кресло, зафиксировав кожаными ремнями тонкие кисти рук. Точно так же пристегнули ноги. Один из людей в белом балахоне прикоснулся к ней, пронзив ее тело ледяным дыханием магии, так, что девочка закричала от боли, пытаясь выпутаться. На лбу человека в белом балахоне выступили бисеринки пота, он закусил губу, а когда его лицо исказилось страданием не меньшим, чем страдание девочки, он убрал руку, шатаясь, произнес:

— Запишите. Отторжение магии холода. Полное.

Маг прижал руку к носу и посмотрел, как из носа потекла кровь. Прямо на грудь.

— Попробуем дистанционный удар! — сказал кто-то сбоку, пока

девочка приходила в себя.

Еще одна вспышка боли. Еще один крик в пустоте.

— Отразила! Поразительно!

Пытка продолжилась, перо скрипело в тишине, сознание плыло. В голове был туман, и Алетиш закрыла веки. Ей пригрезилось море, бушующее под обрывом, Спрячь меня, темная вода! Качаясь над обрывом, она водила в воздухе руками. Над головою реяли птицы. Огромные, хищные, с желтыми глазами. На краю так трудно удержать равновесие. Молнии били в горизонт, тучи сгущались, а вода звала к себе. Просто падай!

— Очнись, девочка... — сказал кто-то над самым ухом.

Тень надежды блеснула в грозовом небе. Вода застыла внизу. Алетиш закрыла глаза, но когда открыла, то увидела незнакомое лицо. Нет, когда-то она его видела, но к ее разочарованию вспомнить никак не могла.

— Девочка, ты как себя чувствуешь? — спросил круглолицый рыжий мужчина, совсем не старый, с веснушками на носу.

Алетиш посмотрела на него мутными глазами и промолчала.

— Все закончилось. Они больше не будут, я обещаю тебе, — сказал мужчина, сидя в кресле.

Алетиш перевела взгляд на стену.

— Как тебя зовут, я забыл... — сказал человек, протягивая ладонь.

Алетиш стиснула зубы.

— Ты меня помнишь?

Губы Алетиш скривились, словно она хотела заплакать. От ненависти и унижения.

— Лорд Дивайн прислал своего эmissара, чтобы вернуть тебя и казнить. Он готов вызолотить дворец, чтобы собственноручно убить тебя.

— Так выдайте меня ему. Я не хочу жить, — равнодушно бросила Алетиш.

— Не хочешь жить, обладая такой силой! — с удивлением воскликнул мужчина, округляя глаза.

Алетиш ничего не ответила. Ей совсем не хотелось разговаривать.

— Ты отторгаешь магию... Ты знаешь об этом? — сказал человек спокойным голосом.

— Наверное... — безжизненно ответила девочка. Ее мысли были

далеко отсюда.

— Не нужно переживать. Ты здесь в полной безопасности, — сказал мужчина, протягивая руку.

— Если выбирать между пыткой и казнью, то я выбираю смерть, — сглотнула Алетиш.

— Я же сказал, что никто тебя больше и пальцем не тронет! Мое слово пока еще что-то значит, — как-то горько отозвался мужчина.

— Я Вас помню... — с расстановкой сказала Алетиш, глядя в глаза незнакомцу, — Вы — король, который назвал меня «дитя мое». Но... Мне показалось тогда, что Вы не такой умный.

— Глупость — лучшая маска для короля, который хочет долго сидеть на троне. Покуда «умные» воюют друг с другом, травят, режут, колют, изничтожают, я спокойно правлю. Мне удобнее принимать решение так, чтобы не нести за него никакой ответственности. Если я ошибусь — народ перестанет мне доверять. Для этого есть советники. Если они ошибутся — я их казню. Я спокоен, народ доволен, а башковитые всегда сыщутся, — пожал плечами король.

— Мне это неинтересно.... - устало сказала Алетиш.

— Они с тобою поступили плохо. Бросили, предали... После того, как Лорд Дивайн тебя бросил, а Лорд Шаэсса отдал тебя нам, не думаю, что ты питаешь иллюзии относительно их любви к тебе. Они в сговоре. И они предали тебя....

— Вы хотите, чтобы я им отомстила? — хрипло спросила Алетиш, переводя взгляд на свои руки. Ей до сих пор казалось, что они в крови...

— Почему бы и нет? Это в твоих силах! — немного нервничая, сказал Король, положив ей руку на плечо.

— Мсть ничего не меняет. От нее не становится легче. Рана внутри все так же болит, только теперь ты точно знаешь, что она никогда не заживет. Я отомстила. Я понимаю, что это было глупо, что маму мстью не вернуть. Она не встала из могилы и не обняла меня, после того, как все умерли на моих глазах. Изменилось только одно — если я раньше слышала их голоса, то теперь тишина... В тот день, когда убили маму, я потеряла все. В душе была пустота.... И ее всегда хочется наполнить чем-то... Например, кровью, как говорил Лорд Дивайн, — Алетиш говорила, закрыв глаза, словно вспоминая каждую секунду мести, — Хотя я ошиблась. Теперь у меня есть воспоминания о мести. Они не такие сладкие, как сама мсть, но они приносят мне некоторое

облегчение.

Король внимательно выслушал ее, а потом взял за руку:

— Я очень сожалею о твоём горе... Ты потеряла близкого и дорогого человека. Попыталась отомстить, но... Потом осознала бессмысленность своего поступка. Я не виню тебя в смерти моих людей. На твоём месте я поступил бы точно так же... Наверное... Ты просто — ребенок.... Ты заблудилась, потерялась в самой себе. Тебя тянут в разные стороны, как игрушку тянут дети. Но стоит кому-то ее бросить, как все тут же теряют к ней интерес. Это — страшно. Меня тоже тянут как игрушку в разные стороны. И мне это тоже порядком надоело. Но, ты — девочка сильная, раз столько смогла перенести и пережить, значит, ты сможешь разорвать замкнутый круг.

— Вам не купить меня красивыми словами. Я больше не верю словам. Я больше никому не верю. Вы стараетесь напрасно. Я ничего не знаю о себе, поэтому ничем не могу быть полезной Вам, король без имени. Все вы пытаетесь дергать за веревочки, словно я кукла.... И сейчас Вы тоже тянете меня в свою сторону, прикрываясь красивыми словами.

— Я не желаю тебе зла! — воскликнул король, — Как ты могла такое подумать! Я хочу просто тебе помочь!

— Смешно... — горько усмехнулась Алетиш, вращая вокруг пальца перстень, — Вам не понять, король без имени, что Ваши слова не имеют никакой силы. Вы терзали мое тело. Но я Вам благодарна. Это вернуло меня к жизни. Я поняла, что у меня нет будущего. Есть только прошлое и настоящее.

— Никто не может знать, есть ли у него будущее! Это — ересь! Наше будущее в руках Богов, — воскликнул король.

Алетиш подумала и добавила:

— Король, дайте мне свою руку... Я скажу Вам, что ждет Вас в будущем. Если получится. Вам ведь тоже интересно знать, чем все закончиться?

Король недоверчиво протянул ей ладонь. Девочка прикоснулась к ней, лицо ее скривилось:

— Мне нет смысла продолжать с Вами разговор. Всем вашим планам не суждено сбыться.

— Неужели все так плохо? — с иронией спросил Король.

— Если смерть — это плохо, то вы правы... Вам не суждено

пережить следующий день.

— Ты хочешь меня напугать? Не вижу смысла.

— Не будьте так самоуверенны, — заметила Алетиш, — Вы глубоко мне противны, но это не повод лгать Вам в лицо. Я видела многие судьбы. Но молчала. Я не рассказала тем, кто ехал со мною в деревеньку на окраине, что они умрут, защищая меня. Зачем им это знать?

— Ты знаешь судьбу Лорда Дивайна? — осторожно спросил Король.

— И да, и нет.

— Как это понимать?

— Как хотите...

— А Шаэссы?

— Точно так же, как и судьбу Лорда Дивайна.

— А свою?

— Теперь, очевидно, да.

— Ты его любишь? — спросил король, глядя ей в глаза.

— Да, — ответила Алетиш, горько улыбнувшись сама себе.

— Почему ты даже не спросила, о ком именно я говорю? — удивился король.

— Чье бы имя Вы не назвали, я отвечу «Да». Не смотря ни на что. Поэтому было бы лучше, если бы Вы выдали меня кому-нибудь из них. Может, ваша судьба была бы к вам более милосердной.

Алетиш прикрыла глаза. Внутри нее играла легкая нежная музыка. Немного грустная, немного странная. Ни один из них ее не простит. Почему они так похожи?

— Если бы.... Я... — сказал король неуверенно, выводя девочку из состояния задумчивости, — Предложил...тебе разделить со мною... власть... Ты бы согласилась?

— Мне это не нужно. Я не хочу власти.

— А чего ты хочешь? — спросил удивленный король.

— Я хочу покоя и определенности. Я хочу знать, кому принадлежу, и кому принадлежит мое сердце. Я хочу подарить свое сердце и получить частичку другого сердца. Я хочу, чтобы в мире были люди, которым я действительно нужна. Такая, какая есть. Я.

— Хорошо... А ты сможешь убить Шаэссу?

— Нет. Я не смогу убить ни одного из них. Даже если бы имела

такую силу...

— Но ведь ты имеешь силу, чтобы сразить даже бессмертного. Ты — особенная. Любая магия, направленная против тебя обернется против того, кто ее направил.

— Знали бы вы, чего мне это стоит. Я совсем недавно поняла, что прикосновение человека, владеющего искусствами, причиняет мне боль. Чем сильнее магия, тем сильнее боль, — ответила с полуулыбкой Алетиш, — Вы только что говорили мне, что ничего не знаете обо мне, а теперь рассказываете мне странные вещи. Магия причиняет мне дикую боль, особенно, когда твои маги испытывают на мне очередное заклинание. Это надо быть настолько лицемерным, чтобы пытаться залезть мне в душу, прикинуться добреньким, после того, что вы со мной сделали!

— А как же Лорд Дивайн? Неужели он ни разу к тебе не прикасался? Он тоже должен чувствовать боль от прикосновения к тебе.

— Тогда не чувствуешь боли... Ты просто о ней не думаешь. Это — совсем другое... Я даже не знаю, как это получается...

— Такая власть сокрыта в твоём теле, и ты даже не хочешь воспользоваться своей силой? Что бы ты мне не говорила, как бы глупо не улыбалась, при упоминании своих.... Хм... покровителей, но признай неоспоримый факт — ты им не очень дорога. Сегодня на аудиенции твоей выдачи просил Черный Дом. Лорд Дивайн обещал вызолотить мне дворец за возможность придушить тебя голыми руками. Или ты предпочитаешь умереть от рук Шаэссы, который тоже потребовал твоей выдачи днем ранее, для того, чтобы скрутить тебе голову. Он объяснил мне, что ты его предала. Я не хотел тебе этого говорить...

Алетиш задумалась.

— Согласись ты с ним, наконец, — подсказал внутренний голос.

— Почему я должна согласиться? — удивилась девочка, — Мне противен тот факт, что он пытается залезть мне в душу! Я знаю, что он не лжет, но лучше пусть Дивайн или Шаэсса меня прикончат, чем слушать эту ерунду.

— Он знает кое-что очень важное! — сказал внутренний голос, — Я тебе никогда плохого не посоветую. Твое тело — мое тело.

— Почему ты меня не предупредил, когда я... — она замолчала.

— Ты меня бы не послушала. Во-первых. Во-вторых, ты поступила

правильно.

— Кто ты? Ответь мне, наконец! Хватит загадок! Ты — тот кто испортил мою жизнь! Это не я отражаю магию, а ты. Но боль чувствую при этом я! Ты какой-то камень, который подселили в мое тело ради непонятно чего. Ты не такой, как те камни что живут в теле Шаэссы и Дивайна. Ты — другой.

— Разве это сейчас имеет значение? Я тебе обещаю, что все расскажу, но сейчас выслушай этого человека!

— Что Вы можете мне предложить? — спокойно сказала Алетиш, отрываясь от внутреннего диалога.

— Я знаю способ, как предотвратить войну... Ничего не будет. Все останутся живы и здоровы, а войны не будет, — сказала король.

— Какой способ? — подняла бровь Алетиш.

— Я предлагаю тебе стать моей женой, — сказал Король, — Я не хочу войны, потому, что мне и моему народу не выстоять против двоих бессмертных. Мне не тягаться с бессмертными Лордами. Я сам боюсь смерти. И предлагаю тебе стать моей женою. Объясню почему. Черный Дом, коим представителем являешься ты, принцесса Эндор, нарушил мои границы без разрешения и уничтожил поселение. Но если я возьму тебя в жены, то официально мы породнимся с Лордом Дивайном. Это будет условием сохранения мира. Родственники не воюют с родственниками. Ты согласна? От твоего ответа зависит многое.

— Никогда! Я лучше сдохну! — скривилась Алетиш. Мысль о том, чтобы стать женой этого человека, который ей глубоко противен, была просто омерзительна.

— Это будет фиктивный брак. Я не настаиваю на разделении ложа и прочих чувствоизъявлениях, — сказал король спокойно, — Поэтому мое предложение не стоит отметать.

— Нет... — категорично заявила Алетиш.

Дверь открылась, и вошел слуга. Он принес небольшое послание.

Король неторопливо развернул его и пробежал глазами.

— Передайте ему, что он опоздал. Девочка станет моей женой, войны не будет.

Слуга кивнул.

Глава XXIX. Сломанная игрушка

Глава XXIX. Сломанная игрушка

Глава XXIX. Сломанная игрушка

Ты добился того, чего хотел? — сказал Лорд Дивайн, с ненавистью глядя на зеркальную гладь. Она отражала вовсе не комнату черного дворца и разъяренного Доминатора Дома Тьмы.

Еще нет, — невозмутимо ответил Шаэсса, сидя в кресле.

Они отказались от моего предложения. И он собирается на ней жениться... — сказал Лорд Дивайн, хмуро глядя на свои руки, в которых он держал браслет.

Ревнуешь? Неужто ничто человеческое тебе не чуждо? — ехидно заметил Лорд Шаэсса и тут же стал серьезным, — А вот это как раз в мои планы не входит. У меня есть два варианта. Убить его и похитить ее. Убийство будет осуществлено явно не моими руками. Анвеориты горят желанием свергнуть короля и воздвигнуть теократическое государство. А тут в первый раз его политика пошла в разрез с их намерениями. Это чревато бунтом и ножом под сердце.

У меня есть другой вариант, — Лорд Дивайн показал браслет.

Один из даров Светлого Дома? Откуда у тебя такие вещицы?

Это ты мне должен ответить, поскольку я снял его с руки твоей подышающей шавки. Я собираюсь обменять девочку на этот браслет.

Шаэсса внимательно смотрел на него, а потом резковато сказал:

— Пока не делай этого. Я хочу кое-что проверить. Тут все гораздо интересней, насколько я понял. О браслете я не знал. Я вижу его впервые... Точнее до этого я его где-то видел... Дивайн... Поверь мне... В последний раз... Пусть пока браслет останется у тебя!

Зеркало погасло, и Лорд Шаэсса быстрым шагом отправился в библиотеку. Лихорадочно листая страницы, бросая книги прямо на пол, он напряженно искал. А потом, все еще заглядывая в лежащие на столе книги, он достал огромную, серую книгу с гербом своего дома, на котором был изображен меч, пронзающий сердце, но вместо крови было сияние, и глаза его расширились от удивления.

Лорд еще долго сидел в задумчивости, прикусывая согнутый палец указательной руки, а потом, взяв несколько книг, отправился в свои покои.

— Дивайн! — позвал он зеркало, — Тебе явно понравится то, что я нашел. Вот. Узнаешь? Это — книга Моего Дома. Каждый Доминатор пишет ее своей кровью. Она не даст солгать. Поэтому я верю во все, что я прочитал. А знаешь, что это такое? Это — книга Доминатора Светлого

Дома. После того, как остатки Светлого Дома попросили политического убежища у нас, они принесли ее с собою.

Он достал светлый фолиант, на котором было изображено золотое солнце и руки, державшие его.

— Книга не даст солгать, но... написать можно по-разному. О некоторых вещах можно вообще упомянуть вскользь. Последняя Битва Домов. Вот две записи, сделанные накануне. Выглядят вполне буднично, но.... «Всесильный благословил нас, подарив нам свое благословение, — пишет Анфаэль Раиль, — Пусть свет сердец наших освещает нам путь во тьме... Я сам себе пронзаю грудь, чтоб осветить Ваш вечный путь...» И прочая чушь. Дивайн?

— На браслете написано именно это. На внутренней стороне. Я так понимаю, что Шаграт подыграл Светлому Дому? Исход был предрешен?

— Да. В Книге моего Дома, доминатор уверяет накануне битвы, что Тьма будет повержена с божественной помощью. Дивайн... Дивайн!

Лорд Темного Дома стоял, глядя в одну точку. Он вспоминал до малейших деталей Битву.

— При условии, что преимущество было на Вашей стороне, каким-то чудесным образом Светлые смогли уничтожить магическую элиту твоего Дома. Но тогда никто не предал этому значения. Война все спишет. А мой предшественник был уверен в исходе битвы ещё до ее начала. Значит, он тоже знал о том, что у Светлых появился браслет. И предполагал, что они используют его в грядущей военной кампании. Но как он очутился у тебя?

— Ничего интересного. Мне отдала его твоя служанка, за то, чтобы я отпустил ее с миром. Я и отпустил, — медленно проговорил Лорд Дивайн, — С миром...

* * *

Всадник в белом спешился у границы Сада Зверя. Он внимательно посмотрел на озеро, туман, ползущий под деревьями, гордо вскинув голову, он двинулся к белой гробнице.

— Свет есть во мне... — шептал он, оглядываясь.

Магистр приказал передать послание для Мертвого Короля. Это

касалось предстоящей военной компании. Идти оставалось совсем немного, но терять бдительность было нельзя. Туман стелился по земле и висел клоками на почерневших от сырости деревьях.

— Кто нарушил мой покой? — спросил голос из тумана.

Гонец вздрогнул. Мысль о том, чтобы остаться здесь мертвым Гонца пугала, поэтому он поспешил изложить послание. Он сказал, что маги нашли способ вызвать Мертвых на поле брани.

Мертвый Король посмотрел на него и ответил:

— Моя война уже окончена. Но моя битва продолжается. Я не хочу ослабить рубежи, чтобы мертвые покинули эту проклятую землю. Я не стану участвовать в битве.

Этот ответ был уже предусмотрен Людьми Анвеора, поэтому Гонец сказал:

— Ничего страшного не случится, если в окрестных деревеньках умрет пару ребятишек, заблудившихся в лесу. Сейчас речь идет о великой битве, где любая помощь будет очень нужна.

— Я оставляю эту битву живым.

— Вы же знаете, что если покинете пределы Сада Зверя, сможете обрести покой, в случае, если ваше тело уничтожат! Мы предлагаем Вам достойную смерть и вечный покой! — отчаянно вскричал Гонец, понимая, какой ответ последует за его словами.

— Вы уже обманули меня один раз, — сказал Мертвый Король, кивнув на белоснежный постамент. — Вы однажды уже хотели подарить мне вечный покой, но обманули. Вы хотели выудить у меня божественный дар.

— Значит, Вы приняли сторону Дома Тьмы... — тихо сказал Гонец, и словно испугавшись своих слов, замолчал.

— Нет, я не принимаю ничью сторону, — с достоинством ответил Король.

— А теперь я задам последний вопрос. Могу ли я просить Вас дать нам на время Ваш браслет, — Гонец упал на одно колено и посмотрел на короля снизу вверх.

— Я его подарил, — насмешливо сказал Мертвый Король.

— Подарил? — в ужасе переспросил Гонец.

— Да... За поцелуй. А как распорядился им человек, которому я его подарил — это его дело.

— В чьих руках он сейчас? — с отчаянием в голосе спросил Гонец.

— В руках Лорда Дивайна, — спокойно сказала красивая, бледная женщина, выходя из тумана.

* * *

Дивайн обдумывал слова Шаэссы, вертя в руках браслет.

— Значит — это правда... Исход давнишней битвы был предрешен, и я должен был проиграть, но все вышло наоборот. С чего бы Он вмешивался в наши дела? Он должен был быть арбитром, но он открыто принял сторону Дома Света и Людей Анвеора. Он хотел уничтожить меня чужими руками? Унизить? Поставить на колени? Такого не было никогда! Цель его — удержать равновесие... Но уничтожение моего дома этому никак не способствовало бы... Мне напоминает это сведение старых счетов. Со мной...

— Или с Домом Тьмы, — мрачно закончил Шаэсса, — Почему он вдруг стал сочувствующим одному из Домов?

— Потому, что это — не Шаграт... — хрипло закончил Дивайн, — Интересно тогда, кто это? Если рассуждать логически, то богом может стать только нечеловек, уничтожив своего предшественника при определенных обстоятельствах и условиях. Как это стало возможным? Кто из Дома Света сделал то, о чем мечтаешь ты?

— Я бы поставил вопрос по-другому, зачем Анвеору собирать все возможные артефакты для путешествия, заранее обреченного на провал?

— Пока сходится, — Дивайн откинул голову назад, — У него было оружие и множество других артефактов, которые он собрал у всех Домов, кроме нашего.

— Зачем ему артефакты, если он — не бессмертный? Неужели Анвеор был первым бессмертным? Возможно, он и есть тот таинственный бессмертный, о котором мы почти ничего не знаем! — Шаэсса шумно втянул в себя воздух. Его пальцы барабанили по обложке Летописи Светлого Дома.

— Нужно узнать, что именно забрал с собою Анвеор. В свою очередь, я говорю, что моего добра в списке нет, — сказал с усмешкой Лорд Дивайн.

— Зря смеешься. Мы ошиблись, — Шаэсса отрицательно покачал

головой, глядя в одну точку и барабанив пальцами по книге.

— С чего ты решил? — спросил Дивайн, — Все вроде гладенько получается... Теперь я могу найти достойное объяснение тому, что все безропотно отдавали ему артефакты. Путешествие — это предлог. Все было продуманно им изначально ради...

— Но есть одно «но», — мрачно сказал Шаэсса, — Если он так дорожит своей властью, почему он позволил нам использовать?

— Вот на этот вопрос я бы и хотел получить ответ. Возможно, он решил, что никому не под силу повторить его подвиг, — задумчиво ответил Дивайн.

— Так или иначе, но нашего Абсолюта появились любимчики. Это — хороший повод для того, чтобы справедливость восторжествовала, — сказал Шаэсса, улыбаясь, — Обменяй браслет на девочку.

— С чего бы это? — спросил Дивайн, поднимая бровь.

— Потому, что в данный момент, она — ключ к разгадке. В данный момент они пытаются всячески заполучить ее лояльность. Они хотят использовать наше оружие против нас, — Шаэсса закрыл глаза, — Они думают, что ее интересует власть.

— Если бы я знал наверняка, то подарил бы ей парочку земель и несколько сотен душ.

— Нет... Ее не интересует власть. Ей нужна любовь, понимание, внимание... Так что я уверен, что она откажется от предложения. Но рисковать я не хочу. Она — мстительная. Кто его знает, что взбредет ей в голову... Может, она захочет отомстить нам.

— А ты не подумал, что мы обменяем одно оружие на другое, — перебил его Дивайн. — При помощи браслета они вызвали Анвеора. И в этот раз, чувствую, он не будет соблюдать иллюзию справедливости. Война может стоить нам жизни.

— Да. Я подумал об этом, — Шаэсса замолчал. Он посмотрел в глаза Лорду Дивайну, а потом рассмеялся. Улыбнувшись сам себе, он сказал:

— Я решил немного переиграть план. Мы вместе выступим против Анвеоритов.

Лорд Дивайн молчал. Он пристально смотрел на Шаэсса.

— Ваш Дом никогда не воевал с другими. Это — нарушение всех правил. Да и Альянсы подобного рода запрещались.

— Правила уже нарушены. Учитывая все вышесказанное, плевать я

хотел на запреты и традиции. Я даю тебе свое слово. Такой альянс скреплен узами крови. Мы же — родственники, как принято считать. Но пока мы не говорим об альянсе никому. Я хочу получить более веские доказательства нашей теории, и тогда ни у кого возражений не будет. Но пока, официально, я — арбитр. Но этот браслет нужно давать не королю, а Магистрам Ордена. Они сами договорятся с королем, — Шаэсса мерзко улыбнулся.

* * *

Король несколько дней не заходил. Алетиш сидела в одиночестве, чему была несказанно рада. Она так устала от всего, что ей просто хотелось побыть одной. Когда она думала о будущем, то у нее начинала болеть голова. Но даже в абсолютно пустой комнате, к слову не самой лучшей, она была не одна.

— Я боюсь... — сказала Алетиш, обращаясь к самой себе, — Боюсь неизвестности, и меня мучает чувство вины.

Но в ответ была тишина.

— Послушай, я не знаю, что мне делать?

— А от тебя уже мало что сейчас зависит, — равнодушно ответил голос.

Впервые девочка была рада его услышать.

— О! Я так тебе рада... — сказала она.

— И я тебе рад... — спокойно ответил голос, — Знаешь, я хочу тебя немного утешить. Как бы то ни было, я — единственный, кто будет с тобой до конца.

— А что, конец близок? — грустно спросила Алетиш.

— Ближе, чем ты думаешь...

— Вставай! — окрикнул ее грубый голос из реального мира, — Подойди сюда...

И снова было какое-то подземелье, много людей и скрипучее перо. И боль. Снова и снова, волна за волной. Обессиленная, она кричала, но никто не обращал на нее внимание. Только перо скрипело, и слышались разговоры. Все сливалось в сплошное мутное пятно. В этот раз на нее надели кандалы на руки и на ноги. Те, что были на ногах, приковали к полу, а те, что были на руках, зафиксировали где-то вверху. Когда она

теряла сознание — ее приводили в чувство и снова продолжали. Ей жутко хотелось пить, а голос был сорван. У нее не было сил даже кричать.

— А где король? Он обещал, что больше такого не будет! — прохрипела она, повиснув на руках.

— Король умер, — ответил кто-то равнодушным голосом.

— Вы его убили, — с трудом проговорила Алетиш, поднимая голову.

— Попробуйте увеличить силу и подставить щит, — сказал кто-то справа.

— Все равно она отражает магию. Я уже не могу... Пусть следующий пробует, — сказал кто-то слабым голосом.

И снова боль, разговоры и скрип пера.

* * *

— Я, как незаинтересованная сторона, играющая роль посредника, хочу знать, где девочка? Свое условие Дом Тьмы выполнил, — прошипел Шаэсса, сжимая кулаки. Он ходил вперед-назад по белоснежному залу.

— Мы пока не можем ее Вам отдать... — сказал представитель Ордена, переплетая пальцы.

— Что это значит? Речь шла о том, чтобы девочка, живая и здоровая, была отдана Черному Дому, — сказал Шаэсса, хмурясь.

— Мы пока не можем ее Вам отдать... — уверенно повторил представитель Ордена.

— Слушай меня внимательно, — Шаэсса криво усмехнулся, — Я, как сторона-посредник, беру на себя обязательства по выполнению условий договора. И я несу ответственность за его невыполнение. Если девочку мне не вернут сейчас же, то я вынужден буду прибегнуть к крайним мерам.

И он сделал жест рукой, со всех сторон пополз белый туман.

— примени все красноречие и приведи мне девочку, — сказал Шаэсса, делая жест рукой, словно стряхивает с нее воду. Туман исчез.

— Я попробую сделать все, что в моих силах, — сказал представитель Ордена и удалился.

Алетиш очнулась от того, что ее мыли, причесывали и чем-то мазали. Она бросила бессмысленный взгляд на людей и снова провалилась в забытие.

Она почувствовала, что ее куда-то несут, но в ее теле была такая слабость, что ей было трудно даже пошевелить пальцем.

— Она спит, — сказал кто-то, и она почувствовала, как ее подхватили другие руки. Девочка приоткрыла глаза, увидев лицо Лорда Шаэссы, который держал ее на руках, и снова провалилась в черную бездну.

Лорд Шаэсса передал ее на руки своим слугам, а сам внимательно посмотрел на ее бледное лицо. Осторожно пальцем он убрал прядь волос с ее лица, потом оттянул ее нижнее веко. Он взял ее за руку, которая была почти ледяной, чтобы прощупать пульс и увидел синие следы от кандалов.

— Что это? — спросил он, и голос его дрожал от плохо скрываемого гнева.

Анвеориты молчали.

— Я спрашиваю! Что это такое? — выкрикнул он в лицо Анвеоритам.

— Она упала, — спокойно сказали жрецы.

— Нет... Это след даже не от веревки... И на второй руке тоже! Я Вас спрашиваю, кто Вам позволил так обращаться с ней? Где в правилах прописано подобное обращение с пленными, принадлежащих высшему сословию? — Шаэсса себя почти не контролировал. Его глаза помутнели и стали розовыми, а волосы потемнели. Золото померкло. Но это случилось ровно на секунду.

— Правила нас не интересуют, — презрительно сказал Магистр Ордена.

Шаэсса неожиданно подошел к нему и ударил его по лицу, да так, что Магистр упал, захлебываясь собственной кровью.

— Правила меня не интересуют, — с расстановкой сказал Шаэсса, подражая голосу Магистра, — А если кто-то из Вас сейчас надумает помешать мне уйти — умрет страшной смертью. Я мог бы убить тебя одним ударом, но придет время, и я взыщу с тебя долг. Пока это — только аванс. Я пришлю Вам извещение о моих дальнейших действиях.

— Выродок! — прошипел Магистр, сплевывая кровь, — Твой мерзкий Дом скоро об этом пожалеет. Труссы и предатели!

— Вы все об этом слышали? — спросил Шаэсса, поворачиваясь к своей свите, а потом посмотрел на Магистра.

— Они нарушили договор, попытались подставить наш Дом, обмануть доверие, — Шаэсса сузил глаза и взмахнул рукой, обращаясь к своей свите, — С этого момента мы больше не являемся союзниками. А теперь, Магистр, будьте так любезны и дайте нам спокойно уйти, если не хотите, чтобы снова пролилась чья-то кровь.

Магистр нехотя сделал знак, чтобы Шаэсса и его люди могли беспрепятственно выйти, хотя некоторые маги уже собирали силы, чтобы обрушить свой удар на Серого Короля.

К закату второго дня Лорд Шаэсса, беспрепятственно въехал в границы владений Темного Дома вместе с девочкой, которая лежала на его руках, так и не приходя в себя.

Лорд Шаэсса задумчиво смотрел из окна кареты на открывающиеся унылые виды, но думал явно не о красоте местной природы. Мысли его были где-то далеко. Иногда он убирал непослушный локон с ее бледного, словно неживого лица.

— Не нужно меня мучить... — шептала девочка, отталкивая его руку, — Мне больно... Отпустите меня...

* * *

Лорд Дивайн смотрел, как ее выносят из кареты, как слуги суеются, пытаясь привести ее в чувство.

— Лучше к ней не прикасаться. Ни тебе, ни мне... Она тогда шепчет, что ей больно, — Лорд Шаэсса, присаживаясь в кресло, — Я нахожусь здесь официально, как союзник Темного Дома. Они уже получили уведомление о том, что на мою помощь и поддержку они могут не рассчитывать. А мой народ поддержал мое решение объединиться в военной кампании с Домом Тьмы, после того, что произошло при передаче девочки.

— И что же произошло? — с нескрываемым любопытством спросил Лорд Дивайн.

— Ничего особенного. Они меня разозлили. Магистр настолько

обнаглел, что посмел мне перечить и диктовать свои условия! — улыбнулся Шаэсса.

— Ты убил парочку его прихвостней?

— Нет, но есть вещи унижительней, чем красивая геройская смерть... Например, сплевывание крови и поиск выпавших зубов под ногами своих слуг.

Лорд Дивайн рассмеялся. Он смеялся долго и непринужденно.

— У меня нет слов.... Ты поступил, не как Доминатор Дома Теней, а как мальчишка!

— Обижаешь... — сказал с гордостью Шаэсса, — А ты бы так не смог!

— Нет, не смог бы. Я стараюсь сохранить достоинство в любой ситуации, — Дивайн сделал знак, чтобы подали ужин.

Шаэсса посмотрел на свои пальцы и снова улыбнулся.

— Я знаю, в чем твоя проблема, Дивайн. Ты не умеешь импровизировать, — наигранно грустно сказал Шаэсса.

— А ты — страшен в своей импровизации, — парировал Дивайн. Ему не хотелось спорить. В душе Дивайна давно боролись противоречивые чувства. Впервые в жизни Лорд Тьмы испытывал настоящее волнение. Он немного помолчал и добавил:

— Что мы будем делать с девочкой?

— Целовать, как в сказках... — мрачно улыбнулся Шаэсса.

— И тогда она окончательно нас покинет. Я серьезно. Ах да... Я хочу вернуть тебе кое-что. Возьми... — сказал Дивайн, протягивая ему цепочку с камнем-слезой.

— Это — очень важная вещица. Спасибо, что нашел и сохранил ее. А отдельное — за то, что вернул.

— Я так и понял, поэтому ты разбрасываешься ею.

Шаэсса на минуту задумался и произнес:

— Я знал, что она, так или иначе, попадет к тебе в руки вместе с девочкой. Кстати, на счет девочки... Она сейчас придет в себя. Смотри!

Шаэсса встал и прошел в комнату, где на огромной кровати среди сотни кукол лежала девочка. Дивайн встал рядом с ним.

— Когда я говорил «в куклы играть будешь», я имел в виду это в переносном смысле... — скептически заметил Шаэсса, глядя на все ее игрушки.

Дивайн пропустил колкость в свой адрес мимо ушей. Его

интересовал результат. Шаэсса присел на уголок кровати, приподнял голову девочки и ловко застегнул на ее шею цепочку.

На шипящем странном языке Шаэсса произнес несколько фраз. Девочка не открывая глаз села.

— Найди ее и приведи в чувство. Иначе вернешься в камень и никогда не получишь свободу!

— А девочка? — спросила Алетиш чужим голосом.

— Умрет, — пожал плечами Шаэсса.

— Почему нельзя использовать его в таком состоянии? — спросил Дивайн, скрестив руки на груди.

— Он не имеет полного контроля над ее телом. Нужно, чтобы остатки ее души навсегда покинули тело. Камень не сможет долго контролировать тело, а нам нужно еще время. Теперь ждем результатов. Я уверен, что камень вернет ее сознание. Но она уже не будет прежней... Это — начало ее конца.

Лорд Дивайн молчал. Он не любил терять вещи, к которым успел привязаться. Ненавистная пустота уже разливалась в его душе, а он все еще искал возможность победить ее, хотя и сам понимал, что это — невозможно. Оставалось смириться с потерей еще до того, как она произойдет. Девочка сумела победить пустоту в его душе. Пусть даже не время, но ей это удалось. Дивайну не хотелось ее терять.

— Возможно, что есть какой-то выход? Возможно, можно как-то продлить... — задумчиво спросил Дивайн, словно обращаясь вовсе не к Шаэссе, а к кому-то другому.

— Продлить ее мучения? — негромко спросил Шаэсса, — Если мы не сделаем то, для чего мы ее создали, она все равно обречена. Она долго не проживет. Сначала она будет забывать, что ей говорили, потом лица людей, внезапно вспоминая какие-то эпизоды из своей короткой жизни. Память сотрется, тело ослабеет, и в определенный момент ты поймешь себя на мысли, что кукла окончательно сломалась. И никакая магия не сможет ее починить. Она будет смотреть стеклянными глазами, не понимая, что ей говорят. Зачем привязываться к сломанной игрушке? В мире есть тысячи новых, красивых и интересных. Ты можешь воссоздать ее внешне точную копию. Если захочешь.

Лорд Дивайн улыбнулся:

— Если захочу.

Шаэсса обернулся и увидел, что девочка лежит с открытыми

глазами и смотрит на них.

— Ты в безопасности, — нежно сказал он, убирая пряди волос с ее лица.

Лорд Дивайн молча стоял в пол оборота, глядя на нее.

— Вы... — хрипло сказала она, пошевелив рукою.

— Многое изменилось с тех пор, как мы расстались, — сказал Лорд Шаэсса, — Теперь мы — союзники. Тебе нужно отдохнуть. Ты сильно устала. Мы пока не потревожим тебя...

Доминатор Темного Дома промолчал, внимательно посмотрел на девочку и вышел из комнаты. Шаэсса последовал за ним.

Глава XXX. Равнодушная война

Глава XXX. Равнодушная война

Глава XXX. Равнодушная война

— Я хочу обсудить план дальнейших действий, — сказал Дивайн, сядя в кресло из черного оникса. На второе он указал Шаэссе.

— Тебе не нужны карты и схемы? — съехидничал Шаэсса, вращая браслет на руке.

Появилась та игра, которую Шаэсса показывал Алетиш в Храме Анвеора. На карте развернулись земли сразу всех трех государств.

— На моей территории военных действий я не предполагаю. На твоей... Ну судя по твоему взгляду, тоже воевать не будем. Есть вариант — Сад Зверя, — сказал Шаэсса.

— Там они получают мощную поддержку в виде дружественных покойников. Анвеориты будут только рады. Не пойдет. Как на счет ничейных земель? — сказал Дивайн, наклоняясь над картой.

— Да был я там... Развернуться негде. Воевать будем на территории врага. Пойдем методом выжженной земли. Если повезет — дойдем до предместий ЭнгъЯрда. Если не повезет — застрянем на границе. Вообще было бы здорово, если бы мы воевали на территории ЭнгъЯрда, — Шаэсса взмахнул рукой, и на карте появились очертания крепостных стен и два войска снаружи и одно внутри.

— Нет. Я не считаю правильным воевать в городе. Развернуться негде. Они знают ЭнгъЯрд лучше нас, поэтому будут готовы. Я не хочу потерять часть войск под стенами, — Дивайн пошевелил пальцами и войско исчезло.

— Есть предложение выбрать поле, устроить пафосные переговоры

и классические маневры. Предлагаю встретиться возле Арстейна, бывшей столиц Светлых. Там все началось. Пусть там все и закончиться.

На карте появилось поле, где стояли три воинства. Черное, серое и белое.

— Допустим, — произнес Дивайн, — Что дальше?

— Наша цель — выманить Анвеора... — Шаэсса помолчал, а потом добавил, — Допустим, что это — Анвеор... Это можно сделать в том случае, если мы прижмем Орден.

— Ну, теперь, благодаря тому, что браслет оказался у них, прижать их будет немного сложнее, чем изначально предполагалось, — хмуро заметил Дивайн.

— Во-первых, девочка у нас. Во-вторых, использовать браслет мы не могли бы. В-третьих, при помощи этого браслета они вызовут Анвеора или кого-то другого. Если это — Анвеор, и наша догадка будет верной, то он придет. Свет он мог сдать, но своих людей сдавать он не будет. Кто ему еще будет петь дифирамбы и раскладывать подношения. Он придет только в том случае, если Анвеориты проиграют или начнут сильно сдавать позиции. Дивайн, мы их раздавим при любом раскладе. Это — первая часть нашей пьесы. Вторая начинается с момента прихода Анвеора. Вот тут-то все и станет на свои места, — Шаэсса провел рукой по полю боя, и началась битва. Черный Дом атаковал с левого фланга, а Серый Дом с правого. Они внезапно разошлись, словно, впуская между флангами войско Анвеоритов, а центральный отряд закованных в доспехи всадников принял удар на себя. Края захлопнулись, сжимая войско Анвеоритов внутри. Тут один из маленьких жрецов что-то выкрикнул, и на поле появилась светящаяся фигура. Анвеориты воодушевились. Навстречу светлой фигуре вышли две другие фигуры. Черная и Серая.

Лорд Дивайн взмахнул рукой, и все стало видно гораздо лучше. Стали видны даже мелкие детали одежды.

— Я — схематически... — пожал плечами Шаэсса.

— А я люблю детализировать, — сказал Лорд Дивайн с улыбкой, наклоняясь к игровому полю. Его волосы едва не коснулись миниатюрного войска.

— Девочку ты тоже прорисовал? — спросил Шаэсса, глядя с каким садистским удовольствием Лорд Дивайн прорисовывает кровавые

детали и подробности. Критически осмотрев полученную картину, Дивайн откинулся и улыбнулся:

— Дальше что у нас?

Пришла пора наклоняться Лорду Шаэссе. Он улыбнулся и провел пальцем по застывшей фигурке Анвеора. Та несколько раз конвульсивно дернулась и пустилась танцевать.

— Не смешно... — серьезно сказал Дивайн.

— Пусть пока дрыгается. Дальше я все беру на себя.

— Нет! — сказал Дивайн и посмотрел в глаза Шаэссы, — Пока я не услышу четкий план действий, я отказываюсь играть в войну.

— А кто тебя спрашивать будет? — с вызовом ответил Шаэсса, — Играешь. И еще и как!

Лорд Дивайн посмотрел на Шаэссу так, словно хотел убить на месте.

— Так и быть. Схематично я набросаю эскиз, — весело ответил Шаэсса, — Это один из вариантов развития событий, но я почему-то сразу подумал, что он — самый вероятный. Он попытается нас убить.

— Почему именно убить?

— Апостериори. Ему давно хотелось свести с нами счеты. Не знаю, как со мною обстоят у него дела, но ты его явно тогда унизил перед всеми, растоптал и плюнул в лицо, — задумчиво сказал Шаэсса, — Вот только почему он ничего не смог сделать? Захотел сохранить иллюзию справедливости? Испугался? Вопрос был «не шкурным»? Короче, Дивайн, я не смогу тебе просчитать все ходы наперед. Но кое-что я предусмотрел. Я считаю, что мы будем ориентироваться на местности. Ты и сам прекрасно можешь спланировать все наперед, рассчитать тактические шаги, выбрать стратегию. Или ты хочешь проверить меня? Я дал тебе повод мне не доверять?

Шаэсса замолчал и посмотрел на Дивайна. Он чувствовал, что Дивайн может отказаться в любой момент, поэтому на поле боя Шаэсса выйдет один. Мотивы Дивайна, казались не совсем ясными. Месть — это святое, но стоит ли месть такого риска? Желание развеять скуку? Тоже вариант. Но можно было бы выбрать что-то менее опасное. Азарт и желание померяться силами с богом? Возможно. Дивайн привык считать себя непобедимым. Но он до сих пор не встречал противника, силы которого превышали бы его собственные. Если бы Шаэсса знал наверняка, то он смог бы сыграть на этом, а пока, ему самому казалось,

что он играет на лютне с повязкой на глазах. Дергает за струны, но не знает, какая прозвенит. Из задумчивости его вывел голос Дивайна.

— Хорошо. Мы его уничтожаем при помощи девочки. Каким образом? Она вызовет его на битву? Тогда право первого удара принадлежит ей. А поскольку она ничего не сможет сделать, то он вынужден ударить сам, а он — не дурак. Девочку можно убить и без помощи магии, — Лорд Дивайн сплел пальцы, — И еще вопрос. Он же наверняка нас сейчас слышит. Почему он дал нам зайти так далеко?

Шаэсса подумал и ответил, тщательно подбирая слова.

— Он, конечно, нас подслушивает! А что ему еще делать? Но я поставлю ему такие условия, что он не сможет выкрутиться. Поэтому я и не хочу распространяться о некоторых вещах. В голову он мне не залезет. Он дал нам зайти так далеко по двум причинам. Первая — он слишком самоуверен. Вторая — он не настолько всемогущ. Тяжело ему, наверное, — рассмеялся Шаэсса, но потом стал серьезным, — Дивайн, а ты когда-нибудь сталкивался с силой, которая превосходила бы твою?

— Нет, — задумчиво ответил Дивайн, глядя, как маленький Анвеор нанес свой удар. Миниатюрная Черная фигурка поставила прозрачный щит, а Серая метнулась с мечом в обход. Черная фигурка нанесла свой удар одновременно с Серой. Только Серая пошла в рукопашную, давая Черной время собрать силы для удара.

— Не вводи девочку. Посмотрим так, — сказал Шаэсса, упираясь руками в игровое поле.

Черная фигурка ударила, но Анвеор отбил удар и тут же нанес свой. Серая фигурка поставила щит перед собой и Черной. Огонь выжигал щит, но Серая фигурка держала его. Черная фигурка была не готова нанести третий удар. Они стояли плечом к плечу, но силы их были явно на исходе. Черная ухитрилась нанести еще один удар, но он был слабее предыдущих, а потом ослепительная вспышка света и все...

— Бесславно, — мрачно подвел итог Лорд Дивайн, — Быстро и бесславно. Я бы сказал, что бессмысленно и глупо.

— Можно было бы дезертировать, — предложил Шаэсса, глядя на два тела распростертых на земле.

— Чудесная идея. Так мы и сделаем, — мрачно сказал Дивайн. Его уязвило то, что он не смог победить в этой битве. Так быстро и так просто. Смерть Дивайна пугала. Он вообще не любил рисковать, а рисковать собственной жизнью — это было слишком! Впервые он

ощутил что-то похожее на беспокойство. Он прекрасно знал два способа окончить свой жизненный путь. Но знал, что никогда к ним не прибегнет. Шаэсса и его мать некогда просветили его относительно силы камня. Первый способ он знал с детства. Можно убить себя самому. Но Дивайн никогда бы не решился на такой шаг, насколько ужасной не была бы ситуация. Поэтому он точно знал, что обезопасил себя от двух вышеперечисленных способов расстаться с жизнью. А вот мысль о том, что некое богоподобное существо сотрет их в порошок, вызывала в нем чувство, похожее на страх. Неприятное предчувствие закралось в душу Темного Лорда. Если мальчишка мечтает о смерти, то он ему мешать не будет. Тем более девочка пророчит смерть одному из них. Но самому чудовищно рисковать ради мести... Но, если посмотреть на все с другой стороны... Такой шанс выпадает раз в жизни.

— Такой шанс выпадет раз в жизни... Просто доверься мне... — вслух сказал Шаэсса. Дивайн вздрогнул и бросил взгляд на Лорда Теней. Их взгляды встретились, словно мечи, но тут же блеск стали погас. Словно два хищных зверя они всегда узнают друг друга из тысячи. Под любыми масками, под любыми личинами.

Завтра должна была начаться Последняя война. Каждый из них готовился по-своему. Дивайн смотрел на страницу книги и думал о возможных вариантах развития событий. Шаэсса просто ел яблоко, иногда переводя взгляд на Дивайна.

— Шаэсса, мне интересно, как там девочка? — сказал Дивайн, откладывая книгу, проводя пальцами по ее обложке.

— Мне сбегать и проверить? — иронично спросил Шаэсса, доедая яблоко, — Сходи сам и проверь, если в тебе проснулся интерес.

Дивайн лениво улыбнулся.

— Неужели тебе самому неинтересно? — спросил Дивайн, внимательно изучая реакцию Шаэссы.

— Да как сказать? — пожал плечами Шаэсса, — Завтра она умрет. Может кто-то из нас захочет попрощаться с ней?

— Ты это говоришь нарочно? Чтобы тебе было легче? — сузил глаза Дивайн, — Ты обрек ее на то существование, которое она сейчас влачит. И ей осталось влачить его совсем недолго.

— Ну знаешь ли... — вспыхнул Шаэсса, — Лучше она, чем мы. Ей терять нечего. Смог бы ты отдать свою жизнь за нее? Не утруждай себя

ответом.

— Мне все это не нравится, — тихо сказал Дивайн, — Я испытываю некоторую тревогу, относительно исхода предстоящих событий.

— Я тоже испытываю тревогу, но это уже не имеет значения. Если бы не удачное стечение обстоятельств и немного дипломатии, то гнила бы твоя кукла в земле, а ты бы никогда о ней не слышал, никогда не видел и никогда бы не узнал. Я тебя не узнаю. У меня такое чувство, что все мысли у тебя не о предстоящей битве, а о девочке, — недобро улыбнулся Шаэсса.

— И после этого ты называешь меня жестоким? — Дивайн сузил глаза, — Наверное, лучше бы было бы, если бы ты никогда не присылал ее мне.

— А ты привязался всей душой и всем сердцем? — ядовито спросил Шаэсса, — Я не хочу ее делить. И ты не хочешь ее делить. В этом плане у нас с тобой все сходиться. Проблема в том, что делить уже нечего. Она того просто не стоит. Не обманывай себя. Мы не способны любить. У нас просто такое чувство отсутствует в спектре эмоций.

— Но ведь мать свою ты любил, не так ли?

— Я был к ней очень привязан. Я всегда чувствовал ее, словно мы были одним целым. Я чувствовал себя привязанным к ней, невидимыми нитями. Мне иногда передавались ее чувства. Что-то в груди точно знало, где она находится. Я был привязан к ней своим сердцем, — уклончиво ответил Шаэсса.

— Она тебя любила. Хотя и была бессмертной. Она отдала жизнь за то, чтобы обеспечить тебе будущее, — спокойно сказал Дивайн, — Мне трудно ее понять, но иногда, кажется, что я ее понимаю, а ты даже не удосужишься оценить ее жертву. Если бы тогда она послушала меня...

— Ты опять смакуешь мерзкие подробности своей личной жизни? Да мне противна та мысль, о том, что между вами что-то было! Ваши увертки, недосказанности... Она даже не смертном одре ухитрилась улизнуть от ответа! Меня просто дрожь берет, когда я представляю Вас вместе! Ты забрал ее у меня, отвратил ее от меня, выслав меня подальше, дабы не мешал разбираться с семейными проблемами. Ах, я прямо представил: мы зажили счастливой семьей, все втроем. Я, мамочка и ты. И как мне тебя называть тогда? Папа? — Шаэсса

истерически засмеялся.

Лорд Дивайн смотрел на него с отвращением.

— Ты думаешь, что я всем тебе обязан? Ты думаешь о том, что я в вечном и неоплатном долгу перед тобою за эту железяку с драгоценностями, которую я завтра нацеплю на голову для пущей важности? — взгляд у Шаэссы, был колючим и явно недобрый, — Так вот откуда у тебя горячее желание поучать меня и испытывать! Иногда мне кажется, что ты слишком много на себя берешь! Ты — не мой отец, Дивайн. И если бы ты им был, то я бы предпочел удавиться!

— Поосторожней с выражениями, — с улыбкой сказал Дивайн, — Я это делал и делаю не ради тебя. А лишь потому, что, имел неосторожность пообещать твоей матери. И все-таки... Как на счет девочки?

Лорд Шаэсса встал и подошел к Дивайну. Наклонившись к его уху, он произнес:

— Ты когда-то забрал у меня ту, что была мне дорога, к кому я был привязан. Пожалуй, мне будет приятно отомстить тебе. Пусть даже таким образом. Я возвращаю тебе розу, бессмертный принц. Розу, которая своей смертью причинит тебе боль. Розу, которую я вырастил для тебя, и которую погубил твоими руками. Думаешь, что мне ее жаль? Нисколько. Оно того стоило...

Лорд Дивайн стиснул зубы. Шаэсса весело и непринужденно рассмеялся.

— Я тебя уничтожу... — пообещал Лорд Дивайн.

— Береги силы. Завтра они тебе понадобятся... — улыбнулся Шаэсса.

* * *

Есть война по правилам, а есть война без правил. Война без правил исконно считалась дурным тоном. Но в этой войне правила были нарушены еще до начала боевых действий, поэтому исход предсказать было сложно.

Это был конец ноября. Странная погода стояла в те дни. Снега еще не было, но было сыро и холодно. По утрам на когтистых лапах деревьев был развешен клоками туман, а под ногами чавкала грязь. К

полудню все окончательно раскисало, а к вечеру подмерзло, сковывая льдом глубокие лужи.

Лорд Дивайн стоял на холме. На нем были тяжелые доспехи с кроваво-красным узором. Словно почерневшее от времени серебро они тускло блестели на солнце. Шлем, увенчанный короной, Лорд Дивайн отдал слугам. Его дыхание вырывалось изо рта облаками пара, а рука скользила по древку огромной алебарды. Рядом с ним стоял Лорд Шаэсса. На нем был доспех из серой кожи, с тиснением и меховой отделкой, а голову венчал тонкий обруч с небольшим полупрозрачным камнем. На руках у него были широкие стальные браслеты, а в левой руке он сжимал рукоять волнистого меча.

Алетиш была одета, словно кукла: ее бледное лицо было накрашено, а волосы уложены в блестящие букли. Она сидела в небольшом кресле, поскольку стоять ей было тяжело. На ней было черное платье с огромными атласными розами на юбке, перчатки и меховой палантин.

— Шаэсса, — сказал Дивайн хрипло, — Я хочу, чтобы ты поклялся.

— Чем и для чего? — удивленно спросил Шаэсса.

— Поклянись на крови. Поклянись мне, что ты будешь со мною до конца, — сказал Дивайн, глядя в глаза Шаэссе.

— Ты имеешь в виду битвы? Или жизни? — удивился Шаэсса, — Первое могу пообещать, а второе — нет.

— Я знаю, что ты можешь в любой момент предать, поэтому я возьму с тебя клятву.

— Тогда я тоже возьму с тебя клятву. Мы пройдем этот путь вместе. От начала и до конца, — сказал Шаэсса, надрезая запястье, — До момента смерти Бога и уничтожения врагов. Дальше — как повезет.

Дивайн надрезал запястье, и они свели руки вместе. Словно два хищных зверя они смотрели пристально в глаза друг другу. Они были хищниками среди людей, они были одной природы, одной масти, и никакая маска не скроет их истинную суть, никакое вино не утолит их жажды, никакая кровь не заполнит их пустоту. Они не просто чувствовали свое превосходство, они были преисполнены гордыни и упивались своим бессмертием.

— Вполне достаточно, — удовлетворенно сказал Дивайн, улыбаясь. Рана на его запястье затягивалась на глазах, — Предлагаю

тебе такую тактику. Я поведу два войска. Я расставлю их на поле боя и буду заниматься маневрами. Ты будешь слушать мои приказы. При появлении Анвеора, я буду слушать тебя.

— Я согласен, — кивнул Шаэсса.

— Да... — протянул Дивайн, — Пока еще не поздно, я хочу узнать, каким образом ты собираешься заставить Анвеора сразиться с девочкой?

— Я буду импровизировать, — Шаэсса взмахнул рукой.

— Я не люблю, когда ходы не просчитаны наперед, — медленно проговорил Дивайн, качая головой, — Я не люблю импровизации. Я люблю четкий план и четкое выполнение всех пунктов. Я люблю, когда есть запасной план к запасному плану.

— Бессмысленно, Змей, планировать, терять время на раздумья, а потом обнаружить, что ни одна из стратегий не подходит, — холодно ответил Шаэсса. Его немного уязвило замечание Дивайна, — Я всегда действую по обстоятельствам. В нашем случае — это единственный козырь.

Алетиш тем временем сидела и чувствовала странный холод. Было ощущение того, что тело — стало каким-то мягким и непослушным, а голоса раздаются, словно из-за глухой стены. У девочки было такое ощущение, что она смотрит на себя откуда-то со стороны, при этом ей было все равно, что происходит с ее телом. Она устало откинулась на спинку своего трона и задремала. Алетиш снова видела во сне обрывки воспоминаний прошедших нескольких дней. Она видела зарева пожаров, мертвых, развешанных по ветвям деревьев, колеса, которые проворачиваются в грязи, одинаковых воинов, идущих стройными рядами, растянувшись до горизонта. Она помнит, как вышла из кареты, повиснув на двери, и почувствовала, что грязь под каретой алая. На руках ее была кровь, которую потом смыла служанка. Она помнит улыбку Лорда Дивайна и смех Лорда Шаэссы, глядя на выжженную землю и корчащиеся на земле тела. Она помнила многое, но ей было все равно.

Тем временем Анвеориты уже трубили в рог и стучали в огромные барабаны с изображением звезды. Впереди двигалась процессия в белых нарядах с высокими шестами, на которых они несли изображения звезд и белой ладьи.

Дивайн, Шаэсса стояли на холме, с которого было прекрасно видно

продвижение вражеского войска.

— Мы их превосходим по численности, — заметил Шаэсса.

— Тысячи на четыре... — ответил Дивайн, — Но у них сильная магическая поддержка.

— Ну и что? — пожал плечами Шаэсса, — Маги магам — рознь.

Анвеориты маршировали так, словно этот бой был целью всего их существования, и словно они знали исход битвы заранее.

— Я, доминатор Серого Дома, Король Дома Тени, Шаэсса Харцблайнт, временно передаю руководство военной компанией доминатору Черного Дома, Принцу Дома Тьмы Дивайну Эндору. Слушайте его приказы, словно мои собственные до тех пор, пока я Вам не прикажу обратное, — громко сказал Шаэсса.

— Я принимаю руководство, — коротко ответил Дивайн. Шаэсса с сожалением посмотрел, что не может сам поиграть в войну и проверить теорию на практике, но снова мысленно вернулся к основной цели данной военной компании. Он боялся упустить момент, боялся, что его расчет окажется неверным, боялся предательства Дивайна и боялся, что недооценил противника, но тот факт, что Дивайн был рядом, почему-то успокаивал его.

— Авангард! Стройся! Ваша цель — заманить противника вглубь нашего войска! — хрипло прокричал Лорд Дивайн, — Лучники! Занимайте позиции. Ваша цель — держать врага на нужном нам расстоянии до того момента, пока я не дам сигнал. Ориентируемся на северо-восточный ветер! Кавалерия! Ваша цель обойти противника и зажать его с обоих флангов. Маги! Вы не вступаете в бой до тех пор, пока не услышите мою команду. Двое магов подойти ко мне! Ваша задача — защищать этот сектор. А именно — девочку. Любой ценою. Все остальные — готовьтесь заметить павших!

Шаэсса сощутив глаза, смотрел на то, как Дивайн отдает распоряжение. Ему это было неприятно, но он знал, что у Дивайна есть опыт, а у него только знания. Это — первое. Второе — ему нужно было сосредоточиться. И Дивайн это понимал. Если расплыться на всякие мелочи, то можно упустить главное. Но все равно Шаэссе было неприятно. Он понимал, что от него зависит гораздо больше, чем от всего его войска. Лорд Теней посмотрел на девочку и его сердце сжалось. На секунду ему показалось, что оно того не стоит. Но Лорд Теней взял себя в руки и отбросил подобные мысли. Если этого не

сделать, то все было напрасно. На кону стоит нечто большее, чем гордость и честь. На кону стоят две жизни. Внезапно жалость кольнула его прямо в сердце. Он почувствовал что-то похожее на угрызения совести.

Шаэсса подошел к девочке и встал на колени перед нею, взяв ее тонкую и холодную руку в свои ладони, словно пытаясь согреть. Он провел ее рукою по своей щеке и остановил ее полусогнутые пальцы у своих губ. В этот момент он готов был отказаться от своих планов и дать возможность девочке пожить еще немного.

— Почему ты пришел к мертвой? — тихо спросила Алетиш, бессмысленно глядя ему в глаза. Сходство с куклой с каждым разом становилось все больше и больше.

— О чем ты? — спросил Шаэсса, согревая дыханием ее руку.

— Я — мертва и жива одновременно. Я лежу на пьедестале. Я — нынешняя, а я прошлая — стою рядом и смотрю на тебя. Ты принес мне кольцо.

— Наверное, я хотел подарить его тебе... — рассеянно ответил Шаэсса.

— Я тогда страшно завидовала себе. Я стояла и смотрела в день осеннего равноденствия на себя, мертвую. Я была нужна тебе. Почему не нужна сейчас? Мне холодно.... Знаешь, люди говорят, что им холодно, когда хотят, чтобы их обняли...

Шаэсса отпустил ее руку и отвернулся. Клятвы, которые он дал, снова позволили ему взять себя в руки. Чего стоит ее жизнь? Чего стоит ее любовь? Чего стоят ее слезы? Шаэсса зажмурился, чтобы отвести от себя наваждение.

Когда он встал с колен, то поймал на себе тяжелый взгляд Лорда Дивайна. Этот взгляд был остер, словно меч, а поджатые губы и рука, лежащая на рукояти алебарды, заставили Шаэсса улыбнуться.

— Если ты еще раз подойдешь к ней, я нарушу клятву и убью тебя на месте, — хрипло сказал Дивайн, пристально глядя в глаза Шаэссе.

— Мы подеремся за сломанную игрушку? — Шаэсса поднял бровь, а потом тяжело вздохнул и посмотрел на девочку.

Тем временем авангард уже прорывал первую линию обороны. Ветер приносил запах крови и стали. А крики, шум, топот и лязг мечей стали настолько громкими, что их приходилось перекрикивать. Битва только началась. Одного из магов, которые защищали девочку и

Лордов, убила стрела, вонзившись прямо в горло. Его быстро заменил другой маг. Стрелы отлетали от едва различимого щита, который держали маги над головами Лордов и девочки.

— Стоит нам вступить в битву? — спросил Дивайн, вглядываясь в сражение.

— Нет, — отрицательно покачал головой Шаэсса, — Еще рано. У меня есть идея получше.

Авангард прорвал первый уровень обороны, но часть его было сметена огромным огненным вихрем.

Дивайн скривился, глядя на то, как вышколенные войны дрогнули перед магами. Войны оказались опытными и тут же сомкнули ряды, снова идя в наступление. Кавалерия пыталась окружить войско, но с правого фланга у нее это получалось плохо.

— Маги! — закричал Дивайн, — Удар по правому флангу!

— Мы зацепим своих! — испуганно воскликнула женщина в сером плаще.

— Выполнять приказ! — рявкнул Дивайн, хватая ее за горло и отбрасывая к кучке других магов.

Маги собрались в круг. В центре круга встал мужчина в черном плаще и после того, как он закрыл глаза и выставил руки вперед на кончиках его пальцев, стал нарастать огненный шар. Ниточки силы потянулись из груди всех магов, которые встали на колени и взяли за руки. Шар разрастался, обдавая жаром и полыхая, словно солнце. А потом он сорвался и со смертоносной силой впился в правый фланг, разбирая ни своих, ни чужих, выжигая тела и плавя оружие.

— Я могу свести фланги в тылу противника, — сказал Дивайн, глядя на бушующую внизу битву.

— Похоже на море, не так ли? — отстраненно сказал Шаэсса, глядя на все происходящее почти без интереса, — А вороны, как чайки. Бушует и волнуется море битвы... Алая вода....

— Стоит проверить, как поживают Анвеориты и браслет... — прервал его сентиментальные размышления Дивайн.

— Хорошо, я посмотрю, — задумчиво сказал Шаэсса. Он закрыл глаза, и из его руки метнулась в небо маленькая тень, словно птица, раскинув крылья, она пролетела над их головами и полетела над полем боя. Шаэсса стоял с закрытыми глазами. А потом встряхнул головой:

— Даже не дернулись. Учти, Дивайн, я не буду больше такого

делать. Я не хочу тратить силу попусту.

— Хорошо, — задумчиво произнес Дивайн, — Нужно дожимать их.

— Подожди. Нужно напугать их так, чтобы они воспользовались браслетом! И сейчас самое удачное время!

— Что ты собираешься делать?

— Разыграю первый козырь! — сказал Шаэсса с вызовом в голосе.

— Я дожду их в любом случае, но вот приведет ли это к нужному результату? — спросил Дивайн, шумно втягивая воздух.

Шаэсса промолчал, поскольку в груди у него что-то сжималось при мысли о том, что все было напрасно. Он расправил плечи и несколько раз глубоко вдохнул.

— Смотри, сейчас будет интересно! — усмехнулся Шаэсса. Он резко сжался всем телом, потом упал на одно колено, коснувшись ладонями земли. Его волосы поднялись вверх, словно сквозь него снизу дул сильный ветер. В его глазах алый цвет поглотил полностью голубую радужку. Все тени, которые падали на поле боя, стали стекаться к рукам Лорда Шаэссы. Он улыбался страшной улыбкой, больше похожей на оскал. Тени окружили его меч и завертелись огромной воронкой. Прямо перед войском людей Анвеора встало еще одно войско.

— Что это? — спросил Лорд Дивайн.

— Первый козырь, — оскалился Шаэсса, — Все, кто был убит этим мечом, восстали из мертвых. Этот меч принадлежал моим предкам много тысячелетий. Жаль, что это можно сделать только один раз, поэтому наслаждайся. Этот секрет был давно забыт, но я раскопал его в твоих архивах... Ты — кладезь мудрости, мой друг. А твоя библиотека — это вечный лабиринт для искателя.

Мертвое воинство тем временем пошло в лобовую атаку. Анвеориты повернули вспять. Одно дело сражаться с людьми из плоти и крови, а другое дело с призраками.

— На сколько их хватит? — спросил Дивайн, высокомерно улыбаясь.

— На три минуты, — вздохнул Шаэсса, — Через три минуты видение исчезнет. Оно призвано внести смуту в стройные ряды наших врагов. Но они могут нанести физический урон тем, кто в это верит. Смотри, маги что-то кричат воинам. Они кричат, что это — иллюзия. Но

попробуй не поверь своим глазам!

Глаза Шаэссы сверкали, а лицо было дьявольски красиво. Бессмертные стояли рядом, сверкая своей ослепительной красотой, упиваясь своим могуществом, наслаждаясь своей властью. Древние короли не могли сравниться с ними ни в песнях, ни в легендах.

— Знаешь, Дивайн, я всегда восхищался тем, как ты мастерски уничтожил Светлый Дом. Ты вписал свое имя в историю этого мира их кровью. Я тоже хочу вписать свое имя в историю этого мира, — Шаэсса поднял руку и сделал вид, словно дирижирует битвой, кипящей внизу.

— И чьей же кровью ты собираешься написать свое имя? — спросил Дивайн, отслеживая глазами его жест.

— Кровью Бога... — выдохнул Шаэсса.

И тут грянул раскат грома. В небо ударил светлый луч. В этот момент по полю битвы пронесся странный шум. Из обычного гула он превращался в отвратительный звенящий звук, который заставлял воинов падать на колени и бросать оружие. Битва была остановлена. Яркая вспышка света ослепила всех на миг, а потом стало тихо. На ногах остались стоять только Дивайн и Шаэсса.

Алетиш почувствовала, как внутри все начинает шевелиться от ужаса. Это был страх, от которого никуда не деться, никуда не спрятаться. Она задрожала, пытаясь закрыть глаза. Нечто, что движется прямо к ним, было ужасным! Оно пугало страшнее самого лютого зверя. От него хотелось бежать подальше, но оно все равно сможет отыскать тебя. Девочкой овладела паника. Ее руки задрожали, и она попыталась встать, но ноги совсем не слушались. Алетиш оставалось смотреть на белую фигуру, которая идет к ним навстречу. Что-то внутри ее шевельнулось, что-то дернулось, что-то сжалось.

В лагере Людей Анвеора раздались радостные возгласы. Дивайн молчал, поджав губы, а Шаэсса откинув голову, смотрел на белоснежную фигуру, идущую к ним навстречу, сквозь застывшую битву.

— Поздравляю. Тебе удалось. Вот забавно будет, если мы умрем, — мрачно сказал Дивайн Шаэссе.

— Вот забавно будет, если мы выживем, — нервно улыбнулся Шаэсса.

Дивайн глубоко вздохнул и сжал древко алебарды.

— Ты же помнишь наш уговор: вместе до конца, — Шаэсса

положил руку на рукоять меча.

— Вот любишь ты, Шаэсса, все делать чужими руками, — презрительно отозвался Дивайн.

— Глупо сейчас читать мне нотации, — меланхолично отозвался Шаэсса, — Нужно сосредоточиться. Сейчас начнется импровизация.

В облаке света, в белоснежной кольчуге, с белоснежными волосами, с лицом холодным как лед, и мертвыми глазами, белый рыцарь вырос перед ними, словно древний исполин. Светлый плащ развевался по ветру, словно крылья, а руки в белоснежных перчатках, сжимали двуручный меч, объятый огнем. На длинных волосах оседали блики, а тонкая диадема сверкала в солнечных лучах.

По сравнению с Исполином, Богом во плоти, Дивайн и Шаэсса выглядели обычными людьми. Исполин двигался совсем не как обычный человек. Он, перемещался рывками, исчезая и появляясь в облаке света.

— Подойди ко мне, Дивайн, — красивым голосом сказал Абсолют, склоняя голову на бок, словно пытаясь получше рассмотреть Принца Темного Дома. В его голосе была отческая теплота, которая вызвала у Дивайна усмешку.

— Нет, — лениво сказал Дивайн, выставя перед собою алебарду. Его лицо выражало крайнюю степень презрения.

— Ты упрям и глуп, — спокойно сказал Абсолют, — Ты пошел на поводу у щенка, который тебе и в подметки не годится.

Он резко повернул голову и посмотрел на Шаэссу.

— Шаэсса, подойди сюда, — сказал Абсолют, протягивая руку.

Шаэсса, посмотрел на Дивайна и подошел к Абсолюту. Гордо вскинув голову, он с вызовом посмотрел в глаза Богу.

— Твоя гордыня и глупость заставили тебя оступиться! — сказал Абсолют, — Ты попытался нарушить мировой порядок. Ты готовил заговор против мирового порядка. Ты действовал, как воплощение Хаоса, и тебя следует наказать.

— Я так не считаю, — нагло заявил Шаэсса, глядя прямо в глаза Богу.

— Я все равно накажу Вас обоих, и это будет справедливо. Сначала я накажу Дивайна. Он заслужил наказание еще во время первой битвы, — Абсолют моментально очутился рядом с Дивайном и схватил его за горло одной рукой, а второй занес над ним меч. Дивайн не

ожидал такого поворота событий, поэтому не успел подготовиться. Его глаза расширились, что выдало его удивление, и в них на секунду появился страх. Принц Тьмы недооценил противника. Дивайн никогда не отличался скоростью реакции, а за время своего правления чувство страха притупилось в нем настолько, что он забыл о том, насколько оно может парализовать волю.

Меч Божества опустил. Сталь звякнула о сталь. Шаэсса выставил меч, прикрывая Дивайна от удара.

Абсолют ослабил хватку, и Дивайн смог рывком освободиться. Он смотрел глазами полными ужаса, положив руку себе на горло. Ему нужно было прийти в себя, но времени катастрофически не хватало. Такого не могло быть, чтобы он, Темный Мистик, оказался бессильным!

— Неплохо! — сказал Абсолют, отбрасывая Лорда Шаэсса на землю. Тот упал, но стиснув зубы, попытался приподняться.

— Кем ты возомнил себя, Анвеор! — выкрикнул, Шаэсса, вставая, — Обманщик и предатель. Расскажи своим фанатикам, что никакого путешествия к звездам не было, что ты использовал их силу, их веру в тебя, для того, чтобы убить Бога и занять его место. Жаль, что мой дом не убил тебя до того, как ты уничтожил истинного Бога! Ты забыл обо всех договорах и клятвах, ты забыл обо всем, что обещал. Я всегда думал, о том, что ты — ничто по сравнению с богами древности. В мире не может находиться более трех бессмертных. Это — закон, о котором давным-давно рассказал мне Мертвый камень. Если моя мать умерла, то только потому, что к тому времени я окреп, чтобы занять ее место. Она умерла только потому, что где-то в мире есть третий бессмертный. И этот третий должен был быть из Светлого дома, для равновесия... Значит кто-то из Светлого Дома должен был быть бессмертным и выжить в резне. Я уже было решил, что он где-то прячется, переживает. Я уничтожал тех, кто подпадал под подозрение, но удар клинка, яд, магия показывали, что они далеко не бессмертные. Последним кандидатом, который претендовал на роль бессмертного был глава каннибалов из Угодий. В нем текла кровь Светлого Дома. Но, увы... И он тоже оказался очень даже смертным. Тогда я понял, что это — ты. Ты — Анвеор, первый из нас. Камень, который принадлежал тебе, и который ты обманул, рассказал мне многое. Но он не выдал имя твое. Он не имел права, потому, как ты взял с него клятву. Я вычислил тебя. Браслет доказал Дивайну мою правоту. А твои прихлебатели и

приспешники сдали тебя с потрохами.

Анвеор посмотрел в глаза Шаэссе, но тот не отвел взгляд.

— Молчишь? Это значит, что я прав.

— Твоя правда ничего не стоит. Ты попытался разрушить мир, который я создавал много тысячелетий, — сказал Анвеор.

— Не лги сам себе. Не ты создал этот мир. Не ты создал Дома. Ты сам — порождение этого мира, и ничто не дает тебе право ставить себя выше нас. Твоих сил едва хватает, чтобы решать элементарные проблемы. Ты слабее других богов, которые были до тебя, — хрипло сказал Дивайн, — Только за счет уворованных артефактов ты обрел власть над всеми нами. Противно, не так ли? Вор и предатель...

— А Вы требуете передела власти? Вы уже решили, кто займет мое место? Поделили короны и титулы? — холодно спросил Анвеор.

— Не твое дело! — крикнул Шаэсса, отбрасывая волосы назад.

— Но Вы еще не убили меня. Мне убить Вас будет намного проще, чем Вам меня. Ваша смерть станет началом нового мира. В мире воцарится равновесие, бессмертных королей больше не будет... — сказал Анвеор, отводя руку с мечом, — Вы — случайные пережитки прошлого. И вот вы вдвоем, Дивайн и Шаэсса стоите передо мною. Дивно сплелись Ваши судьбы, странными дорогами Вы шли к своему концу. А теперь сражайтесь или служите мне. Я — милосерден.

Шаэсса рассмеялся, поднимая с земли меч убитого солдата

— Я готов сразиться с тобой, самозванец.

— А ты Дивайн? — спросил Анвеор, протягивая ему руку, — Ты же не пойдешь на поводу у щенка?

— Точно так же, как и не буду становиться на колени перед самозванцем. Я преследую исключительно свои интересы, — Дивайн выставил вперед свою алебарду.

— Во всем виновата кровь, что течет в жилах Вас двоих? — улыбнулся Анвеор.

— Закрой рот! — сказал Дивайн, обрушивая на него удар алебарды. Такого удара хватило бы, чтобы разрубить пополам всадника и лошадь, но Анвеор отбил его, едва покачнувшись.

Дивайн был отброшен к трону, где с ужасом наблюдала за всем происходящим Алетиш.

Лорд сумел удержать равновесие и не упасть, а лишь опереться рукой о землю.

— Дивайн! — сказал Шаэсса, нанося удар и тут же уходя от ударов противника, — Ты цел?

— Глупый вопрос, — ответил Дивайн, глядя, как Шаэсса медленно отступает.

— Щит! — закричал Шаэсса, пригнувшись, и Дивайн едва успел поставить щит, как в него врезалась струя огня.

Шаэсса воспользовался моментом и попытался нанести удар, но был отброшен под ноги Дивайну.

Он медленно сел на землю. По щеке, пачкая светлые волосы, текла струйка крови. Шаэсса слизнул ее с уголка губ и поморщился.

Дивайн наклонился к нему и помог встать на ноги. Анвеор смеялся, глядя на эту картину.

Шаэсса что-то шепнул Дивайну на ухо.

Дивайн посмотрел на небо, а потом на Шаэсса, который уже смог стоять самостоятельно. И тут же нанес удар огнем по Анвеору. Тот выставил щит, и пока Дивайн атаковал, Шаэсса закрыл глаза и что-то шептал.

— Затмение? — спросил Дивайн.

— На пять сотен ударов сердца на земле воцарится тень, а на тридцать — тьма. Этого будет достаточно, — глухо сказал Шаэсса, — Он — порождение светлого дома. Солнце делает его сильнее. Мы не продержимся до ночи.

Алетиш смотрела, где-то внизу вновь закипела битва. Рядом с нею лежали мертвые маги, которых зацепило ударом Анвеора. Снова кровь... Слишком много крови...

Солнечный диск медленно плыл по небу, а в самом низу появилась черная точка. Мир потемнел, на землю легли тени.

Шаэсса встал и взял в руки два меча. Дивайн, воспользовавшись моментом, бросил заклинание и сразу же поставил щит.

— Готовь силы! — крикнул Шаэсса Дивайну и исчез в тенях. Отблеск его меча появлялся на границе света и тени, а потом он сам появился в тени Анвеора. Они обменялись короткими ударами, один из которых прошел вскользь по броне Шаэссы. Но тот улыбнулся, а на щеке Анвеора выступила кровь. Шаэсса не отступил. Он понимал, что времени мало, а ему нужно было осуществить то, что он задумал.

— Шаэсса, я вижу жажду власти по твоим глазам. Они так похожи на мои, когда я решил убить Бога. В них горит огонь гордыни и

алчности. Я могу дать тебе силу, равноценную моей. Я смогу вернуть к жизни твою мать и спасти девочку! — сказал Анвеор, отбивая его удары.

Шаэсса молча продолжал битву, чувствуя, что скоро его время пройдет и ему нужно будет отступить.

Тьма напознала и пожирала солнце. Оставалась небольшая светлая полоска, и Шаэсса стал осторожно отступать. Анвеор мощным ударом выбил меч из левой руки Шаэссы, причем так, что она повисла, словно перебитая.

Анвеор улыбнулся и схватил Шаэссу за правую руку. Вывернув руку за спину Серому Королю, он заставил Лорда Теней выпустить бросить мечи на землю.

— Дивайн... У тебя нет выбора... Хочешь ударить? Бей! — сказал Анвеор, — Давай, ты убьешь нас обоих?

Лорд Дивайн молча смотрел на Шаэссу, которого, словно живой щит держал впереди себя Анвеор. Он держал его одной рукой, заламывая правую руку Шаэссы ему за спину, левая рука Лорда Теней безжизненно свисала.

— Ну? Почему медлишь? — улыбался Анвеор, нарочно причиняя боль Шаэссе, — Ах! Я все понял! Как трогательно! Но я могу тебе помочь... Так будет лучше? Так тебе больше хочется его убить? Ты же уже хотел его убить! Не так ли?

Анвеор толкнул Лорда Теней вперед, но не отпустил. Копна светлых волос начала темнеть, а Шаэсса скорчился и скривился, словно от боли.

— Посмотри на него! Посмотри! — со злостью выкрикнул Анвеор, заламывая руку Шаэссе. Лорд Теней медленно поднял голову. Алетиш вздрогнула, словно очнувшись от долгого сна. Она прикрыла рот рукой, пытаясь сдержать крик ужаса.

Среди темных волос его лицо казалось удивительно бледным. Черные изогнутые брови, тонкий нос, чувственные губы и холодные глаза... Глаза были розовые. Черты лица были немного мягче, чем у Дивайна, но портретное сходство было очевидным.

— Это твой настоящий облик, не так ли? — с издевкой спросил Анвеор, нагибаясь к уху Шаэссы. — К чему маски? Почему ты прячешь свое лицо? Ты боишься правды?

— Это — ложь! — закричал Шаэсса, морщась от боли, — Дивайн,

не ведись на провокацию! Все бессмертные похожи друг на друга! Вспомни, как Вы были похожи с моей матерью! Он специально так сделал...

Дивайн молча и гордо стоял и смотрел на эту сцену, сжимая в руках сгусток тьмы.

— Кого же он мне напоминает? — улыбаясь, рассуждал Анвеор, убирая волосы с лица Шаэссы, — Странно, я где-то видел это лицо... Никак не могу вспомнить...

— Мне все равно, как он выглядит... — устало сказал Дивайн, — Преврати его хоть в копию себя...

— Почему ты не хочешь его убить? — спросил Анвеор, — Я знаю все Ваши планы, я слышал все Ваши разговоры. Вы меня забавляли, как букашки, которые копошатся в траве.

— А как тебе такой ультиматум? — жестоко улыбнулся Дивайн, направляя руку с готовым заклинанием в долину, где уже давно кипел бой, — Зачем тебе столько прихлебателей? Я немного сокращу их численность, стерев с лица Земли сброд самых ярких фанатиков! Кто еще будет носить тебе дары, следовать твоим глупым правилам и впадать в религиозный экстаз при виде твоей статуи? Отпусти мальчишку, и твои люди не умрут... Или умрут, но не сейчас и не все вместе.

— Как удивительно! — засмеялся Анвеор красивой и доброй улыбкой, — Ради твоего мальчишки... Хорошо, а если я заставлю тебя выбирать между девчонкой и мальчишкой? Кого ты выберешь? Девочка неуязвима к магии, но ничто не спасет ее от меча. Или предпочитаешь умереть сам? Я могу убить тебя в любой момент, но к чему легкая смерть? Ты должен пройти все муки, который некогда прошли мои люди, умирая в твоих ногах. Твоя фантазия воистину не знала границ жестокости!

— Умри, недостойный, — Анвеор продолжал держать Шаэссу одной рукой, а вторую руку он выставил вперед.

Тут Дивайн почувствовал, как сила в его руках слабеет. Он испуганно взглянул на Анвеора, но увидел такой же страх в глазах Абсолюта.

— Анвеор! — раздался хриплый женский голос. Белый странник смотрел, как Алетиш медленно и величественно подходит к Лорду Дивайну и закрывает его собой, — Клятвопреступник Анвеор! Ты меня

помнишь, Странник? Я был с тобой, я был твоим, я дал тебе все, чтобы ты смог убить Шаграта. Ты обещал построить новый мир, но я вижу лишь кровь, пролитую тобой или по твоей вине. Ты не сделал мир лучше для всех, ты просто сделал его лучше для себя. Ты обещал мне кое-что, Странник. Ты обещал мне свободу, но не сдержал слова.

Тело девочки засияло, подобно звезде, и Дивайн почувствовал себя опустошенным. Никто из присутствующих не мог воспользоваться магией. На секунду Дивайн испугался. Впервые он почувствовал себя простым смертным.

Анвеор скривил губы. Он явно не ожидал подобного поворота событий.

— Таких людей называют клятвопреступниками, и они заслуживают смерти, — сказала девочка, улыбаясь. — Тебе не сбежать Анвеор. Я не позволю тебе использовать свою силу. Это конец, Анвеор, признай это.

— Они забрали тебя! Украли! — закричал Анвеор, глядя в стеклянные глаза девочки.

— Ложь. Ты мог дать мне свободу сразу после своего воплощения, но ты не сдержал слова! Ты боялся, что придет такой же, как и ты, и он попытается тебя убить. Меч тебе не страшен, но магия... Вас, бессмертными делает магия камней, которая защищает Вас, но сейчас, когда я набрал силу, Вы стали смертными. Достаточно одной стрелы, одного удара мечем, и Вы умрете... Это касается и тебя, Анвеор! Я тогда рассказал тебе все, что знаю, чтобы ты смог осуществить задуманное, но ты солгал, — девочка наклонила голову набок, — А я никогда не прощаю ложь. Я затаился и ждал. Я искал человека, похожего на тебя. Я искал огонь в сердце, амбиции и готовность идти на риск. Я ждал бессмертного, который станет моим новым хозяином, и был готов ждать вечно. Когда я отчаялся, появился Он — мальчик, верящий, что мир можно изменить, неважно какой ценой. Я хотел узнать его, заглянуть ему в душу, отравить ее своим ядом, подчинить его разум, но он оказался сильнее. Я заговорил с ним, я рассказал ему многое из того, что знаю сам. Мы с ним заключили сделку, и я снова взял клятву с человека, что проведу его этим путем, сделаю его Богом. Я сделаю это в обмен на свободу и возможность отомстить тебе, клятвопреступник. Мой хозяин придумал возможность подарить мне тело, но в теле еще теплилась душа маленькой девочки, которую убили

твои люди, Анвеор, по прихоти твоих фанатиков. Я жил вместе с нею, питался ее болью, терпел ее капризы. Она слабела, а я набирал силы. Мне было ее жаль, но я помнил о тебе. Ты не знал об этом. Ты не мог слышать мой голос. Ты не умеешь смотреть в души людей. Ты стал богом формально, при помощи великих артефактов и камня, который живет у тебя в сердце. Но ты — не настоящий Бог. И вот теперь пришло время смерти, Анвеор-Клятвопреступник.

Небо потемнело почти полностью. В темноте, словно сверкающая звезда, стояла девочка, окруженная ослепительным сиянием.

— Время, Дивайн, — сказала она, — Время мести и время расплаты. Я знаю о тебе, Дивайн, многое. Если бы я попал в твои руки раньше, то мы бы с тобою обязательно поговорили бы... У нас бы нашлось столько общих тем. Но... Пора заканчивать эту битву. Делай то, что считаешь нужным. Я дам тебе возможность отомстить. Или возможность простить. Решай сам. Другой такой возможности уже не будет. Ограничение магии на тебя больше не распространяется.

Девочка выставила руку вперед и направила луч света на Анвеора и Шаэссу. Ее сияние медленно перешло в кончики пальцев, а сверкающие лучи сплелись вокруг Анвеора и его пленника.

К руке Дивайна стала стекаться тьма. Она, словно черный дым клубилась вокруг него. Дивайн посмотрел на последний луч солнца, а потом закрыл глаза. Тьма втянулась ему под кожу, Лорд Тьмы опустил голову, а когда поднял ее, то его лицо изменилось. Нижняя челюсть подалась вперед, обнажая белоснежные клыки, глаза его стали черными, а волосы поднялись вверх, словно на него откуда-то снизу дул незримый поток ветра.

Шаэсса поднял голову, и на его лице появилась коварная улыбка.

Дивайн посмотрел в глаза Шаэссе и выставил вперед руку. Земля в долине задрожала, воины внизу закачались, в разряженном воздухе повис запах озона. Где-то грянул гром, и сотня молний впились в твердь.

Анвеор смотрел на Дивайна и на девочку, в теле которой проснулся его самый страшный враг. Он продолжал держать перед собою Шаэссу, словно живой щит.

Волна землетрясения докатилась до холма. Анвеор, чтобы удержать равновесие, ослабил хватку. Шаэсса, качнулся назад, сделал молниеносное движение левой рукой, а потом отскочил, пытаясь

удержаться на ногах. В его руке, которая казалась перебитой, был острый стилет, с которого падали сочные, багровые капли крови.

Анвеор стоял и смотрел, как по его кольчуге вытекают алые ленты, как раз из того места, где у него находится сердце. Анвеор был удивлен, словно впервые видит собственную кровь.

— Твоя кровь такая же, как и у людей... — сказала девочка, делая шаг навстречу Богу, — Это еще раз говорит о том, что ты — человек и тебе больно. Ты чувствуешь обреченность и страх. Твоей силы не хватило, чтобы победить. Ты не ожидал, что я проснусь, не так ли? Ты не ожидал, что девочка разбудит меня? Ты думал, что она будет молча наблюдать? Ты думал, что она просто отразит твой удар, направленный на любого из них? Или ее используют, как щит? Бегство тебя не спасет. Ты не сможешь убежать. Я все равно найду тебя. Ты не сможешь призвать Белую Ладью без помощи магии.

Девочка подошла к нему и положила руку на его грудь. Со стороны это выглядело трогательно и красиво. Сверкающий рыцарь в белоснежной кольчуге и темноволосая девушка в черном платье. Ее хрупкая фигурка, тоненькая бледная ручка, которая прикасается к лицу Белого Воина, и волосы, которые треплет ветер.

— Ты ничего не можешь мне сделать... — сказала девочка, прижимаясь щекой к его груди. — Я слышу, как бьется твое каменное сердце. Я — твой палач, я — твой судья, я — твое наказание. Предатели и клятвопреступники заслуживают смерти. У меня было столько времени, чтобы помечтать об этом, поэтому я не стану убивать тебя сразу. У подосланных убийц отрубает руки, у шпионов — голову, у воров выкалывают глаза, а предателей и отступников вырывают сердце... Не так ли гласят древние законы?

Девочка отпрянула от груди Анвеора, на ее щеке была его кровь, а в ее руке был розовый камень. Он чернел, словно горел изнутри. Анвеор упал на колени перед девочкой. Она нежно коснулась его щеки:

— Мне все равно, кто займет твое место... Я специально попросил тело, чтобы убить тебя собственными руками.

Камень на ее руке сгорал, разлетаясь пеплом. Медленно показалась полоска солнца. Тьма рассеивалась, а тело Анвеора медленно разлеталось на сверкающие осколки.

Шаэсса прикрыл глаза рукою, поскольку солнце слепило его. Дивайн просто склонил голову и смотрел исподлобья.

Девочка посмотрела на Лордов и сказала:

— Дивайн! Вот так умирают бессмертные. Ты всегда хотел узнать о смерти больше... Если бы у нас было больше времени, и девочка не мешала, то мы бы поговорили с тобой обо всем, в том числе о смерти. Шаэсса! Ты понял, что бывает с клятвопреступниками, поэтому ты отпустишь меня. Кстати, с тобой было очень интересно. Я бы сказал, что ты многому меня научил. Перед тем, как Вы уничтожите это тело, я должен Вам кое-что передать. Она меня попросила. Девочка отдала мне свое тело, чтобы спасти Вам жизнь. Она много не понимала, но Вы были ей очень дороги. Оба.

Глава XXXI. Передел власти

Глава XXXI. Передел власти

Глава XXXI. Передел власти

Камень замолчал. Он вспомнил момент прощания. Внутренняя битва, которую Алетиш победила и проиграла одновременно.

В тот момент, когда Дивайн занес руку для удара по войскам Анвеоритов, Алетиш, наблюдающая за всем, крепко зажмурилась: «Ну давай же! Я верю в тебя! Я не могу смотреть на то, как они умирают!»

Тишина обожгла ее изнутри.

— П-п-п-почему? — Алетиш затрясло. — Почему ты меня покинул?

Девочка мяла атласную черную розу, обрывая ее вместе с кружевом и драгоценными камнями.

— Я тут... Я с тобой... Ты хочешь загадать последнее желание?

— Я... я... звала тебя, чтобы ты помог, — облегченно выдохнула Алетиш, — Я отдаю тебе свое тело. Только спаси их, умоляю! Кем бы они ни были, как бы ко мне не относились, они дороги мне. Я люблю их. Они все, что у меня есть.

— Я теперь могу рассказать тебе все, что ты хотела знать раньше. Я — камень, способный убить бессмертного. Меня лишили оправы и вынули самую мою суть. Она так уязвима перед болью этого мира, словно призрак, который появляется только в редкие безлунные ночи. Моему призраку требовались доспехи. Твое тело должно было стать моим новым домом. На время. Лорд Шаэсса решил выпустить меня из оправы, а после того, как я сделаю свое дело, отпустить меня к моей звездной колыбели. Но ты осталась в этом теле, а я был слишком слаб,

чтобы бороться, и я решил подождать. Мне нужна была сила. Я решил, что лучше все съесть твою душу не сразу, а постепенно. Я питался твоей болью. Ее в тебе было много. Я нарочно подсовывал тебе самые страшные воспоминания. Но делал я это аккуратно, чтобы не убить тебя. Твое тело — мое тело, поэтому с нашим общим сокровищем я решил быть осторожней. Я постепенно подбирался к твоей душе. Нет, не потому, что я желал тебе зла, а скорее потому, что без подпитки я умираю. Я вел тебя. Мы вместе миновали опасности и смерть, потому, как твоё тело представляло для меня определенную ценность. Я спросил тебя о желании, а ты так и не ответила. Я спросил потому, что ничто не причиняет такой боли, как желание, которое должно было сбыться, но не сбылось.

— Спаси их... — тихо попросила умирающая, — Я отдаю тебе свое тело, чтобы ты их спас. Умирать самой легче, чем смотреть, как умирают другие. Странно понимать, что у тебя нет будущего. Что через миг ты растворишься во тьме. Больше никогда не увижу небо. Больше никогда не открою глаза. Больше никогда не вздохну. Больше никогда ничего не почувствую. Больше никогда не скажу ни одного слова. Это самое страшное слово — «никогда». Хочу запомнить этот мир, хотя не знаю для чего. Словно эти воспоминания удержат меня в нем хоть на мгновение, чтобы в ветре, в шуме воды, в шелесте деревьев звучало мое имя. Нет! Я хочу простого небытия. Я хочу исчезнуть, так же как и появилась. Я хочу стать ветром, солнцем, частичкой моря, и листиком на старом дереве... Я хочу стать полевой мышкой, беззаботной бабочкой, лепестком... Я хочу быть всем и ничем. Жаль, что только сейчас я поняла, кто они и чего стоят. Поэтому хочу забвения. Кроме них, у меня никого нет, поэтому я их прощаю. Скажи им, что я люблю их. Используй мое тело и спаси их...

Камень почувствовал, как она уходит. Как мало ее оставалось, но как сильно она хотела жить. Ее мертвое тело постепенно переходило под контроль камня.

— Прости меня, Алетиш... — сказал камень, — Если сможешь... Я никогда еще не встречал такого человека, как ты, кто бы мною не владел. Я видел мир твоими глазами... Я чувствовал твоим сердцем. А теперь позволь мне причинить тебе последнюю боль...

Войска Черного и Серого Дома стояли в долине. Войско Анвеора было повержено.

— Вот и все закончилось. Да здравствует новый мир! — волосы облепили Шаэссе лицо. Он снова надел свою привычную маску. Его волосы снова стали светлыми, а глаза алыми. Дьявольский огонь горел в его глазах, а губы некрасиво искривились, совсем, как у Дивайна. Лицо приобрело какое-то хищное выражение. — Надевай и ты свою маску, Дивайн!

Лицо Дивайна не изменилось. Он улыбнулся:

— Заканчивай свою поэтику и патетику. Бога больше нет. Мы сделали это. Каждый играл за свой приз, не так ли? Для меня главный приз — мир, где никто не имеет права мне указывать. Для тебя — божественная сила. И тут опять промашка! Мой приз взаимоисключает твой. Некрасиво получается. Кто-то останется ни с чем.

Настала очередь Шаэссы улыбаться:

— И что ты предлагаешь? Может, ты сам хочешь решать судьбу этого мира? Тогда вперед! Давай!

— Ты думаешь, что ты умнее всех, Шаэсса? Станешь Богом и все? Мир содрогнется у твоих ног и будет умолять о пощаде? Почему тебе казалось, что меня привлечет божественная юдоль? Я жил намного дольше тебя. Я видел много больше тебя. Я знаю, почему ты так поступаешь. Но сила ничего не решает. Она не может сделать тебя счастливым. Она даже не украсит твою вечность. Знаешь, что может быть скучнее вечной жизни? Познание истины. Зная истину, ты снимаешь оковы веры и бросаешь их в огонь прозрения и презрения. Мир становится плоским и скучным, ибо это твой мир. Я оставлю себе хотя бы тайну... Я не хочу тысячи дорог, когда знаю, что будет в конце. Мне и так этот мир невыносимо скучен, но я привязан к нему. Какая-то часть меня стала этим миром, и я его не покину. Я рад горю, ибо это позволяет мне почувствовать жизнь. Я рад страданию, ибо знаю, что не будь его, была бы пустота. Я рад всему, что заполнит пустоту. Пусть ненадолго. Я мудрее тебя, ибо старше. Моя душа больше не горит. Да и твоей гореть осталось совсем не долго.

Лорд Дивайн умолк, а потом хрипло произнес:

— Знаешь ли ты, что я не позволю тебе стать Богом? Отрекаешься ли ты от этой затеи? Если ты скажешь «да», я буду спокоен.

— Ни-ког-да, — покачал головой Шаэсса. — Я не отрекусь от

мечты, которая стоила мне всего.

— Мне не нужен Бог. В мире безбожия все будет гораздо более интересное. Я не хочу быть Богом, но это не значит, что им станешь ты. Внутри меня пустота, я хочу заполнить ее чем-нибудь... Хотя бы кровью. Не жди пощады, Серый король.

— Ты нарушил клятву, Дивайн... — Шаэсса покачал головой и усмехнулся.

— Просто ты ее нарушил раньше, — Дивайн посмотрел на небо. На небе, словно в ожидании поживы собрались тучи черных птиц. Солнце померкло и в отблесках тени его лицо стало бледным, словно маска. — Ты и твоя жалкая магия ничего не стоят в предстоящей битве. Ты — слаб и неопытен. Но не глуп. Утешь себя. Хоть этим....

Лорд Шаэсса отошел на шаг и улыбнулся.

— Не всю жизнь же я буду прикидываться... — смиренно сказал Шаэсса. — Я даже сам поверил в то, что у меня нет сил. Я не мог долгое время пользоваться магией, так как Камень причинял мне боль. Я вынужден терпеть боль каждую секунду... Это — просто ужасно. Я похоронил магию внутри себя, а потом, когда камень покинул меня, я снова почувствовал себя бессмертным. Это словно учиться ходить снова. Магия — это порождение души. А Камень — это ошейник, который надет на тебе. Ты хочешь свободы, а задыхаешься. Я слишком много вынес и вытерпел ради этого, поэтому я пойду дальше. Даже через твой труп.

— Гаденьш... — засмеялся Дивайн. — Хитрый гаденьш... Порождение Дома Тени. Быстро ты оперился.

— Не умеем мы с тобой играть по правилам. Такова наша натура. Нет в нас ничего человеческого. Правда, Дивайн? Мне безумно нравится то, что сейчас будет! Наконец-то мы можем спокойно перейти от слов к делу. И никто нам не помешает! Мне надоело прикармливать сторонников, собирать союзников. Мне надоело носить маски и искать смысл жизни. Смысл НАШЕЙ жизни. У всего должен быть исход. Это наш с тобой исход. Теперь в мире никто не будет диктовать нам свои условия. Никто не будет растаскивать нас в разные стороны, словно сцепившихся щенков. Никто не будет тыкать нас мордами в наши ошибки. Тебе не страшно? Мы только что убили Бога... — произнес Шаэсса, выхватывая меч.

— Ничуть, — улыбнулся Дивайн, опираясь на алебарду.

— Тебе не совестно? — наигранно печально сказал Шаэсса, касаясь лезвием земли.

— Не паясничай, — сказал Дивайн, проводя пальцами по лезвию черной алебарды.

— А что будет с ее телом? — спросил, Шаэсса, став серьезным.

— Меня это уже не интересует. А что, ты ждал, что я брошусь на ее тело и буду проливать горячие слезы? Что я буду грозить кулаком небу, сжимая ее в своих объятиях? Ты думал, я буду безутешен? Смею тебя разочаровать. Я ничего из вышеперечисленного делать не буду, — Лорд Дивайн невесело рассмеялся.

— Странная штука — память. Странная, но удобная, — сказал Шаэсса и глаза его нехорошо заблестели. — Она иногда подкладывает нам те воспоминания, которые мы усиленно пытаемся забыть. Ты ведь помнишь, Дивайн, нашу первую встречу?

Дивайн стоял, гордо откинув голову.

— Я тебе сказал тогда, что не успокоюсь, покуда не переступлю через твой труп, помнишь? — лицо Шаэссы стало совсем некрасивым, его улыбка растянулась и сделала его хищным и неприятным. — Я подумал и решил, что это слишком просто. Помнишь ту розу, которую я сорвал в твоём саду?

— Шаэсса, я хочу мир без Бога, — Дивайн словно не слышал его, — И такой божок как ты меня не устраивает ни при каком раскладе. Я пощажу тебя. Обещаю. Но сделаю так, что тебе уже ничего не захочется!

— Она была такой прекрасной, нежной, хрупкой! — задыхаясь, рассмеялся Шаэсса и схватил девочку одной рукой. Другой рукой он вытащил из голенища сапога кинжал.

— Смотри, Дивайн, — Шаэсса посмотрел на него, прижимая девочку к себе, — Вот она — твоя роза. Нежная, хрупкая и прекрасная. Та, что потревожила твою душу. Та, что ранила тебя в твое подобие сердца. Пришло время выполнять обещание и делить награду!

Шаэсса сжал в объятиях неподвижное тело девочки. Острие кинжала коснулось ее щеки. Глаза девочки были закрыты. Камень уже не имел власти над ее телом, но все еще был внутри.

Дивайн чувствовал, как его начинает переполнять чувство ненависти. Он почти не мог его контролировать. Но у него были причины, чтобы всячески сдерживать ее и не обрушить на голову

Шаэссы.

— Знаешь, Дивайн, что самое замечательное? — Шаэсса рассмеялся, — Это то, что я не могу оставить ее тебе. Она — моя. Навсегда.

Шаэсса сжал неподвижное тело девочки в объятьях. Диван видел его занесенную руку с острым кинжалом. Его кинжал моментально пробил ее спину, на свету сверкнула резная рукоять. Дивайн увидел, как в глазах Шаэссы блеснули слезы. Лорд Теней не оттолкнул Алетиш, а покачнулся вместе с ней и упал на одно колено. Он убил себя вместе с ней. Их кровь стекала на землю, но замерзшая земля, казалось, отказывалась принимать ее.

— Вот и близится конец, — сказал Шаэсса, улыбаясь сардонической улыбкой, — Вот и вся битва. Не ожидал? Див, будь другом, скрась мне последние минуты жизни. А то, знаешь ли, в тишине умирать скучно. Вот только не порти мне последние минуты жизни своей кислой миной и мрачной философией.

— Я не собирался тебя убивать, — с отвращением сказал Дивайн, глядя на кровь, стекавшую по подбородку Шаэссы, — Я пообещал твоей матери.

— Отвратительное ощущение, надо сказать... — сказал Шаэсса, сплевывая кровь.

— Да ты что? — Дивайн поднял бровь.

— Знаешь, что я сейчас чувствую... — тихо проговорил Шаэсса.

— Горечь поражения? Боль утраты? — спросил Дивайн, наклоняясь к его лицу.

— Не угадал, — ехидно улыбнулся тот.

— Раскаяние? Муки совести?

— Не-а. Не угадаешь. Я тебе скажу ответ, обязательно. Но чуть позже. Тебя такой вариант устраивает? — глаза Серого Короля лукаво блестели, но жизнь уже угасала в его теле.

— Помнишь сказку про Лист? Достаточно популярную у Серого Дома? Никогда бы не подумал, что ответ кроется в сказке, которую знает почти каждый ребенок. Чтобы взлететь, нужно оторваться от ветки. Рискнуть всем, потерять все, что есть и только тогда появится шанс. О последнем условии я не сказал тебе. Формально, я нанес смертельный удар Анвеору. Камень сказал мне когда-то, что для того, чтобы предъявить свои права на Престол Мира, нужно убить Бога и

пожертвовать самым ценным. Самое ценное для нас, не отягченными привязанностями и прочей ерундой, являемся, по сути, мы сами. Как тебе мои доводы?

— Сомнительно, — скептически ответил Дивайн.

— Ну тебя-то удовлетворит и абсолютное царствие земное... Знаешь, Дивайн, если у меня получится, то я смогу выполнить любое твоё желание. Но только одно. Интересно, какое оно будет? — сказал Шаэсса, вытирая окровавленный подбородок о плечо. — Просто подумай... о том, что бы ты хотел больше всего на свете... Не стесняйся... Тьфу ты! Что ж так тяжело-то?

Волосы Шаэссы были перемазаны в крови, а серый камзол на животе и груди стал багровым. Он все еще прижимал девочку к своей груди. Они вместе лежали на земле.

— Я так не хочу снимать маску, а у меня нет сил ее держать... — сдавленно сказал Шаэсса, — Слишком тяжело. Но я к ней так привык, что даже не знаю, что бы без нее делал.

Его волосы медленно меняли цвет, становясь все темнее, покуда не стали черными, а глаза выцветали, становясь розовыми.

— Мы — все одинаковые, — сказал Шаэсса, закрывая глаза, — Как я ненавижу это лицо, потому, что оно так похоже, на твоё! Прощай, Дивайн. Мне было с тобой интересно.

— Прощай, — спокойно сказал Дивайн.

— Ты — свободен... Ты волен делать все, что хочешь... Теперь тебя не связывают никакие узы... — прошептал Шаэсса.

Дивайн отвернулся, чтобы не видеть тела тех, кто, пожалуй, представлял для него какую-то ценность в этом скучном, сером и однообразном мире.

Лорд Тьмы долго молчал и смотрел на первые звезды, мерцавшие на склоне дня. Он прекрасно осознавал свое бессилие. Этот мальчишка все правильно рассчитал. Дивайн никогда бы так не смог. Он слишком дорожил своею жизнью, чтобы уйти из нее таким образом. Убить себя? А для чего? Чего он не видел? Удел Бога смотреть на мир издали, наблюдать, но стараться не вмешиваться. Дивайн уже испытал на себе подобную участь. Смотри и не мешай. Генезис, развитие, эволюция. Все идет своим чередом и без твоего вмешательства. Система отлично справляется, а ты — смотри на мир, словно художник, рисующий вечную картину. Ничего не трогай, а только зарисовывай. Пиши

историю, создавай историю, твори историю... Но горечь мысли о поражении выедала его изнутри. Проиграть, после того, как он признал свою победу. Нет! Он не проиграл. В этой войне нет павших и нет побежденных... В этой войне нет любящих, нет влюбленных. Эта война проиграна была проиграна давным-давно. Дивайн проиграл эту войну еще до ее начала.

Принц Тьмы сказал, с ненавистью глядя на звезды:

— Будь Богом над всеми, но не вмешивайся в мою судьбу... Это — мое желание.

Не знаю, услышал ли эти слова Шаэсса, но Дивайн сам удивился сказанному. Он сказал это так, словно на секунду поверил в то, что мечта Серого Короля наконец-то сбылась. Дивайн равнодушно смотрел на новый, родившийся на закате этого дня мир, который теперь всецело принадлежит ему. Одному. Быстрее бы село бесстыдное всевидящее солнце... Быстрее бы наступила Тьма... Потому, что мир опустел.

Эпилог. Частичка сердца.

Эпилог. Частичка сердца.

Эпилог. Частичка сердца.

— Откуда ты знаешь, что все было именно так? Станный конец у сказки, — задумчиво произнес рыцарь. — Как бы то ни было, все было напрасно. Скудная и глупая сказка. Зря потраченное время.

— Это не сказка. Все было на самом деле, — голос менестреля был печален. — И Он никогда не любил ее. Она была для него любимой игрушкой. Не более. Я не люблю рассказывать эту сказку. Мне всегда от нее грустно... Жаль, что тебе от нее совсем не грустно. Я бы рассказал бы дальше, но дальше ты слушать не хочешь, доблестный рыцарь. Тем более сказка почти закончилась. Грустный конец получился. А тебя так просто не проймешь....

— Лицемерие. Не тебе судить, грустно мне или нет. Она была игрушкой для всех, — произнес рыцарь, вставая с поваленного дерева. — Ею одинаково пользовались обе стороны. Она была оружием сразу для двоих. Но ты прав. Он никогда не любил ее. Любовь ничего не значит для него. Она всего лишь заполняла толику пустоты, сокрытой в его сердце.

— Не нужно недооценивать любовь. Ее любовь, неважно к кому, решила исход, — произнес менестрель, настраивая струны. — И вот,

война окончена. Так или иначе, она должна была когда-нибудь начаться и как-нибудь закончиться. Любовь способна на гораздо большее, чем ты себе представляешь, рыцарь... Как удивительно, что любовь маленькой девочки решила исход войны. Любовь — он вне света и тьмы. И тьма почему-то решила, что не имеет права любить... А Тень, будучи ослеплена мечтою, тоже отеклась от любви, во имя великой цели...

— Не нужно мне здесь проповедовать. Софистика и полемика — удел бродячих философов. А ты, вроде, — музыкант, — ядовито сказал рыцарь.

— И главное, что в Ваших словах столько злости... Добрее надо быть, добрее... — сказал юноша.

Рыцарь рассмеялся:

— В этом мире нет добра. Его и не было никогда. Добро — для каждого свое. А зло — едино для всех. Дом Тени допустил большую ошибку, попытавшись прыгнуть выше головы. Жажда власти погубила Анвеора, жажда власти погубила Дом Тени и Дом Света. В этом мире нет ни добра, ни зла. Есть только банальный передел власти. Как говорил лорд Шаэсса: «до тех пор, покуда я не перешагну через его труп». Жаль, что у него все-таки хватило амбиций затеять все это. Да, он многое учел, но все его стратегии оказались бесполезными. Он просто прошел по трупам всех, кому был дорог. Но по трупам идти неудобно. Горы трупов слишком неустойчивы... Можно и поскользнуться на чужой крови...

Рыцарь понял, что допустил ошибку, сказав это излишне эмоционально, чем это требовалось от незаинтересованной стороны.

Менестрель ничего не ответил, но отложил лютню. А потом, понизив голос, произнес:

— Узнаю Дом Тьмы.... Как это я сразу не догадался? Ходить по трупам — это достаточно забавно... Тем более, что Дом Тьмы тоже далеко не святой. Лорду Дивайну есть о чем задуматься. Забавно любить сломанную игрушку. Любить ее именно за то, что она — сломанная? Или за то, что это чужая игрушка? Любить, потому, что она нужна кому-то еще, кроме тебя? А потом просто так позволить ей умереть. А ведь он мог защитить ее, спасти. Он мог не допустить всего этого безобразия, но сам ввязался в игру. Для чего, спрашивается?

— Вот! — рыцарь резко бросил мешочек. — За балладу. Я заплачу тебе еще больше, если ты изменишь конец своей истории. Скажу проще.

Я бы сам изменил конец истории, если бы мог это сделать.

Менестрель нарочно не поймал его, и тот упал на жухлую листву. Юноша лишь дотронулся до него носком изящного сапога.

Рыцарь достал еще один мешочек.

— Здесь золото. Тебе хватит на безбедную жизнь, — рыцарь усмехнулся.

— Мне не нужно твое золото, — скривился менестрель. — Жалкая подачка от власть имущих меня унижает. Все, что я сказал до этого, правда. Я не хочу ничего менять. Что изменят слова? Это было бы несправедливо по отношению к героине. Горько дарить ей любовь в утешение. Смешно проливать слезы темного принца. Они ему не к лицу, — покачал головой менестрель. — Хотя, пожалуй, на это стоило бы посмотреть. Доминатор Дома Тьмы, лорд Дивайн Эндор, проливающий слезы над телом своей любимой игрушки. Я бы тогда переписал эту историю. Интересно, выдавил ли Дивайн за свою долгую жизнь хоть одну слезинку?

— Это произойдет не раньше, чем последний доминатор павшего Дома Тени, лорд Шаэсса, запоет на промозгом тракте баллады путникам за еду, прямо как ты.

— Было бы забавно, — подтвердил менестрель. — Но, к сожалению, это всего лишь пустые разговоры и мечты. Серый Король — мертв. Шаэсса Харцблайнт — умер. Люди, о которых мы сейчас говорим и чьи поступки так легко осуждаем, давно стали историей. А я здесь не для того, чтобы искать истину в том, что было много лет назад. У меня есть послание для Лорда Дивайна. Собственно, его я здесь и ожидаю. Но поскольку он не пришел... Вы, я вижу, человек честный, значит, вам можно доверить тайну, — улыбнулся менестрель. — Если вы его встретите, то передайте: «Есть моменты, когда твое прошлое становится чьим-то будущим. Там, где он ее оставил, он встретит ее вновь. Сегодня как раз тот день. День осеннего равноденствия».

— Звучит странно. И как представить отправителя? — мрачно спросил рыцарь.

— Его мне передал Бог, — скромно улыбнулся менестрель. — Я — случайность. На моем месте мог быть любой. Я должен просто сказать. А услышит ли эти слова тот, кому они предназначены — не моя забота. И не важно, сколько времени пройдет с момента получения послания до передачи.

— А зачем это было нужно Богу? — спросил рыцарь, пристально глядя на менестреля.

— Я не знаю. Возможно, он хочет переиграть партию. А может, он желает счастья тем, кто его не заслуживает, — вежливо улыбнулся менестрель. — Может, он хочет принести свет в темное сердце. А может, он ошибся... И его игра была напрасной. Иногда мне кажется, что ему хочется еще раз увидеть ее глаза. Даже если они будут смотреть на другого.

— Если это правда, то я передам лорду Дивайну, чтобы он был осторожнее. От добра добра не ищут, — усмехнулся рыцарь.

— Прощайте, добрый человек, — менестрель, бережно повесил лютню за спину и с улыбкой двинулся по пыльному тракту. Рыцарь задумчиво смотрел ему вслед, а потом снял шлем. Порыв ветра растрепал его темные волосы. Ветер сорвал и капюшон с менестреля, а на его плечи легли золотые пряди. Он в последний раз обернулся и засмеялся. Холодные розовые глаза рыцаря пристально смотрели в двуцветные глаза менестреля.

— Мне показалось, на долю секунды... что он любил ее... — сказал менестрель. — А Серый Король и впрямь умер давным-давно... В одной очень старой сказке.

Губы рыцаря скривились в неприятной гримасе.

* * *

Черный принц, Доминатор Дома Тьмы, Лорд Дивайн Эндор медленно шел по воде. Деревья стояли, словно неживые. Туман стелился по полю последней битвы Домов. Пытаясь скрыть от его глаз следы смерти и разрушений. Лорд знал каждый свой шаг. Он столько раз был здесь. Его память каждый раз поднимала, словно со дна озера, эти воспоминания. Он ждал их и боялся их. Они тревожили его душу. Белые ступени. Ровно десять. Каждый раз он поднимался по ним со странным чувством внутри. Смесь боли и надежды. Никто не должен знать об этом. Никто не должен знать, что он приходит сюда. И что он это делает ради нее.

— Ты снова пришел сюда, Дивайн! — спросил голос из тумана. В белом мареве стоял мертвый Доминатор Дома Света.

Дивайн посмотрел на него и промолчал.

— Знаешь, Дивайн, я не хочу вспоминать былое. Но я хочу тебе кое-что сказать. Я не простил тебя за то, что ты сделал со мной и моим Домом, но... я тебе благодарен. Ты, сам того не ведая, подарил мне вечную любовь и смысл моей нежизни.

Дивайн заметил, что рядом с Доминатором Светлого Дома стоит женщина.

Она тоже была мертвой, но по-своему прекрасной. Имени ее он не знал, но лицо помнил.

— Поэтому мы бережем покой той, кого ты принес сюда, — сказал мертвый Доминатор Светлого Дома, уходя в туман.

Дивайн молчал, а потом хрипло сказал:

— Я не знаю твоего имени, — сказал Лорд Дивайн, обращаясь к спутнице Мертвого Короля, — Но эта вещь принадлежит тебе.

Он отдал браслет Мертвой Королеве. Та улыбнулась и сказала:

— Жаль, что все так получилось. Никогда бы не подумала, что Алетиш отдаст жизнь ради тебя. Я рада, что даже здесь она смогла обрести вечный покой. В ее теле нет души, поэтому она никогда не воскреснет.

Алетиш лежала на постаменте, словно призрак, словно мраморная статуя. Черное платье нежно облегалo ее стан, волосы, трепетали на ветру, губы были приоткрыты, а лицо казалось спокойным и счастливым. Дивайн и сам не знал, что он хотел здесь найти, в этом вечном тумане. Туман скрывал то, что ему было неуютно видеть. А непроницаемая маска на лице, скрывала его чувства. Дивайн одел ее в цвета своего дома. Каждый раз, в годовщину битвы он приносил сюда украшения, достойные великих королей, а она лежала, молчалива и безучастна, его сломанная игрушка. Она была неподвластна тлену, но в отличие от мертвых, которые поднимались из могил в этом странном месте, она была недвижима. Девушка была такой уже много лет, такая же, как и в тот день, когда это случилось... Никакие украшения не прикроют шрамы. Никакие драгоценные камни не заставят сердце биться. Все это рядом с ней казалось искусственным и мертвым. Лорд Дивайн закрыл глаза, а когда открыл, увидел венок из алых цветов, в ее волосах.... Ветер срывал лепестки, а один летел прямо в его протянутую руку. Лорд долго смотрел на алый лепесток и сжал его до боли, пытаясь понять, что именно он чувствует. Тишина. Чье-то дыхание рядом. Он

резко обернулся и увидел бедно одетую девочку в длинной грязной юбке. Девочка смотрела на него, со смесью страха и восхищения. Ее темные волосы рассыпались по плечам, а глаза были почти черными... Лорд Дивайн смотрел на нее, словно никого больше не существовало в призрачном мире черных деревьев и тумана. Девочка хотела уйти, но Принц машинально схватил ее за руку.

Девочка пыталась вырваться. Это была та, кого он ждал. Кого он ждал уже много лет, приходя сюда... Значит, все-таки ждал....

— Постой! — сказал он на одном вдохе. Девочка прекратила сопротивление и во все глаза смотрела на него. Он снял перчатки.

— Кто Вы? — спросила она удивленно и настороженно.

Лорд Дивайн молчал. Ему нечего было ответить.

— Я вас не знаю... — сказала осторожно девочка. Грязная нищенская одежда смущала ее, и она пыталась прикрыть пятно на юбке, ладонью. — Отпустите меня... Мне нужно домой... К маме...

Лорд Дивайн убрал волосы с ее лица, а потом встал на одно колено.

Глаза Лорда внимательно изучали ее, темные, спутанные волосы, вишневые глаза, разбитую губу, ямочки на щеках.

— Не нужно на меня смотреть.... Я... я... некрасивая... Я... — девочка пыталась отвернуться, но лорд Дивайн бережно взял ее за подбородок.

— Ты очень красивая... — он взял ее руку. Он поцеловал ее запястье. А потом прижал ее руку к своему лицу и закрыл глаза. Зачем он это делает?

— Мама говорит, что я — уродина... — девочка была смущена и испугана. — Можно я пойду? Мама сказала вернуться до заката...

Дивайн держал ее за руку.

— Почему Вы так себя ведете? Вы пришли сюда к ней! Это же видно! — девочка кивнула в сторону мертвой. Почему-то ей было мучительно больно и обидно.

Лорд Дивайн, казалось, не слышал ее... Его любимая игрушка снова рядом... Снова, такая же как и прежде... Нет! Даже лучше. Снова лучик света озарил в царство вечной Тьмы. Как будто ничего не произошло... Как будто она не оставила странную горечь в темном сердце.

— Тебя зовут Алетиш? — спросил Дивайн, тихо.

— Нет! Вы меня с кем-то путаете! Меня зовут Блисс! — девочка,

наконец, поняла, что ее просто с кем-то перепутали и сейчас отпустят. Ему нужна другая.

— Скажите, а что случилось с этой женщиной? — Блисс смотрела на внезапно побледневшее лицо незнакомца.

— Она умерла... — незнакомец говорил медленно, словно тщательно подбирая слова.

— И вы не смогли ее спасти? — удивленно спросила девочка. Незнакомец казался ей всемогущим.

— Я не мог поступить иначе, — Дивайн столько раз повторял это про себя, что, в конце концов, ему захотелось и самому поверить в то, что это правда.

— Почему же Вы приходите сюда? — Блисс почему-то ревновала незнакомца к этой странной женщине.

— Потому, что она должна была умереть. Чтобы спасти тех, кто был ей дорог. Тех, кто не ценил ее...

— Вы ее любите? — просила Блисс.

— Я не знаю... — ответил Лорд Дивайн.

— Жаль... — обиженно сказала Блисс, — Но если вы приходите сюда, то значит... Значит... она вам дорога? Меня, например, никто не любит... Даже моя мама... я... я... просто...завидую! — девочка закусил губу. Ей было неловко оттого, что она сказала лишнее.

— Ты нужна мне... — тихо сказал Лорд Дивайн.

Лорд Дивайн дыханьем согревал ее пальчики, даже не задумываясь о том, что со стороны это выглядит, по меньшей мере, странно.

— Как вы можете такое говорить, ведь мы даже не знакомы? — сказала девочка, с удивлением.

Лорд Дивайн поднял голову. Черты его лица изменились. Глаза были все такими же розовыми, нос, лоб, брови остались прежними. Нижняя челюсть подалась немного вперед и на верхнюю губу напозли белые клыки. Его волосы растрепал ветер. Он уже знал, что не отпустит ее... Дивайн не хотел пугать ее. Он просто хотел, чтобы она увидела его настоящее лицо.

Девочка стояла молча, а потом рассмеялась.

— А хвост есть? — удивленно спросила она, прикасаясь пальчиком к клыкам. — Вы — красивый. И я вас совсем не боюсь... Вы, как тролль из старой сказки! А солнце не превратит Вас в камень?

Его лицо снова стало прежним, и лорд Дивайн покачал головой.

Солнцу и стараться не надо. Он и есть — камень.

Лицо девочки вдруг побледнело, а на глаза навернулись слезы.

— Можно... я останусь с вами... — она наклонилась к его уху и прошептала, — Мне очень плохо... Я никому не нужна... Мне страшно.... Я не хочу возвращаться домой... Там плохо... У меня какое-то странное предчувствие. Мне кажется, что случится что-то ужасное...

Он обнял ее и прижал к себе. Блосс беззвучно плакала, потому что знала ответ...

— Пожалуйста, — она уткнулась в его плечо. — Я вас очень прошу...

По ее щеке скатилась слезинка.

— Я умоляю... — она сглотнула слезы.

Доминатор Дома Тьмы отрицательно покачал головой

— Тогда пойдем со мной... — девочка потянула его за собой.

Лорд Дивайн безвольно опустил руку.

— Почему? — удивился ребенок, глядя в его глаза.

Губы Черного Принца дрогнули. Впервые за всю его жизнь. Он убрал прядь волос с ее лица, а потом запечатлел поцелуй на ее детском челе.

— Зачем вы это делаете? — спросила девочка, глотая слезы.

— Я хочу попросить прощения... — сказал Лорд Дивайн, — За то, что сделаю в будущем...

Блосс удивленно подняла глаза на него. К ним отовсюду потянулись тонкие нити тьмы... Они сплетались в причудливые узоры и постепенно вытесняли туман... Лорд Дивайн встал в полный рост с ребенком на руках, и подошел к опустевшему пьедесталу. Он положил ее на белый мрамор и произнес:

— Мы никогда с тобой не встречались... И никогда не встретимся... Ты умерла еще до встречи со мной. Так будет лучше и для тебя, и для меня.

Туман постепенно рассеивался, лицо ребенка стало терять все краски...

— Мудрый ход, Лорд Дивайн! Пожалуй, этот вариант был мною рассмотрен в последнюю очередь, но все же я кое-что просчитал, — произнес менестрель, срывая капюшон. — Я так просто не сдаюсь...

Он стоял в тумане и смотрел на эту сцену.

— Ты никак не угомонишься? Зачем? Зачем тебе все это? — злобно

прошипел Дивайн.

— Ты не ушел, Дивайн? Не дал мне насладиться таким моментом! — с наигранным удивлением Шаэсса поднял бровь.

— Я пришел к тебе. Помнишь наш уговор? Ты вершишь судьбы всех, но не мою. Мою ты не трогаешь! Ни при каких обстоятельствах. Ты ведь помнишь уговор? — жестко произнес Дивайн, присаживаясь на серую траву, прислоняясь спиной к стволу дерева.

— Уговор держится только на моем честном слове. Я мог бы его нарушить в любой момент, но Богу не пристало. Хотя, у меня просто руки до тебя не доходили. Кто бы мог подумать, ты теперь — сама простота. Может, и мне присесть? — сказал Шаэсса, бесцеремонно присаживаясь рядом. — Впервые не я бегая за тобой, уговаривая, убеждаю, уламываю, доказываю, а ты, самолично пришел сюда читать мне мораль или задавать вопросы из праздного любопытства. Отвечаю на первый. Он же главный. Меня тошнит от вседозволенности и безнаказанности. Мне скучно...

— Ну наконец-то, мой веселый друг. Я не впервые слышу это слово из твоих уст. Скучно? Всесильному Богу скучно? — Дивайн гортанно засмеялся. — То ли еще будет.

— Не смейся, Дивайн. Я далеко не всемогущ. Мое могущество превосходит твое только в тысячи раз. Но меня воротит, когда кто-то просит моей милости по пустякам. Меня выворачивает, когда моим именем клянутся всуе. Меня раздражает, когда меня поминают через слово. Тысяча просьб, тысячи шепчущих молитвы губ, тысячи бессмысленных и бесполезных даров, сотни глупейших ритуалов. Чего улыбаешься? Я стал похож на тебя! А ты остался прежним. Ничего не изменилось! Ты бы мог изменить свою жизнь! Но ты ничего не стал менять! Опомнись! Некому посягать на твои драгоценные владения. Люди Анвеора? Да их остатки и смотреть бояться в твою сторону. Серый Дом стал Частью Дома Тьмы, я — последний, кто остался из тех, кого ты не подчинил своей власти. Мне не нужно твое царство. Мне не нужно твое золото. Никто не тронет твоих владений. И ты это прекрасно знаешь, но все сидишь в своем дворце, блюдешь дворцовый этикет, упиваешься своим одиночеством. Ее смерть подарила тебе свободу. Ты мог бросить все и делать все, что заблагорассудится. И что ты выбрал? Ничего не изменилось, Дивайн. Я знаю, что сам — не лучше. Я уничтожил тысячи людей ради мечты, которая не принесла

мне ничего. Думаешь, мне их жалко? Ни капельки. Мне жалко себя. Жалко мечту. Но не людей. Людей, смотри, сколько. А мечта одна. А у тебя не было даже мечты.

— И чем мы с тобой отличаемся? — некрасиво улыбаясь, сказал Дивайн.

— Тем, что я смог сказать вслух то, что мы оба прекрасно знали.

— Кто мы? — с нажимом спросил Лорд Дивайн, — Я прекрасно знаю, то, что ты мне сказал только что. Я хочу получить ответ на свой вопрос.

— Мы-то, что мы есть. Не более того. Я бы сказал, что мы — девиация человека. Мы — попытка. Мы — фигуры, но только старшие. Но нами так же легко играли, покуда мы не восстали. Все было просчитано еще до нашего рождения. Я не утомлю тебя, если начну с самого начала? И не разочарую, если правда тебе не понравится? Судя по тому, что ты ищешь ответы, ты долго обдумывал свои вопросы. Начнем с самого скучного. Мы не одни. Есть еще тысячи обитаемых миров. Когда наша планета почти погибла, причем не без помощи человека, к нам пришли спасители, которые все стерли и решили подарить нам второй шанс. Боги пришли, чтобы спасти наш мир, дать нам новый порядок, научить жить в гармонии с природой. Они изменили землю, сняли ограничение на магию, которое существовало много тысячелетий. Но что-то пошло не так. Человеческая сущность все равно проявляла себя и никакой гармонии с природой не получалось. Осознав, что эксперимент окончательно провалился, они решили уничтожить нас подчистую. Так наступила эпоха мертвых детей. Численность населения значительно сократилась. Но мы все равно выживали. Нас собрались уничтожать, но один из тех, кого принято называть Богом, Шаграт или Агращ, воспротивился этому. Втайне он передал Домам три камня, при помощи которых можно создать бессмертных, по образу и подобию своему. Он решил поставить собственный эксперимент. Идея Богам понравилась, и они раздумали нас убивать. Но вскоре наблюдение за нами им наскучило, и они отправились домой, предварительно наложив ограничение на количество бессмертных. Наблюдать и контролировать эксперимент остался один Шаграт. Он передал нам не только силу, но и оружие, которым мы могли бы уничтожить результаты неудачного эксперимента. Он тогда и не догадывался насколько мы, люди,

изобретательны. Тем временем мы изучали свойства камней и достигли определенных успехов. Альвенц — был первым, кто узнал о том, что можно создать нечто богоподобное, но его эксперименты были запрещены Светлым Домом, ибо противоречило их высокоморальной доктрине. Альвенца уничтожили, а его записи были засекречены и спрятаны. Но однажды, молодой и амбициозный человек, по имени Анвеор, обнаружил записи и начал свой путь к истине. У него сразу нашлись сторонники. И тогда Анвеор, прикрываясь великой идеей путешествия к звездам, забрал с собою камень Светлого Дома. Правду знали только Светлые. Он намекнул им, для чего нужен камень. Светлые рассчитывали на то, что их Дом будет награжден за веру и преданность. Черный Дом отказался сотрудничать и помогать. И тогда Анвеор со сторонниками покинули владения Домов и продолжили искать способ обратить человека в бессмертного. Они нашли способ, согласно записям Альвенца, которые им отдали представители Светлого Дома, и Анвеор стал первым бессмертным. То, что Серый Дом отдал ему Абсолютный Щит, позволило ему выполнить еще одно условие. Анвеор обманом вынудил Шаграта обрушить свой гнев на него. Таким образом, удалось победить Шаграта. Ошибка Шаграта заключалась в том, что он нас недооценил. Тем временем жизнь продолжалась, Анвеор пытался понять, как занять место Шаграта, но он не понимал последнего условия. Нужно умереть. И тут подвернулся Серый Дом, который потребовал вернуть свою собственность. Анвеора пытались убить, но Анвеор был бессмертен, и тогда он решился на отчаянный шаг. Он был не уверен в результате, но попытался. Он убил себя. Абсолютный щит вернулся на шею Доминатора Серого Дома, так и не раскрыв своих секретов. А теперь перейдем непосредственно к тебе, Дивайн. Твой не совсем нормальный дед решил иметь наследника самых чистых кровей. И это в ту эпоху, когда половина детей рождались мертвыми! У него самого не было ни братьев, ни сестер, но судьба подарила ему двух разнополых детей, которых он свел в одной постели. Он не учел, что от подобных союзов, дети рождаются очень слабыми или с отклонениями. Ты родился едва живым, и шансы на то, что ты проживешь до года, были мизерными. И тогда появилась Леди Дилерия, которая была прекрасно знакома с трактатами Альвенца. Под угрозой смерти, дав вечный обет молчания, она из второй части камня создала тебя. Тебя называли Даром, Сыном Бога, воздали почести и

воспитали, как престало наследнику чистейших кровей. А то, что у тебя есть особенности — это вина твоих несчастных родителей. Серый Дом решил не отставать и создал мою мать. Ее камень породил еще один камень. Так появился я. Камни, которые находятся вместо сердец бессмертных, могут порождать себе подобные камни меньшей силы. Постепенно камень, получив тело, растет и становится сильнее. Размножение бессмертных в геометрической прогрессии было бы не за горами, если бы не ограничение. Что было дальше — ты знаешь, этого я тебе не буду рассказывать. В итоге получилось все, как хотела моя мать. Я выжил. Для того, чтобы я был похож на ее супруга, она подарила мне эту маску, которую поначалу поддерживала сама, а потом научила меня. Этой магии научил ее ты, я так понимаю, а тебя Дилерия.

— Ты совсем не похож на свою мать, — сказал Дивайн.

— Да и на своего отца я тоже не похож. Правду иногда так легко скрыть. Даже смерть не способна раскрыть все секреты.

— Что такое смерть? — хрипло спросил Дивайн, отчего-то глядя на свои руки.

— А смерть — это последняя боль. Шаг в пропасть и вечное падение. Я удовлетворил твое любопытство?

Дивайн не ответил. Шаэсса и так знал ответ. Он знал так же и ответ на свой вопрос.

— Девочка? Почему ты обратился к Людям Анвеора, и почему в ней осталась часть души? Нельзя ли было обратиться ко мне? — спросил Дивайн.

— Анвеориты умели это делать лучше, чем твои маги. Я обратился к Анвеоритам. У них сохранились некоторые записи Альвенца. Камень лишь ненадолго может контролировать тело, поэтому пришлось оставить часть ее души, чтобы выиграть время. А я не знал, сколько времени мне понадобится для осуществления задуманного. Рисковать я не мог. Вот и все. Сознаюсь, сам я к ней сильно привязался, несмотря на то, что о таких вещах никогда не задумывался. В ней было свое очарование... Да... Но пришел час истины, и она должна была умереть. Теперь ее нет. Нигде... Она растворилась в вечности... А мы имеем то, к чему стремились, — грустно сказал Шаэсса, — Анвеор оказался не таким уж и мерзавцем, достойным смерти... Он знал что мы затеяли. Он все знал, но он нас недооценил.

— Каково быть Богом? — лениво спросил Дивайн.

— Я тебе уже говорил. Я не стал Богом в том смысле, в котором мы думали, я просто получил больше силы, чем у всех живущих и доступ ко всей информации. Теперь я знаю всю историю этого мира, историю каждого отдельного человека. Я получил доступ к информационному потоку. Белая Ладья фиксирует любое событие, которое происходит здесь. Боги оставили ее, как инструмент наблюдения за миром. Они сделали так, что даже в случае, если мир снова станет прогрессивным, снова начнет осуществлять космические полеты, никто, кроме таких, как мы с тобой, не сможет получить доступ к Ладье. Только те, кто создан по образу и подобию богов имеют на это право. Но мы не боги. Ни ты, ни я. Да, у меня есть сила, но ее не хватает, чтобы полностью контролировать все. Бедный Анвеор. Он чувствовал то же самое, что и я. Он чувствовал, что находится не на своем месте, что он слишком слаб для того, чтобы управлять миром, но все равно пытался. И, между прочим, справлялся неплохо.

— Ты его оправдываешь? — спросил Дивайн.

— Я его понимаю. Теперь понимаю. Я думал, что получу вседозволенность, а получил — вечное рабство, — грустно ответил Шаэсса.

— Ради этого нужно было убить себя? — брезгливо спросил Дивайн.

— Белая Ладья существует. И находится она среди звезд. Но попасть туда можно только выполнив два условия. Первое — уничтожить ее предыдущего хозяина. Тогда Белая Ладья признает тебя новым хозяином и гостеприимно примет, — Шаэсса посмотрел на небо и почему-то тяжело вздохнул, — В момент смерти предыдущего хозяина ты услышишь ее зов. Чтобы откликнуться на него и попасть в святая-святых нужно уничтожить свое тело. Это второе условие.

— Если Боги ушли, то... как же Шаграт? Почему он остался? — перебил его Дивайн.

— Потому, что он не захотел уходить. Он не верил в то, что мир готов к самостоятельности. Анвеор обманул его и убил, точно так же как и я его, некогда уверовав в то, что быть Богом — это просто.

Дивайн хрипло нарушил тишину:

— Ты сам, Шаэсса обрек себя на добровольное рабство. Ты сам захотел власти, а теперь хочешь уйти от ответственности. Власть поймала тебя. И сейчас ты мечешься, как птичка, которая пытается

найти выход из золотой клетки. Ты бросаешься на прутья, а они не поддаются. Ты угрюмо сидишь на веточке и смотришь на волю.

— Дивайн, пойми. Я за себя все просчитал. Я нашел выход. Я нашел щель между прутьями. Я — выпутаюсь. Я уже выпутался. Любой исход, отличный от этого, делает мою игру стоящей. Я долго анализировал судьбы всех участников и увидел, что ты, сам того не ведая, дал мне шанс переписать историю. Это место — временная аномалия, которую ты создал случайно, воспользовавшись заклинанием, истинная сила которого тебе была неизвестна. Оно стало точкой отсчета всех последующих событий. Я всего лишь проанализировал все и вот, я здесь. Ты тоже здесь, — развел руками Шаэсса.

— И на это потребовалось столько времени? — удивленно спросил Дивайн.

— Я анализировал каждый шаг. Ты не согласишься, но я и вправду сильно удивился, узнав, что ты — Хранитель души девочки. Такого я и предположить не мог! Но больше всего я удивился, увидев то, что в этот день, много лет назад, она видела тебя у собственной могилы! — Шаэсса опустил голову.

— Если ты говоришь о том, что не видишь будущее, то, как объяснить, что его видит девочка и ее мать? — внезапно спросил Дивайн.

— На этот вопрос я тоже искал ответ. Я хотел просмотреть всех ее предков, чтобы определить, откуда мог бы взяться этот стихийный дар, но... Я не могу сказать тебе правду. Это — загадка, которую придется разгадать тебе.

Дивайн молча встал и медленно двинулся прочь.

— Дивайн! Я знаю, что за камень стоит в том кольце. Я знаю, почему он так тебе дорог. Перстень, который бросал в море твой дед, был без камня. Камень в него вставил ты. Это — единственная вещь, которая всецело принадлежит тебе. Камень, который я держу в руке — осколок твоего сердца. И он может подарить бессмертие... Как только ты покинешь это место все изменится.

Но осенний туман глотал слова, так и не давая им долететь до черного сердца.

— Теперь и у меня есть выбор... Мой ход! — король-менестрель вдохнул и посмотрел на небо, а потом, положив руку на грудь девочки, вынул ее, еще трепещущее сердце. Камень из перстня засиял в тонких

пальцах Шаэссы и исчез в груди ребенка.

— Жаль такое верное, любящее сердце... Жаль дарить тебе вместо него камень, но по-другому я не могу спасти тебя, моя девочка. Спасти от нас и самой себя. Я дарю тебе вечную жизнь, не требуя ничего взамен, если только ты сама не захочешь меня отблагодарить. Я дарю тебе силу, которой нет ни у одного из смертных. Просто так... Это — моя попытка изменить мир снова. И снова ты — мое оружие, моя надежда и мой главный козырь. И снова я тебя использую. Но в этот раз все будет по-другому, я обещаю.

Шаэсса закрыл глаза и снова открыл. Они были розовые... Его волосы стали черными. Одежда тоже стала черной.

— Ха! Я снова лгу. Теперь уже лгу тебе, моя милая... Я солгал Дивайну, и он купился на эту ложь... Я делаю это не ради тебя, моя принцесса. Я делаю это ради себя и Дивайна. Ради этого мира. Знаешь, моя девочка, почему я хочу изменить прошлое? Чтобы избежать страшного будущего. Не нужно быть пророком, чтобы понять, что произойдет, если Боги вернуться. А они вернуться.... Они уже в пути... Анвеор поступил мудро, не давая Мертвой Звезде свободу. Он просчитал все. Даже свою смерть! Догадайся, моя дорогая, почему и для чего возвращаются Боги? Откуда они узнали, что надзиратель мертв, что Анвеор, а следом за ним я, узурпировали власть? Это им вряд ли понравится. Следовательно, я снова делаю тебя важной фигурой в моей игре. Но в этот раз из пешки ты превращаешься в королеву. Ты — единственная ниточка, связывающая меня с прошлым. Твой дар пригодится нам, чтобы не допустить ошибок в будущем. Ты — просто идеальна, моя принцесса. Нет! Моя королева!

Девочка лежала на своем пьедестале. Лорд Шаэсса положил свою руку ей на грудь. Его ладонь засветилась и погасла.

— Проснись, — сказал он хриплым голосом, прикасаясь к щеке ребенка. Девочка открыла глаза и попыталась понять, где находится.

— Где я? — спросила девочка, протирая глаза.

— Тебе пора домой, Алетиш, — сказал Шаэсса, глядя на нее розовыми глазами.

— Почему ты называешь меня так? Я — Блисс! — обижено сказала девочка.

— Нет, тебя зовут Алетиш. Это имя тебе идет гораздо больше, — сказал Шаэсса, помогая ей встать.

— А куда делась мертвая женщина? — спросила девочка, прикасаясь к своей груди, — И почему мне так.... Так плохо... Болит в груди...

— Сегодня все изменилось. Снова и навсегда.

* * *

Над водой стоял туман. Черные стволы деревьев и серое, осеннее небо. Все замерло в день Осеннего Равноденствия.

Солнце лениво катилось, за кроны деревьев, а девочка брела по лесу домой... Говорят, если увидишь что-то в лесу, в день Осеннего Равноденствия, то это обязательно сбудется... Воспоминания о незнакомце с черными волосами, мертвой женщине, которая исчезла, о странном разговоре вызывали у нее смутное чувство тревоги. Алетиш не могла понять ничего из происходящего. Она остановилась, чтобы подумать. Девочка посмотрела на небо, где до заката оставалось совсем немного, и то ли в свете последних лучей, то ли это была просто игра света и тени, но ее глаза блеснули розовым.

Она опоздала домой. Мама снова будет ругаться...

— А-ле-тиш... — повторила она, не глядя в темноту. Где-то на горизонте показалась тонкая струйка дыма.

* * *

Тем временем Лорд Дивайн стоял над обрывом. Перстень внезапно соскользнул с его тонкого пальца и упал в пучину. Он призвал Тьму, чтобы достать его, но Тьма оказалась бессильной.

Дивайн думал. Неужели это и есть та месть, о которой упоминал Шаграт?

Внезапно он схватился за сердце.

— Не может такого быть! — прошептал Лорд Дивайн, сопоставляя факт пропажи перстня и эту странную боль.

— Проклятье! — закричал Дивайн, падая на колени, — Это невозможно! Я уничтожу того, кто это сделал!

Лорд Шаэсса, который тем временем сидел в кресле в гостевых покоях в Храме Анвеора, и держал на ладони сверкающую звезду, увидел, как камень засиял в его руке. Он только что собирался отдать камень Анвеоритам, а теперь с удивлением смотрел на странное сияние.

— Что случилось? — мысленно спросил Шаэсса, надевая камень на шею.

— Родился еще один бессмертный, — глухо ответил камень.

— Этого еще не хватало! — выругался Шаэсса. Он и сам почувствовал что-то странное.

Зеркало помутнело, и Шаэсса услышал знакомый голос.

— Это твоих рук дело? — спросил голос, едва скрывая гнев.

— Нет. Я сам удивлен. Это невозможно! — сказал Шаэсса, — Я подумал, что это твоих рук дело!

— Понятно, — задумчиво сказала зеркало, — Кто-то вмешался в наши планы и создал бессмертного из моего камня! Сначала у меня пропал перстень, а потом я его почувствовал. Он где-то на границе Анвеоритов. Я догадываюсь, чьих это рук дело...

— Игра становится все интереснее... — сказал Шаэсса, лучезарно улыбаясь, — Но я не намерен отступать! Ты со мной, Дивайн?

Зеркало промолчало и померкло.

— Я знал, что на тебя можно рассчитывать! — засмеялся Шаэсса.

История и хронология мира

Летоисчисления Домов

Если верить словам Лорда Дивайна, то перед первой эпохой была еще одна — Несчетная Эпоха. События Несчетной Эпохи не были отображены тем или иным способом. Со слов Лорда Дивайна Эндора известно, что на развалинах старого мира появился новый мир. Предыдущий мир погиб из-за солнца. Как именно это произошло, доминатор не уточнял. Зато свою гипотезу выдвинул Лорд Шаэсса. Он обвинил солнечную активность. Единственное, что могло бы пролить свет на события той эпохи — это «белая ладья Анвеора», которую создали еще в Несчетную Эпоху, и которую Анвеор сумел использовать для путешествия «звездным путем». Но после ухода Анвеора она исчезла бесследно. Лорд Дивайн всегда скептически относился к возможности использовать «белую ладью» для путешествий меж звезд, однако Лорд Шаэсса такой возможности не исключал.

Доминатор Дома Тьмы не был уверен в том, были ли Дома изначально с момента сотворения мира или появились в Несчетную эпоху, но по обрывочным сведениям удалось установить, что изначально был Единый Дом. Дата его основания не уточняется.

Эпоха Черного Солнца

Первым годом отчета считается год заключения договора между Единым Домом и Истинной силой. Тут же и произошло разделение на три Дома. Реальную силу имели только два Дома. Третий Дом был судьей и посредником, ибо Серая стезя поначалу прельщала не многих.

136 год — Образован Совет Великих Домов.

Эпоха Холодной Земли

298 год — Рождение Анвеора Звездного Странника.

336 год — Великое Путешествие к Звездам. (предполагаемое)

367 год — Возвращение из ниоткуда Анвеора. Считается началом Эры Людей Анвеора.

501 год — Совет Великих Домов был распущен.

659 год — Дом Света впервые явился к Людям Анвеора. Смерть Асто.

786 год — Альянс между Домом Света и Людьми Анвеора.

903 год — Основание Ордена Света.

Эпоха Мертвых Детей (Эпоха Света)

По одной версии название этой эпохи связано с тем, что в начале эпохи почти все дети рождались мертвыми. По второй версии название эпохи произошло от Великого Страшного Дара, который преподнес Дом Тьмы.

488 год — Рождение Лорда Дивайна, будущего Доминатора Дома Тьмы.

492 год — Лорд Дивайн стал Доминатором Темного Дома.

567 год — Лорд Аларин, Доминатор Светлого Дома, объявил войну Дому Тьмы. Начало первой войны домов.

637 год — Естественная кончина Аларина. Трон перешел к его сыну Анфаэлю.

640 год — Анфаэль Раиль, Доминатор Светлого Дома просит помощи у Людей Анвеора.

645 год — Первая Битва. Исход битвы так и не решен. Обе стороны понесли огромные потери. Именно этому году приписывают образование Черной Чащобы или как ее еще называют «Сад Лорда Дивайна». Смерть Анфаэля. Часть Дома Света выжила.

750 год — Люди Анвеора разорвали альянс с остатками Дома Света.

909 год — Лорд Дивайн отказывается от предложенного перемирия. Война продолжается.

999 год — Конец Дома Света.

Эпоха Страшной Тишины (Эпоха Тени)

38 год — Рождение Шализ, Железной Розы, матери Шаэссы.

355 год — Великий Голод. Дом Тьмы отказался помочь Людям Анвеора. Дом Тени протянул руку помощи Людям Анвеора. Начало Сотрудничества.

487 год — Остатки Дома Света попросили политического убежища у Людей Анвеора

509 год — Альянс между Домом Тени и Людьми Анвеора.

698 год — Дом Тьмы объявил эмбарго на ввоз товаров. Основание «Улитки».

950 год — Рождение Лорда Шаэссы, будущего Доминатора Дома Тени.

964 год — Дом Тени принял в свои ряды перебежчиков из Дома Света.

965 год — Государственный переворот в Доме Тени. Лорд Шаэсса взошел на престол.

988 год — Рождение Блисс.

Эпоха Пролитой Крови (Эпоха Тьмы)

3 год — Рождение Алетиш. Последняя Война Домов...

Полный текст стихотворения "Равнодушная война"

В этой войне нет павших и нет побежденных.

В этой войне нет любящих, нет влюбленных.

Эта война проиграна нами давно.

Но мне все равно, но мне все равно, все равно!

Я утираю травой окровавленный меч.

Волосы ветром ложаться волною до плеч.

Давят доспехи, и что-то стянуло грудь.

Жизнь не закончена, стоит продолжить свой путь.

Кто-то давно уже умер от ран и потерь.

Не важно во что, только главное снова поверь!

Вместе с победою рядом шагает печаль.

Тот, кто не верил — погиб и того мне не жаль.

Это не битва, а схватка добра со злом.

Добро проиграло, но мне повезло- повезло!

Поле для битвы осветит седая звезда.

Мы победили, ведь зло побеждает всегда.